

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2024. Том 12, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2024, vol. 12, no. 3

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2024

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2024

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Dimensions, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Регистрация СМИ:	Номер свидетельства: ПИ № ФС 77-87864 Дата регистрации: 22.07.2024
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7, Республика Татарстан, Российская Федерация Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная), (843) 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Dimensions, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Media registration:	Certificate Number: PI No. FS 77-87864 Date of registration: July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), (843) 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нурғалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Нур-Султан, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемил, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (Далонга, США)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акуллы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почкаев Роман Юлианович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редактор английских текстов: **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Байбулатова Лилия Фаритовна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (Dahlonega, USA)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editor: **Stephen Pow**, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Liliya F. Baybulatova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Еманов А.Г. Космополис эпохи премодерна на границе западной и восточной культур: многоязычие и пределы переводимости (на материалах Каффы XIII–XV веков)	492
Бородовская Л.З. Поэма Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» как источник сведений по суфийской ритуальной музыке	512
Маслова С.А. Термин «данщики» в ярлыке хана Менгу-Тимура	529
Теплякова А.Н. Импортные узорные ткани Белореченского могильника в коллекции Государственного Эрмитажа	540
Рева Р.Ю. О ханах Гийас ад-Дине сыне Таштимура и Гийас ад-дине сыне Шадибека	576
Байбулатова Л.Ф. Исторические хроники постзолотоордынских государств: общее и особенное	599
Парунин А.В. Является ли сочинение Утемиша-хаджи прошибанидским?	607
Лапин Н.С. Сибирское и Бухарское ханства в материалах казахско-русских переговоров 1595 года	619
Ляпин Д.А. Рассказ Ремезовской летописи «О древнем пророчестве» в контексте идеологических построений русских книжников	644
Исхаков Р.Р. Служилые тарханы Западного Приуралья в XVI–XVII вв.	654
Абибуллаева Э.Э. Письмо татарского воина своей супруге	668
Duman İ. Jāme‘ al-Hedāyat fī ‘Elm al-Remāyat: a forgotten source from the Ilkhanid period	674
Росчекаев R.Yu. State and law of the Chaghadaï Ulus and early Timurid state as they were seen by foreign contemporaries	686
Beylur S. “Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th centuries”: exploring the interaction across Eurasia	699
Маслюженко Д.Н. Рецензия на книгу: Кузембайулы А., Абиль Е., Алибек Т. Сибирский улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти	709

Хроника

Уалиев Т.А. Международные конференции, посвященные истории чингизидских государств	725
---	-----

CONTENTS

Publications

Emanov A.G. Cosmopolis in the pre-modern epoch on the border of the Western and Eastern cultures: multilingualism and limits of transferability (on Caffa's materials of the 13th–15th centuries)	492
Borodovskaya L.Z. Poem of Abu Bakr Qalandar Rumi "Qalandar-name" as a source of information on Sufi ritual music	512
Maslova S.A. Term "danshiki" in the jarlyk of Khan Mengu-Timur	529
Teplyakova A.N. Imported figured textiles from the Belorechensky burial ground in the collection of the State Hermitage Museum	540
Reva R.Yu. About the khans Giyath ad-Din ibn Tashtimur and Giyath ad-Din ibn Shadibek	576
Baybulatova L.F. Historical chronicles of post-Golden Horde states: general and specific	599
Parunin A.V. Is the work of Utemish-hajji pro-Shibanid?	607
Lapin N.S. Siberian and Bukhara khanates in the materials of the Kazakh-Russian negotiations of 1595	619
Lyapin D.A. The Remezov chronicle's story "On the ancient prophecy" in the context of the ideological constructions of Russian scribes	644
Iskhakov R.R. Serving tarkhans of the Western Cis-Urals in the 16th–17th centuries	654
Abibullaeva E.E. A Letter from a Tatar warrior to his wife	668
Duman Ī. Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat: a forgotten source from the Ilkhanid period	674
Pochekaev R.Yu. State and law of the Chaghadai Ulus and early Timurid state as they were seen by foreign contemporaries	686
Beylur S. "Turks, Tatars, and Russians in the 13th–16th centuries": exploring the interaction across Eurasia	699
Maslyuzhenko D.N. Rec. ad op.: Kuzembayuly A., Abil' E., Alibek T. The Siberian ulus and Kazakhs: Problems of ethnic continuity and historical memory	709

Chronicle

Ualiyev T.A. International conferences dedicated to the history of the Chinggisid states	725
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.492-511>

УДК 94(495)"12/14"

EDN: ACTOCS

КОСМОПОЛИС ЭПОХИ ПРЕМОДЕРНА НА ГРАНИЦЕ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУР: МНОГОЯЗЫЧИЕ И ПРЕДЕЛЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ КАФФЫ XIII–XV ВЕКОВ)

А.Г. Еманов

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

a.g.emanov@utmn.ru

Резюме. Цель: исследовать проблему терминологического определения наиболее выразительных качеств космополиса эпохи преמודерна, где на равных действовали представители западных и восточных конфессий, пользовавшиеся различными письменными и разговорными языками.

Материалы исследования: «Куманский кодекс», составленный в Каффе на рубеже XIII–XIV вв.; выделенный из него массив лексики средневекового урбанизма на трех языках (латинском, персидском и татарском); «Книжица о познании мира» Иоанна Галонифонтского с описанием многоязычия Каффы начала XV в.

Результаты и научная новизна: из «Куманского кодекса» впервые была выделена лексика средневекового урбанизма, она была распределена по четырем семантическим полям: репрезентация космополиса в физической, правовой и социокультурной данности, а также как этической общины. Репрезентация космополиса в физической данности обнаружила неперевоидимость на восточные языки таких латинских терминов, как “*mugus*” и “*vacuum*”, указывавших на значимые атрибуты городского фюзиса – каменные стены и публичные пространства. Репрезентация космополиса в правовой данности выявила невозможность передачи такого понятия, как “*libertas*”, фундаментального признака свободного самоуправлявшегося города; латинский термин “*civitas*”, сообщество граждан, оказался адаптированным в татарском наречии только через согдийский аналог “*känd*”; понятие “*lex*”, закон, было воспринято лишь через еврейское сближение “*torə*”. Репрезентация космополиса в социокультурной данности отразила широкую палитру терминов, обозначавших купцов, торговцев, банкиров, ремесленников, воинов, представителей сферы услуг, образования, индустрии развлечений; большинство из них вошли в татарский язык в качестве заимствований из персидского и арабского лингвистических фондов. Репрезентация космополиса как этической общины показала

© Еманов А.Г., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

механизмы переосмысления в монотеистические понятия архаичных мислеобразов предшествующего политеистического сознания; центральное понятие западной культуры “Deus”, Бог, было переосмыслено в самых отдаленных восточных культурах как “Tengri”, как прежде обозначалось верховное божество неба у всех азиатских номадов; универсальные для Запада и Востока представления о четырех первоэлементах мироздания и четырех жизненных соках человеческого организма отразили соотношение мира и человека как макрокосма и микрокосма, реально объединяли в единую этическую общину горожан разного исповедания и языковой принадлежности. В исследовании используются методы когнитологии и ментального картирования. Первый позволяет сконцентрировать познавательные усилия на терминах, понятиях, единицах языка, вербальных кодах, в которых осмыслялся космополис эпохи премодерна. Второй дает возможность визуализировать распределение лексических триад по степени позитивности / негативности, близости / отдаленности трансляции смыслов с латинского языка на восточные*.

Ключевые слова: «Куманский кодекс», Каффа, «Книжица о познании мира», Иоанн Галонифонтский, лексика средневекового урбанизма, репрезентация космополиса, метод когнитологии, ментальное картирование

Для цитирования: Еманов А.Г. Космополис эпохи премодерна на границе западной и восточной культур: многоязычие и пределы переводимости (на материалах Каффы XIII–XV веков) // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 492–511. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.492-511> EDN: ACTOCS

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта, финансируемого Российским научным фондом (грант РНФ № 23-28-01592)

COSMOPOLIS IN THE PRE-MODERN EPOCH ON THE BORDER OF THE WESTERN AND EASTERN CULTURES: MULTILINGUALISM AND LIMITS OF TRANSFERABILITY (ON CAFFA’S MATERIALS OF THE 13th–15th CENTURIES)

A.G. Emanov

*Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
a.g.emanov@utmn.ru*

Abstract. Objective: To investigate the problem of the terminological precision of the most relevant qualities possessed by cosmopolis in the pre-modern world where the representatives of Western and Eastern faith acted equals in various written and spoken languages. Research materials: The “Codex Cumanicus” composed in Caffa at the turn of the 13th–14th centuries; the lexis of medieval urbanism in three languages (Latin, Persian, and Comanian) selected from it; “Libellus de notitia orbis” of Iohannes de Galonifontibus with a description of multilingual Caffa from the early 15th century. Results and novelty of the research: From the “Codex Cumanicus” was first isolated the lexis of medieval urbanism, dispersed throughout four semantic fields: representation of

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на II Международном Уральском историческом форуме «Город в контексте глобальной и региональной истории: к 300-летию Екатеринбурга» (Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 7–9 сентября 2023 г.).

cosmopolis in the physicality, legally, the sociocultural data, and the ethical community. The representation of cosmopolis in the physicality found untranslatability to eastern languages such Latin terms as “*murus*”, and “*vacuum*”, calling attention to essential attributes of urban physis – stone walls, and public places. The representation of cosmopolis in the legally data proved the failure to communicate such thing as a “*libertas*”, the key characteristic of a free city; the Latin term “*civitas*”, a community of citizens, was adapted in Coman language only through Sogdian analogy of “*känd*”. The concept “*lex*”, law, was perceived only through the Jewish approach of “*torā*”. The representation of cosmopolis in the sociocultural data did reflect the richness of terms which represented the merchants, traders, bankers, artisans, warriors, and those in the service, education, and entertainment industries; most of them entered the language as a borrowings from Persian and Arabic. The representation of cosmopolis as ethical community explained the rethinking any archaic thought forms of the earlier polytheistic mind moving toward the monotheistic idea; the central concept of Western culture “*Deus*”, God, was reinterpreted in the most distant Eastern cultures as “*Tengri*” like the designation used earlier for the supreme sky deity of all Asian nomads; the universal theories for both West and East about the four elements and four bodily fluids reflected the relation between the world and man, as macrocosm and microcosm, really integrated citizens of different faiths and languages into the ethical community. This research uses the cognitive science and mental mapping methods. The first allows one to inquire on the terms, ideas, linguistic units, verbal codes in which was treated the cosmopolis in the pre-modern world. The second makes it possible to visualize a distribution of lexical triads according to the degree of positivity / negativity, nearness / distance in transmitting meanings from Latin in Eastern**.

Keywords: “*Codex Cumanicus*”, Caffa, “*Libellus de notitia orbis*”, Iohannes de Galonifontibus, lexis of medieval urbanism, representation of the cosmopolis, cognitive science method, mental mapping

For citation: Emanov A.G. Cosmopolis in the pre-modern epoch on the border of the Western and Eastern cultures: multilingualism and limits of transferability (on Caffa’s materials of the 13th–15th centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 492–511. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.492-511> (In Russian)

Financial Support: The study was carried out within the framework of a project financed by the Russian Science Foundation (grant RSF No. 23-28-01592)

В отличие от полисов и цивитас древности, где сообщество горожан и соответственно граждан составляли люди одной и той же этнической, религиозной и языковой принадлежности, средневековый город на границе западной и восточных культур очень часто оказывался космополитичным, где на равных могли сосуществовать представители разных народов, конфессий и языковых групп, едва ли не всего известного тогда мира. В этом плане изучение подобных городов представляет повышенный интерес, поскольку позволяет понять природу современного мегаполиса с его взаимодействием и порой столкновением множества идентичностей глобального универсума. Проблемы идентичности городских сообществ премодеерна, их самовосприятия, репрезентации в самых различных формах живо дискутируются в новейшей

** The article is based on the Report presented at the II International Ural historical Forum “City in the Context of global and regional History: for the 300th Anniversary of Ekaterinburg” (Ekaterinburg, Ural Federal University, 7–9 September 2023).

медиевистике. Получены блестящие результаты по эволюции внешних форм позиционирования города в окружающем мире [9; 11], пространственной [10], политической [26], архитектурной [6], живописной [13] и вербальной [25] репрезентаций города эпохи премодерна. Однако в обозначенном проблемном поле явно недостает рефлексии по поводу репрезентации не просто города, а космополиса в урбанистической лексике, да еще на разных языках. Поэтому целью предлагаемого исследования становится выявление свойственной средневековью универсальной парадигмы космополиса, где искусственный порядок «человеческого» мира находился в гармонии с естественным порядком «природного» мира, чего явно недостает современности. Ближайшими задачами выступают определение репрезентации космополиса в физической, правовой, социокультурной и этической данностях.

Как раз случай Каффы XIII–XV вв. предоставляет такую феноменальную возможность. Там на площади 120 гектаров [1, с. 202] трансформировались в единое городское сообщество пять протогородских субъектов: греческий пиргос, Айоц Берд (армянская крепость), Кале-и ягудиан (еврейская крепость), Кипчак-хисар (татарская крепость) и Френк-хисар (генуэзский каструм) [1, с. 218–256]. В общий поток городской жизни слились семь конфессий: греческая, армянская, сирийская, исламская, иудейская, караимская и латинская (Рис. 1) со своими иерархами, простиравшими каноническую юрисдикцию порой на весьма обширную территорию [1, с. 511–523], едва ли не всю Газарию, как в византийских и латинских официальных документах того времени обозначался весь татарский мир [1, с. 30].

В Каффе на равных осуществлялась нотариальная деятельность на греческом, латинском и арабском языках. Все публичные объявления на главной площади и базарах нижнего города делались на татарском, греческом и латинском наречиях. В городском суде действовали официальные переводчики, осуществлявшие перевод на латинский с греческого, армянского и различных восточных языков. Клятвы тяжущихся в суде по обычаям греков, армян, сирийцев, евреев, караимов и татар признавались имевшими равную юридическую силу [1, с. 336–338, 350–352].

Иоанн Галонифонтский (ок. 1350–ок. 1423), доминиканский миссионер, архиепископ Султании, полиглот, посол Тимура к европейским государям, участник Пизанского собора 1408 г., назначенный митрополитом Ханбалыкским (1410), не раз посещал Каффу; именно там он получил назначение на последнюю должность, вероятнее всего, там и завершил свой жизненный путь, не доехав до Китая. Он оставил «Книжицу о познании мира», которая сохранилась в одном-единственном экземпляре в Университетской библиотеке Граца (Hs 1221) [20, fol.41r-127r]. В ней среди описаний многочисленных народов и городов Восточной Европы, Северной Африки и Западной Азии отыскивается весьма любопытное описание Каффы. Иоанн характеризовал этот крымский город как прославленный на весь мир, весьма многолюдный и отличавшийся редкой полиглоссией. Однажды, находясь на городском базаре, он насчитал среди каффских продавцов и покупателей носителей 35 восточных языков [20, fol. 69r; 23, p. 107].

Можно попытаться реконструировать состав восточных этноязыковых групп города. В первую очередь, к ним относились представители восточно-христианских конфессий, различавшиеся по языку, литургии, одеждам и обычаям¹. Среди них были выходцы из Северной Африки, Малой Азии, Балкан, Восточной Европы и Кавказа.

¹ 1. ромеи (греки), представители единственной, но весьма многочисленной греческой языковой группы, опиравшиеся на «Септуагинту», греческий перевод «Библии» в редакции Лукиана Антиохийского, находившиеся в конфессиональном подчинении Константинопольского патриархата;

2. маваринату (марониты / финикийцы), использовавшие сиро-арамейский язык и «Арабскую Вульгату»;

3. малакиум (мелькиты / сирийцы), придерживавшиеся сирийского и греческого языков;

4. иуакиба (яковиты / сирийцы), основывавшиеся на сирийском и арабском наречиях;

5. насатира (несторианцы / сирийцы), признававшие в качестве сакрального языка – старо-сирийский и «Пешитту», свою собственную «Библию»;

6. цагы (хай-хорома / армяне-халкедониты), перешедшие на греческую литургию, но сохранившие армянский язык;

7. хай (армяне-григориане), дорожившие старо-армянской письменностью, грабаром, и «Астрвой», армянским «Священным Писанием»;

8. ахтарма (армяне / униторы), придерживавшиеся латинского церковного обычая, но оставшиеся верными армянскому языку и письму;

9. эрменилер (армяно-кипчаки), потомки смешанных армяно-кипчакских браков, воспринявшие кипчакский язык, кодифицировавшие его с помощью армянского алфавита, но оставшиеся в лоне армянского православия;

10. ниремихими (кубг, акбат / копты), выходцы из Египта, сохранявшие коптский язык в богослужении, но в повседневной жизни перешедшие на арабский;

11. адыгэ (адыги / черкесы), принадлежавшие к абхазо-адыгской языковой группе, избравшие греческое христианское вероисповедание;

12. ирон (аланы, ясы, осы / осетины), относившиеся к западной ветви иранской языковой группы, принявшие греческое христианство;

13. кавказские албанцы, средневековое самоназвание каковых не сохранилось, составлявшие лезгинскую ветвь нахско-дагестанской языковой группы, создавшие свой алфавит, придерживавшиеся греческого ритуала богослужения;

14. зихи (джики, ал-азкаш / абхазцы), входившие в абхазо-адыгскую языковую группу, учредившие Зихскую епархию Константинопольского патриархата;

15. картвели (грузины), составившие ядро картвельской группы кавказской языковой семьи, изобретшие алфавиты асомтаврули из заглавных букв и мусхури из строчных буквенных знаков и создавшие автокефальную Грузинскую православную церковь;

16. лазы (ганы, заны / мегрелы), образовавшие мегрело-занскую (колхидскую) ветвь картвельской языковой группы, следовавшие византийскому канону;

17. русь (русские люди / русские), сложившиеся в результате ассимилятивно-диссимилятивных процессов среди северных германцев (скандинавов), балтийских, финно-угорских народов и восточных славян, сформировавшие восточную ветвь славянской языковой группы и пришедшие к созданию автокефальной Русской православной церкви;

18. ромынь (валахи, волохи, влохи, влахи / румыны), появившиеся в ходе смешения местного дакского романизированного населения со славянами, пользовавшиеся валашским языком восточно-романской ветви романской языковой группы

Затем, состав восточных этноязыковых групп Каффы существенно дополняли носители исламской традиции². Среди таковых были переселенцы из

со значительным объемом славизмов, валашской азбукой на основе кириллицы и относившиеся к православной церкви;

19. молдовень (молдаване), жившие в славянской языковой среде, знавшие кириллицу в дипломатической, правовой, экономической и культурной коммуникации, разделявшие убеждения православия;

20. срби (сербы), относившиеся к южной ветви славянской языковой группы, пользовавшиеся кириллицей и пришедшие к образованию автокефальной Сербской православной церкви;

21. крымские готы, причастные к восточной ветви германской языковой группы, долго остававшиеся верными готской письменности, «Библии» Вульфилы, позиционировавшие себя то как православных, то как ариан;

22. болгар (болгары), получившие развитие в ходе смешения тюркских и славянских народов, обретшие собственный болгарский алфавит на основе кириллицы и свою автокефалию – Болгарскую православную церковь [1, с. 211–214; 3, с. 356–380].

² 23. аль-араб (арабы), составлявшие южную ветвь западно-семитской группы афразийской языковой семьи, знавшие свой алфавит, абджад, почитавшие Коран в редакции Зайд ибн Сабита и Сунну;

24. татарлар (татары), формировавшие кипчакскую ветвь тюркской группы алтайской языковой семьи, исповадавшие ислам суннитской формы;

25. кипчак (команы, куманы, куны, половцы / кипчаки), давшие название кипчакской ветви тюркской языковой группы, придерживавшиеся отчасти христианства православного толка, отчасти ислама;

26. фарсы (персы), относившиеся к иранской группе индоевропейской языковой семьи, последователи ислама шиитской формы;

27. тюрлер (турки), принадлежавшие к огузской ветви тюркской языковой группы, к исламу суннитского толка;

28. монгол хэл (монголы), входившие в монгольскую группу алтайской языковой семьи, знакомые с уйгурским алфавитом, частично с буддизмом, частично с исламом;

29. кьумук (кумыки), дополнявшие кипчакскую ветвь тюркской языковой группы, принявшие ислам суннитской формы;

30. ногайлар (ногаи / ногайцы), пополнившие кипчакскую ветвь тюркской языковой группы, державшиеся ислама;

31. болгар (булгары / волжские булгары), давшие особую болгарскую ветвь все той же тюркской языковой группы, рано воспринявшие арабицу и ислам;

32. уйгурлар (токуз огуз, хотон, чантоу / уйгуры), представители карлукско-хорезмийской ветви тюркской языковой группы, еще в раннее средневековье получившие свой алфавит, разделявшие между буддизмом, манихейством и исламом;

33. карачайлыл (карачаевцы), каковых относят к кипчакской ветви тюркской языковой группы, знакомые с арабицей и исламом;

34. нохчий (ичкери / чеченцы), носители языка нахско-дагестанской группы, достаточно рано приобщившиеся к исламу;

35. маарулал (ярусса, таулу, аварцы / дагестанцы), народ нахско-дагестанской языковой группы, открывший свой алфавит, аджам, на основе арабицы, еще в раннее средневековье познавший ислам;

36. тамазит (берберы / ливийцы), мигранты из Северо-Западной Африки, принадлежавшие к берберской ветви берберо-гуанчской группы афразийской языковой семьи, исповадавшие ислам суннитской формы;

Кордовского халифата и Северной Африки, Аравии и Анатолии, Персии и Центральной Азии, Поднепровья и Причерноморья, Поволжья и Прикаспия, Сибири и Дальнего Востока.

Наконец, к восточным же этноязыковым группам Каффы надлежит отнести adeptов различных направлений иудаизма³.

То есть, в реальности «восточных» языков в позднесредневековой Каффе оказывалось даже больше, нежели это заметил Султанийский архиепископ. Кроме этого, в некоторых нарративных источниках из Каффы упоминались «набатеи» и «хазары» [12, р. 314], однако исторической основы для их сохранения в позднее средневековье нет. Скорее всего, подобные псевдоэтнонимы были проявлением «книжной учености» авторов, в реальности, указывавшие соответственно на представителей семитоязычных народов с территории Ближнего Востока и Аравии и представителей тюркоязычных народов из Предкавказья, нижнего Поволжья, Приазовья, Крыма и нижнего Приднепровья.

Нужно сказать, что и выходцев из Западной Европы в Каффе было ничуть не меньше, поскольку Италии, Германии, Испании, Греции, да даже и Франции как единых стран в Средние века не было, и на их территории существовало множество различных государств, отличавшихся по языку и культуре (Рис. 2). В отличие от восточных переселенцев идентификация западноевропейских мигрантов в Каффу довольно основательно рассмотрена почетным профессором Сорбонны Мишелем Баларом [8, р. 236–243] и недавно дополнена доцентом департамента истории Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики Евгением Хвальковым [24, р. 183–203], поэтому на ней нет смысла задерживаться.

По сути, космополис Каффа как в капле воды отражал весь известный тогда мир, где были выходцы из самых западных земель, скажем, из Кордовского халифата и пиренейской Андалузии, и из самых крайних восточных стран, в частности, из Монголии; были переселенцы из далеких северных регионов, к примеру, из Исландии, Шотландии и Скандинавии, и из бескрайних южных пределов, как той же Аравии или Персии.

Весьма интенсивное языковое взаимодействие в Каффе документируется разными памятниками. В латиноязычных частнопровольных [7, р. 265, 293, 304, 369] и публично-правовых [28, р. 597–600, 612, 614, 655] актах порой встречаются рядом со словами явно восточного происхождения пояснения по-латински или даже по-староитальянски. У Франческо Пеголотти, флорентийского купца, занимавшего должность гонфалоньера справедливости во Флорентийской республике, возглавлявшего дипломатические миссии к государям Запада и Востока, в его знаменитой «Книге о различии стран» при-

37. бейдан (мавры / пиренейские берберы), переселенцы из Кордовского халифата, приверженцы арабского языка, арабской письменности, абджада, суннитского ислама [1, с. 518–520].

³ 38. бнэй Исраэль (срель балалар, чуфутлар / евреи), представители восточно-семитской ветви семито-хамитской группы афразийской языковой семьи, чтившие «Талмуд»;

39. караи (караилар / караимы), почитавшие в качестве сакрального языка древний иврит, «Тору», еврейскую «Библию», но пользовавшиеся в повседневном общении как еврейским, так и тюркским языками [1, с. 520–523].

водились целые ряды терминов, обозначающих одно и то же явление на разных языках средиземноморского мира [19, p. 15–18]. Есть удивительные лингвистические пособия, составленные в Каффе, как одна рукопись из армянского монастыря этого города, где приводились более двух десятков алфавитов самых разных народов Европы, Азии и Африки [1, с. 68–69]. Отыскиваются усеченные копии этой рукописи, например, в Баварской государственной библиотеке (Cod. Lat. 8950) [5, fol. 79r-80v].

Но, пожалуй, самым репрезентативным для задач исследования форм городской жизни является небезызвестный «Куманский кодекс», трехязычный латинско-персидско-татарский словарь [15]. Сегодня нет сомнений в том, что он был составлен на рубеже XIII–XIV вв. во францисканском монастыре Каффы [16, p. 30–33]. Только там были достаточные интеллектуальные силы для подобной переводческой деятельности; там действовали два францисканских монастыря (Сан Франческо и Санта Мария), существовала лингвистическая школа, где обучали восточным языкам, там занимались переводами «Библии» на татарский язык [1, с. 535–536]. Наконец, заказчик несохранившегося оригинала генуэзец Антонио Финале реально мог находиться в Каффе среди нескольких представителей его рода [7, p. 268–269 etc.]. Рукопись сохранилась в одном экземпляре в Национальной библиотеке Марчана в Венеции (Cod. DXLIX), куда она поступила в качестве дара Франческо Петрарки, любившего собирать экзотические тексты. Это – копия 1330 г., где воспроизведены и сведения об оригинале с датой 1303 г. и именем Антонио Финале. Кодекс делится на две части: первая содержит указанный трехязычный словарь объемом 1500 слов, фрагменты переводов на татарский язык «Библии», гимнов, молитв; вторая часть включает немецко-татарский словарь в 500 слов, примеры переводов; она датируется 1340-ми гг.

Из латинско-персидско-татарского словаря выделяется массив лексики средневекового урбанизма, каковой может быть распределен по четырем семантическим полям: репрезентация космополиса в физической, правовой и социокультурной данности, а также как этической общины.

Конечно же, заслуживает самого пристального внимания репрезентация космополиса в физической данности (Табл. 1). Исходным понятием здесь выступает латинское “locus” [15, fol. 39v], во множественном числе “loci”, откуда производно вошедшее во все западные языки слово «локализация». Оно обозначает место, часть земли, словно бы открытое, лишенное очертаний пространство. Однако в частноправовых актах конца XIII в. таким словом обозначался ранний город Каффа [7, p. 282, 317, 372, 378]. На самом деле, “locus” достаточно четко был ограничен “licia”, физически отчетливо воспринимавшейся границей; это была не просто линия, или черта, это была сплошная стена, поскольку “licia” оказывалась частоколом из деревянных, заостренных сверху столбов [18, vol. V, col. 100b; 21, vol. VII, col. 1373], вбитых по гребню земляного вала вокруг города. Именно этим качеством “locus” позволял ясно и определенно локализовать поселение как город, огороженное пространство. На персидский язык это слово было переведено как “yaga”, а на татарский как “yer” [15, fol. 39v], что указывало на место, землю, поверхность и даже страну [2, с. 257], подчеркивая бóльшую степень открытости.

Важным индикатором западного города были фортификационные сооружения, демонстрировавшие мощь, а именно – каменные стены, по-латински

“murus” [15, fol. 17v], но таковые были неочевидны для носителей персидского и татарского языков. Напротив, номады видели в них не признак силы, а проявление жалкой слабости и откровенной трусости [4, с. 47]; поэтому такой термин не нашел адекватного перевода. Хотя кочевникам все же были ведомы и крепости (castrum = kala = kalaa), и укрепления (fortifica = cauj cun = berchit), и рвы (fossatus = dula = çugur), и валы (valis = dara = enis) [15, fol. 39v]. Но для них укреплением могли выступать уже поставленные рядом друг с другом повозки вокруг ставки правителя и становища, естественные земляные рвы и валы, глинобитные стены.

Космополис в ту пору мог реализоваться только на берегу моря как огромный порт, обладавший развитой инфраструктурой, молами, защищавшими суда на якорной стоянке от волн внешней акватории, пристанями, пирсами, верфями для строительства новых судов, доками для ремонта кораблей и судов, мастерскими для изготовления весел, парусов, такелажа, якорей, навигационных приборов, для копирования морских карт, складами, тавернами, продовольственными лавками, цистернами с пресной водой, гостиными дворами, банями, публичными домами и др. Любопытно, как транслировалось по-персидски и по-татарски латинское слово “portus”, порт, пристань, гавань, убежище моряков, защита кораблей [21, vol. X, col. 59–65]. Перевод был почти одинаков – соответственно “lîmanj” и “lîmen” [15, fol. 20v]. И персидское и татарское слова были заимствованием из греческого языка, где термином “λίμην” обозначались порт, пристань, гавань, убежище и пристанище [27].

Другим показателем развитости западного города были пространства, принадлежавшие всем горожанам, независимо от этнической, языковой и конфессиональной принадлежности. Они обозначались по-латински “vacuum” [15, fol. 28v], то есть публичные пространства, не подлежавшие отчуждению, какому-то частному использованию. Для представителей персидской и татарской культур подобные явления тоже были совершенно не представимы: все земли принадлежали определенным народам, племенам и родам; пустые земли доставались самому сильному народу, посему это слово осталось без перевода на восточные языки. Впрочем, люди Востока все же различали в городе улицы (caminum = ragh = yol), пути (via = ra = yol), мощенные дороги для колесных повозок (carubius = cucia = yol), соединявшие их мосты (pons = pul = çorpu), сложившиеся на их пересечении площади (platea = mahala = makala) и даже городские сады, выразительно называвшиеся по-персидски и по-татарски «бахча» (iardinus = bacça = bacça), и скверы (prato = mogrupar = uax) [15, fol. 39v–40r].

Еще одним признаком самоуправлявшегося западного города были места общего схода горожан, где происходило избрание должностных лиц городского сообщества, признание общегородских статутов. В латиноязычной среде такое место называлось “fogum”. В персидском и татарском городских сообществах это слово было передано как «базар» (= bazar = baxar) [15, fol. 46r], то есть место обмена, торговли, отдаляясь от латинского эталона. Характерно, что персидское по происхождению слово «базар» настолько укоренилось среди

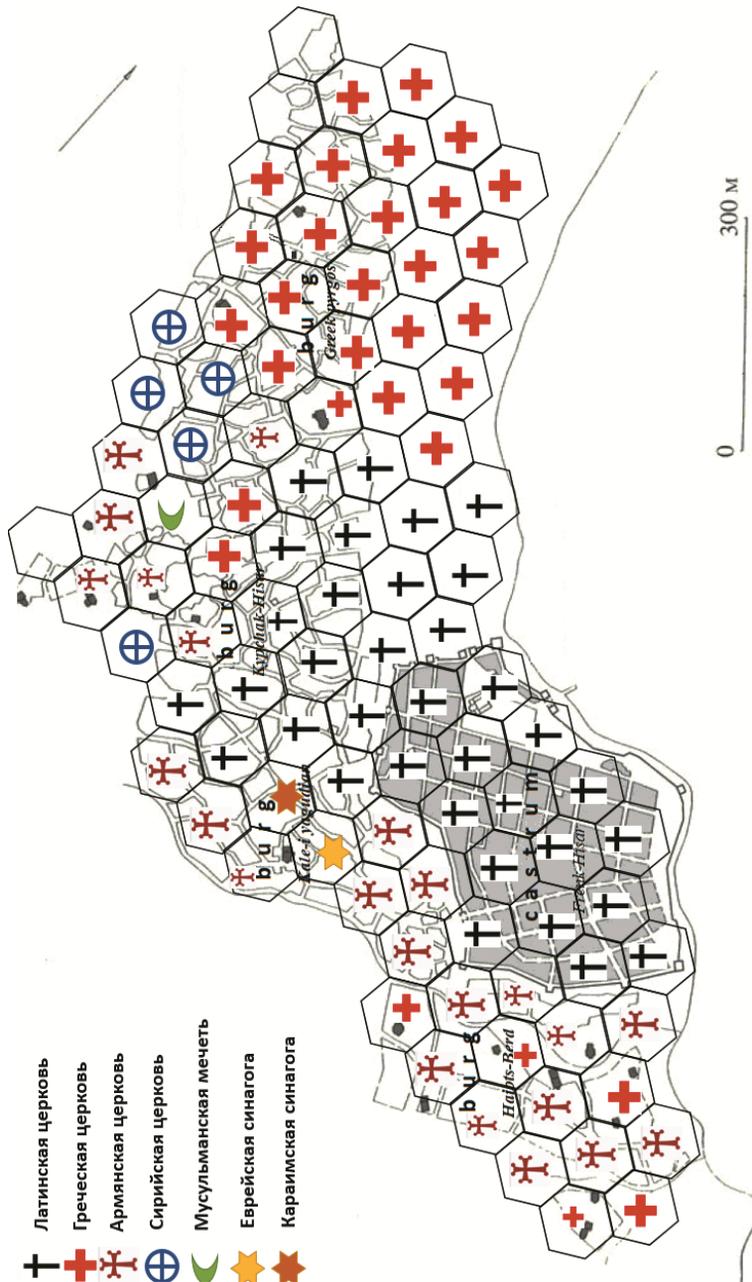

Рис. 1. Конфессионально-лингвистическая топография города Каффы XIV–XV вв.
Реконструкция А.Г. Еманова.

Fig. 1. Confessional-linguistic Topography of Caffa City in the 14th – 15th Centuries.
Reconstruction by A.G. Emanov.

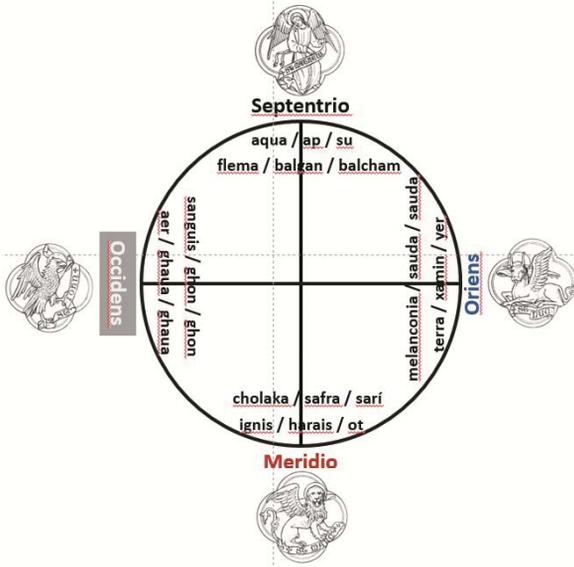

Рис. 2. Ментальная карта доктрины четырех стихий и гуморов (по «Куманскому кодексу»). Реконструкция А.Г. Еманова.
 Fig. 2. Mental Map of the Doctrine of the four Elements and Humors (under “Codex Cumanicus”). Reconstruction by A.G. Emanov.

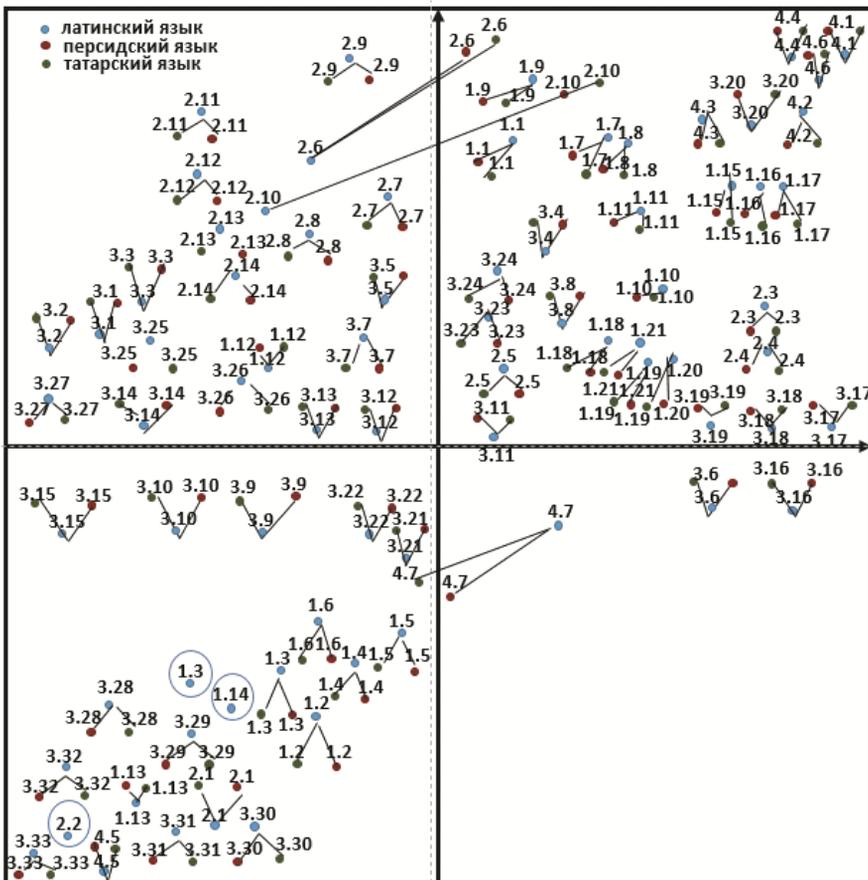

Рис. 3. Ментальная карта соответствия лексических триад средневекового урбанизма (по «Куманскому кодексу»). Реконструкция А.Г. Еманова.
 Fig. 3. Mental Map matching lexical Triads of Medieval Urbanism (under “Codex Cumanicus”). Reconstruction by A.G. Emanov.

проживавших в Каффе генуэзцев, что Пеголотти в 1340-е гг. счел его типично генуэзским, когда приводил термины разных народов для обозначения рынка [19, p. 17].

Для указания на собственно рынок в «Куманском кодексе» было – задействовано другое латинское слово – «меркатум» (mercatum = maamala = satugh) [15, fol. 46r], где прибывшие по морю негоцианты средиземно-морского мира обменивались с купцами, пришедшими с караванами по Великому шелковому пути.

Узнаваемыми атрибутами космополиса как морских врат мира были бани (balneum = garmauoa = yssi su) [15, fol. 5r] всех видов и публичные дома (bordellum = garabat = charabat) [15, fol. 45r], где моряки разных народностей снимали давивший их стресс.

**Табл. 1. Репрезентация космополиса в физической данности
 (по «Куманскому кодексу»)**

**Table 1. Representation of Cosmopolis in the Physicality
 (under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	locus / поселение; город	yaga	yer
2	castrum / крепость	kala	kalaa
3	murus / каменные стены		
4	fortifica / укрепления	cauj cun	berchit
5	fossatus / ров	dula	çugur
6	valis / вал	dara	enis
7	portus / порт	límanj	límen
8	mare / море	dria	tengis
9	forum / форум	bazar	baxar
10	mercatum / рынок	maamala	satugh
11	edificium / строение	amarat	cobarmac
12	balneum / баня	garmauoa	yssi su
13	bordellum / публичный дом	garabat	charabat
14	vacuum / публичное пространство		
15	caminum / улица	ragh	yol
16	via / дорога, путь	ra	yol
17	carubius / дорога	cucia	yol
18	pons / мост	pul	chopru
19	iardinus / сад	bacça	bacça
20	prato / сквер	mogrupar	yax
21	platea / площадь	mahala	makala

Не менее интересные наблюдения дает репрезентация космополиса в правовой данности (Табл. 2). Самое фундаментальное качество западного города, добившегося автономии и суверенитета, – свобода, передаваемое узнаваемым латинским словом “libertas” [15, fol. 17r]. С ним в западной ментальности связаны такие преимущества, как выборность и регулярная сменяемость должностных лиц и судей, аудит и синдикация деятельности чиновников, коллегиальность управления, политическая, законодательная и экономическая суверенность сообщества горожан [21, vol. VII, p. II, p. I, col. 1310–1319]. Но это емкое

понятие не нашло позитивного отклика в сознании людей персидской и татарской языковых культур. Напротив, оно нагружалось негативными коннотациями [4, с. 33] – «свободен» только отщепенец, изгой, нарушивший обычаи своего народа и потому изгнанный и преданный проклятию, лишенный покровительства, опеки и защиты своей родной земли. «Свобода», по представлениям людей Востока, соотносилась с путем не правды, а кривды, она – удел тех, кто сбился с истинного пути, предал традиции предков, впал в девиацию. Не удивительно, что латинское слово со значением «свобода» оказалось без перевода на персидский и татарский.

Другое значимое измерение западного города – гражданская община, передававшееся известным латинским понятием “*civitas*” [15, fol. 39v]. Оно подразумевало открытое сообщество свободных, полноправных и равноправных горожан, к которому мог приобщиться человек любого этнического и конфессионального происхождения, любого социального положения, кто не нарушал норм города, достойно прожил в его пределах год и один день. Этим же термином обозначался и город, достигший наивысшего правового статуса, полной автономии и суверенитета [21, vol. III, col. 1229–1239]. Контексты, связанные с гражданской общиной, оказались чуждыми персидскому и татарскому мышлению. Уловленным остался только городской контекст: по-персидски “*ghachar*”, а по-татарски “*saar vel chent*” [15, fol. 39v]; последнее слово производно от согдийского “*känd*” [2, с. 290], «кенд», указывает не просто на город, а «город-сад», утопавший в рукотворном оазисе, что уводило от правового содержания термина в сторону соприродного существования.

Еще один показатель западноевропейского города – право, достояние всех граждан. Здесь актуализировалось ясное латинское слово “*lex*”, закон, принятый всем сообществом горожан. По-персидски оно было передано как “*dini*”, а по-татарски как “*toura*” [15, fol. 35v]. Последний термин мог быть заимствован из иврита – “*toğə*”, то есть «Тора», сакральный закон, но мог иметь и тюркскую этимологию, от слова “*турэ*” – господин, начальник, руководитель.

Иной маркер европейского города – суд, избиравшийся и регулярно сменявшийся горожанами из своей среды, из числа самых достойных и уважаемых граждан. В латинской терминологии это – “*curia*”. Для передачи на персидском и татарском языках ничего лучшего не нашлось, как привести термины соответственно “*ordu*” и “*orda*” [15, fol. 45v]. На деле, они указывали на ставку, резиденцию, дворец хана [2, с. 370], которому и принадлежало право суда высшей инстанции.

Не избравшимися фигурами в городском судопроизводстве были секретарь суда (*placarius* = *tataul* = *bogaul*), писец (*scriba* = *nuisenda* = *bacsi*) и переводчик (*torcimanus* = *talamaçi* = *telmaç*) [15, fol. 45v], или толмач [2, с. 366], владевший искусством устного синхронного перевода.

Глава города, консул, обозначался у персов «кади», а у татар – «сери» (*consul* = *chadi* = *seri*) [15, fol. 45v]. А вот командующий военно-морскими силами космополиса – адмирал, термин для обозначения которого вошел в западные языки из арабского «амир аль-бахр» [14, р. 164–165], титуловался персами «соровар», а татарами «чибаши» (*armiragius* = *sorouar* = *çe'ibasi*) [15, fol. 45v]. Для Каффы подобная персона была принципиально важна, поскольку

ку этот город был еще талассополитией и талассократией первого уровня в черноморском регионе, располагая флотом в 50 кораблей.

**Табл. 2. Репрезентация космополиса в правовой данности
(по «Куманскому кодексу»)**

**Table 2. Representation of Cosmopolis in the Legally Data
(under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	civitas / сообщество граждан	ghachar	saar / chent
2	libertas / свобода		
3	consilium / совет	paand	chengas
4	concordia / согласие	sazgai	yarasmac
5	paх / мир	isfy	elelic
6	lex / закон	díni	toura
7	consul / консул	chadí	serí
8	dominus / господин	ghoya	bei vel coia
9	armiragiус / адмирал	sorouar	çe’ibasí
10	curia / курия, суд	ordu	orda
11	placeriус / секретарь суда	tataul	bogaul
12	torcimanus / переводчик	talamaçi	telmaç
13	scriba / писец	nuisenda	bacsí
14	censariус / посредник	dalal	talal / miançi

Наибольшей когнитивной плотностью выделяется репрезентация космополиса в социокультурной данности (Табл. 3). Здесь представлены горожане самых разных статусов, профессий, сфер занятости. Ведущую роль в городском сообществе играли купцы, банкиры, торговцы разной специализации, обладавшие наиболее значительной собственностью, накоплениями и, соответственно, влиянием. Несколько ниже размещались ремесленники; из них выделялись кузнецы (*faber = xangar = altunçi*) [15, fol. 42v], изготавливавшие якоря, другие железные детали для военных кораблей и торговых судов; плотники (*magister assie = dugar = cherchí*) [15, fol. 43v], строившие новые и ремонтировавшие старые морские транспортные средства; ткачи (*tesitor = diouachar = iulaghac*) [15, fol. 45r], ткавшие новые и латавшие потрепавшиеся паруса. Заметными были грузчики (*portator = chamal = chamal*) [15, fol. 45r], «камаллы» по-персидски, или «хаммалы» по-татарски, численностью порядка 3 000 человек, селившиеся поблизости от старого и нового портов Каффы [1, с. 380]. В том же ряду находились упаковщики (*ligator = barbanda = baglagan*) и фасовщики (*inpintor = pacas = nacs lagan*) [15, fol. 44v], занимавшиеся в порту упаковкой товаров в надлежащую для транспортировки по морю тару, или, наоборот, их расфасовкой для реализации на каффских рынках и базарах.

Разумеется, были и представители сферы услуг. Это были, в первую очередь, корчмари (*tabernagiус = sarab = siraz*) [15, fol. 44v], держатели корчем, питейных заведений и одновременно постоянных дворов, где ели, пили и ночевали моряки из разных стран Средиземноморья, оказавшись на короткое время в Каффе.

Удивляет присутствие киперов (*catator = serot guenda = urçi*) [15, fol. 45r], ухаживавших за любимыми домашними питомцами состоятельных горожан,

котами и кошками. Предпочтение кошачьих псовым выразительно говорит о восточном колорите городской жизни в Каффе, поскольку левантийцы дорожили котами, тогда как европейцы больше ценили собак.

Довольно-таки много было представителей артистической среды. Среди таковых назывались артисты (*iugularius = mutrub = oinçie mascara*), музыканты (*sonator = mutrub = sobuxçi*), трубачи (*tronbeta = nay = burguç*), шуты (*beffa = tasgar = culmac*) и потешники (*gabon = mascara = eliclamac*) [15, fol. 45r]. В моральном плане все они оценивались довольно сниженно, почему и находились в самом низу городского социума. Но они выполняли важную функцию освобождения от тяжких забот горожан и особенно моряков, постоянно находившихся на грани жизни и смерти.

Ниже лицедеев находились лишь куртизанки (*meretrix = chagba = ersat vel murder*) [15, fol. 45r]. Но и без них была невозможна жизнь космополиса, в обширной гавани которого одновременно находились 200 судов с трех континентов Старого Света с общим количеством моряков более 9 000 [1, с. 425].

**Табл. 3. Репрезентация космополиса в социокультурной данности
(по «Куманскому кодексу»)**

**Table 3. Representation of Cosmopolis in the sociocultural Data
(under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	mercator / купец	baxergan	baxargan
2	bancerius / банкир	saraf	saraf
3	venditor / продавец	fogtar	satugzi
4	speciarius / торговец специями	atar	atar
5	emtor / покупатель	ghriaar	aliçi
6	faber / кузнец	xangar	altunçi
7	magister assie / плотник	dugar	cherchî
8	sartorius / портной	keyat	derxi
9	calegarius / сапожник	muxados	eticçi
10	peliparius / скорняк	tauigar	conçi
11	spatarius / мечник	simeser kar	ceiç ostasi
12	curtelerius / ножовщик	cardcar	biçacçi
13	murator / каменщик	banna	diva ostasi
14	tesitor / ткач	diouachar	iulaghac
15	macellarius / мясник	hasap	casap
16	fornarius / пекарь	napas naoua	etmaçi
17	turnarius / всадник	karat	çgrigzi
18	miles / воин	asouar	atlu chsi
19	archerius / лучник	chamanchar	yacçi
20	magister scolarium / учитель	vsta ychat	bitic ostasi
21	barberius / бравобрей	amadar	sachal yuzi
22	tabernarius / корчмарь	sarab	siraz
23	inpintor / фасовщик	nacas	nacs lagan
24	ligator / упаковщик	barbanda	baglagan
25	portator / грузчик	chamal	chamal
26	ortolanus / садовник	bagican	bacçazi
27	catator / кипер	serot guenda	yçi

28	sonator / музыкант	mutrub	cobuxçı
29	iugularius / артист	mutrub	oinçie mascara
30	beffa / шут	tasgar	culmac
31	gabon / потешник	mascara	eliclamac
32	tronbeta / трубач	nay	burguçä
33	meretrix / куртизанка	chagba	ersat / murdar

Очень важные новые наблюдения позволяет сделать и репрезентация космополиса как этической общины (Табл. 4). Для таковой главным объединяющим началом выступал Бог. По-латински Творец обозначался “Deus”, по-персидски – “Ghoda”, Худá, а по-татарски – “Tengri” [15, fol. 35v]. Последнее понятие связано с традиционными пантеистическими представлениями евразийских кочевников, культом верховного божества неба – Тенгри, не имевшего даже намека на антропоморфию [4, с. 60–61]. Богоматерь в латинской среде отмечалась как “Mater Dey”, в персидской – “Mariam caton”, Мариамкатон, а в татарской – “Marian chatun”, Мариан-хатун. Главный символ христианского вероучения всех направлений – Святой Крест, передавался по-латински “Santus Cruх”, по-персидски и по-татарски – “Ghaç” [15, fol. 35v], Хач, что близко армянскому «Хач», хотя у монголов и тюрков было свое понимание равностороннего креста в круге, символа Тенгри.

**Табл. 4. Репрезентация космополиса как этической общины
 (по «Куманскому кодексу»)**

**Table 4. Representation of Cosmopolis as ethical Community
 (under “Codex Cumanicus”)**

п/н	Латинский	Персидский	Куманский / Татарский
1	Deus / Бог	Ghoda	Tengri
2	Mater Dey / Богоматерь	Mariam caton	Marian chatun
3	Santus Cruх / Святой Крест	Ghaç	Ghaç
4	Paradisus / Рай	Tosak	Vçmac
5	Infernus / Ад	Asman	Tamuc
6	celum / небо	astab	kok
7	presbiter / священник	chasis	hapas
8	aer / воздух	ghaua	ghaua
9	ignis / огонь	harais	ot
10	terra / земля	xamin	yer
11	aqua / вода	ap	su
12	sangius / кровь	ghon	ghon
13	flema / лимфа	balgan	balcham
14	chalaka / желтая желчь	safra	sari
15	melanconia / черная желчь	sauda	sauda

Христианское вероисповедание предусматривало наличие у каждого верующего своего личного духовного наставника, перед каковым подобало регулярно исповедоваться, получать поучения. В латиноязычной культуре это был пресвитер. В тюркском жизнестроении подобный моральный контроль над отдельным лицом был чужд. Поэтому не мог быть подобран соответствующий тюркский эквивалент; единственный выход был найден через

включение в тюркский лексический фонд аналогичного греческого термина “*baras*” [15, fol. 35v; 17, vol. II, col. 1096–1101].

Что касается Рая и Ада, то в этом месте переписчик сбился в строках перевода на восточные языки, и слово «Ад» оказалось в той строке, где персидское и татарское значения соответствовали Раю [15, fol. 35v].

Пожалуй, квинтэссенцией понимания космополиса как этической общины выступает доктрина четырех стихий мироздания и жизненных соков человеческого организма, гуморов, отразившаяся в «Куманском кодексе». Она оказывалась общей для западной и восточных систем мировоззрения, становилась действенной силой для объединения разных народов, языков и конфессий в единое сообщество.

Четыре стихии, четыре первоэлемента мира – воздух (*aer* = *ghaua* = *ghaua*), огонь (*ignis* = *harais* = *ot*), земля (*terra* = *xamin* = *yer*) и вода (*aqua* = *ar* = *su*) [15, fol. 36r]. Они соответствовали четырем сторонам света: Запад, Юг, Восток и Север; отражали последовательную смену сезонов годового цикла: весну, лето, осень и зиму. Они соотносились еще и с христианской истиной, заключенной в четырех евангелиях: от Иоанна, Марка, Луки и Матфея, а значит и с четырьмя их символами – орла, льва, тельца и ангела (Рис. 2). Но самое поразительное, четыре стихии гармонировали с жизненными соками человеческого тела – кровью, желтой желчью, черной желчью и лимфой. А те, в свою очередь, определяли четыре характера человека, четыре его темперамента – сангвиник, холерик, меланхолик и флегматик. Природный универсум приходил в гармонию с человеком, как макрокосм с микрокосмом.

По сути, и совершенный космополис представлял собой упорядоченный человеческой волей микрокосм, отразивший идеальное устройство макрокосма. Как последний делился на три иерархически нисходящие сферы – Рай, земной мир и Ад, так и космополис включал в себя три части с тремя нисходящими ярусами фортификации – верхний, средний и нижний город.

В отличие от Лиллея Кита, профессора исторической географии Белфастского университета, рассматривавшего космополисы западного мира и отмечавшего стигматизацию низших его пространств как населенных чуждыми субэтносами и маргиналами [22, pp. 681–698], Каффа дает совсем другой кейс. И это объясняется тем, что Каффа была таким уникальным городом, где полноправными гражданами являлись не столько латиняне, сколько левантийцы, вследствие чего западные ценности не вызывали увлечения и подражания, подвергались критическому отношению и переосмыслению, где уважались достоинства переселенцев из всех частей тогдашнего света.

В целом, такие качества города, как гражданская община, свобода, право, суд, публичные пространства, возможность их отстаивания силой, уповая на мощь фортификации, воспринимались в западном мышлении в качестве высшего достижения, однако негативно оценивались в восточном сознании как порядки, созданные человеком, склонным к слабостям, своеволию, коррупции; им активно противопоставлялся божественный порядок с присущими ему божественными законами, божьим судом, требованием справедливости.

Не удивительно, что термины “*libertas*” (2.2), “*murus*” (1.3), “*vacuum*” (1.14) в силу их крайне отрицательного осмысления оказались вообще не переведенными на персидский и татарский языки; понятие “*civitas*” (2.1) начисто лишилось своего западного контекста; все эти категории заняли на

ментальной карте третью четверть, соответствующую нечестию и несправедливости (Рис. 3). Лексемы “lex” (2.6) и “curia” (2.10) также оказались в левом поле, соотносившимся с несправедливостью, поскольку они представляли собой учреждения обычных горожан; им противостояло восточное видение закона и суда как посланных свыше божественной волей. Понятие “Deus” (4.1) было освоено в татарском мышлении через уподобление Тенгри, верховному божеству Неба всех кочевых народов Евразии. А вот термин “presbiter” (4.7) не нашел собственно тюркских аналогов, поскольку для тюркской культуры было противоестественным вторжение в частную жизнь кочевника, присутствие некоего надзирателя за моральной жизнью, с помощью разного рода санкций дисциплинировавшего прозелитов новой веры.

Выявленная в «Куманском кодексе» лексика средневекового урбанизма, распределенная по четырем семантическим полям, отразила существование Каффы как космополиса, в котором «социальный» мир выступал зеркальным отражением «природного» мира; в нем физическое, правовое, социокультурное и этическое устройство городского сообщества упорядочивалось в соответствии с законами природы, космоса, универсального божественного миропонимания, выходящего далеко за пределы христианского опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон: выбор судьбы средневековой Каффы/Феодосии. СПб., 2022.
2. Наделяев В.М. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Носилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л., 1969.
3. Пономарев А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги – массарии казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в Средние века. 2000. Вып. IV. С. 317–443.
4. Шарипов Р.Г. Духовная культура древнетюркской цивилизации. Менталитет. Религия. Искусство. Эпос. Уфа, 2015.
5. [Anonimus]. Literae Craecorum, Caldeorum, Latinorum, Egyptiorum, Hebraicorum, Samaritanorum, Tartarorum, Persarum etc. // *Multa de astronomia et theologia: [Manuscriptum / Bayerische Staatliche Bibliothek (Cod. Lat. 8950)]. XV saec. Fol. 79r–80v.*
6. Bailey H. *Architectural Representation in Medieval Textual und Material Culture.* York, 2023.
7. Balard M. *Génes et l’Outre Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290.* Paris; La Haye, 1973.
8. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle).* Rome, 1978.
9. Bolumburu A. *Construir la ciudad en la Edad Media.* Logroño, 2010.
10. Boucheron P. *Entre idéal et materiel. Espace, territoire et legitimation du pouvoir.* Paris, 2018.
11. Bourdin S. *La forme de la ville de l’Antiquité à la Renaissance.* Rennes, 2015.
12. Ceruti A. *Alberto Alfieri. Ogdoas // Atti della Società Ligure di storia Patria.* Genova, 1885. Vol. XVII. P. 253–320.
13. De Vecchie P. *La rappresentazione della città nella pittura italiana.* Milano, 2004.
14. Dozi R.P. *Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l’arabe.* Leiden, 1869.

15. Drimba V. *Codex Cumanicus: Édition diplomatique avec fac-similés*. Bucarest, 2000.
16. Drüll D. *Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung*. Stuttgart, 1980.
17. Du Cange Ch. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Lugduni, 1688. Vol. I–II.
18. Du Cange Ch. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1883–1887. Vol. I–IX.
19. Evans A. Francesco Balducci Pegolotti. *La pratica della mercatura*. Cambridge Mass., 1936.
20. Galonfontibus, Iohannes, de. *Libellus de notitia orbis*: [Manuscriptum / Universitätsbibliothek, Universität Graz (Hs. 1221)]. Soltaniae, 1405. Fol. 41r–127r.
21. Hillen M. *Thesaurus linguae Latinae*. Lipsiae, 1900–2019. Vol. I–XI.
22. Keith D.L. *Mapping Cosmopolis: moral Topographies of the medieval City // Environment and Planning. D: Society and Space*. 2004. Vol. XXII. P. 681–698.
23. Kern A. Iohannes, archiepiscopus Sultaniensis. *Libellus de notitia orbis // Archivum fratrum praedicatorum*. 1938. Vol. VIII. P. 95–123.
24. Khvalkov E. *The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation*. New York; London, 2018.
25. Mostert M. *Uses of the Written Word in Medieval Towns*. Turnhout, 2014.
26. Oberste J. *Repräsentation der mittelalterlichen Stadt*. Regensburg, 2008.
27. Pantella M. *Thesaurus Linguae Graecae*. Irvine, 2014. [Electronic Resource]. Available to: <https://stephanus.tlg.uci.edu/lexica.php> (access date 1.03.2024)
28. Vigna A. *Statutum Caphe // Atti della Società Ligure di storia Patria*. 1879, vol. VII. P. II. P. 575–680.

REFERENCES

1. Emanov A.G. *Heavenly Jerusalem or Babylon: the choice of fate of the medieval Kaffa/Feodosia*. St. Petersburg, 2022. (In Russian)
2. Nadelyaev V.M. *Old Turkic dictionary*. Leningrad, 1969. (In Russian)
3. Ponomarev A.L. Territory and population of Genoese Kaffa according to the accounting book – massaria of the treasury for 1381–1382. *Prichernomor'ye v Sredniye veka*. Iss. 4, 2000, pp. 317–443. (In Russian)
4. Sharipov R.G. *Spiritual culture of the ancient Turkic civilization. Mentality. Religion*. Art. Epos. Ufa, 2015. (In Russian)
5. [Anonimus]. *Literae Craecorum, Caldeorum, Latinorum, Egyptiorum, Hebraicorum, Samaritanorum, Tartarorum, Persarum etc. Multa de astronomia et theologia*: [Manuscriptum / Bayerische Staatliche Bibliothek (Cod. Lat. 8950)]. XV saec. Fol. 79r–80v.
6. Bailey H. *Architectural Representation in Medieval Textual und Material Culture*. York, 2023.
7. Balard M. *Génes et l'Outre Mer*. Vol. 1: *Les actes de Caffà du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290*. Paris: La Haye, 1973.
8. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle)*. Rome, 1978.
9. Bolumburu A. *Construir la ciudad en la Edad Media*. Logroño, 2010.
10. Boucheron P. *Entre idéal et matériel. Espace, territoire et légitimation du pouvoir*. Paris, 2018.
11. Bourdin S. *La forme de la ville de l'Antiquité à la Renaissance*. Rennes, 2015.
12. Ceruti A. Alberto Alfieri. Ogdoas. *Atti della Società Ligure di storia Patria*. Genova, 1885. Vol. 17. P. 253–320.
13. De Vecchie P. *La rappresentazione della città nella pittura italiana*. Milano, 2004.
14. Dozi R.P. *Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe*. Leiden, 1869.
- 15.

- Drimba V. *Codex Cumanicus: Édition diplomatique avec fac-similés*. Bucarest, 2000. 16.
- Drüll D. *Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung*. Stuttgart, 1980.
17. Du Cange Ch. *Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. Lugduni, 1688. Vol. 1–2.
18. Du Cange Ch. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1883–1887. Vol. 1–9.
19. Evans A. *Francesco Balducci Pegolotti. La pratica della mercatura*. Cambridge Mass., 1936.
20. Galonifontibus, Johannes, de. *Libellus de notitia orbis*: [Manuscriptum / Universitätsbibliothek, Universität Graz (Hs. 1221)]. Soltaniae, 1405. Fol. 41r–127r.
21. Hillen M. *Thesaurus linguae Latinae*. Lipsiae, 1900–2019. Vol. 1–11.
22. Keith D.L. *Mapping Cosmopolis: moral Topographies of the medieval City. Environment and Planning. D: Society and Space*. 2004. Vol. 22, pp. 681–698.
23. Kern A. *Johannes, Archiepiscopus Sultaniensis. Libellus de notitia orbis. Archivum fratrum praedicatorum*. 1938, vol. 8, pp. 95–123.
24. Khvalkov E. *The Colonies of Genoa in the Black Sea Region: Evolution and Transformation*. New York; London, 2018.
25. Mostert M. *Uses of the Written Word in Medieval Towns*. Turnhout, 2014.
26. Oberste J. *Repräsentation der mittelalterlichen Stadt*. Regensburg, 2008.
27. Pantella M. *Thesaurus Linguae Graecae*. Irvine, 2014. [Electronic Resource]. Available to: <https://stephanus.tlg.uci.edu/lexica.php> (access data 1.03.2024)
28. Vigna A. *Statutum Caphe. Atti della Società Ligure di storia Patria*. 1879. Vol. 7, pp. 575–680.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Георгиевич Еманов – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики, профессор кафедры истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (625003, ул. Володарского, 6, Тюмень, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-2352-4363, ResearcherID: L-4853-2013, Scopus AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Emanov – Dr. Sci. (History), Professor, Chief Research Fellow of the Laboratory for historical geography and regionalistics, Professor of the Department of history and world politics at the Institute of social sciences and humanities, Tyumen State University (6, Volodarsky Str., Tyumen 625003, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-2352-4363, ResearcherID: L-4853-2013, Scopus AuthorID: 57220932675. E-mail: a.g.emanov@utmn.ru

Поступила в редакцию / Received 4.03.2024

Поступила после рецензирования / Revised 3.06.2024

Принята к публикации / Accepted 1.07.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.512-528>
EDN: AVKGDF

УДК 930.85+281+783

ПОЭМА АБУ БАКРА КАЛАНДАРА РУМИ «КАЛАНДАР-НАМЕ» КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ПО СУФИЙСКОЙ РИТУАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ

Л.З. Бородовская

*Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
lilianotka@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: Статья посвящена анализу текста поэмы Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» на наличие сведений по музыкальной составляющей суфийского зикра – обряду слушания *сама`*, его жанрам, музыкальным инструментам.

Материалы исследования: Сам автор поэмы, являясь практикующим суфийский метод духовного совершенствования, признает дозволенность музыкальных инструментов и пения только в целях достижения божественной истины. По всей поэме рассыпаны свидетельства музыкальных радений дервишей разных тарикатов, даны отсылки к текстам известных суфийских теоретиков и поэтов. Автор показывает суфийскую культуру своего времени, как устоявшееся, широко распространенное по исламскому миру культурное явление, постоянно напоминая слушателю поэмы разные суфийские имена, знакомые образы и факты.

Результаты и научная новизна исследования: В результате исследования раскрыты типичные для того времени музыкальные жанры (кавал, мулемма и илахи) и музыкальные инструменты, которые применялись во время суфийского обряда слушания *сама*. Дается краткая характеристика самого обряда *сама`* и терминологические разъяснения по поводу «сема» и «само». Выявлен малоизученный в отечественной науке музыкальный инструмент – органун или органон, поданный в контексте поэмы совместно с образом бессмертной птицы Кукнус/Феникс. Проведен анализ других источников по средневековым суфийским музыкальным инструментам. Статья будет полезна широкому кругу интересующихся средневековой исламской культурой регионов Золотой Орды.

Ключевые слова: суфизм, мулемма, мунаджат, *сама`*, органун, орган, Кукнус, флейта Пана, сема

Для цитирования: Бородовская Л.З. Поэма Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» как источник сведений по суфийской ритуальной музыке // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 512–528. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.512-528> EDN: AVKGDF

© Бородовская Л.З., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

POEM OF ABU BAKR QALANDAR RUMI "QALANDAR-NAME" AS A SOURCE OF INFORMATION ON SUFI RITUAL MUSIC

L.Z. Borodovskaya

Kazan State Institute of Culture

Kazan, Russian Federation

lilianotka@yandex.ru

Abstract. This paper is devoted to analyze the text of Abu Bakr Qalandar Rumi's poem "Qalandar-name" from the point of view of describing the Sufi ritual of listening to *sama`*. As it is known, Sufi zikr can be two types – "loud", with singing, dancing movements and playing musical instruments, and "quiet" without any musical part.

Research materials: The statement of the author of the poem is of scholarly interest because the author welcomes both two types of zikr, as his Ushshaki group used singing, dancing and musical instruments. All these activities were used for the sole purpose of unity with the divine. The text of the poem is a source on Sufi rituals and their musical peculiarities in different tariqats. The poet also provides theoretical justifications for the permissibility of music in Sufi rituals, based on famous Sufi sheikhs of the earlier centuries.

Also the author of the poem displays a deep knowledge of the general Sufi Islamic culture of his time, often referring to poetic images of famous Sufi poets of different countries. The musical instruments presented in the poem give a deep insight into the fact that each group of dervishes may have had their own set of instruments and their own dances. A common genre for all Sufi groups in the world is the genre of munajat, which appears four times in the poem as a separate prayer chapter.

Results and novelty of the study: In this paper much attention is paid to the analysis of Sufi musical genres and instruments which were typical of that era. Also a number of the most favorite musical instruments are identified, which were widely used during the Sufi ritual of listening to *sama`*. The differences between the terms *sama`* (Sufi listening ritual) and the dance genre of Crimean Tatars "sema" and Tajik "samo" are explained separately. The musical instruments, such as arganun and organ, as well as musikar / musigar, which have different descriptions in historical and modern scientific literature, are also studied separately. The description of the organ in the context of the poem together with the image of the immortal bird Kuknus / Phoenix gives the readers the poem the image about two variants of the wind instrument – the Pan flute type and the keyboard type with mechas. Since we have not found a precise description of the organ and the arganun / musikar in the poem itself, this question remains open for future research. The poem "Kalandar-nameh" will no doubt be useful as a source on Sufi culture of different tariqats of the Middle Ages.

Keywords: Sufism, dhikr, munajat, *sama`*, arganun, organ, Kuknus, pan flute, sema

For citation: Borodovskaya L.Z. Poem of Abu Bakr Qalandar Rumi "Qalandar-name" as a source of information on Sufi ritual music. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 512–528. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.512-528> (In Russian)

Введение

Опубликованный сравнительно недавно уникальный источник эпохи Золотой Орды – поэма Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» привлекает внимание все большего количества ученых. На данный момент уже изданы комментарии к некоторым главам поэмы. Этот поистине энциклопедический источник для исследователей разных научных областей – истории, филологии, религиоведения, философии, литературоведения, искусствоведения и др. Поэма представляет большой научный интерес для анализа суфийской ритуальной практики эпохи Золотой Орды, особенно обряда слушания – *сама`*, являющегося обязательным разделом суфийского ритуала зикра. Так как обряд *сама`* в каждом тарикате может сильно отличаться, то часто историки исламской культуры определяют вид тариката в конкретном регионе по описанию ритуала зикра и *сама`*.

Свидетельства о первых упоминаниях ритула суфийского слушания *сама`* приходится на IX век [8, с. 31]. Отдельных исследований по суфийской ритуальной музыке в контексте данной эпохи находим не так много [9; 10; 14; 19; 20; 24]. Отдельная глава трактата Ал-Газали «Эликсир счастья»/ «Кимийа» посвящена суфийскому слушанию в зикре – «О дозволенности *сама`*» [3; 4].

Более распространены в современной науке описания трактатов по музыке, написанных средневековыми мыслителями. Разные аспекты музыкальной науки и теории рассматривали в разное время Ал-Кинди («О мелодии и звуке»), «О ритме», «О важных разделах музыки»), Аль-Фараби («О музыке»), «Ихван ас-Сафа» (трактат №5 из «Послания»), Авиценна («Свод науки о музыке»), Ибн Хайсама (X–XI вв.), Абдул-Му`мин Армави (XI в.).

А. Джумаев описывает трактат о музыке «Кашф ал-автар» накшбандийца Касима ибн дуста Али ал-Бухари (XVI в.), в котором в свою очередь цитируются другие средневековые трактаты по музыке и мысли об обряде слушания *сама`* [9]. А. Джумаев подготовил к изданию посмертную рукопись известного ученого-востоковеда Исхака Ризкиевича Раджабова (1927–1982) «Трактаты о музыке из собрания восточных рукописей АН РУз», в котором представлены 15 трактатов по музыке XIII–XIX вв., большая часть посвящена суфийской музыкальной обрядовой культуре [13].

Монгольские ханы поддерживали суфийские группы каландаров и мевлеви (тарикат турецкого поэта Дж.Руми, которого так почитал Абу Бакр Каландар Руми). Суфийский «сема» (вариант написания *сама`*) тариката Мевлеви должен был быть знаком Абу Бакру Каландару Руми, так как уже в XIII веке деревянное текие дервишей мевлеви было построено в западной части Крымского полуострова [18, с. 9]. В поэме знаменитого современника, Джалаладина Руми есть строки: «Во время «сама`» суфии слышат иной звук – с Престола Господня» [21, с. 112].

Суфийские музыкально-поэтические жанры в крымско-татарской традиции средних веков исследует А.А. Чергеев, и называет как основные *мевлюд* и *шляхий*: «Музыка, звучавшая на радениях суфийских братств и в ханских резиденциях, включавшая мелодии народной музыки или ее стилистические элементы, со временем перешла в обрядовую сферу крымских мусульман, составив часть народной, фольклорной музыкальной традиции крымских

татар» [19, с. 4–5]. Эти же жанры описаны у Ибн Батуты в описании путешествия к хану Узбеку [26, с. 469].

Источником по музыкальной культуре суфиев является статья Л.Г. Лахути, дающая пояснения о значении музыки в поэмах персидского суфийского поэта Фарид ад-Дина 'Аттара (1145–1221) «*Manṭiq at-ṭayr*» («Язык птиц») и «*Ṣāhī-nāmah*» («Божественная книга») [12]. Также она разъясняет термины *мусикар* и *мусиче* в связи с птицей *Кукнус*, что особенно важно в целях нашей работы: «Слово мусикар имеет три основных значения. Во-первых, это тростниковый музыкальный инструмент наподобие пан-флейты. Во-вторых, это легендарная птица, которая описывается так же, как упоминавшаяся выше птица Кукнус: у нее в горле много трубочек с отверстиями разного размера, настроенных на разную высоту звука, иными словами, она сама – пан-флейта, и ее горло пригодно для музыки божественного познания. И в-третьих, мусикар – это знаток музыки» [12, с. 246].

О подобном музыкальном инструменте, как об археологической находке на территории Старой Казани читаем в статье Ф.Ш. Салитовой по музыкальной культуре татар в XIII–XV вв.: «отшлифованная пустотелая косточка (фрагмент свирели типа «флейты Пана»)» [16, с. 470].

Современные научные источники по инструментам арганун (органон) и орган, приведенному в поэме Абу Бакра Каландара Руми, имеют спорные описания в научной литературе – многоствольного духового двух видов или многострунного музыкального инструмента [25, с. 87; 11, с. 156]. С. Джуробекова приводит исторические сведения по трактату Кутбуддин аш-Ширази (1236–1310): «Органон относится к группе духовых инструментов, а также в отличие от других духовых инструментов (труба, флейта) Органон относится к группе инструментов, не продуваемых ветром» [25, с. 87]. В седьмой главе второй части трактата Ал-Хорезми (IX век) «*Maḥāṭihūl-Ulūm*» («Ключи знания»), посвященной музыке есть описание органа: «Орган – это музыкальный инструмент греков и римлян. Сделанный из кожи буйвола (черного крупного рогатого скота), есть три больших кожаных мешка, соединенных друг с другом, на голове среднего установлен большой кожаный мешок, а к нему прикреплены медные трубки с отверстиями в определенном соотношении. Когда они играют, они издают приятные, веселые и грустные звуки» [25, с. 88]. Таким образом, в поэме «Каландар-наме» музыкальный инструмент арганун (органон) и орган по описанию суфийских поэтов многоствольный духовой инструмент, имеющий особое значение для духовных практик, скорее всего более точно описан как мусикар /мусигар, так как приводится в контексте со священной птицей Кукнус.

Анализ источников по теме показывает, что есть исследования по суфийской музыкальной культуре средних веков, однако, еще многое не изучено, не систематизировано. С появлением текста поэмы Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» появляется возможность выявления музыкальных жанров и инструментов, которые использовали дервиши во время радений зикра и обряда слушания *сама*. Цель работы – выделить музыкальные элементы суфийского обряда слушания *сама* на основе их описания в поэме Абу Бакра Каландара Руми.

Материалы и методы

Для анализа описаний суфийской ритуальной музыки в поэме «Каландар наме» необходимо выявить несколько важных элементов – жанры и музыкальные инструменты, которые были в обряде *сама*. Кроме самого текста поэмы мы используем источники с описаниями *сама*, трактаты средневековых суфийских мыслителей и исторические свидетельства по данным современных исследований. Эти материалы помогут более точно понять степень развития суфийской музыкальной культуры в эпоху, когда были написаны строки поэмы Абу Бакра Каландара.

Результаты

Об обряде слушания сама

Сама (араб. «слушание») – название особого суфийского ритуала, представляющего собой коллективное радение с элементами пения, игры на музыкальных инструментах, танцев, декламации стихов и молитвенных формул, зачастую требовавших соблюдения сложной системы правил поведения [2, с. 111; 22, с. 119]. *Сама* как одна из главных частей длительного многочастного суфийского ритуала *зикр* может сильно различаться в зависимости от тариката. Тип зикра принятый в конкретном тарикате также имеет важное значение – «тихий или громкий», в зависимости от этого количество музыкальных жанров и инструментов, их дозволенность и наличие также будут отличаться. Танцевальные разделы в *сама* разных тарикатов варьируются от незначительных вращений группой в кругу, или по-одному, притопываний и прыжков до танца «ракс» и «сема» [18, с. 9] как основных развитых форм обряда. В научной литературе встречается неверное использование термина *сама*. Необходимо уточнить, что для мировой исламоведческой науки *сама* – это обязательная часть большого суфийского ритуала *зикра* (также не путать со словом *зикр* как просто действие «помятия» Аллаха). Необходимо помнить, что в народной культуре за некоторыми суфийскими жанрами закрепились эти термины в качестве локального наименования – например «сема» (суфийский танец в тарикате Мевлеви) [18]. У таджиков суфийский танец «само» (с закручиванием тела). М. Раджабова описывает как движение во время обряда слушания: «Под влиянием бубна, свирели, тамбура и напевных стихов группа *само* шейхов и суфиев двигалась в *сама* собрании» [14, с. 249].

Уже в первые века ислама велось обсуждение проблемы наличия музыки в зикре, особенно теоретиками суфизма X–XI вв., так, Аль-Газали считал *музыку лучшим средством для достижения экстатического состояния* в зикре, этой теме и обряду слушания «сама» он посвятил обширную главу «О дозволенности сама» в трактате «Эликсир счастья»/ «Кимийа». Великий ученый находит несколько причин необходимости музыки в обряде слушания суфиев, и основная – это трепет сердца от напевов и ритмов; который не возникает от обычной речи; так как Коран нельзя петь и подгонять к обычным мелодиям, то речитация суфиев дозволена [5, с. 44]. И эту же мысль подтверждают строки из поэмы «Каландар-наме»:

«Чья природа гармоничной и прекрасной является,
Для того музыка является пищей сердец.
Сердце от нее в ликование приходит,

Слова и звуки издает языком стремительно.
Безграничные звуки со ста мотивами (усуль)
Скрыты в нем, подобно славе, [скрытой] в безвестности.
Разъяснение этого смысла в двести раз [длиннее].
Посему это и есть музыка и знание о ней» [2, с. 657–658].

Известный суфийский шейх XII в. А.Х. Сухраварди, пришел к выводу о роли музыке в суфийском зикре: только святым людям слушание музыки приносит божественное созерцание, и совершенным личностям в музыке «раскрывается Сам Бог, без завесы» [23, с. 147].

В поэме «Каландар-наме» целая глава №148 посвящена разъяснениям по поводу обряда слушания сама' почтенного суфийского шейха Абу Йазида Бистами (IX век), который являет нам образец «громкого зикра»:

«Открой глаза, о мюрид пронизательный,
Посмотри на радение (сама') избранника Его.

...

Когда приступал он к радению,
Освобождался он от рук, ног и головы (от всего мирского – прим. ред.).
Охваченный любовью, он выкрикивал, дескать, обратите внимание!
Нет в этой джуббе моей [никого], кроме Него, [так и] знай! [2, с. 265]

В главе №150 находим собственные рассуждения Абу Бакра Каландара Руми о радении *сама'*, и это самые верные описания *состояния слышания (сама')*, внимания божественным вибрациям, звукам молитв, как способе соединения с Богом. Автор поэмы пишет о том, кто может быть человеком радения и какие нужны для этого условия:

«Слух (сам') [значит] слышать, [а] радение (*сама'*) – это состояние,
Милость – душе, а телу – затруднение.
Благодаря радению – знай! – все это орудием является,
А не радением, ликованием и состоянием.

Духовным застольем радение является, несомненно,
Соединением с возлюбленным является радение влюбленных [2, с. 268].

Абу Бакр Каландар Руми справедливо подчеркивает каноны шариата о недозволенности подобных обрядов слушания для всех мирян, особенно неподготовленных, не принявших обряд суфийского посвящения:

«Когда привязанные к мирскому (ахл-и дунья) попадают на него (радение – прим. ред.),

Неприменно запретным (харам) для них оно является [2, с. 269].

Неподготовленный слушатель не может грамотно войти в «состояние слышания», внимания божественным вибрациям молитв, поэтому большинство мировых тарикатов совершали свои обряды и радения в закрытом формате. Автор поэмы наставляет читателя:

«Если нет у тебя тех ушей и того разума,
Удались с этого радения нашего, остановись.
Это радение наше целиком экстазом является,
Наслаждением, воодушевлением и волнением без изъянов является.

Кому это будет дано в удел,
Тот в этот экстаз [всей] душой и сердцем погрузится.
Именно такой экстаз для людей [Божьих] от Аллаха
Свидетельством служит их радения [2, с. 912].

Жанры суфийского слушания сама'

Ибн Баттута, описывая свое путешествие к Узбек-хану, рисует типичный суфийский обряд слушания на дворцовом приеме у эмира города Азак – Мухаммеда Хаваче Хорезми: «В конце трапезы красивым голосом читали Коран. Был установлен минбар, и проповедник пошел к нему. Хафизы заняли свои места впереди. Как собрание, мы слушали исключительно хорошо подготовленную проповедь. Проповедник молился за султана и Тулек-Тимур бея. Он также отдельно помолился за присутствующих там прихожан. Проповедник сначала произносил молитву по-арабски, а затем объяснял ее по-тюркски. В перерывах между его словами хафизы декламировали аяты из Корана и повторяли эти аяты на красивый макам. Затем они начали произносить «илахи» (жанр суфийского песнопения) [15]. То, что они говорили по-арабски, они называли «кавал» [26, с. 490; 24, с. 413]. Позже они стали читать на персидском и тюркском языках. Они назвали эту часть «мулемма» [26, с. 469]. *Мулемма* – поэтический распеваемый жанр, в котором могут сочетаться 2-3 языка (персидский, арабский и турецкий), известен с X века [28, с. 537]. Многие суфийские поэты писали стихи в этом жанре. Среди них можно назвать А. Джебели, Х. Ширвани, С. Ширази, Мевлана Дж. Руми и Х. Ширази [28, с. 538].

Отличительной чертой обрядов суфийского слушания является речитация текстов (мелодизированное чтение) на родных языках, в данном примере – на тюркском и персидском. Ибн Баттута называет и традиционные суфийские жанры – «илахи», «кавал». Жанр «мулемма» требует отдельного рассмотрения в будущем.

В «венгерском городе на реке Кубани» Ибн Баттута посетил обитель дервишей тариката Рифаи: «Здесь я остановился в завие шейха Мохаммеда Батаихи, старого, добродетельного, набожного верующего из Батаи, Ирак. Этот человек – халиф Ахмеда Рифаи» [26, с. 471]. Во многих местах Ибн Баттута описал придворный ритуал слушания Корана, и затем на арабском и тюркском языках исполнение духовных суфийских песнопений. Так, например, в Бухаре в обители шейха Бахарзи (1190–1261, влиятельный шейх тариката Кубравийа) его потомок устроил прием в своем доме для Ибн Баттуты: «После еды красиво и звонко чтецы Коран читают; проповедник произнес впечатляющую речь (...) Они пели в красивых макамах тюркские и персидские *илахи*» [26, с. 529]. Главы поэмы «Каландар-наме» могли входить в суфийский обряд слушания в тарикате 'Ушшаки [2, с. 40], об этом свидетельствует и сам автор:

«Сказали мне: «О Каландар! Рассказывай!
Прекрасные бейты свои под музыку читай.
Эту «Каландар-наме» возьми в руки,
Открой и на арфе (чанг) играй, о дервиш,
Влюбленным и следующим духовному пути,
Путникам и праведникам!
(...)

Речь завожу я на языке человека Божьего,
Дабы в словах этих показать путь состояния» [2, с. 382].

Члены тариката 'Ушшаки проводили собрания, которые сопровождалась игрой на музыкальных инструментах, пением и танцами [2, с. 40]. Чаще всего

в суфийских обрядах использовались особые музыкальные и танцевальные жанры, наполненные символикой, часто недоступной непосвященному.

Одним из основных жанров суфийского обряда слушания является *мунаджат*, который исполняется на родном языке участника радения. Большая распространенность *мунаджатов* по всему исламскому миру широко известна и изучена [6]. Мунаджат в поэме «Каландар-наме» есть в 1–4 дафтаре как отдельная глава, в которой личная молитва поэта возносится Творцу.

Музыкальные инструменты в обряде слушания сама'

Традиционные для татар тарикаты Ясавийа и Накшбандийа в своих ответвлениях проводили как «громкий», так и «тихий зикр», о чем есть многочисленные трактаты тех веков [7]. Постоянные споры о предпочтительности той или иной формы проведения суфийского ритуала зикра не стихали многие века, и всегда заканчивались на той мысли, что «громкий зикр» возможен для новичков, а «тихий зикр» (зикр сердцем) – для более «продвинутых» по лестнице духовного восхождения.

Суфийская группа Абу Бакра Каландара 'Ушшаки может стать темой отдельного исследования как пример проведения обрядов «громкого зикра», сопровождавшегося игрой на музыкальных инструментах, пением и танцами [2, с. 40]. Глава поэмы №125 разъясняет о том, что суфии слышат в песнях и звуках музыкальных инструментов прославление Аллаха и испытывают экстаз. Здесь мы видим мнение практикующего суфия о единственно верной роли музыки в обряде слушания – это постижение и прославление Бога:

«Людям Истинного (Хак) музыкальные инструменты дозволяются.

Если слушают они [их], то не впадают из-за них в уныние.

Души их слышат в том мире,

Прежде, чем здесь видят [их] во внешнем проявлении.

Шейх со всеми духовными путниками

В экстаз входили посредством танца в [этом] мире.

Если отрицаешь ты их, то это плохо.

Никогда не будет совершено ими дурное деяние!

Во всех мелодиях и песнях

Друг [Аллаха] слушает прославления [Его] [2, с. 548].

Собрание дервишей не обходилось без музыкального сопровождения:

«Вновь начни с той предвечной любви,

Собрание укрась, настрой арфу и флейту.

Дабы ликовали все поголовно,

Дабы сведущими о самих себе все стали» [2, с. 688].

Прекрасный голос закира (солиста в зикре) должен был помочь всем участникам обряда слушания проникнуться блаженным состоянием:

Сказал: «О старец! Расскажи об изящном голосе,

Что есть благороднее его в [этом] мире?».

...

Неверующего человека приводит он к вере.

Пожалование это ему от Аллаха.

Душа и сердце оживают благодаря приятному голосу,

Даже тело его рабом становится.

Имеется в голосе множество голосов.

Из него возникли эти музыкальные инструменты [2, с.359].

Сведения по наличию музыкальных инструментов косвенно находим в поэме в описаниях различных суфийских групп. Так, дервиши *абдалы* (Анатолия XII–XVI вв.) носили с собой музыкальные инструменты – бубны, рожки, плектры (даире) и распевали духовные гимны [2, с. 107; 27, с. 112–115].

В «Каландар-наме» есть строки о шейхе Бараке Руми (Барак Баба) (ум. 1307/1308), дервише тариката Бабаи, основателе суфийского направления абдалов и алевитов-бекташиев; также есть описание музыкальных колокольчиков в обряде слушания сама’:

«Денно и ночью сопротивлением нафсу он занят был,
Привязал колокольчики к своим рукам, ногам и шее.
Всякий раз, когда приходил он на радение (сама’),
Восторг (ваджд) и ликование (халат) с него начинались.
Украшен он был чудотворствами и чудесами,
Возвысился над этим миром и над тем» [2, с. 111].

Сведения об учителе Шейха Барака Руми – Хаджи Бекташе Вали и его суфийских связях с другими тарикатами показывают распространение музыки и в других известных суфийских группах того времени – Бекташи и Маламати [2, с.110].

В главе № 102 Абу Бакр Каландар разъясняет основное отличие радения суфиев (*сама’*) от пения и танцев других людей: у дервишей происходит соединение с потусторонним миром, а у простых мирян возникают лишь разные эмоции. Автор снова подчеркивает принципиальное отличие в восприятии дервишами музыкальных инструментов во время суфийского обряда слушания и для обычных мирян:

«От бубна и флейты слышали они поминания[Аллаха],
Ибо без языка поминают они Великого [Господа].
Посему радение их таково,
Хотя по форме танцем те действия являются.

...

Охваченный любовью, услышь стоны флейты,
Благодаря этому звуку прекрасному, на ту сторону отправься.
Когда станешь сведущим ты о ее поминании [Аллаха],
Станешь ты подобным Санаи и ‘Аттару» [2, с. 911].

Упоминания знаменитых суфийских поэтов Санаи, ‘Аттара и Руми в поэме является подтверждением факта того, насколько хорошо Абу Бакр Каландар знал суфийскую литературу и поэзию как современников, так и предшественников; их многочисленные стихи, посвященные звукам божественной флейты. Более всего символ божественной флейты встречается в стихах Руми «Маснави» и Абу Бакр Каландар аллегорически сравнивает поэтический язык Руми с языком флейты не случайно:

«Языком флейты стал он речи вести,
Стал обладателем этих слов и тех состояний.
Явил он тайну тайн Непокколебимого (матин).
Раскрыл знание Господа Миров» [2, с. 685].

Пожалуй, *флейта* – самый яркий в символических сравнениях музыкальный инструмент суфийской поэзии. В поэме «Каландар-наме» флейта упоми-

нается 25 раз и ей посвящена целая глава №17, в которой сущность суфия (друга Аллаха) сравнивается с флейтой, ведь он «говорит благодаря дуновению Божьей любви»:

«Послушай теперь от Каландара, ибо он подобен флейте,
Опустошил себя от [всего] доброго и подлого.
Жалобные стенания его ради кого?
Или же о ком жалобы его?
Когда из тех душ в тела он вошел,
Пасти оставил и последовал за желаемым.
Словно флейта, если он всегда стенать станет,
О разлуке и боли своей плакать станет.
Остерегись! Не удивляйся этому в нем,
Хотя и плачет он, словно флейта, без нёба и уст» [2, с. 797].

Последняя строка передает высшее духовное состояние Абу Бакра Каландара – это возможность зикра «без нёба и уст!», тот самый верхний уровень путешествия по суфийскому пути (тарика), «тихий зикр» просветленных.

Как бы в подтверждение своих слов о том, что только духовно посвященным доступно возвышенное *слушание музыки*, Абу Бакр Каландар в разных местах поэмы приводит противоположные примеры времяпровождения мирян и суфиев:

«Одни пьяны (...),

А некоторые [проводят время] вместе с флейтой, бубном и арфой (чанг)» [2, с.86].

Набор музыкальных инструментов для обряда слушания приводится в другой части поэмы, когда А.Б. Каландар говорит о собрании дервишей на *сама*':

Посмотри на собрание этих влюбленных. (...)

Войди в круг этих влюбленных,

Свечу красавицы увидь на собрании возлюбленных.

Лютня (барбат), арфа (чанг) и наигрыш органа (арганун)

С земли на небеса вознеслись теперь [2, с. 209].

В отрывке выше внимание привлекает духовой инструмент *орган* или *арганун*, однако, без точного описания. Мы нашли как минимум 2–3 варианта его описания: медный духовой инструмент, в котором трубки располагались рядами, а выше всех закреплялись длинные трубки с низким звуком, позади находился мех для дувания воздуха. Современные исследователи подтверждают наличие аргануна в персидской средневековой культуре: левой рукой надавливали на мех инструмента, а пальцы правой руки нажимали на большие кнопки, которые располагались около трубок, получались звуки различной высоты [1].

Выше мы привели разнообразные описания музыкальных инструментов арганун, орган и мусикар (как образа птицы Кукнус), следует дать еще одно описание подобного инструмента: «*Мусигар* – многоствольная флейта из трубок разной длины, которые скреплены в возрастающем порядке как у Флейты Пана. Во время игры инструмент располагался вертикально, открытыми концами трубок вверх и удерживался одной рукой за нижний конец, а

другой за узкую часть. Открытые концы во время игры соприкасались с губами исполнителя» [1].

Какой эффект на дервишей производили звуки аргануна во время суфийского обряда слушания остается только догадываться, но несколько веков позже западно-европейская музыкальная культура однозначно возвела родственный духовой орган в ранг главного музыкального инструмента католического церковного богослужения. Способ игры и конструкция органа и аргануна не совсем схожи, поэтому упоминание этого инструмента в поэме требует продолжения исследований.

Абу Бакр Каландар в главе №157 приводит историю о божественной птице Кукнус (персидский вариант птицы Симург, Феникс), которая является прородительницей всей музыки, а звуки исходящие из ее клюва похожи на орган (арганун):

«Она есть птица редкая и сладкоголосая.
Не была она рождена матерью, нет у нее отца.
Так что же она собой представляет? Посмотри на этот смысл!
Ни одна птица не является такой птицей.
Что такое Кукнус? То, что благодаря себе самому возникает.
Имеет она клюв большой и длинный.
Будто бы благодаря ему она стала умеющей делать все.
Звуки органа [исходят] от голоса ее,
Пение всех птиц есть наигрыш ее.
На кончике клюва ее есть дырки,
Лады (парда, см. макам), подразделы [ладов] (шу'ба) и тоны (нагма).
Сколько дырок? Семьдесят две.
Все они целиком языками являются, клянусь Аллахом.

...

Когда подходит к концу вся ее жизнь,
Поджигает она себя без всяких разглагольствований.
Когда сгорает она, становится целиком пеплом,
Целиком и полностью участь ее подобной золоту становится.
Истинный (Хак) из того пепла ее, о неизвестный,
Создает другую птицу, еще лучше нее.
Много восхвалений [Аллаху] она произносит денно и ночью,
Разнообразных и всяческих, полусшепотом.

Все звуки музыки

От нее произошли без исключения.

Царем птиц она является, поистине, несомненно [2, с. 986-987].

Поиски этимологии слова «кукнус» / «какнус» привели нас к тому, что это очень древнее слово, имеющее корни в латинском (cugnus), греческом (kúknos), санскрите (kewk), и переводится как «лебедь». Самый символический образ в санскритской версии значения слова – сиять, гореть, блестеть, горевать. У многих древних народов по-разному описывается количество звучащих отверстий в клюве этой птицы, однако общее в описании – это постоянное возрождение, сладкий голос или звуки из ее клюва. Ш.З. Суфиев пишет о том, что образы птицы «какнус» пронизывает поэму Ф. 'Аттара «Язык птиц» суфийско-философскими и символическими смыслами [17, с. 308].

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ текста поэмы «Каландар-наме» показал наличие сведений по суфийской ритуальной музыке разных суфийских групп («Ушшаки, Мевлеви, Абдалы, Бабаи, Бекташи и Маламати), которые действовали в эпоху Золотой Орды, и с которыми был знаком автор поэмы. В поэме достаточно много места уделено как собственным рассуждениям автора об обряде сама', так и разъяснениям авторитетного суфийского предшественника Абу Йазида Бистами. Мы получаем представление о том, что трактаты суфийских шейхов предыдущих веков были хорошо известны в Золотой Орде.

Абу Бакр Каландар поясняет в поэме – как слушать и как услышать божественные звуки, как войти в особое состояние внимания этим звукам; какие при этом дозволены музыкальные инструменты (чанг/арфа, флейта, лютня/барбат, бубен, арганун, орган, мусикар) и стиль пения; роль танца в суфийском ритуале. Опосредованно, по историческим свидетельствам современника Абу Бакра Каландара – Ибн Баттуты, мы узнаем о том, как проходили суфийские слушания в присутствии татарской знати, какие жанры исполнялись на арабском, персидском и тюркском языках («кавал», «мулемма», «шлахи»). Многие строфы поэмы посвящены символическим сравнениям музыкальных инструментов с разными поэтическими образами, понятными читателю той эпохи по поэмам знаменитых поэтов Санаи, Ф. Аттара и Д. Руми – это птица Кукнус (Симург, Феникс); это образ суфийского «сердца»; «духовного вина»; «экстаза»; суфийское состояние «хал». Остается открытым вопрос о каком конкретно музыкальном инструменте пишет автор поэмы на страницах 209 и 986–987, так переводчик дает варианты – орган и арганун, которые в контекстах повествования могут быть двумя разными инструментами (типа флейты Пана или многоствольный инструмент с мехами и кнопками).

В заключении необходимо отметить главную особенность поэмы «Каландар-наме» – это ее предназначение для суфийского обряда слушания *сама'*. Об этом пишет и сам автор:

«Сказали мне: «О Каландар! Рассказывай!

Прекрасные бейты свои под музыку читай.

Эту «Каландар-наме» возьми в руки,

Открой и на арфе (чанг) играй, о дервиш [2, с. 382].

Подобным образом слушали и распевали и другие тюрко-татарские «кэйле китап» средних веков, например, «Кыйсса-и Йусуф» Кул Гали, «Бэдавам», «Бакырган китабы», «Мөхэммэдия» и многие другие. Научиться слушать звуки божественной флейты, а не просто музыку советует всем в конце поэмы Абу Бакр Каландар:

«Если ухо не ведает звуков флейты,

То и грохот ста барабанов не окажет на него воздействия» [2, с. 1020].

Таким образом, поэму Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» можно считать не только литературным памятником эпохи Золотой Орды, но и примером жанра распевного чтения для суфийского обряда слушания. Поэма Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» продолжает открываться для ученых разных специальностей. Анализ музыкальных элементов суфийского зикра в составе обряда слушания сама' на основе сведений, полученных в поэме «Каландар наме», может быть продолжен. На сегодняшний

день нет однозначно датированных нотных примеров суфийской музыки той эпохи, а изображения и описания музыкальных инструментов арабо-персидской музыкальной культуры с некоторым отличием ладовой настройки, украшения и внешнего вида, а также материала изготовления известны и доступны [1; 10].

Казанский этномузыколог Г.М. Макаров тщательно исследовал исторические сведения по средневековым музыкальным инструментам, которые могли использовать турки, и приводит их изображения (*Макаров Г.М. Музыкально-инструментальная культура татар позднего средневековья // Музыка. Искусство, наука, практика. 2017. № 2(18). С. 67–81*), сам изготавливает прототипы давно исчезнувших инструментов, обучает игре на них детей и студентов; собирает народные мелодии, расшифровывает. Сегодня обществом востребовано желание прикоснуться к истории культуры своих народов, слышать и видеть как это могло быть много веков назад. Фольклорный ансамбль «Жомга көн» студентов Казанского государственного института культуры под руководством профессора А.Р. Еникеевой более 15 лет возрождает традиции старинной татарской суфийской музыки, исполняя старинные мунаджаты, суфийские зикры (в том числе по нотам Г.М. Макарова) в этнографических костюмах, привезенных из экспедиций, и под аккомпанемент народных инструментов. Творческая работа постоянно продолжается – сбор и расшифровка напевов, изданы малыми тиражами три нотных сборника, лицензионные CD/DVD диски (составители А.Р. Еникеева и Л.З. Бородовская). Радует факт, что современные татарские студенты бережно ищут «звучание» предков – это особый стиль пения, которому невозможно научить на уроках вокала, можно лишь прочувствовать образы и состояния, заложенные в текстах, отрешиться от современной эстрадной манеры, достать из глубины души свой «мон».

Научно-практические эксперименты по реконструкции ритуальной суфийской музыки эпохи поэмы «Каландар наме» должны базироваться на глубоких познаниях исламской культуры; средневековой профессиональной и народной музыки османских турков, крымских татар и персов; а также на нормах ритмического строения суфийских поэтических жанров. Некоторые «отголоски» средневековой суфийской музыки могли прочно закрепиться в музыкальном фольклоре народов, проживавших на территориях Золотой Орды, так как суфизм был широко распространен. Самые устойчивые мотивы и ритмы сохраняются на протяжении многих веков в народной музыке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаева С. Древние азербайджанские музыкальные инструменты. URL: <https://azerhistory.com/?p=19759> (дата обращения 09.03.2024).
2. Абу Бакр Каландар Руми. Каландар-наме: избранное. Пер. с перс. И.Р. Гибадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой / Общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.
3. Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ал-Туси. Кимийа-йи са‘адат (Эликсир счастья). Ч. 1: `Унваны 1–4. Рукн 1 / Пер. с перс., вступ. ст., коммент. и указ. А.А. Хисматулина. М.: «Ихлас», 2011. 464 с.

4. Абу Хамид Мухаммад ал-Газали ал-Туси. Кимийа-йи са'адат (Эликсир счастья). Ч. 2: Рукн 2: Обычаи / Пер. с перс., вступ. ст., коммент. и указ. А.А. Хисматулина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. XXX + 466 с.
5. Бергельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965. 531с.
6. Бородовская Л.З. Музыкально-поэтический жанр мунаджат в исламской культуре разных народов мира // Культурный код. 2022. № 3. С. 87–99. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2022-3-87-99>. EDN: EFDXSL
7. Бородовская Л.З. Преемственность суфийских традиций тарикатов Ясавийа и Накшбандийа после XIV в. // Исламоведение. 2022. Т. 13, № 1(51). С. 93–103. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-1-93-103>. EDN: ХАТКЛІ
8. Гумметова Х.Б. Ритуал «Сема» как основная модель суфийского тариката Мевлеви // Проблемы востоковедения. 2012. № 1(55). С. 30–34.
9. Джумаев А. Трактат о музыке «Кашф ал-автар» Касима ибн дуста Али ал-Бухари (XVI в.) из коллекции библиотеки британского музея // Записки Восточного отделения российского археологического общества. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2006. С. 91–98.
10. Джумаев А. «Устав Среднеазиатских музыкантов» в переводе Чулпана // «Восток Свыше», вып. XXIII–XXIV. 2011. URL: <http://greylib.align.ru/1241/aleksandr-dzhumaev-ustav-sredneaziatskix-muzykantov-v-perevode-chulpana.html> (дата обращения 09.03.2024).
11. Есипова М.В. Крымскотатарский музыкальный инструментарий в контексте музыкальных культур исламской Азии и культур окружающих народов // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 146–166. EDN: WWVOMD
12. Лахути Л.Г. Музыка в поэмах Аттара: мелодии мироздания, славный паук и чудесное спасение // Концептуализация музыки в авраамических традициях – 2018: коллективная монография / Отв. ред. док. искусствоведения Г.Б. Шамилли. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. С. 242–251.
13. Раджабов Исхак. Трактаты о музыке из собрания восточных рукописей АН РУз. Ташкент, 2020. 400 с. + 40 факсимиле рук
14. Раджабова М. Радение дервишей суфиев, с точки зрения святых (Самоъи орифон дар акволи бузургон) // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2018. № 8–2. С. 248–254.
15. Сайфуллина Г.Р. Категории татарской традиционной музыкальной культуры: аннотированный словарь. Казань: Тат.кн.изд-во, 2009. 176с.
16. Салитова Ф.Ш. Роль музыки в системе духовных ценностей и культуры предков татар в эпоху средневековья // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 3. С. 460–477. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-3.460-477>. EDN: IWBFIJU
17. Суфиев Ш.З. Генезис и эволюция темы "вина" и трансформативные процессы в персидско-таджикской литературе: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.08 / Суфиев Шодимахмад Зикриёевич; Ин-т яз. и лит. им. Рудаки. АН Респ. Таджикистан. Душанбе, 2017. 391 с.
18. Сухоруков А.Н. Суфийский орден мевлеви в Крыму в XIV–XIX веках // Научный вестник Крыма. 2019. № 2(20). С. 2–25.
19. Чергеев А.А. Религиозные музыкально-поэтические жанры как феномен традиционной музыки крымских татар // Крымские диалоги: культура, искусство, образование. 2021. № 7(15). С. 3–5.
20. Шамилли Г.Б. История музыки Шейха Абд аль-Кадира Мараги (1353–1435) в аспекте проблемы иноверия в средневековых суфийских текстах // Музыкальная культура в исламо-христианском контексте : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 17–18 ноября 2009 года. Казань: Казанская государственная консерватория (академия) им. Н.Г. Жиганова, 2009. С. 20–29. EDN: TCAYBN

21. Шаяхметова А.К. Философское осмысление музыки и поэзии в суфизме // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 103–114. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0880>
22. Шидфар Б.Я. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: «Наука», 1974. 254 с.
23. Шиммель А. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н.И. Пригариной. М.: Алетея, Энигма, 1999. 416 с.
24. Akdeniz A. Kavvâlî Dînî mûsikî türünün mevlevî tarikati ile çîştî tarikati arasındakîbenzerliklerbağlamındaİncelenmesi / A. Akdeniz, İ. Gevaş // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. 2020, vol. 1, no. 46, pp. 413–428. <https://doi.org/10.17498/kdeniz.732855>. URL: <http://dergikaradeniz.com/index.php/tr/sayi-46/2156-kavvali-dini-musiki-turunun-mevlevi-tarikati-ile-cisti-tarikati-arasindaki-benzerlikler-baglaminda-incelenmesi> (дата обращения 09.03.2024)
25. Djurabekova S. Arganon (Organon)-in the outlook of Medieval Eastern Thinkers // Eurasian music science journal. 2020, no. 2. С. 85–92.
26. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battuta Tanci. Ibn Battuta seyahatnamesi. Ceviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2. 1104 s.
27. Ocak, A.Y. Osmanlı İmparatorluğunda marjinal Süfîlik: Kalenderiler XIV–XVII Yüzyıllar. Ankara, 1992. С. 112–115.
28. Riza Kurtuluş, İskender Pala. Mûlemma⁶ // İslam ansiklopedisi, pp. 537–538. URL: <https://cdn2.islamansiklopedisi.org.tr/dosya/31/C31010324.pdf> (дата обращения 09.03.2024)

REFERENCES

1. Abdullaeva S. Ancient Azerbaijani musical instruments. Access mode: <https://azerhistory.com/?p=19759> (access data 09.03.2024). (In Russian)
2. Abu Bakr Kalandar Rumi. Qalandar-name. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 1044 p. (In Russian)
3. Abu Hamid Muhammad al-Gazali al-Tusi. “Kimija-ji sa‘adat” (Elixir of Happiness). P. 1. Moscow: Ihlas, 2011. 464 p. (In Russian)
4. Abu Hamid Muhammad al-Gazali al-Tusi. “Kimija-ji sa‘adat” (Elixir of Happiness). P. 2. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedeniye, 2007. 466 p. (In Russian)
5. Bertels E.Je. Selected works. Sufism and Sufi literature. Moscow, 1965. 531 p. (In Russian)
6. Borodovskaya L.Z. Musical and poetic genre munadjat in islamic culture of different peoples of the world. *Kul'turnyj kod=Cultural code*. 2022, no. 3, pp. 87–99. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2022-3-87-99>. (In Russian)
7. Borodovskaya L.Z. Succession of sufi traditions of the yasaviya and naqshbandiya tariqas after the 14th century. *Islamovedenie=Islamic studies*. 2022, vol. 13, no. 1 (51), pp. 93–103. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2022-13-1-93-103> (In Russian)
8. Gummetova H.B. The Sema ritual as the main model of the Mevlevi Sufi tariqa. *Problemy vostokovedeniya=Problems of Oriental Studies*. 2012, no. 1 (55), pp. 30–34. (In Russian)
9. Dzhumaev A. Treatise on music “Kashf al-avtar” by Qasim ibn Dust Ali al-Bukhari (16th century) from the collection of the British Museum library. *Zapiski Vostochnogo otdelenija rossijskogo arheologicheskogo obshhestva=Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society*. St. Peterburg: Peterburgskoe vostokovedeniye, 2006, pp. 91–98. (In Russian)
10. Dzhumaev A. “The ordinance of Central Asian Musicians” translated by Chulpan. «*Vostok Svyshe*»=*East Above*. Iss. 23–24, 2011. Access mode: <http://greylib.align.ru>

/1241/aleksandr-dzhumaev-ustav-sredneaziatskix-muzykantov-v-perevode-chulpana.html (access data 09.03.2024) (In Russian)

11. Esipova M.V. The Crimean Tatars' musical instruments in the context of Islamic Asia and surrounding peoples' musical cultures. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie = Crimean historical review*. 2016, no. 2, pp. 146–166. (In Russian)

12. Lahuti L.G. Music in Attar's poems: melodies of the universe, the glorious spider and miraculous salvation. *Conceptualization of Music in Abrahamic Traditions*. Moscow: State Institute of Art Studies, 2018, pp. 242–251. (In Russian)

13. Radjabov I. Treatises on music from the collection of oriental manuscripts of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Tashkent, 2020. 400 p. (In Russian).

14. Radjabova M. The zeal of the Sufi dervishes, from the perspective of the saints (Samoī orifon dar aqvoli buzurgon). *Vestnik Tadjikskogo nacional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk = Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2018, no. 8–2, pp. 248–254. (In Russian)

15. Sajfullina G.R. Categories of Tatar traditional musical culture: an annotated dictionary. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2009. 176 p. (In Russian)

16. Salitova F.Sh. The role of music in the system of spiritual values and culture of the medieval ancestors of Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2021, Vol. 9, no. 3, pp. 460–477. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-3.460-477>. EDN: IWBFIJU (In Russian)

17. Sufiev Sh.Z. Genesis and evolution of the theme of "wine" and transformation processes in Persian-Tajik literature: dissertation. Dushanbe, 2017. 391 p. (In Russian)

18. Sukhorukov A.N. Mevlevi Sufi order in Crimea in the 14th–19th centuries. *Nauchnyj vestnik Kryma = Scientific Bulletin of Crimea*. 2019, no. 2 (20), pp. 2–25. (In Russian)

19. Chergeev A.A. Religious musical and poetic genres as a phenomenon of traditional music of the Crimean Tatars. *Krymskie dialogi: kul'tura, iskusstvo, obrazovanie = Crimean dialogues: culture, art, education*. 2021, no. 7 (15), pp. 3–5. (In Russian).

20. Shamilli G.B. History of the music of Sheikh Abd al-Qadir Maraghi (1353–1435) in the aspect of the problem of non-orthodoxy in medieval Sufi texts. *Muzykal'naja kul'tura v islamo-hristianskom kontekste = Musical culture in an Islamic-Christian context: materials of the All-Russian scientific and practical conference, Kazan, November 17–18, 2009*. Kazan: Zhiganov Kazan State Conservatoire, 2009, pp. 20–29. (In Russian)

21. Shayakhmetova A.K. Philosophical understanding of music and poetry in Sufism. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. 2022, Vol. 15, no. 1, pp. 103–114. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0880>. (In Russian)

22. Shidfar B.Ja. The figurative system of Arabic classical literature (6th–12th centuries). Moscow: Nauka, 1974. 254 p. (In Russian)

23. Schimmel A. The World of Islamic Mysticism. Moscow: Aletheia, 1999. 416 p. (In Russian)

24. Akdeniz A. Analysis of kavvali religious music in terms of similarities between mevlevi and Çiştî sects. *Black Sea International Scientific Journal*. 2020, vol. 1, no. 46, pp. 413–428. <https://doi.org/10.17498/kdeniz.732855>. Access mode: <http://dergikaradeniz.com/index.php/tr/sayi-46/2156-kavvali-dini-musiki-turunun-mevlevi-tarikati-ile-cisti-tarikati-arasindaki-benzerlikler-baglaminda-incelemenisi> (access data 09.03.2024) (In Turkish)

25. Djurabekova S. Arganun (Organun)-in the outlook of Medieval Eastern Thinkers. *Eurasian music science journal*. 2020, no. 2, pp. 85–92.

26. Abu Abdullah Muhammad ibn Battuta Tanci. Ibn Battuta travelogue. Translation, review and Notes: A.Sait Aykut. Vol. 1–2. Istanbul: Yapı Kredi Publications, 2000, 1104 p. (In Turkish)

27. Ocak A.Y. Marginal Sufism in the Ottoman Empire: Kalenderis 14th–17th Centuries. Ankara, 1992, pp. 112–115. (In Turkish)

28. Riza Kurtulus, Iskender Pala. Mulemma. *Islamic encyclopedia*. P. 537–538. Access mode: <https://cdn2.islamansiklopedisi.org.tr/dosya/31/C31010324.pdf> (access data 09.03.2024) (In Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лилия Зелимхановна Бородовская – кандидат искусствоведения, доцент, Казанский государственный институт культуры (420059, Оренбургский тракт, 3, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5680-1187, Scopus AuthorID: 57577590100, ResearcherID: AFA-8129-2022. E-mail: lilianotka@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya Z. Borodovskaya – Cand. Sci. (Art History), Associate Professor, Kazan State Institute of Culture (3, Orenburgsky tract, Kazan 420059, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5680-1187, Scopus AuthorID: 57577590100, ResearcherID: AFA-8129-2022. E-mail: lilianotka@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 1.05.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.07.2024

Принята к публикации / Accepted 30.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.529-539>
EDN: BUWNLE

УДК 94(47)

ТЕРМИН «ДАНЩИКИ» В ЯРЛЫКЕ ХАНА МЕНГУ-ТИМУРА

С.А. Маслова

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
sveta2687@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: определить происхождение и содержание термина «данщики» в тексте ярлыка Менгу-Тимура.

Материалы исследования: грамоты, выданные ордынскими правителями русским митрополитам, ярлыки Токтамышша и Тимур-Кутлуга, ярлыки ильханов и императоров Юань, жалованные и договорные грамоты русских князей, русские летописи.

Результаты и научная новизна исследования: в статье рассмотрен термин «данщики», зафиксированный в самом раннем документе краткого собрания грамот, выданных правителями Золотой Орды русским митрополитам. Этот термин не встречается в более поздних документах Золотой Орды, а также в ярлыках монгольских правителей второй половины XIII в. – Хубилая и Абаги. Анализ совокупности монгольских и русских источников показал вставной характер термина «данщики» в ярлыке Менгу-Тимура. Представляется, что это слово было внесено в текст документа русским переводчиком ярлыков. В ярлыке Менгу-Тимура термин «данщики» заменяет слова «таможники» и «побережники» других ханских ярлыков, выданных русским митрополитам.

Ключевые слова: Русь, Золотая Орда, данщики, налоги, терминология

Для цитирования: Маслова С.А. Термин «данщики» в ярлыке хана Менгу-Тимура // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 529–539. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.529-539> EDN: BUWNLE

Финансирование: Статья выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 24-28-00018.

TERM “DANSHIKI” IN THE JARLYK OF KHAN MENGU-TIMUR

S.A. Maslova

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
sveta2687@yandex.ru*

Abstract. Objective: to determine the origin and content of the term «danshiki» in the text of the jarlyk of Mengu-Timur.

© Маслова С.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Research materials: charters issued to Russian Metropolitans by the rulers of the Golden Horde, jarlyks of Tokhtamysh and Timur-Khutlug, jarlyks of Ilkhans and Yuan emperors, chartered and contractual charters of Russian princes, Russian chronicles.

Results and novelty of the research: the article considers the term «danshiki» (tax collectors), recorded in the earliest document of the Short Collection of charters issued by the rulers of the Golden Horde to Russian metropolitans. This term is not found in other well-known documents, both Golden Horde and originating from other regions of the Mongolian Empire. An analysis of the totality of Mongolian and Russian sources showed the insertion of the term «danshiki» in the jarlyk of Mengu-Timur. It seems that this word was introduced into the text of the document by the Russian translator of jarlyks. In the jarlyk of Mengu-Timur, the term «danshiki» replaces the words «tamojniki» and «poberejniki» of other Khan's jarlyks issued to Russian metropolitans.

Keywords: Rus', the Golden Horde, danshiki, tax collectors, taxes, terminology

For citation: Maslova S.A. Term “danshiki” in the jarlyk of Khan Mengu-Timur. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 529–539. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.529-539> (In Russian)

Financial Support: The article was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00018.

Ярлыки, выданные ордынскими правителями русским митрополитам, – уникальный источник по истории русско-татарских взаимоотношений. Несколько грамот, адресованные представителям русского духовенства, – единственные сохранившиеся документы, происходящие из канцелярии Золотой Орды, выданные на Русь. Оригинал ханских ярлыков не сохранился. Грамоты существуют в виде перевода, выполненного на русский язык в конце XIV–начале XV вв. Эти документы содержат ценные сведения о налоговых обязательствах русских земель в пользу Улуса Джучи. В тексте грамот находится информация о наличии податного иммунитета у представителей русской церкви, перечислены наименования выплат, собираемых для золотоордынских правителей, а также указаны должностные лица, которым запрещалось взимать эти выплаты.

Ярлык хана Менгу-Тимура – наиболее ранний из актов краткого собрания ханских ярлыков, выданных татарскими правителями русским митрополитам¹. Краткое собрание состоит из семи документов – ярлыка хана Тюляка 1379 г., адресованного митрополиту Михаилу, грамоты ханши Тайдулы 1347 г., ярлыка Менгу-Тимура 1267 г., грамоты Тайдулы 1351 г., адресованной митрополиту Феогносту, ярлыка хана Бердибека 1357 г., адресованного митрополиту Алексею, грамоты Тайдулы 1354 г., адресованной митрополиту Алексею и заключения от составителя собрания.

В адресате документов содержится значительное число наименований тюрко-монгольских должностей. Адресат ярлыка Менгу-Тимура: «Вышняго бога силою вышняя троица волею Менгутемерьво слово людьским баскаком и князем и польчным князем и к данщиком и к писцем и к мимозящим послом и к соколником и к пардусником» [17, с. 467]. Ярлык Менгу-Тимура указывает на то, что ордынскую дань с Руси в XIII в. собирали специальные

¹ Традиционно, временем создания ярлыка считается 1267 г. Ю.В. Сочнев предложил более позднюю датировку документа – 1279 г. [23; 24].

ханские должностные лица – «данщики». В других документах собрания эта должность не фигурирует [17, 465–471].

Исследователи обратили внимание на это обстоятельство, однако подробно термин «данщики», упомянутый в ярлыке Менгу-Тимура, не рассматривали. А.Н. Насонов в своем фундаментальном труде «Монголы и Русь» писал: «При Менгу-Тимуре (ум. в 1280-1282 г.) на Русь посылались «даньщики», как видно из ярлыка Менгу-Тимура. Тексты же «ярлыков», критически разработанные М.Д. Приселковым, относящиеся к середине и ко второй половине XIV в., говорят, как и ярлык XIII в., о «писцах», но не говорят более о «даньщиках». «Даньщики», очевидно, из Золотой Орды в этот период уже не присылались. И действительно: уже в первой трети XIV в. великий князь владимирский (Михаил Тверской) сам собирал дань, как явствует из Рогожской летописи под 1318 г. и из биографии (жития) Михаила Тверского» [15, с. 77]. Вывод А.Н. Насонова повторил в комментариях к изданию ярлыков А.А. Зимин. Он считает, что «данщики» в ярлыке Менгу-Тимура – сборщики ордынской дани. «В связи с ликвидацией системы баскачества на Руси сбор дани был поручен русским князьям, поэтому в ярлыках XIV века даньщики не упоминаются», – отметил исследователь [17, с. 476]. Той же точки зрения придерживается М.Г. Сафаргалиев: «При хане Менгу-Тимуре, как видно из его ярлыка, татарская дань в пользу ханов собиралась «данщиками». «Данщики» – откупщики, посылаемые ханами, беспощадно обирали Русский улус. После Менгу-Тимура «данщики» исчезают, и право сбора дани перешло в руки великих князей. Собранную дань они сами отвозили в Орду» [22, с. 64]. Неким не вполне ясным «финансовым чиновником при баскаке» называет данщика Г.А. Федоров-Давыдов [27, с. 94]. На сложность понимания термина «данщики» в ярлыке Менгу-Тимура обратил внимание современный исследователь Ю.В. Сочнев. Он отметил перспективность лингвистического анализа для понимания терминологии ханского ярлыка, однако не предложил трактовку содержания слова, ограничившись замечанием, что «термин «даньщики», встречаемый в переводе ярлыка Менгу-Темира, является не буквальным переводом, а позднейшим осмыслением русским переводчиком непонятого ему ордынского термина» [24, с. 18]. Таким образом, исследователи понимают термин «данщики» как обозначение особой, реально существовавшей, категории ханских должностных лиц, занимавшихся сбором ордынского налога, дани. Таков был предварительный вывод и автора настоящего исследования [12, с. 39]. Последующая работа с актовым материалом позволила скорректировать сложившееся в историографии представление о монгольских «данщиках».

Кроме грамот, выданных русским митрополитам, известен еще один комплекс документов, происходящих из канцелярии Золотой Орды, – собрание актов ордынских правителей середины XIV в., хранящиеся в архивах Венеции. Документы, составляющие группу из десяти грамот, призваны регулировать деятельность венецианских торговцев в золотордынском городе Азаке (Тане). Акты были созданы в период с 1332 по 1359 гг. В комплексе венецианских документов содержится четыре ярлыка золотордынских ханов, в адресате которых упомянуты некоторые татарские должностные лица – ярлык Узбека 1333 г., Джанибека 1342 и 1347 гг., Бердибека 1358 г. Эти документы, как и грамоты, выданные на Русь, сохранились только в виде пере-

водов: ярлыки Узбека и Джанибека 1342 г. – на латинский язык, Джанибека 1347 г. и Бердибека – на итальянский язык. Переводы документов на русский язык, выполненный В.П. Григорьевым, можно найти в исследовании, посвященном венецианскому собранию [8].

Адресат ярлыка Узбека: «In uirtute eterni Dei et sua magna pietate miserante Osbach uerbum nostrum de pertinentia Cutluctemir ad Machmattoia principaliter et maioribus de Tana et ad comercarios et pedacarios et multis hominibus et uniuersis» [30, p. 243–244]. Адресат ярлыка Джанибека 1342 г.: «Nos magnificus imperator generalis Zanibech Ciniscan Zanibech, uerbum nostrum. Megalboa et omnes alij ad ipsurn expectantes et pertinentes, Siecho principaliter domino atque uniuersis alijs magnatibus in terra Tane, comerclarijs et illis de Tantanaco, et generaliter omnibus alijs in terra Tane et per totum imperium comorantibus» [30, p. 261–263]. Адресат ярлыка Джанибека 1347 г.: Allo pouolo di Mogoli, alli baroni di Thomani de li miera, de li centeneri e de le dexiene manda coraandando et a tutti quelli che se sotto la obediencia de Mogalbei, a tutti li baroni et rectori de citade et a tutti etiamdio li comercleri et a tutti li messadegi, che ua et che uien in tutti li seruisij e luoghi, che li ua ouer la che li andasse, et a sa zente et a tutti uniuersalmentre» [30, p. 311–313]. «La parola de Berdibech del pouolo deli Mogoli a signori de Chumani C X Baroni e tuti queli che se sotomesi a Molgabei e ali signori dele citade e a tuti li offitiali e tuti mesadegi ambaxadori che ua e che viem e ali comercleri e a quelli del pedazo e a tuti quelli che se offitiali delo imperio e a tuto lo pouolo e a tuti quanti» [31, p. 47–51].

Термин «данщики» в золотордынских документах венецианского собрания отсутствует. Лица, имевшие отношения к сбору налогов, согласно данным этих документов, занимались сбором торговых и дорожных выплат. Они названы сборщиками коммеркия, сборщиками тартанака и сборщиками дорожных пошлин. Коммеркий – торговая подать, которую формируют таможенная ввозная или транзитная пошлина, налог с оборота и такса за взвешивание товара. [11, с. 48]. «Коммеркий» – латинский термин. В Золотой Орде взимался налог с торговли – тамга (*tamya*) [13, с. 47–49; 34]. Соответственно, «сборщики коммеркия» в венецианских ярлыках, по всей видимости, соответствуют «таможникам» других золотордынских документов. «Тартанак» (*tartanaq*) – термин тюркского происхождения, он использовался для обозначения одного из торговых сборов. Тартанак взимался за взвешивание товара. Занимались этим тартанакчи (*tartanaqçï*) [4]. В ярлыке 1342 г. они обозначены как «сборщики тартанака».

В актовом наследии Золотой Орды выделяются ярлыки ханов Токтамыша и Тимур-Кутлуга. Эти документы – одни из немногих ордынских актов, сохранившие свой первоначальный текст. Ярлык Токтамыша выдан частному лицу, Бек-Хаджи, в конце XIII в.² Документ известен в подлиннике, написан буквами арабского алфавита по-тюркски. Существуют переводы ярлыка на русский язык, выполненные в XIX в. Я.О. Ярцовым и И.Н. Березиным, а также неполный (раздел о пожаловании) перевод А.П. Григорьева, опубликованный в 1981 г. [9, с. 339; 3, с. 15; 6, с. 126–129].

² М.А. Усманов датировал документ 1392 г. [26, с. 29–30], уточненная датировка А.П. Григорьева, поддержанная И.Вашари – 1381 г. [6, с. 128; 4, с. 97].

Ярлык Тимур-Кутлуга выдан также частному лицу, Мухаммаду, в 1398 г. Документ сохранился в виде копии, написан арабскими и уйгурскими знаками на тюркском языке. На русский язык ярлык переведен И.Н. Березиным, В.В. Радловым и А.Н. Самойловичем, а также частично (раздел о пожаловании) – А.П. Григорьевым [3, с. 10–11; 20, с. 20–21; 7, с. 124–128].

Довольно обширный адресат ярлыков Токтамыша и Тимур-Кутлуга не содержит сведений о деятельности какой-либо категории должностных лиц, ответственных за сбор налогов в целом или общего налога (поземельного или подушного), т.е. тех чиновников, которых можно было бы назвать «данщиками». В ярлыках сборщики непосредственного налогов обозначены как «сборщики пошлин и помощники их» [9, с. 339], «таможники и весовщики» [3, с. 10, 15], «сборщики и таможники» [20, с. 20–21], «таможенники и сборщики подати» [21, с. 1122–1123]. Таким образом переводчики передали оборот *тамгачи тартнакчыларыга* [20, с. 24; 21, с. 1113]. Фактически, в ярлыках речь идет о сборщиках торговых налогов – тамги – таможниках (тамгачи) и весовой таксы – тартанакчи.

Сохранившиеся ярлыки золотордынских ханов свидетельствуют об отсутствии должности «данщиков» в администрации Золотой Орды в XIV в. Эта должность не зафиксирована не только на Руси, но и в других областях, подчиненных Улусу Джучи.

Наименование чиновников, которых можно было бы назвать «данщиками», отсутствует также в сохранившихся ярлыках второй половины XIII в. – времени создания ярлыка Менгу-Тимура. Эти документы происходят из разных регионов некогда единой Монгольской империи. От империи Юань сохранилось множество документов ее правителей, адресованных руководителям китайских религиозных общин. Их воля запечатлена на каменных стелах, сохранившихся во дворах монастырей. Надписи сделаны китайским письмом, на китайском языке. Ко второй половине XIII в. относятся ярлыки Хубилая. Текст документов опубликовал, а также снабдил переводом на французский язык Э. Шаванн³. Адресат ярлыка Хубилая 1258 г.: «Сказано всем тем, кто в городах округов Китая является даругами, управляющими народом, либо буддийскими священнослужителями, управляющими буддийскими общинами, либо даосскими священнослужителями, управляющими даосскими общинами» [28, р. 388–389]⁴. Адресат ярлыка Хубилая 1261 г.: «Указ, адресованный членам суюньфуши, даругам городов и деревень, гражданским чиновникам, Истинному человеку Чану, главе даосских монахов» [28, р. 390]⁵. В другом ярлыке Хубилая 1261 г. упомянут выданный ранее указ, в котором различным должностным лицам запрещалось пользоваться ресурсами даосского монастыря: «В прошении, адресованном нам Истинным человеком

³ Надписи, сделанные квадратным письмом на монгольском языке, перевел на русский язык Н.Н. Поппе [19].

⁴ «Il est dit à tous ceux qui dans les villes des arrondissements de la Chine sont fonctionnaires ta-lou-houa-tch'e (darougha) administrant le peuple, ou religieux bouddhistes administrant des communautés bouddhistes, ou religieux taoïstes administrant des communautés taoïstes».

⁵ «Edit adressé aux membres des siuan-fou-sseu, aux ta-lou-houa-tch'e (darougha) des villes et des villages, aux fonctionnaires civils, à l'Homme Véritable Tchang qui est chef des sien-cheng (religieux taoïstes)».

Чаном, говорится: “даосы, управляющие храмом Тай-Цин в районе По, когда получили княжеский указ, предписывающий, чтобы официальным курьерам, пехотинцам и всадникам не разрешалось находиться в этом храме, что никто не должен был вырывать или рубить посаженные там деревья, и что эти священнослужители должны были особенно заботиться о том, чтобы взывать к небесам за императора и молиться за его долголетие. Теперь же этот некогда полученный княжеский указ был возвращен. Я прошу вернуть его мне”» [29, р. 371–372]⁶. Адресат ярлыка Хубилая 1280 г.: «Указ, адресованный суюньфуши, даругам в городах и деревнях, гражданским чиновникам, Истинному человеку Ки, главе даосских монахов» [29, р. 381]⁷.

Документы империи Юань весьма показательны, т.к. они, подобно ярлыку Менгу-Тимура (и другим грамотам, выданным золотордынскими правителями русским митрополитам), адресованы представителям духовенства и по времени создания близки к ярлыку золотордынского хана. Однако, в отличие от грамот, выданных русским митрополитам, юаньские документы демонстрируют подлинный первоначальный текст правительственных указов.

От государства Хулагуидов второй половины XIII в. сохранились подлинные ярлыки ильхана Абаги, в адресате которых перечислены некоторые должностные лица. Адресат ярлыка 1265/1266 г.: «D[aruγast]a bičigeč'in-e» [32, s. 191]. Адресат ярлыка 1267/1279 г.: «Samayar-a jāyura bükün balayad-un daruγas-ta nouyad-ta todqayula qarayul-a jāmuč'ina onγač'ač'ina» [33, р. 433]. В документах нет указания на должность данщика или похожую на нее. В ярлыках Абаги значатся даруги, писцы, нойоны, инспекторы почтовых станций, стража, люди, обслуживающие почтовые станции, лодейщики, но не упомянуты должностные лица, занимающиеся сбором налогов в целом или общего налога.

Из вышесказанного можно заключить, что довольно обширный актовый материал монгольского происхождения демонстрирует отсутствие в правительственных ярлыках XIII в. термина «данщики» или слова, схожего по смыслу. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о вставном характере термина в ярлыке хана Менгу-Тимура. Это слово было добавлено в текст документа при его переводе на русский язык. Сам термин «данщики» имеет очевидно русское происхождение – от обозначения основной подати, «дань».

На Руси деятельность данщиков известна с домонгольских времен. Наименование должности в форме «данники» зафиксировано в русском летописании. Лаврентьевская летопись под 1096 г. сообщает о пленении данников князей Олега и Ярослава Святославичей в Ростовской волости. Они захватили область, но не смогли ее удержать. Воевода новгородского князя Мстислава Владимировича Добрыня Рагуилович взял их в плен [18, стб. 238]. Нов-

⁶ «Dans une requête qui a été adressée par l'Homme véritable Tchang, il est dit: “Les taoïstes qui administrant le temple T'ai-ts'ing de l'arrondissement de Po avaient reçu autrefois un édit princier prescrivant que les courriers officiels, les fantassins et les cavaliers n'étaient pas autorisés à séjourner dans ce temple, que personne ne devait arracher ou couper les arbres qui y étaient plantés, et que ces religieux devaient s'occuper spécialement d'invoquer le Ciel en faveur de l'empereur et de prier pour sa longévité. Or maintenant cet édit princier autrefois reçu a été repris. Je demande qu'il me soit rendu”».

⁷ «Édit adressé aux siuan-fou-sseu, aux ta-lou-houa-tch'e (darougha) qui sont dans les villes et dans les villages, aux fonctionnaires civils, à l'Homme véritable K'i qui est le chef des sien-cheng (religieux taoïstes)».

городская первая летопись в сообщениях за 1149, 1169, 1187 гг. упоминает о данниках в Новгородской земле [16, с. 28, 33, 229]. Данники занимались сбором поземельной подати [5, с. 102]. В ордынскую эпоху известны данщики русских князей. Договорные и жалованные грамоты XIV–XV вв. регулируют их деятельность – данщикам запрещалось взимать налог с оговоренных в документах территорий [2, с. 193; 10, с. 20; 1, с. 142, 156, 167, 240, 252 и др.]. Этот налог взимался в пользу князя, сбором ордынских выплат данщики не занимались. О деятельности на Руси данщиков ордынских ханов источники русского происхождения не сообщают.

Предложенные наблюдения, позволяют сделать вывод о том, что при переводе ханских грамот в ярлык Менгу-Тимура был добавлен термин «данщики». Эта должность не зафиксирована в монгольских документах, однако была известна на Руси. Переводчик ордынских актов не имел ввиду княжеских данщиков, которым запрещалось взимать побор, иначе данщики скорее всего были бы упомянуты и в других ханских грамотах. Термин «данщики» в ярлыке Менгу-Тимура заменяет слова «таможники» и «побережники» других ханских ярлыков, выданных русским митрополитам и, таким образом, является, по сути, обобщающим обозначением этих двух категорий. Представляется, что адресат оригинала ярлыка Менгу-Тимура был довольно краток и не содержал наименований должностей лиц, имеющих отношение к сбору налогов. Эти наименования появились в ярлыках XIV в. Тогда в адресате стали указывать сборщиков торговых, а затем и иных выплат. С целью ограждения русской церкви от уплаты податей в пользу Золотой Орды адресат ярлыка Менгу-Тимура был расширен переводчиком документа. В грамоту был добавлен термин «данщики», очевидно хорошо известный русскому переводчику. Таким образом было дополнительно подчеркнуто значение ярлыка как охранного документа.

Отсутствие термина «данщики» в ярлыках XIV в. не связано с изменением системы сбора ордынской дани с русских земель. Основной налог в пользу Золотой Орды стал выплачиваться со второй половины XIII в., после проведения монгольских переписей. Сбором монгольских налогов с самого начала занимались русские князья при помощи своих должностных лиц. Они собирали (кроме прочих) общий налог в свою пользу, дань, выплачивая из нее часть в пользу завоевателей. Со стороны Золотой Орды осуществлялся только контроль над выплатами. За своевременностью сбора и предоставлению налогов в полном объеме следили откупщики и баскаки. В первой четверти – второй половине XIV в. контроль над выплатой налогов в пользу Золотой Орды перешел полностью к русским князьям. Непосредственно сбором дани с русских земель как во второй половине XIII, так и в XIV вв. занимались данщики – представители княжеской администрации⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 804 с.

⁸ Подробнее о системе сбора ордынских налогов см. [14].

2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука, 1964. 688 с.
3. Березин И.[Н.] Тарханские ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань: Тип-я Университета, 1851. 56 с.
4. Вашари И. Заметки о термине *tartanaq* в Золотой Орде // Советская тюркология. 1987. №4. С. 97–103.
5. Горский А.А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 410 с.
6. Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 8. Л. Изд-во Ленинградского университета, 1981. С. 126–136.
7. Григорьев А.П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 9. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. С. 124–143.
8. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002. 273 с.
9. Григорьев В.[В.], Ярцов Я.О.]. Ярлыки Тохтамыша и Сеадеть-Герая. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса: Городская тип-я, 1844. С. 337–345.
10. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1950. 585 с.
11. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: Изд-во Московского университета, 1981. 232 с.
12. Маслова С.А. Монгольские чиновники по данным ярлыков XIII–XIV вв. // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М.: Индрик, 2021. С. 36–44.
13. Маслова С.А. «Ордынская тягость и протор»: выплаты Золотой Орде с русских земель // Средневековая Русь. Вып. 15. М., 2022. С. 19–60.
14. Маслова С.А. Установление системы регулярного налогообложения русских земель в пользу Золотой Орды // Российская история. 2024. № 1. С. 3–18. <https://doi.org/10.31857/S2949124X24010015>
15. Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 178 с.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 568 с.
17. Памятники русского права. Вып. 3. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1955. 528 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
19. Поппе Н.Н. Квадратная письменность. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 167 с.
20. Радлов В.В. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. Т. 3. СПб.: Тип-я Имп. Академии наук, 1889. С. 1–40.
21. Самойлович А.Н. Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Известия Российской Академии наук. VI серия. 1918. № 11. С. 1109–1124.
22. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с.
23. Сочнев Ю.В. Формирование конфессиональной политики золотоордынских ханов и датировка ярлыка Менгу-Тимура // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 25–26 февраля 2005 г. Н.Новгород: НГПУ, 2005. С. 8–12.

24. Сочнев Ю.В. К изучению ярлыка Менгу-Тимура и оценке его влияния на русские великокняжеские акты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 2 (72). С. 65–73.
25. Сочнев Ю.В. Проблема определения «данщиков» в ярлыке золотоординского хана Менгу-Темира // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции (13 декабря 2018 г.). Вып. 15. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С. 14–19.
26. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 317 с.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского университета, 1973. 180 с.
28. Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole // T'oung pao. Ser. II. Leide, 1904, vol. 5. P. 357–447.
29. Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole // T'oung pao. Ser. II. Leide, 1908, vol. 9. P. 297–429.
30. Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1300–1350 / Ed. by G.M.Thomas. Venetiis, 1880. Pars 1. XXVI, 356 p.
31. Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. A. 1351–1454 / Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. XXX, 452 p.
32. Doerfer G. Mongolika aus Ardabil // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1975. Bd. 9. S. 187–263.
33. Mostaert A., Cleaves F. W. Trois documents Mongols des Archives secretes vaticanes // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1952, vol. 15, no. 3/4. P. 419–506.
34. Pochekaev R. Yu. Tamgha and the struggle against it: on the history of medieval Turkic-Mongol taxation system // Golden Horde Review. 2014, no. 4 (6), pp. 77–95.

REFERENCES

1. Deeds of socio-economic history of North-Eastern Rus' of the end of the XIV – beginning of the XVI century. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 804 p. (In Russian)
2. Deeds of socio-economic history of North-Eastern Rus' of the end of the XIV – beginning of the XVI century. Vol. 3. Moscow: Nauka, 688 p. (In Russian)
3. Berezin I.N. The tarkhan jarlyks of Tokhtamysh, Temür Qutlugh and Saadet Giray. Kazan: Tipografiya Universiteta, 1851. 56 p. (In Russian)
4. Vasary I. Notes on the term *tartanaq* in the Golden Horde. *Sovetskaya Turkologiya*. 1987, no. 4, pp. 97–103. (In Russian)
5. Gorsky A.A. Russian medieval society: historical and terminological handbook. St. Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2019. 410 p. (In Russian)
6. Grigoriev A.P. Granting in jarlyk of Tokhtamysh. *Vostokovedeniye: philologicheskiye issledovaniya*. Iss. 8. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1981, pp. 126–136. (In Russian)
7. Grigoriev A.P. Granting in jarlyk of Temür Qutlugh. *Vostokovedeniye: philologicheskiye issledovaniya*. Iss. 9. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1984, pp. 124–143. (In Russian)
8. Grigoriev A.P., Grigoriev V.P. Collection of the 14th-century Golden Horde documents from Venice. St. Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 2002. 273 p. (In Russian)

9. Grigoriev V.[V., Jartsov J.O.]. The jarlyks of Tokhtamysh and Saadet Giray. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. Vol. 1. Odessa: Gorodskaya tipographiya, 1844, pp. 337–345. (In Russian)
10. Spiritual and contractual charters of great and state princes of the XIV–XVI centuries. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 585 p. (In Russian)
11. Karpov S.P. The Trebizond Empire and Western European states in the XIII–XV centuries. Moscow: Moscow State University Publ., 1981. 232 p. (In Russian)
12. Maslova S.A. Mongolian officials according to the jarlyks of the XIII–XIV centuries. *Rus in the XIII–XV centuries. New discoveries in the field of archaeology and history*. Moscow: Indrik, 2021, pp. 36–44. (In Russian)
13. Maslova S.A. "Horde burden and protor": payments to the Golden Horde from Russian lands. *Srednevekovaya Rus*. Iss. 15. Moscow: Indrik, 2022, pp. 19–60. (In Russian)
14. Maslova S.A. Establishment of a system of regular taxation of Russian lands in favor of the Golden Horde. *Rossiyskaya istoriya*, no. 1, 2024, pp. 3–18. <https://doi.org/10.31857/S2949124X24010015> (In Russian)
15. Nasonov A.N. Mongols and Rus'. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1940. 178 p. (In Russian)
16. Novgorod First Chronicle according to the Older and Younger Transcripts. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 642 p. (In Russian)
17. *Monuments of Russian law*. Iss. 3. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1955. 528 p. (In Russian)
18. The complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997. 733 p. (In Russian)
19. Poppe N.N. Square inscription. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 167 p. (In Russian)
20. Radlov V.V. Jarlyks of Tokhtamysh and Temür Qutlugh. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. Vol. 3 St. Petersburg: Tipographiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1889, pp. 1–40. (In Russian)
21. Samoilovich A.N. Several amendments to the jarlyk of Temür Qutlugh. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk*. Iss. 6, no. 11, 1918, pp. 1109–1124. (In Russian)
22. Safargaliev M.G. The collapse of the Golden Horde. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatelstvo, 1960. 276 p. (In Russian)
23. Sochnev Yu.V. The formation of the confessional policy of the Golden Horde Khans and the dating of the jarlyk of Mengü-Timur. *Aktualnye problemy istoricheskoy nauki i tvorcheskoye naslediyе S. I. Arkhangel'skogo*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 2005, pp. 8–12. (In Russian)
24. Sochnev Yu.V. On the study of the jarlyk of Mengü-Timur and the assessment of its influence on Russian Grand princely acts. *Old Russia. The questions of Middle Ages*. 2018, no. 2 (72), pp. 65–73. (In Russian)
25. Sochnev Yu.V. The problem of defining "danshiki" in the jarlyk of the Golden Horde Khan Mengü-Timur. *Voprosy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya*. 2019, Iss. 15, pp. 14–19. (In Russian)
26. Usmanov M.A. Chartered acts of Ulus of Jochi of the XIV–XVI centuries. Kazan: Kazan University Publ., 1979. 317 p. (In Russian)
27. Fedorov-Davydov G.A. The social system of the Golden Horde. Moscow: Moscow State University Publ., 1973. 180 p. (In Russian)
28. Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole. *T'oung pao*. Ser. 2. Leide, 1904. Vol. 5, pp. 357–447. (In French)
29. Chavannes Ed. Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises de l'époque mongole. *T'oung pao*. Ser. 2. Leide, 1908. Vol. 9, pp. 297–429. (In French)
30. *Diplomatarium Veneto-Levanticum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. A. 1300–1350. Ed. by G.M. Thomas. Venetiis, 1880. Pars 1. XXVI. 356 p. (In Latin)

31. *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia*. A. 1351–1454. Ed. by R. Predelli. Venetiis, 1899. Pars 2. XXX. 452 p. (In Latin)

32. Doerfer G. *Mongolika aus Ardabil*. Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn. Wiesbaden, 1975. Bd. 9, pp. 187–263. (In German)

33. Mostaert A., Cleaves F.W. *Trois documents Mongols des Archives secretes vaticanes*. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 15, no. 3/4 (Dec., 1952), pp. 419–506. (In French)

34. Pochekaev R.Yu. *Tamgha and the struggle against it: on the history of medieval Turkic-Mongol taxation system*. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 4 (6), pp. 77–95. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Алексеевна Маслова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: sveta2687@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Maslova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: sveta2687@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 4.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 5.08.2024

Принята к публикации / Accepted 28.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.540-575> УДК 902/904 + 930.85 + 745.521
EDN: DRMENH

ИМПОРТНЫЕ УЗОРНЫЕ ТКАНИ
БЕЛОРЕЧЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА
В КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

А.Н. Теплякова

*Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Российская Федерация
teplyakova@hermitage.ru*

Резюме. Цель исследования: атрибуция и датировка узорных тканей Белореченского могильника (Северный Кавказ), изучение техники изготовления, восстановление орнаментов тканей и исследование исторических вопросов, связанных с проблемой поступления и бытования тканей в регионе.

Материалы исследования: 22 узорные ткани из коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа (52 инв. №); ткани коллекций других учреждений (Музей Метрополитен, музей Виктории и Альберта, музей искусств Кливленда и др.); коллекция археологических материалов Белореченского могильника (собрание Отдела Востока Государственного Эрмитажа).

Результаты и научная новизна: Из 87 образцов тканей, вышивки, рукоделия и нитей 22 примера относятся к шелковым узорным тканям, которые по технике делятся на бархаты, дамаски, лампасы и тафту с дополнительным утком лансе. Большая часть тканей может быть связана с сиро-египетской ткаческой традицией XIV–XV вв., однако, выделяются примеры китайского и итальянского производства, а также один дамаск, технические черты которого роднят его не только с итальянскими и сиро-египетскими, но и сефевидскими тканями начала XVI в. В этой связи рассмотрена и уточнена датировка курганов, из которых эти ткани происходят, затронуты вопросы торговли в Северном Причерноморье, а также внеэкономические пути появления статусных импортных изделий.

Ключевые слова: Белореченский могильник, шелк, лампас, бархат, дамаск, тафта, Венеция, Генуя, Мамлюкский султанат, черкесы

Для цитирования: Теплякова А.Н. Импортные узорные ткани Белореченского могильника в коллекции Государственного Эрмитажа // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 540–575. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.540-575>
EDN: DRMENH

© Теплякова А.Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

**IMPORTED FIGURED TEXTILES
FROM THE BELORECHENSKY BURIAL GROUND
IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM**

A.N. Teplyakova

*The State Hermitage Museum
St. Peterburg, Russian Federation
teplyakova@hermitage.ru*

Abstract. Purpose of the study: The attribution and dating of figured textiles from the Belorechensky burial ground (North Caucasus), study of manufacturing techniques, reconstruction of textile patterns and study of historical aspects related to the problem of the supply and existence of these silks in the region.

Research materials: The collection of archaeological materials from the Belorechensky burial ground (collection of the Oriental Department of the State Hermitage) including 22 figured textiles (52 inventory no.), textiles from collections of other institutions (Metropolitan Museum, Victoria and Albert Museum, Cleveland Museum of Art, etc.).

Results and scientific novelty of the study: Of the 87 examples of textiles, embroidery, needlework, and threads, 22 examples are related to silk figured textiles. According to the technique, they are divided into velvets, damasks, lampases, and taffeta with pattern weft. Most of the textiles can be associated with the Syro-Egyptian weaving tradition of the 14th–15th centuries. However, there are several examples of Chinese and Italian production, and one damask, the technical features of which make it related not only to Italian and Syro-Egyptian, but also to early 16th century Safavid textiles. In this regard, the dating of the mounds from which these textiles originate was examined and clarified; issues of trade in the Northern Black Sea region were touched upon, as well as non-economic ways of the appearance of high-status imported products.

Keywords: Belorechensky burial ground, silk, lampas, velvet, damask, taffeta, Venice, Genoa, Mamluk Sultanate, Circassians

For citation: Teplyakova A.N. Imported figured textiles from the Belorechensky burial ground in the collection of the State Hermitage Museum. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 540–575. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.540-575> (In Russian)

Белореченские курганы

Белореченские курганы исследовались профессором Н.И. Веселовским близ г. Белореченска, в среднем течении р. Кубани, в 1896, 1897, 1906 и 1907 гг. [36, с. 2–53; 37, с. 17–20; 38, с. 95–100; 39, с. 85–88]. Основная часть курганов, раскопанных им, располагалась приблизительно в 2 километрах к югу от станицы (53 кургана (1896 г.), а также курганы № 1 и № 9 (1906 г.)). Один курган – № 10 (1906 г.) располагался на границе станиц Белореченской и Ханской. Другая крупная группа курганов (разновременных, из них – 8 курганов XIV–XV в. (№№ 2–9)) была исследована Н.И. Веселовским в северных окрестностях станицы в 1907 г. За четыре года исследований было раскопано 84 позднесредневековых кургана.

Дата курганов. В отчете Императорской археологической комиссии возраст курганов был определен следующим образом: «В значительной группе

курганов, расположенной у станицы Белореченской, проф. Веселовский раскопал 53 кургана, выш. от 1 до 10 арш. Все они оказались принадлежащими к XIV и XV столетиям по Р.Х. Время это определяется как стилем найденных в них вещей, так и золотоордынскими монетами, оказавшимися в одной из могил, и арабскими надписями на некоторых предметах» [36, с. 2].

Повторяет датировку и А.П. Смирнов, указывая на то, что Белореченский могильник относится к XIV–XV вв. по датам на монетах и арабским надписям [42, с. 88].

В.П. Левашева также датирует «весь комплекс» курганов (1896, 1897, 1906, 1907 гг.) по монетам – началом XV в. [31, с. 184]. Монетные находки, которых всего три, были найдены в одном кургане № 12 (ГЭ, инв. № ТБ-307-309). Младшая из монет относится ко времени правления хана Большой Орды Сайида-Ахмада I (1432–1455 гг.)¹. Отметим, что предлагалось и более позднее определение этой монеты: Сайид Ахмад II, 886 г.х. (1481/1482 гг.) [3, с. 128].

М.Г. Крамаровский предлагает несколько датировок могильника: «Верхнюю дату для белореченской находки [поясной набор (инв. № ТБ-138) – прим. авт.] мы предварительно устанавливаем по комплексу, и это, по крайней мере, время не позже второй половины XIV – рубежа XV в» [28, с. 152]. «Разумеется, верхняя дата могильника не может замыкаться первой третью XV в., поскольку в кургане № 38 найден сосуд венецианского стекла с цветными эмальями и позолотой, дата которого не может быть определена ранее последней трети или даже конца XV в.» [28, с. 154].

И.А. Дружинина указывает на тот факт, что Белореченские курганы не могут считаться единым могильником, поэтому попытки установить единую датировку для всех курганов ошибочны [12, с. 71], равно как и причислять к одному этносу [12, с. 128; 52, с. 507–509]. Автор также выделяет несколько периодов в датировках погребений и связывает возникновение феномена Белореченского могильника с взаимодействием черкесов Северного Кавказа с мамлюками Сирии и Египта: «Хронология Белореченских курганов отражает основные этапы функционирования трафика поставки военных рабов с территории Улуса Джучи в Мамлюкский султанат» [13, с. 206].

Текстиль Белореченских курганов. Текстильными находками Белореченских курганов интересовались различные исследователи. Так Н.И. Веселовский полагал, что шелковые, парчовые, бархатные ткани были западноевропейского производства [36, с. 12–13]. В.П. Левашева и Т.Д. Равдоникас отмечали, что среди текстильных находок Белореченского могильника преобладают ткани восточного, по большей части иранского изготовления, один китайский шелк типа камки и один итальянский бархат [31, с. 192–193; 41, с. 70–74]. Превалирующим интересом в этих работах была не атрибуция тканей, а вопросы северокавказского костюма [10, с. 75–78]. Среди перечисленных авторов только статья З.В. Доде посвящена орнаментальным и технологическим признакам одной из белореченских тканей [11, с. 247–272].

Все текстильные находки из коллекции Государственного Эрмитажа относятся к раскопкам 1896 г. В общей сложности насчитывается 87 различных фрагментов гладких, узорных тканей, тесьмы поясов и пряжек, шнурков, ру-

¹ Определение монет П.Н. Петрова [28, с. 382, прим. 505].

коделия и металлических нитей. Из них наибольшее количество тканей сохранилось в трех курганах: № 10, 12 и 20.

Из общего числа текстильного материала коллекции Государственного Эрмитажа можно выделить 50 фрагментов, составляющих 22 узорные шелковые ткани (таблица 1). Как следует из таблицы, узорные шелка распределены по 13 курганам, зачастую фрагменты одной ткани могут находиться в разных курганах.

Самую многочисленную группу представляют ткани типа лампас. В коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа хранятся 15 тканей этого типа. Дамаски представлены четырьмя примерами. Среди белореченских тканей всего два примера бархатов, разительно различающихся между собой как по сохранности и внешнему виду, так и по структуре², и один пример ткани полотняного переплетения (т.е. тафты) с дополнительным утком лансе.

А. Бархаты

Самый сложный и репрезентативный образец узорных тканей Белореченского могильника это бархат из кургана № 20 (рис. 1. 1–2). Его узор – пример одного из самых распространенных и хорошо узнаваемых орнаментов европейских тканей эпохи Возрождения – «мотива граната». Этот мотив объединяет группу орнаментов, основанных на стилизации шишки сосны, артишока, чертополоха, древа жизни, лотоса и пальметты [56, р. 507]. Ткани с подобным орнаментом производились с XV в. в первую очередь в итальянских центрах, таких как Венеция и Флоренция, затем и в других странах, куда переселялись итальянские мастера, например, в Испанию и даже османскую Турцию [69, р. 4–12].

Технически ткань сложная, высокого качества, с ворсом, вероятно, двух типов (разрезным и петельчатым), с обильным введением металлической нити и участками, где эта нить вытягивается, образуя петли букле. Главная и ворсовая нити основы окрашены дорогим красителем – кошенилью³. Комбинированная металлическая нить состоит из плоской полоски серебра, накрученной s-круткой на шелковый сердечник, и она датирует бархат временем не ранее 1430-х гг⁴ (чаще всего итальянские ткани с этим типом нити относят к середине XV в. [64, р. 36, fig. 8]), кромки (по исследованиям фрагментов этой ткани из собрания ГИМа) датируют временем не позднее 1457 г. и позволяют отнести бархат к венецианским мастерским [11, с. 260]. Венецианский провенанс подтверждает и раппорт орнамента (31 см), два повтора которого составляют ширину, близкую венецианской мере длины для тканей, браччо = 63,8 см. [24, с. 334].

² В коллекции ГИМа есть еще один пример бархата: инв. № Оп.В 337/938.

³ Карминовая кислота карминоносных червецов (класс антрахинонов, протравной краситель) обнаружена в нитях ворсовой основы и узорного утка. Определение красителей – Гавриленко Л.С., Государственный Эрмитаж, 2009 г.

⁴ 1434–1446 гг. датируется казула с вышитым гербом графа Уорика. Бархат казулы соткан с металлической нитью из позолоченной полоски металла, накрученной s-круткой вокруг сердечника (шелк, s, желтый) [70, р. 78–79, cat. 14].

Таблица 1. Узорный текстиль Белореченского могильника в коллекции
Отдела Востока Государственного Эрмитажа
Table 1. Figured textiles of the Belorechensky burial ground in the collection
of the Oriental Department of the State Hermitage Museum

№ п/п	Инв.№	Название	Курган (1896 г.)	Атрибуция	Датировка	Тип ткани	Группировка	Рис. №
1	ТБ-119а, 252, 253, 254, 258f, 330, 335, 372, 554, 617, Оп.39-127	Фрагменты зеленого шелка с медальонами	Курганы 5, 10, 12, 20, 27, 30, 45	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 3. 1,4.
2	ТБ-119б, Оп.39-126	Шелк подкладки с крупными медальонами	Курганы 5, 30	Италия	2 половина XV – начало XVI вв.	дамаск		Рис. 2. 4,6
3	ТБ-119в, 328, Оп.39-129	Фрагменты шелка с гвоздиками	Курганы 5, 12, 30	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 3. 2-3,5.
4	ТБ-621	Фрагмент шелка с драконом	Курган 6	Китай или Центральная Азия	XIII–XIV вв.	тафта лансе		Рис. 7. 7-8
5	ТБ-165, Оп.39-43	Шелк с орнаментом в виде сетки заостренных овалов	Курган 9	Турция	середина XV – начало XVI вв.	лампас	группа 2	Рис. 7. 1-3
6	ТБ-245, 248, 249	Фрагменты дамаска с мотивом логоса	Курган 10	Италия, Сирия или Египет, Иран	XIV–XVI вв.	дамаск		Рис. 2. 1-2
7	ТБ-246, 331, 332, 333, 334, 370, 371, 372, 374в	Дамаск с мотивом руми	Курганы 10, 12, 20	Сирия или Египет или Турция	XIV–XV вв.	дамаск		Рис. 2. 3,5
8	ТБ-247а	Фрагмент с толстыми растительными побегами	Курган 10	Италия	конец XV – начало XVI вв.	лампас	группа 3	Рис. 7. 4-5
9	ТБ-250	Фрагмент с мотивом граната	Курган 10	Италия	конец XV – начало XVI вв.	лампас	группа 3	Рис. 7. 6
10	ТБ-255, 594	Фрагменты головного убора с геометрическим орнаментом	Курганы 10, 50	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 4. 1-3

11	ТБ-258b	Фрагмент шелка с изразцовым орнаментом	Курган 10	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 4. 6-7
12	ТБ-258d	Фрагмент шелка с пионом	Курган 10	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 4. 8-10
13	ТБ-336	Фрагмент бархата	Курган 12	Турция	середина XV – XVI вв.	бархат		Рис. 1. 3-4
14	ТБ-349	Головной убор	Курган 15	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 4. 4-5
15	ТБ-370a, 371a, 373, 374б	Бархат с мотивом граната	Курган 20	Италия	середина XV в.	бархат		Рис. 1. 1-2
16	ТБ-370б	Тесьма	Курган 20	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 6. 1-2
17	ТБ-374a	Шелк с s-образными фигурами	Курган 20	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 6. 4-6
18	ТБ-374в	Фрагмент полосатой ткани	Курган 20	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 6. 3
19	ТБ-620	Полосатый шелк	Курган 24	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 5. 1-2
20	Оп.39-124, 125	Шелк с сеткой растительных побегов и медальонами	Курган 33	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 6. 7-8
21	ТБ-601, 602	Шелк с диагональными полосами	Курган 45	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	лампас	группа 1	Рис. 5. 3-5
22	ТБ-627	Фрагмент дамаска с мелким растительным (?) орнаментом	Курган не известен	Сирия или Египет	XIV–XV вв.	дамаск		Рис. 2. 7

Второй фрагмент бархата с крупным, плохо читающимся орнаментом, который, вероятно, состоял из медальонов (рис. 1. 3–4). Сохранилась часть медальона (три округлых лопасти) и две мелкие лопасти между нити. В центре каждой лопасти – круг, от которого, вероятно, отходили мелкие растительные побеги. В центре медальона также располагались различные детали орнамента. Вероятно, от медальона отходили крупные растительные побеги. Раппорт орнамента полностью не восстановить. Ширина сохранившегося фрагмента 26 см.

Крупный размер медальона, простая, округлая форма его лопастей свидетельствует скорее о восточном (вероятнее всего, османском) происхождении бархата. В качестве пока единственной аналогии назовем фрагмент красного бархата с золотой, серебряной и зеленой нитью в узоре восточной

(вероятно, османской) атрибуции XVI в. (Музей искусства и истории в Парке Пятидесятилетия, Брюссель) [59, p. 201–202, cat. 220b].

Структура этого бархата значительно проще, насколько позволяет судить сохранность фрагмента. Технические черты не позволяют однозначно отнести бархат к итальянскому или турецкому производству (таблица 2). Тканей османского производства XV века сохранилось не так много, они во многом имитируют итальянские. По совокупности орнаментальных и технических признаков все же предварительно следует отнести образец к османским бархатам второй половины XV–XVI вв.

Таблица 2. Технические параметры бархата (инв. № ТБ-336) и сравнение с образцами итальянских и османских бархатов

Table 2. Technical parameters of velvet (inventory No. TB-336) and comparison with samples of Italian and Ottoman velvets

		Совпадение с признаками итальянских бархатов	Совпадение с признаками османских бархатов
Техническое описание⁵		10 примеров в выборке: 1. V&A, 402-1907. [70, p. 78-79, cat. 14] 2. V&A, 8704-1863. [70, p. 80-81, cat. 15] 3. V&A, 116-1880. [70, p. 118-119, cat. 34] 4. V&A, Т.120-1911. [70, p. 62-63, cat. 5] 5. V&A, 1332-1864. [70, p. 64-65, cat. 6] 6. V&A, 7074-1860. [70, p. 66-67, cat. 7] 7. V&A, 8312-1863. [70, p. 56-57, cat. 2] 8. V&A, 381-1892. [70, p. 58-59, cat. 3] 9. V&A, 78-1864; 79-1864. [70, p. 68-69, cat. 8] 10. V&A, 8685-1863. [70, p. 70, cat. 9]	14 примеров в выборке: 1. V&A, 92-1882. [70, p. 144-145, cat. 47] 2. V&A, Т.359-1977. [70, p. 146-147, cat. 48] 3. V&A, 326-1895. [70, p. 148-149, cat. 49] 4. V&A, 1357-1877. [70, p. 150-151, cat. 50] 5. Государственный Эрмитаж, инв. № ЧМ-1422, 1423. [44] 6. Музей Топкапы, Стамбул, инв. № 13/1919 [55, p. 333-334, pl. 67] 7. Аберг-Штифтунг, Риггисберг-Берн, инв. № 235 [55, p. 334, pl. 68] 8. Музей прикладного искусства, Кельн, инв. № D.81 [55, p. 335, pl. 76] 9. V&A, 355-1897 [55, p. 335-336, pl. 77] 10. Музей искусства и истории в Парке Пятидесятилетия, Брюссель, инв. № 1231 [55, p. 335, pl. 74] 11. Музей Изыщных искусств, Бостон, инв. № 77.277. [55, p. 335, pl. 75] 12. Музей Метрополитен,

⁵ Исследование выполнено по методике и стандартам Международного Центра изучения исторических тканей (CIETA, 34, rue de la Charité, 69002, Lyon, France. URL: <https://cieta.fr>).

			инв. № 12.49.5 [71, p. 200, 202] 13. Музей Метрополитен, инв. № 1970.65.9. [71, p. 200, 202] 14. Национальный музей дизайна Купер-Хьюитта, инв. № 1951-151-1. [71, p. 201, 203] 15. Музей искусства и истории в Парке Пятидесятилетия, Брюссель [59, p. 201-202, cat. 220b)
Основа	2 основы		
Пропорция	6 главных нитей, 1 ворсовая	Примеры 4-6.	Примеры 1-5, 7-8, 12-14.
Материал	Главная: шелк, одинарная нить, z-крутка, золотисто-коричневая	z-крутка главной основы может свидетельствовать о ранней дате изготовления итальянских бархатов (первая четверть XV в.) (Примеры 7-10)	z-крутка главной основы (Примеры 1-14) Тонкая нить главной основы в сочетании с z-круткой может указывать на османское изготовление [70, p. 94]
	Ворсовая: шелк, коричневая		
Шаг узора	6 главных нитей, 1 ворсовая		
Плотность	74 гл. нитей на см; 12 ворсовых на см.		72-78 главных и 12-13 ворсовых (Примеры 1-6, 8-14)
Уток	3 утка		
Пропорция	2 фоновых, 2 узорных броше, 1 пруток		
Материал	Фоновый: шелк, s-крутка, коричневый, толстый, сдвоенный		
	Броше, шелковый: шелк, без крутки, коричневый, толстый		
	Броше, металлический: плоская полоска металла (серебро) накручена 50% s-круткой на сердечник (шелк, s-крутка, коричневый, тонкий).	Плоская полоска серебра, накрученная на шелковый сердечник получает распространение в итальянских тканях в середине XV в. [64, p. 36.]	Полоска серебра, накрученная s на шелковый сердечник, который имеет s-крутку (Примеры 2-8, 10-14)
Шаг узора	1 пруток		
Плотность	8 прутков на см., 16 фоновых (сдвоенных) на см., 16 узорных броше		7-9 прутков на см. (Примеры 9-10, 13-14)
Структура	Бархат разрезной основной, фон – усиленный основной атлас 5 шаг 3, с участками без ворса (?) и утками броше	Венецианские и флорентийские бархаты первой половины XV в. (Примеры 4-6)	По структуре все образцы османских бархатов сотканы на базе атласа 5, в тех случаях если вводится уток броше – он образует с каждой третьей нитью

Фон	Усиленный атлас 5, основной, шаг 3. Образован нитями главной основы и нитями фонового утка. Для образования атласа 5 используются сдвоенные фоновые утки, ворс вытягивается между двумя мононитями каждого второго сдвоенного утка		главной основы саржевое переплетение 1/4 с направлением рубчика s. (Примеры 1-14)
Узор	Бархат разрезной основной, 2 фоновых утка на пруток (один сдвоенный уток и один одинарный)		
	Саржа уточная 1/4, направление рубчика s, образованная каждой третьей нитью главной основы (26 нитей на 1 см.) и утком броше (согласно узору, участки или с шелковой нитью, или с металлическим утком). Нити броше не обрезаются, а поворачивают в границах узора.		
	Ворсовая основа в участках с утком броше скрыта и не скрепляет их		Ворсовая основа не связывается с металлическим утком в элементах узора, не скрепляет его по краям мотивов [71, р. 197] (Примеры 2, 5).
Окраска	Анализ красителей не проводился	–	–
Раппорт	Раппорт орнамента полностью не восстановить. Ширина сохранившегося фрагмента 26 см.		Размеры медальона во фрагменте бархата XVI в. ок. 60 см. (Пример 15). Раппорт османского бархата из Ханлы-дере 49-50 x 30 см. (Пример 5)

Б. Дамаски

Дамаски в коллекции белореченских тканей представлены четырьмя примерами⁶. Терминами дамаск или камка обозначают узорные ткани с одной основой и одним утком, в которых узор образуется за счет смены переплетения [74, р. 13; 75, р. 12]. Это более тонкие и легкие ткани, без металлических нитей (существуют и усложненные варианты, когда дамаск образует

⁶ В коллекции ГИМ, вероятно, есть еще один пример дамаска: инв. № Оп.В 337/198.

основу ткани, ее технический фон, а к нему добавляются дополнительные узорные утки)⁷. Как правило в погребениях Белореченского могильника дамаски использовались в качестве подкладки или нижнего одеяния. Все четыре дамаска выполнены на базе атласа, соотношение фона и узора примерно равное, ткани двусторонние.

Шелк с мелким орнаментом песочного цвета имеет значительно стилизованные изображения растительного характера, среди которых лучше всего читается мотив цветка лотоса (рис. 2. 1–2). Мелкий растительный орнамент весьма сложно датировать и атрибутировать. Только по одному мотиву лотоса его можно отнести к широкому временному диапазону – от середины XIII до конца XV в. Цветки лотоса – мотив, весьма характерный для эпохи Великого Монгольского государства и периода его распада; он имеет китайское происхождение [76, p. 18], но широко распространен в орнаментах тканей как центрально азиатского, так и иранского, египетского, испанского и итальянского производства. Существует множество его вариаций, одна из наиболее распространенных и узнаваемых форм: несколько центральных лепестков, соединенных вместе отходят наверх, иногда образуя подобие бутона, несколько нижних узких лепестков отходят в стороны. К такого рода стилизации следует отнести и мотив лотоса на нашей ткани.

В качестве аналогии можно привести известный пример шелка и сходного по орнаменту изображения ткани в живописи. Фрагменты шелка хранятся в Музее Метрополитен (ММА, 19.191.3; 46.156.22). Они были частью церковного облачения, вероятно, Папы Бенедикта XI (1303–1304), произведены в одном из центральноазиатских центров, и датируются концом XIII – серединой XIV в. [77, p. 146–147, cat 37]. Бригитте Клессе в публикации 1967 г. обратила внимание на сходство ткани облачения Бенедикта XI с изображением орнамента ткани на картине Симоне Мартини 1333 г. «Благовещение» [63, p. 55, abb. 55–56, cat. 136; 62, p. 158, fig 7].

Грубость в стилизации орнамента на белореченской ткани отчасти коррелируется с шагом узора (5 нитей основы), который вкуче со сравнительно небольшим раппортом орнамента (13,6 см из двух блоков по 6,8 см.) может давать довольно схематичный перенос узора на ткань. Плотность составляет 90 нитей основы и 20 нитей утка на 1 см. Для нити основы используется крученая z-круткой нить, составленная из двух нитей, каждая из которых имеет z-крутку, утки не крученые. По техническим признакам этот дамаск может быть китайского изготовления (XIV в.)⁸, сиро-египетского (XIV–XV вв.)⁹, итальянского (XV в.)¹⁰ и даже иранского (XVI в.)¹¹.

⁷ Хотя автор придерживается классификации тканей, принятой СИЕТА, в литературе существует путаница в определении терминов камка и дамаск (дамаст), подробно описанная в работе Ольги Вячеславовны Орфинской – см. [35, с. 15–18].

⁸ Аналогичен дамаскам с иероглифами (Государственный Эрмитаж, инв. № ЛТ-449, 452).

⁹ Аналогичен дамаскам с арабскими надписями (ГЭ, инв. № ЕГ-905; Музей искусств, Берлин, инв. № 75,342 [78, cat. 97, p. 59]; Музей Виктории и Альберта, Лондон, инв. № 8614–1863; Музей тканей, Лион, инв. № 22681\B 55 [66, p. 287–288, fig. 8].

¹⁰ Аналогичен примеру ткани из Музея тканей, Лион, инв. №, МТ 22922 [72, cat. 29, p. 115].

Более изящное исполнение орнамента имеет зеленый шелк, многочисленные фрагменты которого представлены в нескольких курганах (№ 10, 12, 20) (рис. 2, 3, 5). Ширина раппорта в этой ткани всего 8 см (4 см на блок). Орнамент организован в виде сетки растительных побегов, образующих заостренные овалы. От побегов отходят короткие листья и длинные растительные побеги к центру этих овалов, заканчивающиеся пальметтой. Пальметта располагается и в местах перекрестия сетки.

Композиционно сходны итальянские шелка с листом винограда второй четверти-конца XIV в. (Музей Искусств, Кливленд, 1971.75; 1977.15 [76, p. 23–24, fig. 28, 30]). Побеги образуют не только сетку заостренных овалов, но и их боковые ответвления формируют сердцевидные фигуры. В живописи аналогией нашему шелку можно считать изображение занавеси трона Девы Марии на полиптихе Лоренцо Венециано 1356–1372 гг. (Галерея Академии, Флоренция) и на картине Амброджио Лоренцетти Мадонна на троне со святыми (начало 1440х гг.) из музея изобразительных искусств в Будапеште [63, p. 280, 450, kat. 180, 464].

Орнамент белореченского шелка отличают плавные линии, удлиненные побеги с заостренными листьями, это исполнение характерно для арабесок, растительных мотивов на восточных тканях. Такие орнаменты появляются на османских шелках с конца XV в., получают название «руми» (от Рум – Румский султанат) (Музей Топкапы, Стамбул, инв. № m.s.a.2460 [55, p. 227, 240, pl. 11, cat. 4]). Однако свидетельств того, что в османской Турции в XV в. изготавливали ткани типа дамаск не зафиксировано. Напротив, сохранились примеры турецких имитаций итальянских дамасков, но в технике лампас. Иными словами, в это время в Турции не существовало мастерских, где изготавливали дамаски [68, p. 39, 42].

По некоторым техническим параметрам шелк можно отнести к так называемой группе «китайско-мамлюкских» дамасков XIV–XV в. Это группа дамасков на базе атласа, которые имеют спорные атрибуты. Часть из них была найдена в мамлюкских погребениях в аль-Азаме, и фрагменты этих тканей хранятся ныне в различных коллекциях. Особенностью этих шелков является наличие как китайских иероглифов на одних тканях, так и арабских надписей на других (включая упоминание имени мамлюкского султана Мухаммада ибн Калауна)¹².

К китайско-мамлюкской группе дамасков Белореченского могильника по техническим параметрам следует также отнести ткань фрагмента одеяния в мелкую складку (инв. № ТБ-627) (рис. 2, 7). Орнамент практически не читается, вероятно, представляет собой мелкие растительные побеги.

¹¹ Для менее многочисленной группы дамасков, которые можно считать иранскими (Кашан или иной центр XVI в.), характерная z-крутка нитей основы, высокая их плотность (76–96 нитей основы и 20–32 нитей утка на 1 см), гладкая поверхность и более «мягкая» рука [68, p. 40–41, 47, footnote 21].

¹² Как правило, это шелка, найденные в конце XIX века в погребениях в Верхнем Египте. Хранятся в различных музеях: Исламский музей, Каир, инв. № 3899; 3740; Музей Виктории и Альберта, Лондон, инв. № 8614–186; 3769.1898; 817–1898; Исламский музей, Берлин инв. № I.3214; I 3211; Музей тканей, Лион инв. № 22681\B 55); Государственный Эрмитаж (ЕГ-905, ЛТ-449, 450, 452, 472). См. также [32].

Четвертый дамаск происходит из кургана № 5 с крупным раппортом орнамента (около 34 см из двух блоков по 17 см каждый) (рис. 2. 4,6). Материал основы – шелк, одинарная нить, z-крутка, зеленая, шаг узора – 10 нитей основы, плотность – 90 нитей на 1 см. Материал утка – шелк, без крутки, зеленый, шаг узора – 1 уток, плотность – 28 нитей на 1 см.

Композиция, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, состоит из крупных медальонов, располагающихся рядами в шахматном порядке. Между ними – изгибающиеся стебли (виноградные побеги). Вероятно, медальоны были двух типов. Один медальон имеет три лопасти и два нижних листа с зубуринками. В центре медальона располагается цветочный побег: стебель с отходящими от него изогнутыми зубчатыми листьями аканта, завершается стебель «шишкой». Форму второго медальона по сохранившимся фрагментам не установить.

Медальоны могли быть разной формы, иметь разное количество лопастей, это демонстрируют примеры шелковых и бархатных итальянских тканей (Чикагский институт искусств, инв. № 1907.480; 1911.357; 1907.423; 1937.1245; Музей Искусств, Кливленд, инв. № 1918.315; Музей Метрополитен, Нью-Йорк, инв. № ММА, 46.156.116; 46.109.6). Трехлопастный медальон в два нижних листа не очень распространен среди тканей с таким орнаментом, однако существует близкий пример в бархатной ткани итальянского, вероятно, венецианского производства, второй четверти XV в. (Музей Виктории и Альберта, Лондон, инв. № Т.117-1911 [70, р. 71, cat. 10]). Стилистически близок и бархат из Чикагского института искусств (инв. № 1907.481) с крупным раппортом орнамента, медальонами не традиционной формы и крупными нижними листьями. В дамасках представлены две аналогии также с крупными медальонами, но различными наполнениями медальонов: в одном случае это традиционный мотив граната (Италия, вторая половина XV в., Музей Виктории и Альберта, Лондон, инв. № 759–1875), в другом – мотив вазы (Италия или Испания, XVI в., Музей Искусств, Кливленд, инв. № 1953.481).

Следует резюмировать, что орнамент дамаска из кургана № 5 находит, прежде всего, аналогии среди итальянских бархатов XV – начала XVI вв., а также итальянских и испанских дамасков второй половины XV–XVI вв., чьи узоры были инспирированы мотивами бархатных тканей. Этот вывод позволяет атрибутировать фрагмент белореченского дамаска по орнаменту как итальянский 2 половины XV– начала XVI вв.

В. Лампасы

Термином лампас обозначается семейство узорных тканей, распространенных в Средние века на всей территории известного цивилизованного мира. Их отличает наличие двух систем основ и утков [74, р. 29; 75, р. 23]. Главная основа и фоновый уток использовались для образования фона ткани, а дополнительные (связующая основа и узорный уток или несколько утков) – для образования узора. Тканей типа лампас в Белореченском могильнике больше всего, что вполне отражает ситуацию с распространением техник изготовления узорных тканей в XIV–XVI вв. от Китая до Западной Европы.

В группу 1 лампасов Белореченского могильника объединяются 12 узорных тканей с фоном атласного переплетения (рис. 3–6). Орнаментально ткани имеют разнообразные мотивы, как западноевропейского (мотив граната), так и ближневосточного происхождения. По техническим чертам, в частно-

сти, типу металлической нити, находятся аналогии среди сиро-египетских тканей, производившихся в мамлюкском султанате в XIV–XV вв. [47]. Наибольшую проблему в атрибуции представляют фрагменты зеленого шелка с медальонами (инв. № ТБ-119 и др.) [18, с. 304–307, кат. 229; 45]. Орнамент ткани состоит из несколько разнящихся по стилистике элементов: общая композиция из крупных медальонов, расположенных в шахматном порядке и соединенных толстыми изгибающимися стеблями; детали – форма этих крупных медальонов, пальметты в пространствах между ними – эти элементы имеют сильное итальянизирующее влияние (первая половина – середина XV в.). Вместе с тем такие детали, как середины медальонов с мотивом граната, выполненного в схематичной манере, мотив фестончатого листа в пространствах между медальонами больше общего имеют с турецкими образцами 2 половины XV – начала XVI в. (рис. 3. 1,4).

По технике ткань относится к лампасам группы 1. Итальянские мотивы этого шелка заставили обратить внимание на примеры итальянских лампасов. При внимательном изучении каталогов тканей было обнаружено, что итальянские лампасы по большей части относятся к XIV в, лишь некоторые датируются концом XIV-началом XV в. (лампас со львами и орлами, Государственный Эрмитаж, инв. № Т 587 [65, р. 106, cat. 4]; лампас со львами и орлами, Музей тканей, Прато, инв. № 81.01.03 [65, р. 109, cat. 7]), тогда как в XV в. преобладают бархаты и дамаски (по крайней мере, им уделено значительно большее внимание в публикациях). В XVI в., тем не менее, уже вновь появляются примеры итальянских лампасов и брокателей [57; 58; 60; 65; 72]. Это предварительное наблюдение, которое требует обязательной проверки и пересмотра.

Ширина белореченской ткани реконструируется около 57 см, что могло бы соответствовать флорентийскому браччо (58,362 см. [70, р. 68]), но, поскольку датированных итальянских лампасов XV в. нет, отнести белореченский шелк к итальянскому производству нет достаточных оснований.

Комбинированная металлическая нить из полоски металла (серебра), накрученной неплотно z-круткой на шелковый сердечник, с аккомпанирующим утком и чередующаяся в ткани с шелковым утком – «мамлюкского» типа, не характерна для итальянских и османских тканей ни XIV в., ни XV вв. [46].

Во вторую группу лампасов выделяется один пример ткани (инв. №№ ТБ-165, Оп. ОВ 39–43) (рис. 7. 1–3). Аналогии композиции и деталям орнамента находятся среди мамлюкских шелков XIV–XV вв. и турецких лампасов XVI в., по техническим признакам, в частности, по типу металлической нити аналогии находятся среди итальянских и османских тканей XV–XVI вв. Совокупность этих выводов пока указывает с большей вероятностью на то, что шелк можно считать османским не ранее середины XV в. (но, возможно, произведенным в одном из сиро-египетских центров, завоеванных в начале XVI в.) [48].

Третья группа лампасов включает два фрагмента (инв. ТБ-247а, 250) с фоном в сарже (2:1, s) и узором в полотне. По типу узора относятся к тканям с мотивом граната (рис. 7. 4–6). Аналогии подобного рода шишке с разделением на «зернышки» относятся ко времени от середины XV в. до начала XVI в. Это примеры итальянского текстиля (Музей Барджелло, Флоренция, инв. № 77 [73, р. 28,30, cat. 15]; Государственный Эрмитаж, инв. № Т-662 [65, р. 124, cat. 22]; Музей Барджелло, Флоренция, инв. № 81V [65, р. 122,

Рис. 1. 1-2. Фрагмент бархата с мотивом граната (рукав халата) (ГЭ, инв. № ТБ-373).
27х52 см. Раппорт 31 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 3-4. Фрагмент бархата
(ГЭ, инв. № ТБ-336). 26х17 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой.

Fig. 1. 1-2. Fragment of velvet with a pomegranate motif (robe sleeve) (State Hermitage
Museum (SHM), inventory No. ТБ-373). 27х52 cm. Ornament repeat 31 cm.
Drawing by A.N. Teplyakova; 3-4. Fragment of velvet (SHM, inventory No. ТБ-336).
26х17 cm. Drawing by A.N. Teplyakova.

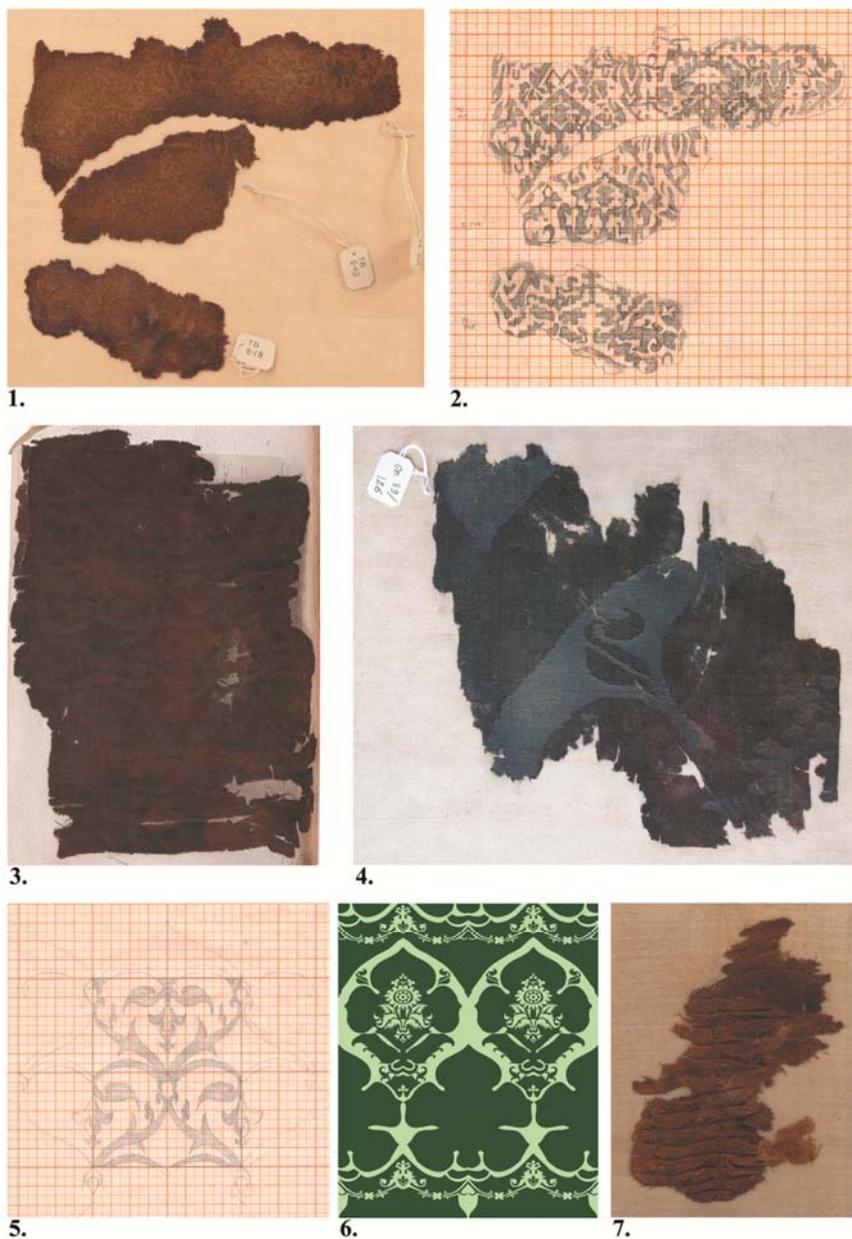

Рис. 2. 1. Фрагменты дамаска с мотивом лотоса (ГЭ, инв. № ТБ-245, 248, 249). 17х7 см., 9,5х4,2 см., 9,5х4,8 см. Раппорт 13,6 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 3,5. Дамаск с мотивом руми (ГЭ, инв. № ТБ-332). 29,2х26,3 см. Раппорт 8 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой. 4,6. Шелк подкладки с крупными медальонами (ГЭ, инв. № Оп. ОВ 39-126). 18,3х17,1 см. Раппорт около 34 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 7. Фрагмент дамаска с мелким растительным (?) орнаментом (ГЭ, инв. № ТБ-627). 9х5 см.

Fig. 2. 1. Fragments of damask with a lotus motif (SHM, inv. No. TB-245, 248, 249). 17x7 cm, 9.5x4.2 cm, 9.5x4.8 cm. Ornament repeat 13.6 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 3,5. Damask with a rumi motif (SHM, inventory No. TB-332). 29.2x26.3 cm. Ornament repeat 8 cm. Drawing by A.N. Teplyakova. 4,6. Silk with large medallions (SHM, inventory No. Op. OV 39-126). 18.3x17.1 cm. Ornament repeat about 34 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 7. Fragment of damask with small floral (?) ornament (SHM, inventory No. TB-627). 9x5 cm.

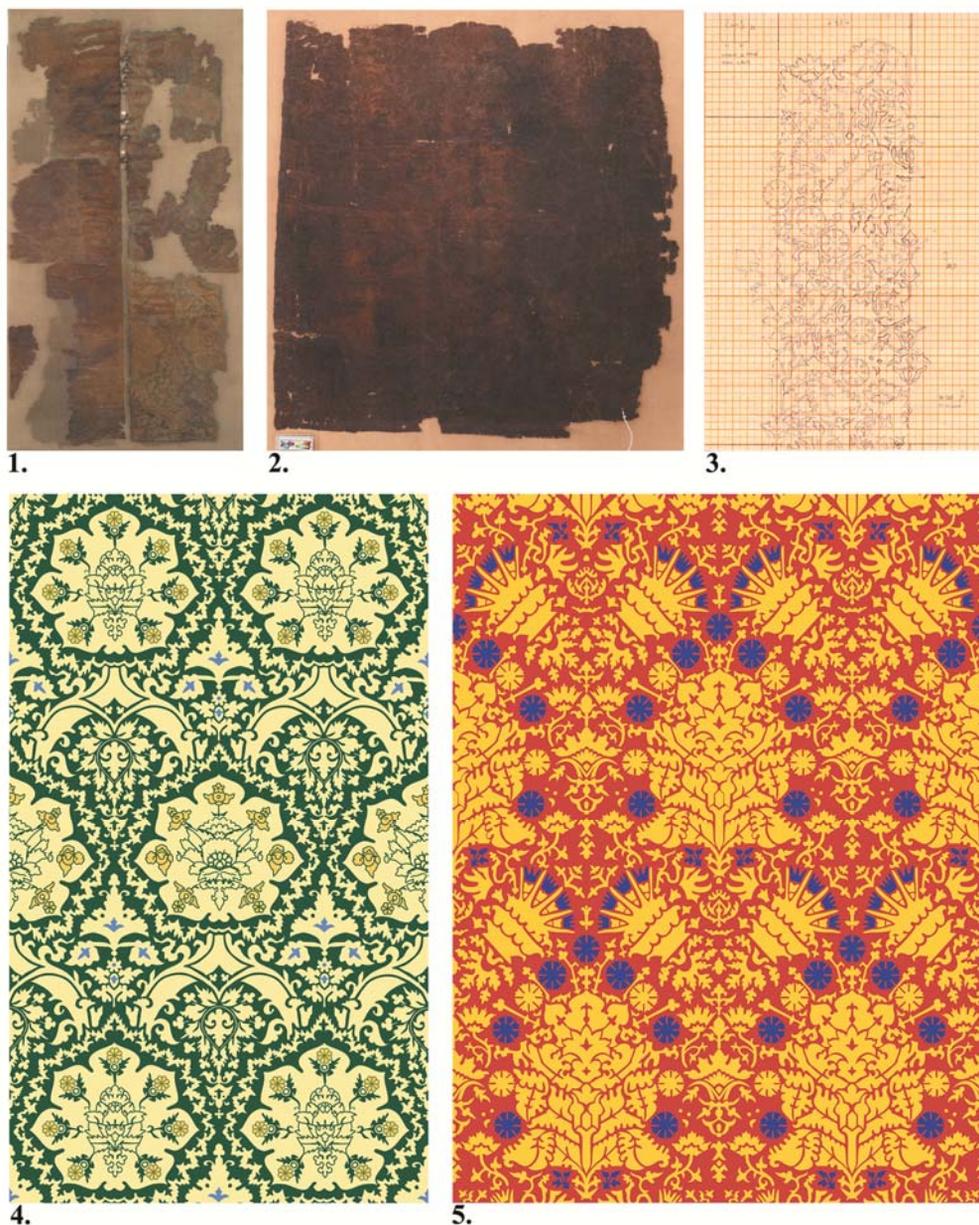

Рис. 3. 1,4. Фрагменты зеленого шелка с медальонами (кафтан) (ГЭ, инв. № ТБ-119а).
86,7х45 см. Раппорт 18,6 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой;
2-3,5. Фрагменты шелка с гвоздиками (ГЭ, инв. № ТБ-328). 37х36 см.
Раппорт 18,2 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой.

Fig. 3. 1,4. Fragments of green silk with medallions (kaftan) (SHM, inventory No. TB-119a).
86.7x45 cm. Ornament repeat 18.6 cm. Drawing by A.N. Tepliyakova;
2-3,5. Fragments of silk with dianthus flowers (SHM, inventory No. TB-328).
37x36 cm. Ornament repeat 18.2 cm. Drawing by A.N. Tepliyakova.

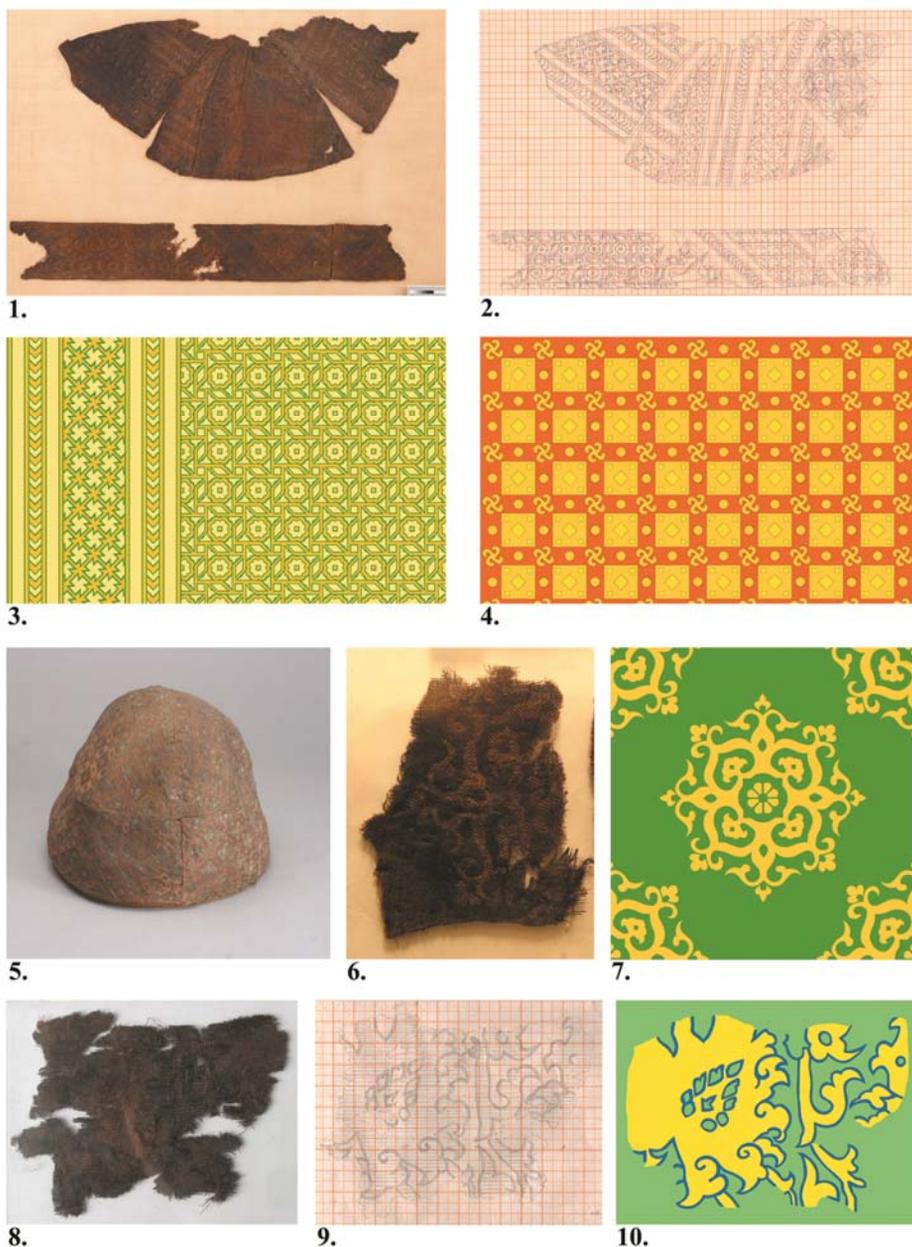

Рис. 4. 1-3. Фрагменты головного убора с геометрическим орнаментом (ГЭ, инв. № ТБ-594). 28x11 см., 29,6x4,2 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 4-5. Головной убор (ГЭ, инв. № ТБ-349). Диаметр 17 см. Раппорт орнамента 3,4 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 6-7. Фрагмент шелка с изразцовым орнаментом (ГЭ, инв. № ТБ-258b). 6,8x5,7 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 8-10. Фрагмент шелка с пионом (ГЭ, инв. № ТБ-258d). 9,6x13,5 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой.

Fig. 4. 1-3. Fragments of a headdress with geometric patterns (SHM, inventory No. TB-594). 28x11cm, 29.6x4.2 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 4-5. Headdress (SHM, inventory No. TB-349). Diameter 17 cm. Ornament repeat 3.4 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 6-7. Fragment of silk with tile ornament (SHM, inventory no. TB-258b). 6.8x5.7 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 8-10. Fragment of silk with a peony (SHM, inventory no. TB-258d). 9.6x13.5 cm. Drawing by A.N. Teplyakova.

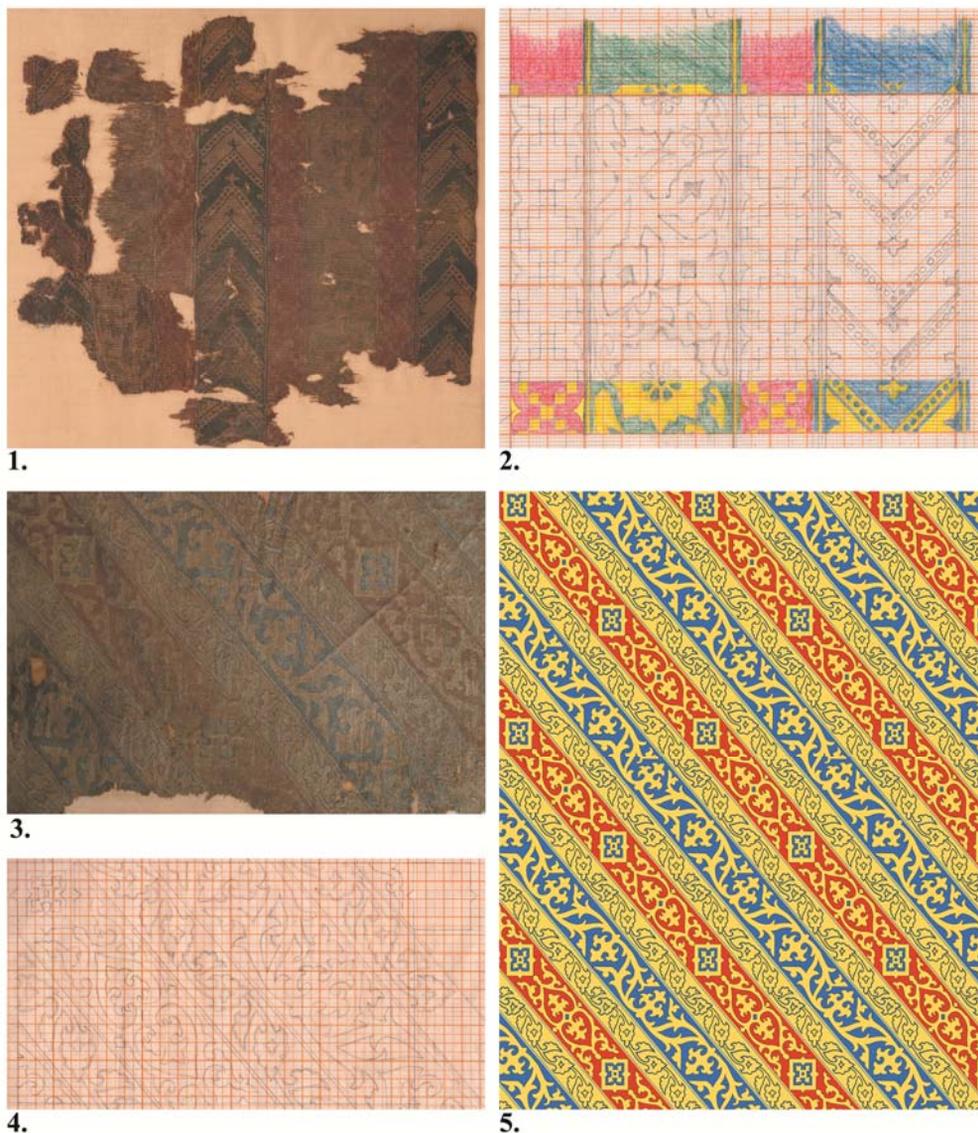

Рис. 5. 1-2. Полосатый шелк (ГЭ, инв. № ТБ-620). 25,4x23,6 см. Раппорт 12,4 см.
Прорисовка А.Н. Тепляковой; 3-5. Шелк с диагональными полосами (ГЭ, инв. № ТБ-601).
91x25 см. Раппорт 22,2 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой.

Fig. 5. 1-2. Striped silk (SHM, inventory No. ТБ-620). 25.4x23.6 cm. Ornament repeat 12.4 cm.
Drawing by A.N. Tepliyakova; 3-5. Silk with diagonal stripes (SHM, inventory No. ТБ-601).
91x25 cm. Ornament repeat 22.2 cm. Drawing by A.N. Tepliyakova.

Рис. 6. 1-2. «Тесьма» (ГЭ, инв. № ТБ-370б). Ширина 4 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой;
3. Фрагмент полосатой ткани (ГЭ, инв. № ТБ-374в); 4-6. Шелк с s-образными фигурами
(ГЭ, инв. № ТБ-374а). 21x15 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 7-8. Шелк с сеткой расти-
тельных побегов и медальонами (ГЭ, инв. № Оп. ОВ 39-124,125).

Раппорт 17 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой.

Fig. 6. 1-2. “Braid” (SHM, inventory No. TB-370b). Width 4 cm. Drawing by A.N. Teplyakova;
3. Fragment of striped textile (SHM, inventory No. TB-374v); 4-6. Silk with s-shapes
(SHM, inventory No. TB-374a). 21x15 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 7-8. Silk with
ogival lattice and medallions (SHM, inv. No. Op. OV 39-124,125). Ornament repeat 17 cm.
Drawing by A.N. Teplyakova.

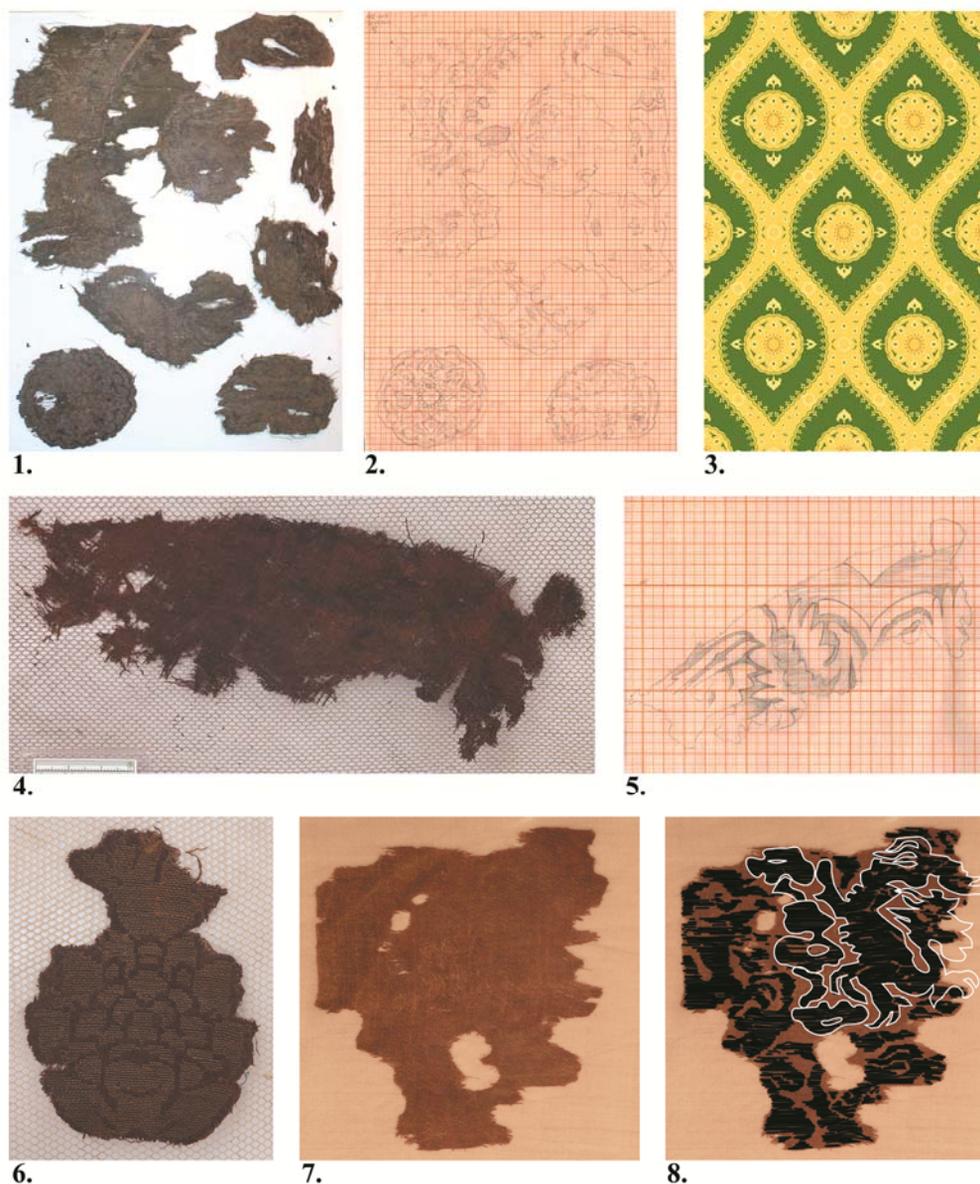

Рис. 7. 1-3. Шелк с орнаментом в виде сетки заостренных овалов (ГЭ, инв. № ТБ-165). 40x31 см. Раппорт 28 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 4-5. Фрагмент с толстыми растительными побегами (ГЭ, инв. № ТБ-247а). 17,9x5,6 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой; 6. Фрагмент с мотивом граната (ГЭ, инв. № ТБ-250). 8x6 см.; 7-8. Фрагмент шелка с драконом (ГЭ, инв. № ТБ-621). 11x11 см. Раппорт 8,3 см. Прорисовка А.Н. Тепляковой.

Fig. 7. 1-3. Silk with ogival lattice (SHM, inventory No. TB-165). 40x31 cm. Ornament repeat 28 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 4-5. Fragment with thick plant shoots (SHM, inventory no. TB-247a). 17.9x5.6 cm. Drawing by A.N. Teplyakova; 6. Fragment with a pomegranate motif (SHM, inventory No. TB-250). 8x6 cm; 7-8. Fragment of silk with a dragon (SHM, inventory No. TB-621). 11x11 cm. Ornament repeat 8.3 cm. Drawing by A.N. Teplyakova.

cat. 20]) и изображения тканей в живописи, к примеру, в работах Пьеро делла Франческа (Встреча Соломона с царицей Савской. Фреска. 1452–1466 гг. Церковь Сан Франческо, Ареццо) [56, fig. 6] и Доменико Гирландайо (Утверждение устава францисканского ордена папой Гонорием III. 1482–1485. (или 1483–1486), Капелла Сассетти, церковь Санта-Тринита, Флоренция).

Детальный технический анализ показал, что фрагмент ТБ-247а был смонтирован на тюль изнаночной стороной наверх, поэтому его орнамент из толстых растительных побегов просматривается не четко. На лицевой стороне должен быть фон – саржа основная 2:1, направление рубчика s (на изнаночной стороне – фон в уточной сарже 1:2, направление рубчика z); узор – полотняное переплетение.

Фрагмент ТБ-250 отличается от предыдущего введением второго узорного утка – металлической комбинированной нити броше (вводится только на определенные участки ткани согласно узору), представляющей собой полоску металла (серебро с позолотой?), накрученную s-круткой на шелковый сердечник. Технически это ткань типа лампас с фоном в основной сарже 2:1, направлением рубчика s и узором полотняного переплетения. Материал, пропорция главных и связующих нитей основы, шаг узора и плотность по основе и утку на фрагментах ТБ-247а и ТБ-250 идентичны. Исходя из этого, можно утверждать, что эти два фрагмента могут быть от одной ткани (таблица 3).

Таблица 3. Фрагменты тканей ТБ-247а и ТБ-250, сравнение технических параметров
Table 3. Fragments of textiles TB-247a and TB-250, comparison of technical parameters

ТБ-247а	ТБ-250
Лампас, фон в сарже 1/2 (уточная), z, узор - полотняное переплетение (сдублирован на тюль изнанкой наверх)	Лампас, фон в сарже 2/1 (основная), s, узор - полотняное переплетение
Основа: 2 основы	Основа: 2 основы
Пропорция: 3 главные нити основы на 1 связующую	Пропорция: 3 главные нити основы на 1 связующую
Главная: шелк, сдвоенная нить, не крученая, коричневая.	Главная: шелк, сдвоенная нить, не крученая или слабая z крутка, красная.
Связующая: шелк, одинарная, не крученая, коричневая	Связующая: шелк, одинарная, не крученая или слабая z-крутка, светло-коричневая
Шаг узора: 3 главные нити основы	Шаг узора: 3 главные нити основы
Плотность: 45-48 главных нитей на см. 15-16 связующих нитей на см.	Плотность: 48 главных нитей на см. 16 связующих нитей на см.
Уток: 2 утка	Уток: 3 утка
Пропорция (проход утков, <i>passée</i>): 1 уток фоновый, коричневый 1 уток узорный, лансе, коричневый	Пропорция (проход утков, <i>passée</i>): 1 уток фоновый, желто-коричневый 1 уток узорный, лансе, коричневый 1 уток узорный, броше, металлический
Материал: фоновый и узорный: шелк, без крутки, коричневый.	Материал: фоновый: шелк, без крутки, желто-коричневый; узорный: шелк, без крутки, коричневый

	узорный 2: металлическая нить: полоска металла (серебро? с позолотой?), накрученная s-круткой на сердечник. Сердечник: шелк, без крутки, желто-коричневый.
Шаг узора: 1 проход утков	Шаг узора: 1 проход утков
Плотность: 14 проходов на см.	Плотность: 15 проходов на см.

По орнаменту и технике оба этих фрагмента могут быть атрибутированы как итальянские и датированы серединой XV – началом XVI в.

Г. Тафта лансе

Особняком располагается небольшой фрагмент шелка (рис. 7. 7–8). В результате графической фиксации сохранившихся золотных нитей, было обнаружено, что орнамент имеет не большой раппорт и состоит он из фигуры дракона, парящего в облаках. Дракон, насколько возможно судить, располагается в свернутом виде (вписывается в условный круг), голова с рогами – в центре кольца.

Тип переплетения также выделяет этот шелк: основу ткани составляет полотняное переплетение, узор образуется при помощи введения дополнительного узорного утка – металлической нити (это позолоченная полоска животного происхождения, накрученная z на шелковый сердечник). Этот уток связывается с каждой третьей нитью основы, образуя саржевое переплетение (1:3, s). Шелк с большой долей вероятности был изготовлен в ткаческих мастерских Китая или Центральной Азии в XIII–XIV вв. [49].

Выводы по атрибуции и датировке тканей

Все узорные шелковые ткани, безусловно, импортные. На Северном Кавказе своих ткаческих центров, которые могли бы производить такие сложные ткани – не было. Самой ранней тканью оказывается тафта лансе с мотивом дракона. И она единственная, которую можно связывать с дальневосточным импортом. Довольно большая группа тканей может быть датирована XIV–XV вв. и отнесена к условно «мамлюкскому» кругу изделий (лампасы группы 1, два дамаска из «китайско-мамлюкской» группы). Несколько тканей западного происхождения середины XV – начала XVI вв., в том числе высококачественный венецианский бархат. Другой фрагмент бархата и лампас связывают Белореченские курганы с южным берегом Черного моря, а один дамаск позволяет обратить наше внимание в числе прочего на ранние сефевидские ткани Ирана.

Возможные пути текстиля

Торговля. В среднем течении реки Кубани, в районе современных городов Майкопа и Белореченска, в средневековье располагалось владение адыгов Кремук, о котором сохранились свидетельства итальянских монахов, купцов и картографов, османских историографов и в русских летописях XV–XVI в. [2; 4; 6; 16, с. 95–96; 21; 22, с. 56; 27, с. 51; 29, с. 128–130; 33, с. 351]. В середине XIII в. эти территории вошли в состав Улуса Джучи, оказавшись включенными в «имперскую культуру Монгольской империи» [7, с. 207] и в оживленную сеть торговых взаимоотношений Востока и Запада. Крым и Северный Кавказ с середины XIII в. до начала XVI в. занимал одну из ключевых

позиций в мировой торговле готовыми шелковыми тканями и сырьем для их производства [15, с. 77–78; 24, с. 119–123].

В Причерноморье наибольшую торговую активность проявляли генуэзцы, их фактории были разбросаны вдоль всей береговой линии (Каффа, крымский берег, поселения в Тане и Трапезунде, города Анатолийского, Кавказского и Балканского побережий) [23, с. 73–74]. Со второй половины XIV в. Венеция в Черном море имела два порта – Трапезунд и Тану, притом Тана приносила республике значительный доход [8, с. 201]. И Тана находилась, по свидетельству современников, в трех днях пути от княжества Кремух [2, с. 153].

Венеция, отметим, имела наиболее сильные торговые позиции в Сирии и Египте, укрепившись в регионе в конце XIV – начале XV в. Появление египетских товаров может быть связано как с венецианцами, так и с деятельностью египетских купцов, которые присутствовали в Причерноморье. У египетских купцов, к примеру, существовали привилегии, освобождавшие их от выплаты налогов на территории Улуса Джучи [28, с. 137].

Помимо итальянцев и египтян, на причерноморском рынке значительную часть составляли купцы прибрежных городов (прежде всего Синопа и Самсуна, но также и Каффы), османские купцы из Бурсы и Токата, армянские, греческие, еврейские торговцы и реже купцы абхазского и мегрельского происхождения [24, с. 291–299] и русские [53, с. 31].

После захвата Константинополя турками в 1453 г. регулярная навигация в Трапезунд прекратилась. В 1457 г. была отправлена 1 галея в Тану и Трапезунд, в 1460 г. Сенат не разрешил отправить в Черное море 2 галеи [23, с. 80]. Тем не менее, следует помнить, что Венеция стала первым государством, установившим дипломатический контакт с Османами и получившим торговые привилегии. Итальянские бархаты в переплетах манускриптов стали активно использоваться во время правления султана Мехмеда II (самая ранняя рукопись в бархатном переплете датируется январем 1475 г.). При Баязиде II активно развивались текстильные рынки в Бурсе, которые привлекали и итальянских купцов [55, р. 155–159; 61, р. 43–46]. Турецкие шелка попадали в Венецию в качестве дипломатических даров. Примером этого служат бархаты из Бурсы, презентованные в 1483 году султаном Баязидом II (1481–1512) венецианскому послу [67, р. 24; 70, р. 12].

В 1475 г. турки вторглись на Северный Кавказ, захватили Матрегу, Копу и Тану. В том же году пала генуэзская Каффа. Однако Ибн-Кемаль сообщает, что в 1479 г. им пришлось повторно занимать Копу и Анапу [17, с. 128].

Хотя экспансия османского государства в Причерноморье послужила концом генуэзской гегемонии в прибрежных территориях [5, с. 11], захват этих территорий не означал полного прекращения итальянской торговли в Причерноморье. В том или ином виде она продолжалась вплоть до 30-х гг. и даже до конца XVI в. [23, с. 80]. С середины XV в. из-за османской угрозы начинается новый этап дипломатических отношений между итальянскими государствами и Московией [53, с. 18, 19]. А.Л. Хорошкевич приводит свидетельство о существовании в середине 1490-х гг. итальянской торговли с Москвой через Крым [51, с. 48]. С конца XV – начала XVI вв. по большей части торговые пути сместились севернее, через Прибалтику, Колу и Архангельск [53, с. 28–30]. В Причерноморье акценты сместились на османскую Турцию, вассалами которой во второй половине XV в. стали Крымские ханы [5, с. 99].

Дипломатические дары и личные связи

На «внеэкономические» причины появления статусных вещей на Северном Кавказе указывает З.В. Доде: это могли быть дары от правящих верхов соседних государств (генуэзских колоний, в частности), жалование от крымских сюзеренов, дары при заключении межэтнических браков [11, с. 267–268]. Принимая во внимание факт отсутствия в XV в. у северно-кавказских народов денежного обращения [11, с. 263], идея о ситуативном поступлении дорогих тканей (военные трофеи, грабежи, дары, жалование) становится вполне обоснованной.

М.Г. Крамаровский связывает обилие сиро-египетского стекла на Северном Кавказе с тесными дипломатическими связями Золотой Орды и Мамлюкского Султаната, но также он отмечает наличие родственных связей мамлюков-черкесов с родными территориями [40, с. 160, кат. 59]. Эта линия получила свое развитие в статьях И.А. Дружининой: «хронология Белореченских курганов отражает основные этапы функционирования трафика поставки военных рабов с территории Улуса Джучи в Мамлюкский султанат» [13, с.206]. С родовыми связями и графиком поставки рабов из Северного Кавказа в султанат связывается целый ряд находок статусных, элитарных предметов, в первую очередь сосудов из стекла с цветными эмальями.

Свидетельства XVIII в. отмечают, что существовала практика платы, которая взималась с каравана старейшинами, местными «князьями», проводниками, носильщиками и т.д. и производилась в «рубашках», т.е. отрезках тканей. Притом примечательно, что если работа выполнялась несколькими людьми, то ткань разрезалась затем на несколько частей, что объясняет практику пошива одежды из различных кусков материи, и только высокопоставленные лица получали большие куски материй [20, с. 95].

В этой связи любопытен «Рассказ Ибрахима Печеви о походе османских войск во главе с кафинским бейлербеем Джафер-пашой через Керчь и Таманский полуостров на помощь Осман-паше Оздемироглу в Демиркапы (1582 г.): “...Отсюда на четвертом переходе достигли области Кемрюк в Черкесском вилайете. Тамошние люди были такими жуликами, мародерами и подлыми, что не пропускали ни одного человека, не отрезав у него рукав или подол...”» [16, с. 95]. Это свидетельство можно трактовать как переосмысление подобной практики взимания платы за проход. Впрочем, грабежами местное население также не гнушалось.

Грабежи и военные действия. На караваны, морские суда и даже города совершались регулярные нападения [50, с. 276–277]. Приведем несколько свидетельств: К рубежу XIV–XV вв. относится описание Иоганна Шильтбергера: «Там же страна (земля) черкесов, также на побережье Черного моря, населенная христианами, исповедующими греческую веру. Но тем не менее они злые люди и продают язычникам своих собственных детей и тех, которых они крадут у других. Они также занимаются разбоем и говорят на особенном языке» [54, с. 45]. Иосафат Барбаро (середина XV в.) сообщает: «По этому поводу расскажу, что однажды случилось при мне, когда я был Тане. Стоял я как-то на площади: пришли в город татары и сообщили мне, что в роще, мили за три отсюда, спрятались черкесы-наездники, числом около сотни, которые задумали совершить набег под самый город, как это было у них в обычае...» [2, с. 147]. В 1470-е гг. местный князь Белзбук перестал оказы-

вать поддержку и охрану торговых караванов, поэтому нападения участились. В 1472 г. Парсабок, описываемый как еще один правитель Копы, конфисковал товары генуэзцев, отправленные в Копу [50, с. 279].

На время бытования Белореченских курганов приходится ряд военных событий: это походы Тимура в конце XIV в. и разграбление Таны (Азова), османская экспансия в 1475, 1479, и вторжение сефевидов шейха Хайдара в 1486 или 1487 гг., о котором известно по свидетельству Барбаро. Черкесы разгромили армию завоевателей [34]. Таким образом, шелковые ткани могли попасть не только в результате торговых операций, а, весьма вероятно, в результате грабежа караванов или факторий, или же в ходе военных действий.

Дата курганов по текстильным находкам

Группа курганов, сохранивших находки узорных тканей оказывается довольно близка по времени между собой, и идея о том, что Белореченский могильник, по крайней мере, часть его погребений была сделаны в короткий временной промежуток и принадлежала узкому кругу знати адыгского владения Кремук отчасти находит подтверждение. Остановимся вкратце на комплексах этих курганов (таблица 4).

Таблица 4. Погребения Белореченского могильника с находками узорных тканей в коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа

Table 4. Burials of the Belorechensky burial ground with finds of figured textiles in the collection of the Oriental Department of the State Hermitage Museum

№ кургана (1896 г.)	муж / жен	устройство погребения	размер склепа ДхШх В (м)	уголь	гроб	Датированные находки
5	М	?				Стекланный кувшин (инв. № ТБ-117): Каффа, не позднее 1475 г. [18, с. 341, кат. 261].
6	Ж	"по-видимому, потревожено кладоискателями" [36, с. 53]				Серебряная пряжка (инв. № ТБ-132): Сирия или Египет, XV в. [40, с. 344–345, кат. 177; 18, с. 293, кат. 215].
9	М	продолговатая четырехугольная яма в материке [36, с. 24]			деревянная доска, обтянутая парчей [36, с. 24]	Кружка с синей глазурью (инв. № ТБ-164): В.П. Левашева – западного происхождения [31, с. 174, прим. 5]; М.Г. Крамаровский – Латинская Романия (?), конец XIV в [19, с. 234, кат. 641; 18, с. 326, кат. 246]; Е.А. Армарчук – «ее атрибуция остается спорной...» [1, с. 227]. Бокал из тонкого стекла (инв. № ТБ-163): Европа или Каффа, время до падения Каффы в 1475 г. [19, с. 240, кат. 731; 40,

						с. 353, кат. 189; 18, с. 342, кат. 262].
10	Ж	деревянный склеп в могильной яме [31, табл. 1]	3,3x0,9 x1 [31, табл.1]	много, толщина слоя 1,8 м [31, табл.1]	деревянный гроб, обит шелковой тканью, на которой серебряными нитями вышиты цветы и стебли [36, с.32–33, рис. 177; 31, табл.1]	Золотая цепь (инв. № ТБ-174), золотые пуговицы (инв. № ТБ-175-189) от кафтана, и серебряная чаша с эмальями и фигуркой барана (инв. № ТБ-221): Золотая Орда, XIV в. [43, с. 239–240, 242, кат. 94, 95-106, 109]. Глиняный кувшин с бирюзовой глазурью и остатками росписи золотом (инв. № ТБ-222): В.П. Левашева – западного происхождения [31, с. 174]; Е.А. Армарчук – восточное изделие (без возможности уточнения определенного центра) [1, с. 233]; М.Г. Крамаровский – Крым или Малая Азия, XIV – начало XV в. [19, с. 234, кат. 643; 18, с. 330, кат. 250].
12	Ж	деревянный склеп на материке [31, табл.1]	3x?x? [31, табл.1]	много, толщина слоя 0,9 м [31, табл.1]	деревянный гроб, обит шелковой тканью [36, с. 37; 31, табл. 1]	Три монеты (инв. № ТБ-307-309). Младшая из монет относится ко 2-ой трети XV в. (Сайид Ахмад I – гг. правления 1432–1459) [28, с. 382, прим. 505]. Стеклянные пуговицы в серебряной оправе, имитирующие жемчуг (инв. № ТБ-310-317): возможно, Северная Европа, XV – начало XVI в. [18, с. 310, кат. 231].
15	М	продолговатая четырехугольная яма в материке [36, с.24]				
20	Ж	деревянный склеп на материке [36, с. 3; 31, табл.1]	2x0,65 x? [31, табл.1]	нет [31, табл. 1]	нет [36, с. 3; 31, табл. 1]	Бархат (инв. № ТБ-373): Венеция, около середины XV в [11].
24	М	?				Сабля (инв. № ТБ-376). Такого типа сабли (тип 1 по Курмановскому [30, с. 150–162]) датируются концом XIV – первой половиной XV в. [12, с. 196]
27	Ж	продолговатая четырех-		небольшой слой угля [36,	деревянный гроб,	Детали поясных наборов (наконечников, пряжек) крымско-малоазийского типа XIV–XV вв.

		угольная яма в материке [36, с. 2, 46; 31, с. 168]		с. 46] или засыпано все погребение [31, с. 169]	обит парчей [36, с. 2, 46]	[18, с. 297–298, кат. 221-2224] Золотой перстень (инв. № ТБ-417): Северное Причерноморье или Италия, XIV–XV вв. [26, с. 157].
30	М	продолговатая четырехугольная яма в материке [36, с. 2; 31, с. 168]		да [36, с. 22], засыпано все погребение [31, с. 169]	деревянный [36, с. 2, 22]	Набор серебряных поясных пряжек и накладок (инв. № ТБ-443-450) крымско-малоазиатской группы XIV–XV вв. [25, с. 167, табл. IX; 43, с. 245, 247, кат. 117-122, 132-133]. Серебряная чаша (инв. № ТБ-442): Балканы (?), также XIV–XV вв. [18, с. 318, кат. 239].
33	Ж (Д)	продолговатая четырехугольная яма в материке [36, с. 52]		незначительное количество [36, с. 52], в засыпке ямы [31, с. 169]	нет [36, с. 52]	
45	Ж	деревянный склеп на материке [36, с. 3; 31, табл. 1]	1,8х 1,45х? [31, табл. 1]	много [31, табл. 1]	нет [36, с. 3; 31, табл. 1]	Головной убор (инв. № ТБ-540): Золотая Орда, XIV в. [40, с. 332–333, кат. 167]. Серебряный филиakterий (инв. № ТБ-548) крымско-малоазиатского типа XIV–XV вв. [18, с. 314, кат. 235].
50	М	?		засыпано все погребение [31, с. 169]		

Из 13 курганов, содержащих шелковые узорные ткани, фрагменты зеленого шелка с медальонами (инв. №№ ТБ-119 и др.) были найдены в 7, что позволило сгруппировать эти курганы (№ 5, 10, 12, 20, 27, 30, 45) воедино. К этим же курганам можно добавить и другие, содержавшие ткани из лампасов группы 1: курган № 15, 24, 33, 50. Всего 11 курганов.

Большая часть этих курганов по опубликованным вещам датируется широко XIV–XV вв., но отдельные имеют более узкую дату: курган № 24 – конец XIV – первая половина XV вв., курган № 20 – около середины XV в., № 12 – XV – начало XVI в., № 10 – конец XV – начало XVI в. Если фрагменты зеленого шелка с медальонами датируются XV в., то даты курганов, где они были найдены, не могут быть датированы XIV в., и скорее, следует перенести верхнюю дату курганов в начало XVI в.

Особняком выделяются курганы № 6 и 9, давшие текстильные находки других групп. Фрагменты ткани с сеткой заостренных овалов позволяют перенести датировку кургана № 9 – на середину XV – XVI вв. При этом курган № 6 также датируется временем не ранее XV в. по серебряной пряжке, хотя ткань с драконами существенно более ранняя. Иными словами, все 13 курга-

нов, в которых сохранились фрагменты узорных тканей, могут быть датированы не ранее XV–XVI в.

Конец могильника

М.Г. Крамаровский связывал конец функционирования могильника с османской экспансией и падением Каффы в 1475 г. «Примерно около этого времени и заканчивается период «золотого дождя» в погребальном инвентаре знати курганов белореченской культуры» [27, с. 53–54]. И.А. Дружинина также находит связь крайней даты Белореченских курганов с османской экспансией, только не в Причерноморье, а в Сирии и Египте: «Веским аргументом в пользу концепции о значительном мамлюкском влиянии на жизнь населения Закубанья, отразившемся в белореченских материалах, является то, что феномен курганов на р. Белая исчезает одновременно с султанатом Бурджи, потерпевшим поражение в войне с Османами в 1517 г.» [14, с. 171].

Отметим, что с конца XV в. меняется карта мира, с великими географическими открытиями начинается новая эпоха, с новыми товарами, новыми идеями и технологиями: это открытие пути в Индию через мыс Доброй надежды – морские путешествия Бартоломеу Диаша и затем Васко да Гамы. До этого путь в Индию европейцам был малодоступен и большое значение для связи с Индийским океаном имел Мамлюкский султанат, поэтому открытие португальцев очень сильно ударило по государству, явившись одной из причин угасания государства и включения его в состав османской империи в начале XVI в.

В Европе XVI в. кардинально меняется отношение к моде. На первый план выходят недорогие ткани с более кратким сроком службы, которые со сменой моды можно было легко заменить, и такого рода тканям стали знамениты лионские мастерские. Мода становится «явлением преходящим, наслаждаться которым можно было лишь недолго» [9, с. 27]. Все эти глобальные политические и экономические подвижки не могли не отразиться на жизни и культуре региона, который до этого на протяжении более двух столетий находился практически в центре всей евразийской торговли шелком.

Ткани Белореченского могильника попадают во временной отрезок, ограниченный XIII в. (завоевания Чингиз-хана и образование Великого Монгольского государства) и началом XVI в. (Великие Географические открытия). Притом проведенный анализ орнаментов и техник показывает, что наибольшее количество узорных шелков соотносится с группой сиро-египетских тканей XIV–XV вв. и может быть связано с контактами северокавказских черкесов с черкесами в Мамлюкском султанате. Тем не менее импорт текстиля не может ограничиваться только этими родственными связями, что показывают образцы, вероятно, китайского и османского происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Армарчук Е.А. Поливная посуда из Белореченских курганов XIV–XV вв. // Российская Археология. 2015. № 2. С. 120–135.
2. Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. М.: Наука, 1971. С. 136–161.
3. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Е. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // Материалы и исследования по археологии Кубани. 2001. Вып. 1. С. 124–137.

4. Волков И.В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. 2003. Вып. 2. С. 224–260.
5. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая. По материалам археологических исследований 2003–2008 г. Киев-Запорожье: «Дикое поле», 2010. 176 с.
6. Голубев Л. Э. Еще раз об области Кремук // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. 2003. Вып. 3. С. 262–270.
7. Горелик М.В. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII–XIV вв.) // *Материалы и Исследования по Археологии Северного Кавказа*. 2010. Вып. 11. С. 207–231.
8. Гулевич В.П., Хаутала Р. Малоизвестный источник о посольстве Сигизмунда Люксембургского в Каффу 1412 г. // *Золотоордынское обозрение*. 2018. Т. 6, № 1. С. 199–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211>
9. Даванцо-Поли Д. Ремесло и мода в Венеции в XIII–XVIII вв. Выст. кат. СПб.: Издательство Государственного Русского Музея, 2005. 201 с.
10. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: очерки истории. М.: «Восточная литература», 2001. 136 с.
11. Доде З.В. Италия и Северный Кавказ в отражении одной текстильной находки XV века из Белореченского могильника // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного-Кавказа*. Археология, краеведение, музееведение. 2013. Вып. XI. С. 247–272.
12. Дружинина И.А. Погребальные памятники северо-восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2018. 622 с. (На правах рукописи).
13. Дружинина И.А. Мамлюки на Северном Кавказе в XIV – начале XVI в. // *Byzantino Caucasicum*. Вып. 2: сб. ст. / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2022. С. 201–232.
14. Дружинина И.А. Связи черкесов Закубанья и Мамлюкского султаната в XIV–начале XVI в. по материалам раскопок Белореченских курганов // *Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н.И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции, посвященной 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918)*. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 170–172.
15. Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XIV вв. Тюмень: РУТРА, 1995. 225 с.
16. Зайцев И.В. Кремук-Кермук и «Татарский угол» (к пониманию двух средневековых этно-топонимов) // *Книга картины земли*. М.: Индрик, 2014. С. 93–97.
17. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV вв. // *Исторические записки*. 1938. №3. С. 78–86.
18. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки чингисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
19. Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005. 264 с.
20. Иерусалимская А.А. Мошевая Балка. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.
21. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование. *La vita et sito de sichi, chiamati circassi*. // *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 46–52.
22. Кагазезев Ж.В. Позднесредневековое адыгское княжество Кемиргой (Кремук) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. 2011. Вып. 1 (74). С. 55–59.

23. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: издательство МГУ, 1981. 231 с.
24. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XIV вв.: проблемы торговли. М.: Наука, 1990. 232 с.
25. Крамаровский М.Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XV вв. (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.: Искусство, 1985. С. 152–180.
26. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
27. Крамаровский М.Г. Белореченский могильник и вопрос о культуре провинции Кремук // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: издательство Гос. Эрмитажа, 2002. С. 51–57.
28. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб.: Евразия, 2012. 490 с.
29. Кузнецов В.А. Адыгское феодальное владение Кремук // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2001. С. 128–130.
30. Курмановский В.С. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула: Куликово поле, 2014. С. 150–162.
31. Левашева В.П. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды государственного исторического музея. Вып. XXII. М.: Из-во ГИМ, 1953. С. 165–213.
32. Меньшикова М.Л. Китайские шелковые ткани из Египта // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1997. [Вып.] 57. С. 56–61.
33. Милорадович О.В. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // Советская археология. 1954. Вып. XX. С. 343–356.
34. Нарожный Е.И. Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владикавказ, 2010. 58 с.
35. Орфинская О.В. Терминологический аппарат для описания узорных шелковых тканей Средневековья в музейных коллекциях: иллюстрированное методическое пособие для сотрудников музеев и специалистов по музейному и археологическому текстилю. М.: Институт Наследия, 2019. 122 с.
36. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб.: типография Главного управления уделов, 1898. 251 с.
37. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 год. СПб.: типография Главного управления уделов, 1900. 191 с.
38. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1906 год. СПб.: типография Главного управления уделов, 1909. 166 с.
39. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1907 год. СПб.: типография Главного управления уделов, 1910. 157 с.
40. «Подарок созерцающим»: странствия Ибн Баттуты. Каталог выставки / Ред. А.Д. Притула, А.Н. Теплякова, О.М. Ястребова. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015. 512 с.
41. Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л., 1990.
42. Смирнов А.П. К вопросу формирования кабардинской народности по археологическим данным // Ученые записки КНИИ. 1948. Т. IV. С. 65–90.
43. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2000. 346 с.
44. Теплякова А.Н. Фрагменты бархата из мавзолея в Ханлы-дере (Бахчисарай) // Восток (Oriens). 2016. № 5. С. 137–152.

45. Теплякова А.Н. Шелк кафтана из 5 кургана Белореченского могильника // Труды Государственного Эрмитажа. Византия в контексте мировой культуры. 2019. Т. ХСІХ. С. 213–224.

46. Теплякова А.Н. Золотные нити в Северном Причерноморье в XIV–XV вв., аспекты торговли и проблемы атрибуции // Сборник научных трудов конференции I Солхатские чтения. Причерноморье в эпоху глобализации: Восток и Запад в культуре Крыма. Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. С. 63–66.

47. Теплякова А.Н. Текстильный материал Белореченского могильника в собрании Государственного Эрмитажа: проблемы атрибуции и датировки // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н.И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции, посвященной 175-летию Николая Ивановича Веселовского (1848–1918). СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 211–213.

48. Теплякова А.Н. Фрагменты шелкового лампаса из 9 кургана Белореченского могильника // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и Африканистика. 2025. № 1 (в печати).

49. Теплякова А.Н. Тафта лансе из кургана № 6 Белореченского могильника // Краткие сообщения Института археологии (в печати).

50. Узлов Ю.А. Северный Кавказ в культурно-историческом поле евразийской цивилизации // Теория и практика общественного развития. Краснодар: ООО Издательский дом «ХОРС». 2010. № 1. С. 267–287.

51. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV– начала XVI в. М., 1980. 294 с.

52. Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. О так называемых касожской, белореченской и старокабардинской «археологических культурах» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» Материалы международной научной конференции. Карачаевск, 22–29 апреля 2018. С. 507–509.

53. Шаркова И.С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. Л., 1981. 208 с.

54. Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Пер. Ф.К. Брун. Баку: Элм, 1984. 86 с.

55. Atasoy Nurhan, Denny Walter B., Mackie Louise W., Tezcan Hülya. Ipek: Imperial Ottoman Silks and Velvets. London: Azimuth Editions, 2001. 360 p.

56. Bonito Fanelli R. The pomegranate motif in Italian Renaissance silks: a semiological interpretation of pattern and color // La seta in Europa sec. XIII–XX. Prato: Istituto internazionale di storia economica “F. Datini”, 1992. P. 507–530.

57. Brocarts célectes: Musée du Petit Palais Avignon. Exh. Cat. Paris: Musée du Petit Palais, 1997. 134 p.

58. Carmignani M. Tessuti ricami e merletti in Italia: dal Rinascimento al Liberty. Milano: Electa, 2005. 360 p.

59. Errera I. Catalogue d’etoffes anciennes et modernes, Bruxelles: Vromant, Lamertin, 1927. 420 p.

60. Frattaroli P. I tessili medievali nell’entroterra Veneto dalla metà del XIII alla metà del XIV secolo. Aspetti tecnici y desinenze ornamentali // Tessuti nel Veneto. Venezia e la Terraferma. Verona: Banca Popolare di Verona, 1993. P. 191–228.

61. Hocquet J-C. Venice and the Turks // Venice and the Islamic World: 828–1797. New York, New Haven, London: The Metropolitan Museum of Art, Yale Universty Press, 2007. P. 36–51.

62. Hoeniger C. S. Cloth of Gold and Silver: Simone Martini’s Techniques for Representing Luxury Textiles // Gesta. 1991. Vol. 30, No. 2. P. 154–162.

63. Klesse B. Seidenstoffe in der italienischen Malerei des 14 Jahrhunderts. Bern: Schriften der Abegg-Stiftung, 1967. 524 p.

64. Leclercq J-P. Quelques mots de technique // Brocarts célectes: Musée du Petit Palais Avignon. Exh. Cat. Paris: Musée du Petit Palais, 1997. P. 31–38.

65. Lo Stile dello tsar. Arte e Moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo. Exh.cat. Milano: Scira editore, 2009. 240 p.
66. Louca C., Valansot O. Étoffes mamelukes du Musée des tissus de Lyon // CIETA-Bulletin. 1994. No. 72. P. 21–33.
67. Mack R.E. Bazaar to Piazza: Islamic Trade and Italian Art, 1300–1600. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 2002. 344 p.
68. Mackie L.W. The origins and influences of silk damasks in the Topkapi palace in Istanbul during the 16th century // CIETA Bulletin. 2003. No. 80. P. 39–48.
69. Molà L. The silk industry of Renaissance Venice. Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 2000. 480 p.
70. Monnas L. Renaissance Velvets. London: V&A Publishing, 2012. 160 p.
71. Sardjono S. Velour ottomans ou italiens? Une étude technique // Venice et l’Orient 828–1797. Paris : Institut du monde arabe, Gallimard, 2006. P. 192–203.
72. Seta, Oro, Cremisi. Segreti e tecnologia alla corte dei Visconti e degli Sforza. Catalogo della mostra. Milano: Silvana Editoriale, 2009. 192 p.
73. Velluti operati del XV secolo col motivo delle "gricce". Museo Nazionale del Bargello, Firenze: Studio Per Edizioni Scelte, 1985. 32 p.
74. Vocabulaire Français. Lyon: Publications du CIETA, 2005. 55 p.
75. Vocabulary of technical terms. Fabrics. Lyon: Publications du CIETA, 2006. 46 p.
76. Wardwell A.E. Flight of the Phoenix: Crosscurrents in Late Thirteenth-to Fourteenth-Century Silk Patterns and Motifs // The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. 1987. № 74. P. 2–35.
77. Wardwell A.E., Watt J.C.Y. When Silk was Gold: Central Asian and Chinese Textiles. Exh. cat. New York: Metropolitan Museum of Art, 1997. 238 p.
78. Wilckens L. Mittelalterliche Seidenstoffe. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1992. 136 p.

REFERENCES

1. Armarchuk E.A. Glazed ware from the Belorechensky burial mounds of the 14th–15th centuries. *Rossiyskaya Arkheologiya = Russian Archeology*, 2015, no. 2, pp. 120–135. (In Russian)
2. Barbaro I. Travel to Tana. *Barbaro and Contarini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the 15th century*. Moscow: Nauka, 1971, pp. 136–161. (In Russian)
3. Vinogradov V.B., Narozhny E.I., Narozhnaya F.E. On the localization of the “Kremukh region” and the Belorechensky mounds. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani = Materials and research on the archeology of Kuban*. Iss. 1, 2001, pp. 124–137. (In Russian)
4. Volkov I.V. Once again about the localization of the Kremukh region and the map of Giacomo Gastaldo of 1548. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza = Materials and research on the archeology of the North Caucasus*. 2003, Vol. 2, pp. 224–260. (In Russian)
5. Gavrilyuk N.A., Ibragimova A.M. Turbe of Khan Hadji Geray. Based on archaeological research materials from 2003–2008, Kyiv-Zaporozhye: Dikoye pole, 2010. 176 p. (In Russian)
6. Golubev L. E. Once again about the Kremukh region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani = Materials and research on the archeology of Kuban*. 2003, Vol. 3, pp. 262–270. (In Russian)
7. Gorelik M.V. Golden Horde costume of the Caucasus (second half of the XIII–XIV centuries). *Materialy i Issledovaniya po Arkheologii Severnogo Kavkaza = Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus*. Iss. 11, 2010, pp. 207–231. (In Russian)

8. Gulevich V.P., Hautala R. A little-known source about the embassy of Sigismund of Luxembourg to Caffa in 1412. *Zolotoordynskoye obozreniye = Golden Horde Review*, 2018, Vol. 6, no. 1, pp. 199–211. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211> (In Russian)
9. Davanzo-Poli D. Craft and fashion in Venice in the XIII–XVIII centuries. exhibition catalogue. St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Russkogo Muzeya, 2006. 201 p. (In Russian)
10. Dode Z.V. Medieval costume of the peoples of the North Caucasus: essays on history. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001. 136 p. (In Russian)
11. Dode Z.V. Italy and the North Caucasus as reflected by a textile find of the 15th century from the Belorechensky burial ground. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo-Kavkaza. Arkheologiya, krayevedeniye, muzeyevedeniye = Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Archeology, local history, museology*. 2013, Iss. 9, pp. 247–272. (In Russian)
12. Druzhinina I.A. Funerary monuments of the north-eastern Black Sea region and the North Caucasus of the XIII–XVIII centuries as a source on the history of the Adyghe peoples. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Moscow, 2018. 622 p. (In Russian)
13. Druzhinina I.A. Mamluks in the North Caucasus in the 14th – early 16th centuries. *ByzantinoCaucasica*. Iss. 2. Moscow, 2022, pp. 201–232. (In Russian)
14. Druzhinina I.A. Connections between the Circassians of the Trans-Kuban region and the Mamluk Sultanate in the 14th – early 16th centuries. based on materials from excavations of the Belorechensky mounds. *Antiquities of the Northern Black Sea Region, the Caucasus and Central Asia: from the discoveries of N.I. Veselovsky to modern science: Materials of the international scientific conference dedicated to the 175th anniversary of Nikolai Ivanovich Veselovsky (1848–1918)*. St. Petersburg, 2024, pp. 170–172. (In Russian)
15. Emanov A.G. North and South in the history of commerce: based on materials from Kafa of the 13th–14th centuries. Tyumen: RUTRA, 1996. 225 p. (In Russian)
16. Zaitsev I.V. Kremuk-Kermuk and the “Tatar Corner” (towards an understanding of two medieval ethno-toponyms). Book of pictures of the earth. Moscow: Indrik, 2014, pp. 93–97. (In Russian)
17. Zevakin E.S., Penchko N.A. Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the XIII–XV centuries. *Istoricheskiye zapiski*. 1938, no. 3, pp. 78–86. (In Russian)
18. Golden Horde and Black Sea region. Lessons from the Chinggisid Empire: exhibition catalogue. Moscow: Mardjani Foundation, 2019. 504 p. (In Russian)
19. Golden Horde: history and culture: exhibition catalogue. St. Petersburg: Slaviya, 2006. 264 p. (In Russian)
20. Ierusalimskaya A.A. Moshchevaya Balka. St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitaja, 2012. 384 p. (In Russian)
21. Interiano G. Life and country of the Zikhs, called Circassians. Remarkable storytelling. La vita et sito de sichi, chiamati circassi. *Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th–19th centuries*. Nalchik: Elbrus, 1974, pp. 46–52. (In Russian)
22. Kagazhev Zh.V. Late medieval Adyghe principality of Kemirgoy (Kremuk). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya» = Bulletin of the Adyghe State University. Series “Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies.”* 2011, Iss. 1 (74), pp. 55–59. (In Russian)
23. Karpov S.P. The Trebizond Empire and Western European states in the XIII–XV centuries. Moscow: Moscow State University Publ., 1981. 231 p. (In Russian)
24. Karpov S.P. Italian maritime republics and the Southern Black Sea region in the XIII–XIV centuries: problems of trade. Moscow: Nauka, 1990. 232 p. (In Russian)

25. Kramarovskiy M.G. Silver of the Levant and artistic metal of the Northern Black Sea region of the 13th–15th centuries. (based on materials from Crimea and the Caucasus). *Khudojstvennyye pamyatniki i problemy kultury Vostoka*. Leningrad: Iskusstvo, 1985, pp. 152–180. (In Russian)

26. Kramarovskiy M.G. Gold of the Chinggisids: Cultural heritage of the Golden Horde. St. Petersburg: Slavia, 2001. 364 p. (In Russian)

27. Kramarovskiy M.G. Belorechensky burial ground and the question of the culture of the Kremuk province. Hermitage readings in memory of B.B. Piotrovskiy. St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitaja, 2002, pp. 51–57. (In Russian)

28. Kramarovskiy M.G. Medieval street man. Golden Horde, Byzantium, Italy. St. Petersburg: Eurasia, 2012. 490 p. (In Russian)

29. Kuznetsov V.A. Adyge feudal possession of Kremuk. *Severny Kavkaz i kochevoy mir stepey Evrazii. 5 Minaevskiy chteniya po arkheologii, etnographii i krayevedeniyu Severnogo Kavkaza*. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2001, pp. 128–130. (In Russian)

30. Kurmanovskiy V.S. Sabers from late medieval burials of the Kuban region in the collection of the archeology department of the State Historical Museum. *Military traditions in the archaeological context: from the late Latène to the late Middle Ages*. Tula: Kulikovo Pole, 2014, pp. 150–162. (In Russian)

31. Levasheva V.P. Belorechensky mounds. *Arkheologicheskii sbornik. Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya = Archaeological digest. Proceedings of the State Historical Museum*. Vol. 22. Moscow: Izdatelstvo GIM, 1953, pp. 165–213. (In Russian)

32. Menshikova M.L. Chinese silk fabrics from Egypt. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha = Digest of the State Hermitage Museum*, 1997, Iss. 57, pp. 56–61. (In Russian)

33. Miloradovich O.V. Kabardian mounds of the XIV–XVI centuries. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet archeology*. 1954, Iss. 20, pp. 343–356. (In Russian)

34. Narozhny E.I. North Caucasus in the XIII–XV centuries: problems of political history and ethnocultural interaction. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Vladikavkaz, 2010. 58 p. (In Russian)

35. Orfinskaya O.V. Terminological apparatus for describing patterned silk fabrics of the Middle Ages in museum collections: an illustrated manual for museum employees and specialists in museum and archaeological textiles. Moscow: Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2019. 122 p. (In Russian)

36. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1898. 251 p. (In Russian)

37. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1897. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1900. 191 p. (In Russian)

38. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1906. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1909. 166 p. (In Russian)

39. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1907. St. Petersburg: tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, 1910. 157 p. (In Russian)

40. ‘A Gift to Contemplators’: Ibn Battuta’s Travels. Exh. cat. St. Petersburg: Izdatelstvo Gosudarstvennogo Ermitaja, 2015. 512 p. (In Russian)

41. Ravdonikas T.D. Essays on the history of clothing of the population of the North-western Caucasus (5th century BC – end of the 17th century). Leningrad, 1990. (In Russian)

42. Smirnov A.P. On the issue of the formation of the Kabardian people according to archaeological data. *Uchenyye zapiski KNII*. 1948, Vol. 4, pp. 65–90. (In Russian)

43. Treasures of the Golden Horde. Exhibition catalogue. St. Petersburg: Slavia, 2000, 346 p. (In Russian)

44. Teplyakova A.N. Fragments of velvet from the mausoleum in Khanly-dere (Bakhchisarai). *East (Oriens)*. 2016, no. 6, pp. 137–152. (In Russian)

45. Teplyakova A.N. Kaftan silk from mound 5 of the Belorechensky burial ground. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury = Proceedings of the State Hermitage. Byzantium in the context of world culture*. 2019, Vol. 99, pp. 213–224. (In Russian)
46. Teplyakova A.N. Gold threads in the Northern Black Sea region in the XIV–XV centuries, aspects of trade and problems of attribution. Digest of scientific papers of the I Solkhat Readings. Black Sea region in the era of globalization: East and West in the culture of Crimea. Simferopol: IT "Arial", 2022, pp. 63–66. (In Russian)
47. Teplyakova A.N. Textile material from the Belorechensky burial ground in the collection of the State Hermitage: problems of attribution and dating. *Antiquities of the Northern Black Sea Region, the Caucasus and Central Asia: from the discoveries of N.I. Veselovsky to modern science: Materials of the international scientific conference dedicated to the 175th anniversary of Nikolai Ivanovich Veslovsky (1848–1918)*. St. Petersburg, 2024, pp. 211–213. (In Russian)
48. Teplyakova A.N. Fragments of a silk stripe from mound 9 of the Belorechensky burial ground. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedeniye i Afrikanistika = Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African Studies*. 2025, no. 1 (in print). (In Russian)
49. Teplyakova A.N. Taffeta lance from mound No. 6 of the Belorechensky burial ground. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii = Brief communications of the Institute of Archeology* (in print). (In Russian)
50. Uzlov Yu.A. The North Caucasus in the cultural and historical field of Eurasian civilization. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2010, no. 1, pp. 267–287. (In Russian)
51. Khoroshkevich A.L. The Russian state in the system of international relations of the late XV – early XVI centuries. Moscow, 1980. 294 p. (In Russian)
52. Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A. About the so-called Kasozh, Belorechensk and Old Kabardian “archaeological cultures”. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Yevrazii v drevnosti i srednevekov'ye. XXX «Krupnovskiyeh chteniya» Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii = The Caucasus in the system of cultural relations of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. XXX “Krupnov Readings” Materials of the international scientific conference*. Karachaevsk, April 22–29, 2018, pp. 507–509. (In Russian)
53. Sharkova I.S. Russia and Italy: trade relations from the 15th to the first quarter of the 18th century. Leningrad, 1981. 208 p. (In Russian)
54. Schiltberger Johann. *Traveling through Europe, Asia and Africa*. Transl. by F.K. Brun. Baku: Elm, 1984. 86 p. (In Russian)
55. Atasoy Nurhan, Denny Walter B., Mackie Louise W., Tezcan Hülya. *Ipek: Imperial Ottoman Silks and Velvets*. London: Azimuth Editions, 2001. 360 p.
56. Bonito Fanelli R. The pomegranate motif in Italian Renaissance silks: a semiological interpretation of pattern and color. *La seta in Europa sec. XIII–XX*. Prato: Istituto internazionale di storia economica “F.Datini”, 1992. pp. 507–530.
57. *Brocarts célestes: Musée du Petit Palais Avignon. Exh. Cat.* Paris: Musée du Petit Palais, 1997. 134 p.
58. Carmignani M. *Tessuti ricami e merletti in Italia: dal Rinascimento al Liberty*. Milano: Electa, 2006. 360 p (In Italian)
59. Errera I. *Catalogue d'etoffes anciennes et modernes*, Bruxelles: Vromant, Lamertin, 1927. 420 p. (In French)
60. Frattaroli P. *I tessili medievali nell'entroterra Veneto dalla metà del XIII alla metà del XIV secolo. Aspetti tecnici y desinenze ornamentali. Tessuti nel Veneto. Venezia e la Terraferma*. Verona: Banca Popolare di Verona, 1993, pp. 191–228. (In Italian)
61. Hocquet J-C. *Venice and the Turks. Venice and the Islamic World: 828–1797*. New York, New Haven, London: The Metropolitan Museum of Art, Yale Universty Press, 2007, pp. 36–51.

62. Hoeniger C.S. Cloth of Gold and Silver: Simone Martini's Techniques for Representing Luxury Textiles. *Gesta*. 1991, Vol. 30, no. 2, pp. 154–162.
63. Klesse B. Seidenstoffe in der italienischen Malerei des 14 Jahrhunderts. Bern: Schriften der Abegg-Stiftung, 1967. 524 p. (In German)
64. Leclercq J-P. Quelques mots de technique. Brocarts célestes: Musée du Petit Palais Avignon. Exh. Cat. Paris: Musée du Petit Palais, 1997, pp. 31–38. (In French)
65. Lo Stile dello tsar. Arte e Moda tra Italia e Russia dal XIV al XVIII secolo. Exh.cat. Milano: Scira editore, 2009. 240 p. (In Italian)
66. Louca C., Valansot O. Étoffes mamelukes du Musée des tissus de Lyon. *CIETA-Bulletin*. 1994, no. 72, pp. 21–33. (In French)
67. Mack R.E. Bazaar to Piazza: Islamic Trade and Italian Art, 1300–1600. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 2002. 344 p.
68. Mackie L.W. The origins and influences of silk damasks in the Topkapi palace in Istanbul during the 16th century. *CIETA Bulletin*. 2003, no. 80, pp. 39–48.
69. Molà L. The silk industry of Renaissance Venice. Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 2000. 480 p.
70. Monnas L. Renaissance Velvets. London: V&A Publishing, 2012. 160 p.
71. Sardjono S. Velour ottomans ou italiens? Une étude technique. Venice et l'Orient 828–1797. Paris : Institut du monde arabe, Gallimard, 2006, pp. 192–203. (In French)
72. Seta, Oro, Cremisi. Segreti e tecnologia alla corte dei Visconti e degli Sforza. Catalogo della mostra. Milano: Silvana Editoriale, 2009. 192 p. (In Italian)
73. Velluti operati del XV secolo col motivo delle "gricce". Museo Nazionale del Bargello, Firenze: Studio Per Edizioni Scelte, 1986. 32 p. (In Italian)
74. Vocabulaire Français. Lyon: Publications du CIETA, 2005. 55 p. (In French)
75. Vocabulary of technical terms. Fabrics. Lyon: Publications du CIETA, 2006. 46 p.
76. Wardwell A.E. Flight of the Phoenix: Crosscurrents in Late Thirteenth-to Fourteenth-Century Silk Patterns and Motif. *The Bulletin of the Cleveland Museum of Art*. 1987, no. 74, pp. 2–35.
77. Wardwell A.E., Watt J.C.Y. When Silk was Gold: Central Asian and Chinese Textiles. Exhibition catalogue. New York: Metropolitan Museum of Art. 1997. 238 p.
78. Wilckens L. Mittelalterliche Seidenstoffe. Berlin: Staatliche Mussen zu Berlin, 1992. 136 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Николаевна Теплякова – научный сотрудник отдела Востока, Государственный Эрмитаж (191181, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5460-8009. E-mail: teplyakova@hermitage.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya N. Tepliyakova – Research Fellow of the Oriental Department, The State Hermitage Museum (34, Dvortsovaya nab., St. Peterburg, 191181, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5460-8009. E-mail: teplyakova@hermitage.ru

Поступила в редакцию / Received 29.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 12.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.576-598>
EDN: DWNGQY

УДК 94(47).035

О ХАНАХ ГИЙАС АД-ДИНЕ СЫНЕ ТАШТИМУРА И ГИЙАС АД-ДИНЕ СЫНЕ ШАДИБЕКА

Р.Ю. Рева

*Новосибирск, Российская Федерация
roman04reva@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: на основании сравнения письменных и нумизматических источников восстановить факты из жизни и правления двух разных ханов, носивших имя Гийас ад-Дин.

Материалы исследования: в статье использованы как ранее опубликованные материалы письменных источников, так и недавно обнаруженные нумизматические данные (некоторые публикуются впервые). Среди письменных источников привлечены тексты напрямую не содержащие имени Гийас ад-Дин, однако, по мнению автора, описывающие некоторые моменты жизни персонажей с этим именем.

Научная новизна и результаты исследования: установлено, что предложенная А.Л. Пономаревым версия о происхождении хана Бек-Суфи не нашла подтверждения. В бухгалтерских текстах Каффы под обозначением императора, брата «Тавлатберди», следует воспринимать Гийас ад-Дина сына Таштимура. Этот хан, представитель крымской линии Тукайтимуридов, взошел на трон в 819 г.х. В следующем десятилетии он отказался от власти, но остался жить в Крыму и сохранил титул. Был убит в 838 г.х. по приказу Сайид-Ахмада II. Был отцом Хаджи-Гирея. Другой правитель – Гийас ад-Дин сын Шадибека – в конце 828 - нач. 829 г.х. захватил Сарайский престол, восстановив власть Нумаганов в Большой Орде. Умер в 831 г.х. Его сын Мустафа некоторое время также был ханом Большой Орды, затем несколько лет был правителем Хорезма.

Ключевые слова: Джучиды, Большая Орда, Гийас ад-Дин, Таштимур, Хаджи-Гирей, Шадибек, Мустафа, Крым, Сарай, Орду Му‘аззам, монеты

Для цитирования: Рева Р.Ю. О ханах Гийас ад-Дине сыне Таштимура и Гийас ад-дине сыне Шадибека // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 576–598. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.576-598> EDN: DWNGQY

© Рева Р.Ю., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ABOUT THE KHANS GHIYATH AL-DIN IBN TASHTIMUR AND GHIYATH AL-DIN IBN SHADIBEK

R.Yu. Reva

Novosibirsk, Russian Federation

roman04reva@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study, based on a comparison of written and numismatic sources, is to reconstruct facts from the life and reign of two different khans who bore the name Giyath al-Din.

Reserch materials: The article uses both previously published materials from written sources and recently discovered numismatic data (some are published for the first time). Among the written sources, texts are drawn that do not directly contain the name Giyath al-Din, however, according to the author, they describe some moments in the life of characters with this name.

Scientific novelty and research results: it was established that the proposed A.L. Ponomarev's version of the origin of Khan Bek-Sufi was not confirmed. In the Genoese texts of Kaffa, the emperor, the brother of "Tavlatberdi", should be considered Giyath al-Din, the son of Tashtimur. This khan ascended the throne in AH 819. He renounced power in the next decade, but remained to live in Crimea and retained his title. He was killed in AH 838. by order of Sayyid Ahmad II. He was the father of Hajji Giray khan. Another ruler was Giyath al-Din, son of Shadibek-khan. At the end of AH 828 - beginning 829 he seized the throne of Saray, restoring the power of the Numaghans in the Great Horde. Died in AH 831. His son Mustafa was the khan of the Great Horde for some time, then he was the ruler of Khorezm for several years.

Keywords: Juchids, Great Horde, Giyath ad-Din, Tashtimur, Hajji-Girey, Shadibek, Mustafa, Crimea, Saray, Ordu Mu'azzam, coins

For citation: Reva R.Yu. About the khans Giyath ad-Din ibn Tashtimur and Giyath ad-Din ibn Shadibek. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 576–598. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.576-598> (In Russian)

В настоящее время некоторые исследователи вслед за А.Л. Пономаревым называют хана Бек-Суфи, правившего частью Крыма с 822 по 824 г.х., сыном Таштимура и родным братом Девлет-Бирди [5, с. 146, 152; 22, с. 442]. Это ошибочное суждение возникло из-за некорректной трактовки А.Л. Пономаревым записи в книге массариев Каффы от 16 декабря 1422 года (2/ I /826 г.х.) о выдаче эксенция «господину Тавлатберди брату императора» [24, с. 174]. Андрей Леонидович неверно посчитал, что под «императором» составитель массарии подразумевал хана Крыма Бек-Суфи. Следующим шагом исследователь сделал вывод о том, что раз Бек-Суфи был братом Девлет-Бирди сына Таштимура, то и сам Бек-Суфи был сыном Таштимура [24, с. 176]. Показать очевидную ошибочность такого суждения не составляет труда.

Во-первых, если посмотреть на даты событий, то обнаруживаем, что смерть Бек-Суфи наступила в сентябре 1421 (IX/ 824 г.х.) [11, с. 442], то есть более чем за 14 месяцев до того как секретарь Джованни Бальби своей рукой сделал упомянутую запись в бухгалтерской книге. А.Л. Пономарев заметил, что этот нотариус не был новичком и трудился в Каффе уже длительное время [24, с. 174, сноска № 26], поэтому предположение, что опытный специалист

указал бы в качестве действующего императора давно умершего человека, а власти Каффы выдали бы ему и его родственникам из казны какие-то денежные средства – всё это представляется крайне маловероятным. Расстояние между Солхатом и Каффой составляет чуть более двадцати километров, поэтому невозможно себе представить, что власти Каффы не имели бы сведений о том, что происходило в соседней местности, тем более очевидцы событий сообщали, что после смерти Бек-Суфи в Крыму развернулась ожесточенная борьба за право именоваться «Императором Солхата» [11, с. 442]. Нумизматические данные также опровергают версию о том, что в Каффе не знали, кто в промежутке 824–826 г.х. был императором. Чеканка и Крыма (Солхата), и Каффы с именем хана Бек-Суфи уже в 824 г.х. сменилась на монетное производство от имени Девлет-Бирди, которое продолжилась и в следующем 825 г.х. А вот монет этого правителя с датой 826 пока не обнаружено [45, с. 385–414]. Т.е. уже в 824 г.х. власти Каффы были осведомлены о смерти Бек-Суфи и уж точно бы не выдали деньги на его имя более чем год спустя.

Во-вторых, объявление А.Л. Пономаревым Бек-Суфи сыном хана Таштимура и братом Девлет-Бирди противоречит генеалогическим сообщениям средневековых авторов. А.Л. Пономарёв написал «отдать предпочтение позднейшим¹ восточным пересказам перед синхронными сведениями из государственного делопроизводства будет источниковедческим бесстыдством» [24, с. 174–175]. Однако, совершенно неясно, почему Андрей Леонидович решил, что сведения из массарии противоречат, а не подтверждают сообщения средневековых восточных источников?

В «Таварих-и гузида...» и «Му'изз ал-ансаб» названы четыре сына Таштимура: Джамал ад-Дин, Девлет-Бирди, Гийас ад-Дин и Алибек [13, с. 40; 17, с. LVI]. В поздних источниках информация уже не такая подробная. Утемиш-хаджи сообщает: «У Баш Тимура² было два сына. Одного звали Девлетберди, другого Тюрк Кыйасетдин» [41, с. 80]. У Абдулгаффара Кырыми находим следующее: «У Таштимура было два сына Гийас ад-Дин и Девлет-бирди» [2, с. 85]. Таким образом, нам логичнее искать брата Девлет-Бирди, которого каффинцы в начале 826 г.х. называли императором среди вышеперечисленных персонажей. О жизни и деяниях Джамал ад-Дина и Алибека что-либо сказать затруднительно, а вот о Гийас ад-Дине сыне Таштимура и отце хана Хаджи-Гирея некоторые сведения сохранились.

В 819 г.х. в Орду Му'аззам некоторое время чеканились монеты от имени некоего хана Гийас ад-Дина, которые штемпельно связаны с чеканом хана Сайид-Ахмада I [33, с. 79].

У Абдулгаффара Кырыми сказано, что в момент смерти Кадыр-Берди (822 г.х.) «у хана (Кадыр-Бирди – Р.Р.) был младший брат Гийасэддин, но его не было в той местности (вблизи реки Яик, где состоялась битва между войсками Кадыр-Бирди и Идегея – Р.Р.)» [2, с. 76]. Нельзя исключать того, что речь идет не о старшинстве по возрасту, а о генеалогической близости к де-

¹ «Му'изз ал-ансаб» никак нельзя отнести к «позднейшим» источникам, он был написан в 20–30-е годы XV столетия.

² В источниках имя этого Джучида передается и как *Таштимура*, и как *Баштимура*.

тям Токтамыш³. В войске оказался другой родственник умершего Кадыр-Бирди – Мухаммад⁴, который до этого «прислуживал» бекам, решившим в итоге возвести его на престол [2, с. 76].

В текстах «Кара-таварих» и «Умдет ал-ахбар», восходящих, по-видимому, к одному источнику, очевидно, перепутаны характеристики и описания двух братьев, детей Таштимура, вот что там сообщено: «У него (Таштимура – Р.Р.) было двое сыновей по имени Гийаседдин и Девлетберди. У Гийаседдина не было потомства. Девлетберди же во время правления его двоюродного брата Улуг Мухаммед хана, находился только в Крыму, его могила находится в Крыму а местности Саладжык. У него было двое сыновей по имени Хаджи Гирай и Джихан Гирай» [2, с. 85]; «Род Кыйасетдина не продолжился. У Девлетберди было два сына – Хаджи Кирей и Джан Кирей. Во времена Улуг Мухаммад хана этот Девлетберди правил в Крыму. Все эли и народ принадлежали Мухаммад хану. Он из Крыма не выезжал. Из-за страха перед Мухаммад ханом, у него не было желания стать ханом, там он и умер» [41, с. 81]. На самом деле отцом Хаджи-Гирея и Джан-Гирея был, именно Гийас ад-Дин сын Таштимура⁵, именно он безвыездно сидел в Крыму, а его брат Девлет-Бирди, напротив, несколько раз покидал Крым, соперничая с Улуг-Мухаммадом и другими Джучидами в попытках захватить Сарайский престол и другие территории [27, с. 717–718]. В «Му‘изз ал-ансаб» и «Таварих-и гузида» показано, что у Девлет-Бирди была одна дочь по имени Михр-Насаб, потомков по мужской линии у него не было [17, с. 45; 13, с. 40].

Следующий важный вопрос, **был ли ханом Гийас ад-Дин, сын Таштимура?** Дело в том, что некоторые исследователи высказывают сомнения по этому поводу, приводя аргументы, что не во всех письменных источниках отец Хаджи-Гирея назван ханом [47, с. 591, сноска 40]. Справедливости ради заметим, что в этих же источниках не сказано, что он ханом не был. Напомним, что отсутствие информации не может являться аргументом в пользу чего-либо. Средневековые авторы, как и переписчики их трудов, могли не знать, не придавать особой важности или нарочно не указывать какие-либо сведения в своих произведениях. Именно поэтому для обоснования какого-то тезиса обращать внимание необходимо на имеющиеся данные, а не на их отсутствие. Итак, Гийас ад-Дин, отец Хаджи-Гирея, назван ханом в «Таварих-и Гузида-йи Нусрат-наме» [13, с. 40], в трактате Абу-л-Гази-бахадур «Родословное древо Тюрков» [3, с. 102], в сочинении Халим-Гирея «Гюльбун-и ханан» [44, с. 16; 33, с. 73], в «Шаджарат Чингизийе» Салахиддина [10, с. 224] и др.⁶ Сюда следует добавить пересказ В.Д. Смирновым тюркоязычно-

³ Гийас ад-Дин сын Таштимура приходился четвероюродным братом Кадыр-Бирди, сыну Токтамыша.

⁴ Улуг-Мухаммад сын Ичкили Хасана также приходился четвероюродным братом Кадыр-Бирди и двоюродным братом Гийас ад-Дину сыну Таштимура.

⁵ На монетах Хаджи-Гирея, где указано его происхождение, начертано, что его отцом был *Гийас ад-Дин* [48, с. 4].

⁶ Средневековые хронисты могли умышленно преувеличивать значимость предков своих правителей. Т.е. если бы мы имели сообщения о ханствовании Гийас ад-Дина только в трудах крымских историков, нам пришлось бы учитывать и такую причину появления эпитета «хан» у отца Хаджи-Гирея. Однако Абу-л-Гази и составитель «Таварих-и Гузида ...» написали свои сочинения в среднеазиатских государ-

го предания, «которое повторяется всеми турецко-татарскими историками» [40, с. 185]: «могущественнейший из эмиров того времени и сторонник Сейид-Ахмед-хана Кункрат-Хайдэр-мурза умер; тогда престиж перешел к Ширин-Тэгенэ-мурзе. А так как у этого Тэгенэ-мурзы была вражда к Сейид-Ахмед-хану, то он, чтобы, найдя одного из двух пропавших *ханычей* (Хаджи-Гирея и Джаная – Р.Р.), поставить его ханом, стал делать розыски и расспросы. Один разумный человек *из подданных* Гьяс-эд-Дина, отца Хаджи-Герая, знавший о Хаджи-Гераяе, известил Тэгенэ-мурзу» [40, с. 187]. Как мы видим, в этом отрывке есть фраза «подданный Гийас ад-Дина отца Хаджи-Гирея», а самого Хаджи-Гирея и его брата называют «ханычами». Т.е. у составителя предания не было ни малейшего сомнения в том, что дети Гийас ад-Дина – это дети бывшего хана.

Помимо этого существуют нумизматические свидетельства о хане Гийас ад-Дине. Это и уже упомянутые выше монеты Орду Му‘аззам 819 г.х., и монеты с легендой: «*Султан Хаджи-Гирей сын Гийас ад-Дин-хана / Чеканено в городе Крым. 845*» [48, с. 4].

Турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби, так описывал соборную мечеть Чуфут-кале «старинной архитектуры»: «Над её дверью четким почерком написан следующий тарих: «Построил эту мечеть благословенную великий султан и достопочтенный хакан, повелитель царей арабов и неарабов, **султан Хаджи Герай-хан бен Гьяс эд-Дин-хан бен Эртогмаз-хан** (sic!), да продлится его жизнь и царствование. Год 859»» [46, с. 83].

Ещё одним важным аргументом в пользу ханствования Гийас ад-Дина сына Таштимура, как мы теперь видим, является упомянутая в начале статьи заметка в массарии Каффы о выдаче денежных средств «господину Тавлатберди брату императора». Таким образом, и каффинский документ, и «восточные пересказы», и данные нумизматики, и описания путешественниками архитектурных памятников, недошедших до наших дней – все они показывают, что Гийас ад-Дин отец Хаджи-Гирея был ханом.

Важным следствием из всего вышесказанного является то, что предположение А.Л. Пономарёва, по-видимому, является ошибочным. Свидетельств того, что хан Бек-Суфи был сыном хана Таштимура и родным братом хана Девлет-Бирди пока не обнаружено.

Когда умер Гийас ад-Дин сын Таштимура? Согласно В.Д. Смирнову на момент смерти отца Хаджи-Гирей и Джан-Гирей были ещё детьми: «... по единогласному свидетельству всех источников Хаджи-Герай остался десятилетним сиротой после отца, убитого его ненавистником Сейид-Ахмед-ханом» [40, с. 189]. В.Д. Смирнов также указывает на то, что якобы Хаджи-Гирея и Джан-Гирея, «когда они были ещё детьми, намеревался истребить Кадыр-бирды-хан, опасаясь быть свергнутыми ими с трона» [40, с. 188]. Кадыр-Бирди был убит в 822 г.х. Если бы данное сообщение было верным, то смерть отца царевичей должна была произойти до этой даты. Такая последовательность рассуждений привела нас ранее к мысли, что смерть Гийас ад-Дина I наступила в 819 г.х., когда чеканка монет с его именем сменилась

ствах, управляемых потомками Шибана, чьи предки ранее соперничали за верховную власть в Золотой Орде с Тукайтимуридами, к коим принадлежала ветвь наследников Гийас ад-Дина. Подозревать среднеазиатских авторов в стремлении возвеличить конкурирующую династию контрпродуктивно.

эмиссиями Сайид-Ахмада Первого, а сам отец Хаджи-Гирея был убит Сайид-Ахмадом, ставленником Идегея [25, с. 54]. Предположим теперь, что сведения о преследовании Хаджи-Гирея и Джан-Гирея со стороны Кадыр-Бирди неверны, что имя последнего перепутано с именем другого Джучида⁷. В этом случае выходит, что Гийас ад-Дин I мог остаться живым после смерти Сайид-Ахмада I в 819 г.х. и мог быть тем *Гийасэддином*, которого беки хотели было поставить ханом после смерти Кадыр-Бирди в 822 г.х., однако он оказался слишком далеко от войска, поэтому ханом «партии Токтамышевичей» был избран Улуг-Мухаммад⁸. Вероятно, именно Гийас ад-Дин сын Таштимура был императором Крыма на дату 16 декабря 1422 года (2 мухаррам 826 г.х.), когда был выдан эксеней «господину Тавлатберди брату императора». Именно он, по словам Абдулгаффара Кырыми, «во время правления его двоюродного брата Улуг Мухаммад-хана, находился только в Крыму в окружении своих нукеров и ни во что не вмешивался. Скончался в Крыму, его могила находится в Крыму в местности Саладжык. У него было двое сыновей по имени Хаджи Гирай и Джихан Гирай» [2, с. 85].

И.В. Зайцев считает, что Гийас ад-Дин похоронен недалеко от Солхата [7, с. 495]. В подтверждение этому он приводит цитату из «Наблюдений» 1793–1794 гг. П.С. Палласа, где сказано, что у деревни Кара-Гоз, в семи верстах от Старого Крыма «находят остатки памятника, построенного из тесаного камня с готическим сводом и татарской надписью [868] 1454, указывающей, что это мавзолей Гиасс-эдин Султана, сына хана Килай-Темира⁹» [21, с. 116]¹⁰. Предположим, что И.В. Зайцев прав, и указанный мавзолей, действительно, принадлежал Гийас ад-Дину сыну Таштимура¹¹. В этом случае рассуждения могут быть такими. И.В. Зайцев справедливо замечает, что 868 г.х. (сентябрь 1463 – сентябрь 1464 гг.) не соответствует указанному 1454 году (I/858 г.х. – I/859 г.х.) [7, с. 496]. Очевидно, что дата передана ошибочно. Трудно согласиться с другим предположением И.В. Зайцева, что Гийас ад-

⁷ Например, Девлет-Бирди или Сайид-Ахмада Второго?

⁸ Заметим, что Кунградские и Ширинские беки не поставили бы над собой ханов из династии Нумаганов, с которой сражались долгие годы, поэтому в данном пассаже речь может идти только о Гийас ад-Дине сыне Таштимура, а не об его тезке – сыне Шадибека.

⁹ Существует несколько вариантов лапидарного исполнения имени *Таштимур*, когда неискушенный читатель может прочесть *Килайтемир*.

¹⁰ К сожалению, этот мавзолей не сохранился. В.Д. Смирнов, пытавшийся разыскать его в 1886 году, писал «Теперь и следов его не осталось, и даже на расспросы мои никто не смог указать места, где был этот памятник» [7, с. 495].

¹¹ Хотя, как мы видели, в «Умдет ал Ахбар» и «Кара-таварих» сказано, что могила отца Хаджи-Гирея на момент написания протографов этих текстов была в Салачике, в дальнейших рассуждениях мы будем опираться на версию И.В. Зайцева о том, что в конце XVIII века мавзолей этого правителя мог находиться недалеко от Старого Крыма – первой татарской столицы полуострова. Эвлия Челеби, пребывавший в Крыму в 1666–1667 годах, описывая мечеть Гийас ад-Дина-хана, отца Хаджи-Гирея в Кырк-Йере (т.е. рядом с Салачиком) заметил: «Однако эта несчастная мечеть стоит среди евреев и дверь её всегда закрыта. Мусульманской общины нет ни имени, ни знака» [46, с. 83]. Нельзя исключать, что прах Гийас ад-Дина мог быть первоначально погребен рядом с этой мечетью, но впоследствии он был перемещен из места, столь неподобающего для отца династии великих правителей Крыма.

Дин отец Хаджи-Гирея умер в 868 году. Такой поздней дате смерти Гийас ад-Дина противоречит подавляющее большинство источников, свидетельствующие, что на момент смерти отца Хаджи-Гирей и Джан-Гирей были ещё детьми. Вернёмся к дате на мавзолее. Как мы видели, исследователи понимают, что в переданном П.С. Палласом сообщении кроется ошибка: 868 г.х. не соответствует 1454 году. Возможно, она заключена в прочтении года? Сам мавзолей не сохранился. Мы не знаем, как была указана арабская дата: цифрами или словами? В случае если дата была выполнена цифрами, то наиболее вероятна частая ошибка, когда путают арабские цифры ٢ (2) и ٦ (6). Если П.С. Паллас сделал именно такую оплошность при составлении своих заметок, тогда дата смерти на мавзолее Гийас ад-Дина, могла быть – 828 г.х. (ноябрь 1424 – ноябрь 1425 гг.).

Если дата на мавзолее была передана словами, то, скорее всего, ошибка также кроется в неверном прочтении десятков. «Шестьдесят» по-арабски ستين. При лапидарном исполнении это слово может выглядеть похожим на слово ثلاثين – «тридцать». В таком случае возможная дата смерти – 838 г.х. Сравним с текстом Халим-Гирея: «После смерти отца, Гиясэддин-хана, Хаджи-Гирай, спасаясь от преследований двоюродного дяди, хана Сеид-Ахмеда, около семи лет скитался, а затем по стечению обстоятельств сел на крымский трон» [44, с. 16]. Дата воцарения Хаджи-Гирея известна – 845 г.х. Вычтя 7 лет, получим ту же дату – 838 г.х. (август 1434 – июль 1435 гг.). Итак, у нас три варианта даты смерти Гийас ад-Дина сына Таштимура 819, 828 и 838 гг.х.¹² Первый вариант, по всей видимости, следует отвергнуть. Из оставшихся вариантов – дата смерти Гийас ад-Дина Первого – 838 г.х. выглядит наиболее предпочтительной. В этом случае его, действительно, мог убить Сайид-Ахмад II, который воцарившись в 830-х годах Хиджры, постарался привлечь на свою сторону людей покойного Девлет-Бирди, умершего, не оставив наследников мужского пола. Сам Гийас ад-Дин I и его дети, которые являлись законными наследниками отца и дяди, представляли главную угрозу власти Сайид-Ахмада II, которую для него было бы логичным устранить.

Ещё один аргумент в пользу даты смерти Гийас ад-Дина в 838 г.х. находим в приведенном В.Д. Смирновым тексте «Семи планет» Сейида Мухаммада Ризы, в котором сообщается, что «когда Улуг-Мухаммад умер, Крымское ханство досталось Сейид-Ахмед-хану. Новый хан, умертвив дядиных с отцовской стороны сыновей, Гьяс-эд-Дина с братом его Али-беем, вознамерился также извести Хаджи-Герая с племянником Джанай-огланом» [40, с. 185]. В недавнем переводе И.Р. Гибадуллина этот эпизод передан более подробно. Сообщается, что при первой же возможности Сайид-Ахмад-хан «перепилил» «стан веселья и беззаботности считавшихся соперниками его государства племянников¹³ Гийас ад-дина и его брата Али-бека» [39, с. 123–124]. А.В. Якушечкин верно подметил, что в тексте явный анахронизм, т.к. «Улу-Мухаммад скончался в 1445 г. (в 849 г.х. – Р.Р.)» [47, с. 593, сноска 49]. А значительно ранее этой даты, в 845 г.х. (май 1441 – май 1442 гг.), Хаджи-Гирей, который до этого скитался некоторое время после смерти отца, уже

¹² Нельзя исключать также, что цифры 868 обозначали дату постройки мавзолея.

¹³ На самом деле это Сайид-Ахмад Второй, приходился дальним племянником и Гийас ад-Дину и Алибеку. Перевод В.Д. Смирнова, возможно, нужно скорректировать до «дядей с отцовской стороны»?

отметился на монетах как император Крыма. Но эта загадка может быть разрешена, если предположить, что в тексте, что использовал для составления своих трудов Сейид Мухаммад Риза, говорилось не о смерти Улуг-Мухаммада, а об его отступлении с территории Крыма во время его войны с Сайид-Ахмадом Вторым. Напомним, что второе¹⁴ военное противоборство Сайид-Ахмада с Улуг-Мухаммадом началось, примерно, в 837 г.х., а закончилось в ноябре 1436 года (840 г.х.), когда Сайид-Ахмад одержал победу над войском Улуг-Мухаммада [43, с. 182]. Как мы видим, дата 838 г.х., попадает в обозначенный интервал 837–840 гг.х. И даже близка к его ранней границе, когда у Сайид-Ахмада появилась первая возможность ворваться в Крым и расправиться там с потенциальными соперниками, находившимися в это время в состоянии «веселья и беззаботности»¹⁵.

Остается ещё один вопрос. Если на монетах и в некоторых письменных памятниках указано, что Гийас ад-Дин был ханом, то почему на мавзолее и в других письменных источниках было сказано, что он был «султаном»? Ответом на этот вопрос может быть то, что этот Джучид, действительно, был объявлен ханом в какой-то момент, но впоследствии по каким-то причинам предпочёл снять с себя бремя власти, вероятно, уступив её своему брату Девлет-Бирди, которого также объявили ханом¹⁶. Произошло это, по-видимому, ещё в двадцатые годы XV века. Гийас ад-Дин не стал претендовать на власть и после смерти брата. Ограничившись правлением в каком-то небольшом владении, он проводил жизнь в праздности. В памяти потомков, повелителей Крыма, он остался запечатленным как хан, для современников же и составителей летописей он выглядел больше как один из многих султанов-Джучидов.

Приведём вариант перевода, выполненного Н.С. Сейтягьяевым, текста Кырыми, описывающий отца Хаджи-Гирея: «...во время правления сына своего дяди, Улуг-Мухаммед-хана, в окружении только своих нукеров проживал в Крыму. Будучи **разиней**, он не вмешивался ни в какие дела. Сам умер в Крыму» [1, с. 207].

Дополнительные сведения о Гийас ад-Дине, сыне Таштимура. Гийас ад-Дин происходил из Крымской ветви Тукайтимуридов. Его воспитателем был Девлет-гэлди. «Во время царствования деда Хаджи-Герая, Таш-Тимура, он по их обычаю поручил воспитание сына своего Гьяс-эд-Дина одному из своих ветеранов, главе племени Герай, по имени Девлет-гелди, и упомянутого суфи сделал дядькой в смысле атабека. Добродетельный суфи отправился в хадж (на богомолье в Мекку). Так как возвращение его совпало с рождением Хаджи-Герая, то отец последнего Гьяс-эд-Дин, в память паломничества своего аталыка и в честь его племени, нарек сына Хаджи-Гераем. Когда со

¹⁴ Первая, неудачная для Сайид-Ахмада Второго, стычка с Улу Мухаммадом произошла ещё в 835 г.х. [27, с. 719].

¹⁵ Если сведения, приведённые В.Д. Смирновым, о десятилетнем возрасте Хаджи-Гирея на момент смерти его отца верны, а смерть Гийас ад-Дина I наступила в 838 г.х., в таком случае дата рождения Хаджи-Гирея – примерно, 828 г.х., а на момент его смерти в 871 г.х. ему было около 43 лет.

¹⁶ Это не первый и не последний раз, когда бывший хан отстранялся от активного исполнения обязанностей повелителя, передавая всю полноту власти кому-то из своих ближайших родственников, которого также объявляли ханом. Как правило, отошедший от дел правитель сохранял свой ханский титул.

временем Хаджи-Герай сделался ханом Крымским, добродетельный старец был еще в живых»¹⁷ [40, с. 187].

Женой Гийас ад-Дина, матерью Хаджи-Гирея и Джихан-Гирея, в сочинении Абдулгаффара названа Адеми, которая «была дочерью Кабагык беков из черкесского Кемеркой» [16, с. 45].

О Гийас ад-Дине сыне Шадибека. История обнаружения фактов правления этого хана, сомнения, ошибки и находки исследователей, которые соприкасались с информацией об этом правителе, нумизматическая историография публикаций, содержащих сведения о его монетах, штемпельный анализ сарайских эмиссий этого эмитента подробно разобраны нами в работе, переданной ещё в январе 2021 года для публикации в сборнике, посвящённом 65-летию П.Н. Петрова. В настоящей публикации я кратко приведу выводы из указанной статьи и некоторые новые аргументы, подтверждающие озвученные в ней тезисы.

После смерти Идегея согласно «Кара-таварих» и «Умдет ал-ахбар» его дети разделились [41, с. 72; 2, с. 78]. Старшие братья (Нураддин и Кейкубад), по всей видимости, уйдя в вилайет Тура, признали своим правителем Шибанида Хаджи-Мухаммад-хана. Младшие (Мансур, Гази и Навруз) укрылись в землях московского вилайета. Там в это время оказался и Гийас ад-Дин-оглан, сын Шадибека. В 826 г.х. хан Мухаммад-Барак разбил войско Мухаммада и овладел его ордой. К этому времени уже ушли из жизни старшие дети Идегея. Сначала Нураддин, а затем Кейкубад. Мансур де-факто стал старшим среди потомков всеильного беклербека и главой его эля. Спустя некоторое время у него возникла идея интронизировать Гийас ад-Дина Шадибековича, а самому стать беклербеком при новом императоре. Гийас ад-Дин был объявлен ханом. Отряды Гийас ад-Дина и Мансура покинули русские земли, и ушли испытать свое счастье в борьбе за Верховный трон Джучидского государства. На пути они столкнулись с войском хана Улуг-Мухаммада. Мансур вступил в тайные переговоры с одним из карачи-беков Улуг-Мухаммада - ширинским эмиром Тигене, который приходился ему родственником по материнской линии. Для Тигене злейшим соперником в борьбе за близость к трону Улуг-Мухаммада был кунградский бек Хайдар. Глава ширинов договорился с Мансуром, что во время предстоящей битвы между войсками Гийас ад-Дина и Улуг-Мухаммада, часть войска, управляемая Тигене, покинет поле боя, для того, чтобы отряд Мансура смог напасть и убить Хайдара. План почти удался. Во время битвы в местности Камышлы Самар [41, с. 76], ширины ретировались, уведя с собой хана Улуг-Мухаммада. Битва была проиграна, Хайдар был тяжело ранен, но не убит. Победители некоторое время преследовали побежденных, затем «начали объединять эли, дошли и захватили Волжский престол. Гийас хан стал падишахом. Улуг Мухаммад хан переселил народ, живший в западной части Волги и пошел в сторону Крыма» [2, с. 80]. Правление Гийас ад-Дина сына Шадибека в Сарае продолжалось чуть

¹⁷ Это обстоятельство является косвенным подтверждением, того, что Гийас ад-Дин в момент своей смерти не был очень старым человеком, т.к. взрослый человек, «ветеран», которому он был передан на воспитание Таштимуром был ещё жив в момент интронизации его сына Хаджи-Гирея спустя семь лет после смерти Гийас ад-Дина.

более двух лет, после чего он умер. Эмиры возвели на престол Большой Орды его двоюродного племянника – Кичи-Мухаммада, сына Тимура.

Нумизматические данные помогают уточнить даты правления Гийас ад-Дина сына Шадибека. Несмотря на то, что до сих пор наибольшее число монет с именем этого эмитента обнаружено в землях Булгара, в Рыбнослободском кладе 2003 года, состоявшим более чем из шести тысяч монет (из них более четырёх тысяч были болгарскими) и датированным по младшей монете не ранее 826 г.х., не было ни одной монеты с именем хана Гийас ад-Дина. Что является сильным аргументом в пользу того, что овладение этим правителем Булгаром произошло не ранее этой даты.

На сарайских монетах Гийас ад-Дина сына Шадибека стоят даты 829 и 820 (возможно, искажённое исполнение даты 830). Самые ранние датированные монеты Кичи-Мухаммада, приемника Гийас ад-Дина, несут на себе цифры «831». [38, с. 254]. С учетом данных из нарративных источников можно предположить, что время правления Гийас ад-Дина в Сарае уместается в промежутке конец 828 г.х. – начало 831 г.х.

Еще один интересный факт, который считаю нужным упомянуть. На монетах Гийас ад-Дина Второго после его имени практически всегда присутствует дополнительная буква *син* (или *шин*). Возможно, она проставлена, для того, чтобы указать, что хан Гийас ад-Дин – является сыном Шадибека, в отличие от монет его тезки-предшественника, которые не несут дополнительных знаков. Добавление дополнительных элементов в монетную легенду необходимо для различения эмитентов в случае совпадения имени при одновременном правлении. В нашем случае наличие буквы *шин* в легендах монет Гийас ад-Дина сына Шадибека является сильным аргументом в пользу того, что его тезка Гийас ад-Дин Первый сын Таштимура еще был жив во время чеканки указанных монет¹⁸.

Когда умер Гийас ад-Дин сын Шадибека? В.Д. Смирнов представляет следующие известия из «восточных историков, которыми воспользовался Лангле»: «... сыновья убитого Идики, сперва бежавшие вместе с Гийас ад-Дином, сыном Шадибека, в Московию, потом вернулись с тремя тысячами татар опять в Деши-Кыпчак и напали на Ширинского бей, как главного виновника возвышения Улу-Мухаммед-хана. Разбив ширинцев, Гийас ад-Дин со своими партизанами обратился против самого Улу-Мухаммеда и его приверженца Хайдэр-бей, главы татарского племени Кункрат. Хан и бей, потерпев поражение, оба удалились в Крым. Победитель Гийас-эд-Дин воспользовался ханской властью, но ненадолго: спустя год он умер в 841 (=1436–1437) году. Тогда то был возведён в ханы юноша Кючук-Мухаммед, сын Тимурхана, благодаря стараниям одного из сыновей Идики, сильного эмира Мансура. В то время в Азове засел сын (sic! – Р.Р.) Урус-хана, Борак-хан ... Мансур вздумал было потом свергнуть Кючук-Мухаммеда и предложил ханское достоинство Бораку. Но Борак, вероятно уже озлобленный на Мансура за пред-

¹⁸ Наличие дифферентов в легенде монет служит признаком для различения эмиссий разных людей, носящих одинаковые имена. В случае если один из эмитентов в это время уже умер, то такой дифферент уже не обязателен. Поэтому, раз в легенде монет Гийас ад-Дина, сына Шадибека, стоит дополнительная буква *шин*, то, скорее всего, это обозначает, что на момент чеканки таких монет был ещё жив другой хан, который до этого эмитента начал указываться на монетах как *Гийас ад-Дин*.

почтение, оказанное им Кючук-Мухаммеду, умертвил его и подверг преследованиям всех тех, кого только подозревал в приверженстве к убитому Мансуру...» [40, с. 179–180]. Я привёл столь длинную цитату из В.Д. Смирнова потому, что именно она сыграла злую шутку с выкладками многих учёных, в том числе А.Г. Бахтина, который считает, что «вероятно, смерть Гийас ад-Дина наступила летом 1437 г.» (841 г.х.) [4, с. 69]. Однако если присмотреться повнимательней к показанной цитате Смирнова из сочинения Лангле и сравнить её с данными из нумизматических и других письменных источников, то можно заметить, что Гийас ад-Дин правил не один, а два с небольшим года; некоторые его сарайские монеты несут на себе дату по Хиджре 829 (13 ноября 1425 – 1 ноября 1426 гг.), вероятно, год овладения Сараем, другие, по всей видимости, чеканены в 830 г.х. (2 ноября 1426 – 21 октября 1427 гг.); первые монеты Кичи-Мухаммада сына Тимура, возведённого после смерти Гийас ад-Дина на трон Мансуром, датированы 831 г.х.; в этом же 831 г.х. произошло убийство Мансура ханом Бараком; смерть самого Барака произошла в интервале конец 831 – начало 832 г.х. [26, с. 96]. То есть, смерть Гийас ад-Дина следует локализовать в интервале: конец 830 – начало 831 г.х. Очевидно, что Лангле использовал некие, не дошедшие до нас источники, что были близки к «Кара-таварих» Утемиш-хаджи и «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми, но в отличие от последних в них был обозначен год смерти Гийас ад-Дина, прочтённый исследователем как 841. Так как во многих арабографических текстах цифры 3 и 4 (ث и د) пишутся очень похоже, я считаю, что Лангле (или переписчик, использованного им источника) просто неверно воспринял дату, которая, очевидно, в оригинале была обозначена как 831 г.х., а сообщение о смерти Гийас ад-Дина сына Шадибека пришло в Крым, по всей видимости, в последней четверти 1427 года. При такой трактовке текста Лангле-Смирнова мы получаем полное совпадение данных письменных и нумизматических источников.

На какие территории распространялась власть Гийас ад-Дина сына Шадибека? И на этот вопрос помогают ответить данные нумизматики. Дело в том, что монеты Гийас ад-Дина Шадибековича чеканены из очень низкопробного серебра. Такие монеты, по сути, являясь фиатными деньгами, не могли быть ни средством накопления, ни платёжным средством вне территорий, на которые не распространялась власть указанного на них императора. Таким образом, места концентрации находок таких монет с большой степенью достоверности указывают нам те земли, что признавали своим правителем хана Гийас ад-Дина сына Шадибека.

На настоящий момент основными местами находок низкопробных монет Гийас ад-Дина II являются Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Предуралье, Зауралье (в т.ч. Курганская область). Великое княжество Московское во время правления Гийас ад-Дина Шадибековича чеканило монеты более высокой пробы, чем продукция собственно золотоордынских монетных дворов, одна сторона которых подражает арабской надписи. Некоторые из монет несут в легенде не имя Токтамыша, как это было раньше, а «неожиданно» подражают тексту более ранних монет ставленника Мамай хана Гийас ад-Дина Мухаммада, т.е. являются имитации надписи: «Султан справедливый Гийас ад-Дин...» [28, с. 93–98]. Приведённый перечень земель должен доста-

точно хорошо коррелировать с реальным составом территорий, признававших сына Шадибека в качестве своего законного царя¹⁹.

Дополнительные сведения о Гийас ад-Дине сыне Шадибека. После того, как в 809 г.х. с политической арены сошёл столь грозный соперник Нумаганов в борьбе за Верховный Престол²⁰, каким был Токтамыш, хан Шадибек решил отодвинуть от власти Идегея. В конце этого же года, он задумал тайным образом уничтожить Идегея. Последнему мгновенно донесли о намерениях хана, он решил действовать на опережение, собираясь захватить Шадибека. Но хан также был вовремя предупреждён об этом. Ему ничего не оставалось, как спастись бегством. Шадибек ушел в Ширван. Тогдашний правитель этих земель, эмир Шейх-Ибрахим принял белгеца и уже с 809 г.х. начал в Дербенде, а затем в Баку, Шемахе и Кизил-Агаче, чеканку монет с его именем [23, с. 50]. Идегей присылал в Ширван послов, требуя выдачи Шадибека, однако Шейх-Ибрахим отказал ему в этом [15, с. 150]. Чеканка монет от имени Шадибека в Ширване прекратилась только в 813 г.х. В этом году Идегей был отстранен от должности беклербека ханом Тимуром сыном Тимур-Кутлуга, начались военные столкновения между ними. По видимому, Шадибек расценил это как удобную возможность, чтобы покинуть Ширван и вернуться на территорию Улуса Джучи, однако это закончилось для него плачевно. Фасих Хавафи пишет, что смерть Шадибека произошла в 813 г.х. в Дешт-и Кипчаке. Чуть ниже в тексте сообщается о смерти хана Пулада в этом же году [42, с. 159].

Где находился Гийас ад-Дин сын Шадибека в промежутке с 813 г.х. до 820-х гг.х., когда летописцы отметили его пребывание на территории Московского вилайета, неизвестно. Возможно, и в этом случае нам помогут данные нумизматики. Высокая концентрация монетных находок монет 829–830 гг.х. с именем этого хана в Чечне и Дагестане дают нам основание думать, что свою юность он провёл где-то на Северном Кавказе, где сумел в свое время заручиться поддержкой местной знати, признавшей его своим правителем после захвата им Сарайского престола.

Гийас ад-Дин был потомком Нумагана из Тукайтимуридской ветви Джучидов и приходился троюродным братом хану Тимуру сыну Тимур-Кутлуга, после смерти которого в 814 г.х. прервалась власть рода Нумагана над вилайетом Сарай, что фактически означала потерю Верховной власти в Улусе Джучи. Более чем на десятилетие Нумаганы были выключены из числа претендентов в борьбе за Верховную власть. За нее в это время сражались потомки Токтамыша, ставленники Идегея из линии Тукайтимуридов, генеалогически близкой к Мамаевским ханам второй половины XIV столетия, Урус-

¹⁹ Сведения из письменных и нумизматических источников показывают, что в то время, когда Гийас ад-Дин сын Шадибека был правителем вышеперечисленных территорий, другие земли оставались во власти иных ханов. Крым и Поднепровье управлялись ханами Девлет-Бирди и Улуг-Мухаммадом, территории Казахстана и части Мавераннахра были под властью Мухаммада-Барака, Сибирь и часть Среднего Поволжья и Урала оставались в руках Шибанидов. Хан Худайдат, двоюродный брат Улуг-Мухаммада, чье правление по времени частично совпадает со временем Гийас ад-Дина сына Шадибека, сошёл с политической арены в 828 г.х.

²⁰ Нумаганы Тимур-Кутлуг и Шадибек к этому времени уже почти 12 лет удерживали за собой Верховную власть в Улусе Джучи.

ханиды и Шибаниды. Провозглашение ханом Гийас ад-Дина сына Шадибека, а затем захват им Сарайского престола фактически означал восстановление власти Нумаганов над центральной частью Улуса Джучи. Таким образом, именно Гийас ад-Дин сын Шадибека, а не наследовавший ему по воле Гийасаддиновых эмиров троюродный племянник Кичи-Мухаммад должен считаться восстановителем Большой Орды под рукой Нумаганов. Дата этого события, согласно монетам, – 829 г.х.

После смерти Кичи-Мухаммада сына Тимура и кратковременного первого правления его сына Махмуда, некоторое время ханом Большой Орды со столицей в Хаджи-Тархане был сын Гийас ад-Дина Шадибековича – Мустафа, пока не был разбит в местности Атбасар Шибанидом Абу-л-Хайром в 850 г.х.²¹ [35, с. 155]. Позже хан Мустафа внук Шадибека ушел в Хорезм. По сведениям «Раузат ас-сафа» Мирхонда в 864 г.х. он помимо г. Везира «владел несколькими городами Хорезма». Здесь же проживал его двоюродный брат Пир-Будаг-султан сын Али-Дервиша сына Шадибека. В 866–867 гг.х. Мустафа был изгнан из земель Хорезма войсками Тимурида Султан-Хусейна Байкара [14, с. 538–540].

Краткое описание нумизматического материала. На рис. 1 и 2 приведены реконструкции штемпелей монет с указанием публикаций, откуда взяты иллюстрации.

1. Сайид-Ахмад I, Орду Му‘аззам 819 г.х. [32, с. 69].
2. Гийас ад-Дин I²², Орду Му‘аззам 819 г.х. [33, с. 79, № 6].

Монеты 1 и 2 выполнены из высокопробного серебра. Стиль исполнения соответствует нумизматической продукции Улуса Джучи второго десятилетия XV века. Штемпели монет 3–13 исполнены в иной каллиграфии, сами монеты биты из металла с очень низким содержанием серебра, размеры монет намного меньше использованных для их чеканки штемпелей, поэтому для реконструкции штемпелей необходимо большее количество экземпляров. Т.е. монеты 3–13 произведены в совершенно иных условиях и другое время, нежели монеты №№ 1 и 2, а именно в промежутке 826–831 гг.х., когда на монетных дворах Улуса Джучи повсеместно (за исключением Крыма и Русских земель) монеты чеканились из низкопробного серебра.

- 3–5. Гийас ад-Дин сын Шадибека, ас-Сарай, 829 г.х. [30, с. 109].

²¹ Именно этот Мустафа сын Гийас ад-Дина чеканил монеты в Хаджи-Тархане. Нельзя согласиться с мнением И.В. Зайцева о том, что Хаджи-Гирей был родным братом этого Мустафы, которое исследователь сделал на основании содержания легенды таких монет, не учтя того факта, что ханов с именем Гийас ад-Дин было двое [8, с. 341]. И.В. Зайцев также ошибается, приписывая вслед за А.Г. Мухамадиевым болгарские эмиссии монет с именем *Гийас ад-Дин* сыну Таштимура.

²² Гийас ад-Дина, воцарившегося в 819 г.х. можно считать Первым его имени, поэтому мы обозначили его латинской цифрой I. Так как остаются определенные сомнения, был ли он сыном Таштимура, либо это была первая интронизация сына Шадибека, мы посчитали корректным при описании нумизматического материала следующего периода указывать именно происхождение эмитента, если это представлялось возможным.

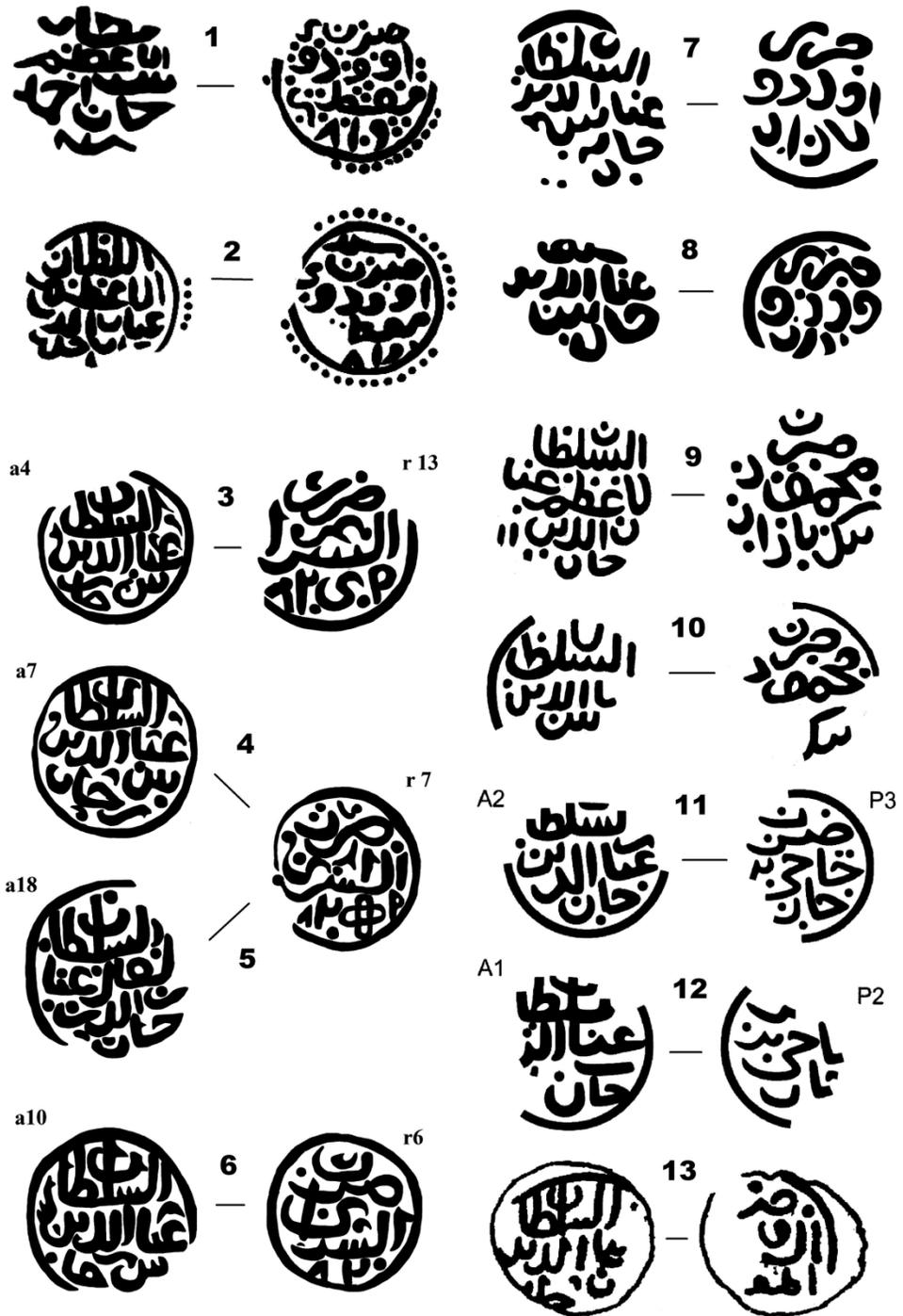

Рис. 1. Реконструкции штемпелей монет: Сайид-Ахмада I (1), Гийас ад-Дина I (2), Гийас ад-Дина сына Шадибека (3–13).

Fig. 1. Reconstructions of coin stamps: Sayyid Ahmad I (1), Giyath al-Din I (2), Giyath al-Din, son of Shadibek (3–13).

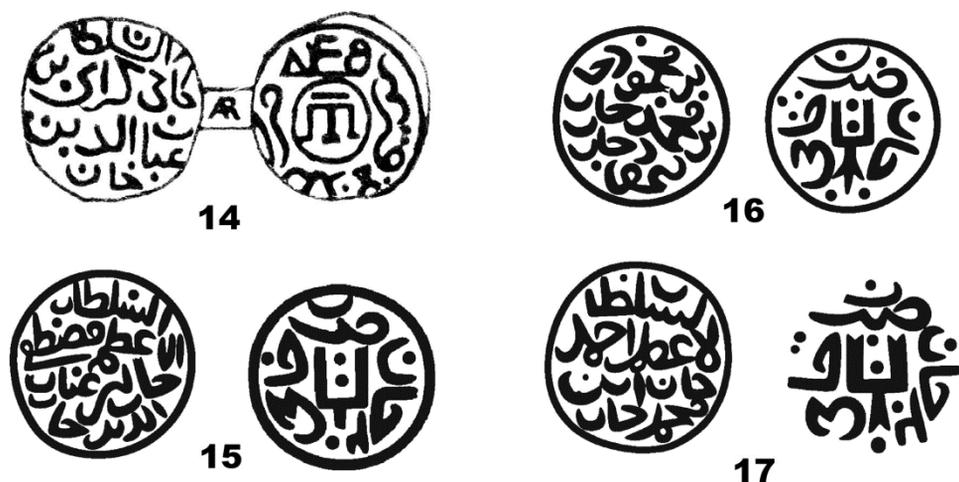

Рис. 2. Реконструкции штемпелей монет: Хаджи-Гирея сына Гийас ад-Дина сына Таштимура (14), Мустафы сына Гийас ад-Дина сына Шадибека (15), Махмуда сына Кичи-Мухаммада (16), Ахмада сына Кичи-Мухаммада (17).

Fig. 2. Reconstructions of coin stamps: Hadji Giray, son of Giyath al-Din, son of Tashtimur (14); Mustafa, son of Giyath al-Din, son of Shadibek (15); Mahmud, son of Kichi-Muhammad (16); Ahmad, son of Kichi-Muhammad (17).

Монеты № 5, с эпитетом *справедливый*, не содержат дополнительного дифферента *шин*, однако они штемпельно соединены с монетами, у которых в легенде такая буква имеется.

6. Гийас ад-Дин сын Шадибека, ас-Сарай, «820» (неверное указание 830 г.х.?) [30, с. 109]. Монеты № 6 штемпельно соединены с продукцией 829 г.х., что является основанием для сомнения в правильном указании на них даты «820».

7–8. Гийас ад-Дин сын Шадибека, Орду-Базар [настоящая публикация]²³.

9–10. Гийас ад-Дин сын Шадибека, Махмуд-бик-базар [34, с. 74, №№ 8–12]. Замечательной особенностью монет 9 и 10 является то, что они чеканены в кочевой ставке некоего значимого эмира по имени *Махмуд*, который, по всей видимости, не принадлежал к потомкам Идегея, а был представителем иного важного рода золотоордынских беков.

11–12. Гийас ад-Дин сын Шадибека, Хаджи-Тархан [36, с. 91].

13. Гийас ад-Дин сын Шадибека, Иль-Уй-Му'аззам [12, с. 48, № 26; 6, с. 185].

Хотя на монетах 11–13 не обнаружен дополнительный дифферент *шин*, но указанные в легендах места чеканки, а также состав металла не оставляют нам сомнений, от имени какого эмитента они были изготовлены.

Помимо означенных вариантов на сегодняшний день известны эмиссии Гийас ад-Дина сына Шадибека в Булгаре [18, с. 265, №№ 54–58; 19, таб. XX,

²³ Пробная прорисовка монеты №8 была приведена ранее в работе [6, с. 181].

2–6] и «с солярным знаком» [20, с. 68, 72]²⁴. В 2020 году автор этих строк сообщал об обнаружении новых разновидностей монет Гийас ад-Дина сына Шадибека, найденных в Курганской области, битых на неопisanном до этого монетном дворе *Бик-Базар* [29, с. 176–177, №№ 17–20]. Реконструкции штемпелей этих монет пока не сделаны.

14. Хаджи-Гирей сын Гийас ад-Дина сына Таштимура, Белдат Крым 845 г.х. [48, taf. I, 1].

15. Мустафа сын Гийас ад-Дина сына Шадибека, Хаджи-Тархан [37, с. 95–97]. 16. Махмуд сын Мухаммада сына Тимура, Хаджи-Тархан [37, с. 61–64].

17. Ахмад сын Мухаммада сына Тимура, Хаджи-Тархан [37, с. 115–116].

Монеты 14–17 наглядно иллюстрируют, что титул *хан*, стоящий в конце легенды монет № 14 принадлежит Гийас ад-Дину, а не его сыну Хаджи-Гирею. На монетах 15–17 отчетливо видно, что в монетных легендах титул *хан* каждый раз маркирует того правителя, чье имя указано непосредственно перед титулом.

Почему мы называем сына Таштимура Гийас ад-Дином Первым, а сына Шадибека Гийас ад-Дином Вторым? Важнейшим моментом для решения этого вопроса является правильная атрибуция монеты с именем *Гийас ад-Дин*, чеканенных в 819 г.х. в Орду Му‘аззам²⁵. Дело в том, что нельзя исключать вероятность того, что они могли быть произведены от имени сына Шадибека²⁶. Однако вероятность чеканки этих монет представителем Нумаганов очень низкая. Дело в том, что оборотные стороны этих монет близки к штемпелям монет Сайид-Ахмада Первого, правившего в том же 819 г.х. Сайид-Ахмад I был ставленником Идегея, который с 816 г.х. начал возводить на престол претендентов из другой Тукайтимуридской линии, нежели Нумаганы. Тем более сложно представить, чтобы он решился бы сделать ханом сына Шадибека, человека, который ещё в 809 г.х. хотел отрешить Идегея от власти.

Трудно также представить, что потомок Шадибека мог быть возведен на престол с подачи правителей Литовского государства. В сообщении «Помезанского официала» о разорении татарами Киева от 13 июля 1416 г. (17/5/819 г.х.) сказано, что «Великий император татар (der grose keyser von Tattern) объявил войну князю Витовту из-за того, что он возвёл [на престол] другого хана против него, ибо он десятком лет ранее причинил сильный ущерб Прусской земле с тем же ханом и вёл его с собой в своём войске»²⁷. В одной из наших статей мы показали, чтобы избежать обвинений автора этого сообщения в некомпетентности в делах соседнего государства, «великим императором татар» в этом отрывке, следует признать ставленника Идегея хана Сайид-Ахмада Первого, внука Му-айссара (Менгасира), воцарившегося в 819 г.х. [31, с. 97]. Продолжим линию

²⁴ С описаниями таких артефактов можно ознакомиться, пройдя по ссылкам. Отметим, что приведенные в указанных работах прорисовки монет, к сожалению, требуют уточнения, поэтому мы решили не показывать их в настоящей публикации.

²⁵ Орду Му‘аззам – это ставка ханов, кочевавшая по территориям от Волги до западных границ государства.

²⁶ В этом случае пришлось бы говорить о двух правлениях Гийас ад-Дина сына Шадибека, и, соответственно, его называть Первым.

²⁷ Перевод отрывка из «Scriptores Rerum Prussicarum» [49, p. 364] сделан С.В. Полеховым.

рассуждений предложенную в указанной статье, предполагающую, что «Помезанский официал» не ошибался в знании ордынских реалий и в своём сообщении описывал события 1416 года. Кто мог быть этим «другим ханом», возведённым Витовтом против Сайид-Ахмада I? К середине 819 г.х. Джаббар-Бирди был уже убит, а Кадыр-Бирди²⁸ и Бек-Суфи будут интронизированы позже, однако, есть монеты Орду-Му‘аззам 819 г.х. с именем *Гийас ад-Дин*. Орду Му‘аззам²⁹ находился в западной части Джучидской империи (современный Юг России и Украина), вероятнее всего, после ухода Чекре и до похода Сайид-Ахмада I контролируемой силами Витовта. Можно предположить, что Гийас ад-Дин, чеканивший монеты в Орду-Му‘аззам в 819 г.х. являлся ставленником правителя Литвы³⁰. Очевидно, что Витовт не сделал бы ставку на потомка Шадибека, который сам прежде был креатурой Идегея³¹. По указанным причинам мы считаем, что наиболее вероятным эмитентом монет Орду Му‘аззам 819 г.х. следует считать Гийас ад-Дина сына Таштимура. В таком случае возможен любопытный сюжет, вытекающий из сообщения Помезанского официала: Гийас ад-Дин сын Таштимура (как и Джелал ад-Дин сын Токтамышша) был в войске Витовта во время его Тевтонской компании 1410 года, а после ухода с исторической сцены потомков Токтамышша Гийас ад-Дин стал для литовского правителя удобной фигурой для возведения его на престол в противовес ханам-креатурам Идегея³². Таким образом, есть все основания для предположения, что это Гийас ад-Дин сын Таштимура был объявлен ханом еще в 819 г.х. В следующем десятилетии он по каким-то причинам отошел от активной политической жизни, уступив власть своему брату Девлет-Бирди, возможно, даже чуть ранее – хану Бек-Суфи. По всей видимости, Гийас ад-Дин сохранил за собой титул *хан*, который упоминали власти генуэзской Каффы при выдаче подарков и подношений татарским правителям. Уход в частную жизнь на некоторое время уберег Гийас ад-Дина от потрясений, но после прихода к власти Сайид-Ахмада Второго, примерно, в 838 г.х. вместе с другим его братом Алибеком он был убит и похоронен в Крыму.

Совершенно иная судьба была предназначена Гийас ад-Дину сыну Шадибека. Время объявления его ханом неизвестно, по-видимому, это произошло около 826 г.х. с подачи эмира Мансура сына Идегея. Примерно, в конце 828 –

²⁸ Находился в это время на Северном Кавказе.

²⁹ Монетный двор Орду Му‘аззам появился при Мамае и производил продукцию на контролируемых им территориях.

³⁰ Возможен вариант, что монеты Гийаса чеканены после Сайид-Ахмада I.

³¹ Чисто гипотетически можно предположить, что так как Шадибек, рассорившись с Идегеем, в итоге бежал от последнего и сделался его врагом, Витовт мог впоследствии использовать против всесильного беклербека сына униженного Идегеем бывшего хана, но данное предположение полностью опровергается следующим утверждением «официала» о присутствии этого претендента в войске Витовта во время его Прусской компании. Совершенно невероятным представляется возможность нахождения малолетнего сына Шадибека в литовском войске, в то время как его отец находился у Шейх-Ибрахима в Ширване, где чеканились монеты с именем Шадибека.

³² Заметим, что подобные построения получены при двух условиях: 1) немецкий хронист правильно указал татарские титулы; 2) он описывал события 1416 года. В ином случае возможен вариант, когда Гийас ад-Дин, указанный на монетах Орду Му‘аззам 819 г.х. великим ханом, был или ставленником Идегея, или же был интронизирован своими сторонниками вопреки воли и Витовта, и Идегея.

начале 829 г.х. ему удалось овладеть Сарайским престолом, восстановив власть Нумаганов в Большой Орде. Хотя Гийас ад-Дин сын Шадибека был Великим ханом около двух с половиной лет (смерть этого правителя наступила в начале 831 г.х.), он, тем не менее, на своих монетах продолжал представлять дополнительный дифферент в виде буквы *шин*, чтобы показать, что они биты от имени иного Гийас ад-Дина, отличного от живого человека, что был возведен ханом раньше. По этой причине считаем целесообразным называть сына Шадибека Гийас ад-Дином Вторым.

Еще одно упоминание хана с именем *Гийас ад-Дин*, чья идентификация пока представляется затруднительной, мы встречаем в венецианских документах Таны. В 1421 году (824–825 г.х.) в Тану прибыли татарский хан «*Краседдин*» (Гийас ад-Дин – Р.Р.) и его визирь «*Базар-Уголан*», которым консул преподнёс подарки [9, с. 38]. Незначительность даров (кафтаны, рубашки и пр.) показывает, что в этот момент Гийас ад-Дин, хоть и назван ханом, однако не представлялся в тот момент венецианцам фигурой близкой к статусу императора-правителя какой-либо важной части Орды. Поиски в генеалогических трудах оглана-Джучида с именем «Базар» результатов не дали. Вероятно, под «Базар-Уголаном» скрывается не имя собственное, а титул «наследник Базара», не исключено, что так был записан потомок некоего эмира, владевшего собственным Бик-базаром. Надеемся, будущие исследователи смогут разрешить вопрос, кто из Гийас ад-Динов, сын Таштимура или Шадибека, посещал Тану в 1421 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар. II. Из Истории Крымских ханов (Правление Хаджи Гирая, Менгли Гирая, Мухаммад Гирая I и Саадет Гирая I) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 207–213.
2. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
3. Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. М.-Ташкент-Бишкек: Изд-во «Туркестан», 1996. 544 с.
4. Бахтин А.Г. «Начало царства Казанского...» (Образование Казанского и Касимовского ханства). Нижний Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2019. 218 с.
5. Гулевич В.П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
6. Зайончковский Ю.В., Шапошник В.Г., Арзуманова Т.В. Монетные эмиссии позднеджучидского хана Гияс ад-Дина II // Золотоордынское наследие. 2019. Вып. 3. С. 176–187.
7. Зайцев И.В. Кырк-Йер / Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 494–505.
8. Зайцев И.В. Был ли Хаджи-Гирей казанским ханом? Попытки объяснения «Дастана о Хаджи-Гирее» «Сборника летописей» Кадыр Али-бека // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 335–348. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.335-348> EDN: HNNHNI
9. Карпов С.П. Преступление и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валарессо (1423) // Византийский временник. 2010, №69 (94). С. 32–43.

10. Қазак жазбаларындағы хандар шежіресі / кіріспе, түркі-шағатай тілінен қазіргі әріптерге түсірген, факсимилесін, көрсеткіштерін дайындағандар М. Шафиғи, С. Саттарұлы, Г.М. Абиқова; бас ред. Ә.Қ. Муминов. Алматы: Ғылым ордасы, 2015. 310 с.
11. Ланнуа Г. Путешествия и посольства господина Гилльбера де Ланнуа, кавалера золотого руна, владѣльца Санта, Виллерваля, Троншіена, Бомона, Вагени; въ 1399–1450 годах. Перевод и примечания Ф. Бруна // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Т. III. Одесса: въ городской типографіи, 1853. С. 433–465.
12. Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. № 1–2 (8–9). Казань: Институт истории Академии наук Татарстана, 2001. С. 22–52.
13. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1969. 548 с.
14. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. Под редакцией С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. 612 с.
15. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
16. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения Абдулгaffара Кырыми «Умдет ал-Ахбар» // Золотоордынское обозрение. 2014. №2 (4). С. 35–60.
17. Му‘изз ал-ансаб. (Прославляющее генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. 672 с.
18. Мухамадиев А.Г. Два клада татарских монет XV века // Советская археология. 1966, №2. М.: «Наука» С. 259–273.
19. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: «Наука», 1983. 188 с.
20. Мухаметшин Д.Г. Монеты с Торецкого поселения. К вопросу о денежном обращении в Булгарском Улусе конца XIV – начала XV вв. // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 1. Казань: «Фолиант», 2011. С. 65–81.
21. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: «Наука», 1999. 246 с.
22. Парунин А.В. Политическая история Золотой Орды в 1419–1427 гг. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 434–460. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-3.434-460>
23. Пахомов Е.А. Борьба феодальных династий за Восточное Закавказье с половины XIV в. до начала XV в. по монетным данным // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. № 66. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 47–50.
24. Пономарев А.Л. Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах Генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.
25. Рева Р.Ю. Сайид Ахмад I и Гийяс ад-Дин I. (Историография открытия, генеалогия, новообнаруженные монетные выпуски) // Нумизматика Золотой Орды. 2014. № 4. С. 48–60, 201.
26. Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. 2015. № 5. С. 80–104, 153–155.
27. Рева Р.Ю. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в Мировой Истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2016. С. 704–729.
28. Рева Р.Ю. О русских монетах 1420 – 1430-х гг. с подражанием арабской легенде // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2019 года. М.: Государственный Исторический музей, 2019. С. 93–98.

29. Рева Р.Ю. О недавних находках восточных монет в Курганской области // Сибирский сборник. Вып. 5. Тобольск: ИП Жмуров С.В., 2020. 232 с. С. 166–186.
30. Рева Р.Ю. Сарайские монеты Гийас ад-Дина сына Шадибека (Предварительное сообщение) // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года. М.: Государственный Исторический музей, 2020. С. 104–111.
31. Рева Р.Ю. Новые сведения о Сайид-Ахмаде I // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2021 года. М.: ООО «Типография «Возрождение», 2021. С. 92–100.
32. Рева Р.Ю., Казаров А.А. Улус Джучи в 817–819 гг. Реконструкция событий с учётом новых нумизматических данных // Восточная нумизматика в Украине. Ч. III. Киев, 2013. С. 60–75.
33. Рева Р.Ю., Казаров А.А., Клоков В.Б. Новые нумизматические данные для реконструкции истории Золотой Орды в 817–819 гг. // Тезисы 15 ВНК. М., 2009. С. 78–80.
34. Рева Р.Ю., Леонов Б.И. В поисках Махмудов (Первые 30 лет XV в.) // Тезисы 20 ВНК (Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г.). М.: Отдел нумизматики ГИМ, 2019. С. 73–75.
35. Рева Р.Ю., Недайвода А.В. Монеты с именем амира Ваккаса и два правления Махмуда, хана Большой Орды // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 16. № 7: Археология и этнография. Новосибирск, 2017. С. 151–159.
36. Савоста Р.Ю. Монеты Хаджи-Тархана 813-831 г.х. Николаев: Издатель Шамрай П.Н., 2016. 160 с.
37. Савоста Р.Ю. Каталог серебряных монет Хаджи-Тархана с 831 года хиджры. Николаев: Шамрай П.Н., 2020. 132 с.
38. Савоста Р.Ю., Рева Р.Ю., Леонов Б.И. Последние монеты Сарая // Золотоордынское наследие. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 250–261.
39. Сейид Мухаммад Риза. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 2: Перевод / перевод с османского И.Р. Гибадуллина; под науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 528 с.
40. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Том первый. М.: «Рубежи XXI», 2005. 540 с.
41. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Перевод И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
42. Фасих Хавафи. Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод). Ташкент: Издательство «ФАН» Узбекской ССР, 1980. 348 с.
43. Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 172–196.
44. Халим Гирай-султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. Симферополь: РИА «АЯН», ИД «Стилос», 2008. 192 с.
45. Хромов К.К. О хронологии правления Давлат Берди хана в Крымском улусе по нумизматическим данным (последние джучидские серебряные монеты Крыма) // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М., 2013. С. 378–416.
46. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечение из сочинений турецкого путешественника XVII века). Симферополь: ДОЛЯ, 2008. 272 с.
47. Якушечкин А.В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 580–601.
48. Retowski O. Die Münzen der Girei. Moskau: Buchdruckerei und Schriftgiesserei von Otto Herbeck, 1905. 306 s. + XXX taf.

49. *Scriptores Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft.* Herausgegeben von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Bd. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. 730 p.

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-Akhbar. From the History of the Crimean Khans. (The reign of Hadji Giray, Mengli Giray, Muhammad Giray I and Saadet Giray I). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 207–213. (In Russian)
2. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-akhbar. Book 2. Iss. 5. Trans. from Ottoman Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
3. Abul-Ghazi-Bahadur Khan. Family tree of the Turks. Moscow-Tashkent-Bishkek, 1996. 544 p. (In Russian)
4. Bakhtin A.G. “The beginning of the Kazan kingdom...” (Creation of the Kazan and Kasimov Khanates). Nizhny Novgorod, 2019. 218 p. (In Russian)
5. Gulevich V.P. From the Horde Ulus to the Khanate of Girey: Crimea in 1399–1502. Kazan, 2018. 492 p. (In Russian)
6. Zayonchkovsky Yu.V., Shaposhnik V.G., Arzumanova T.V. Coin issues of the late Jochid khan Ghiyas ad-Din II. *Zolotoordynskoe nasledie=Golden Horde Heritage*. 2019, Iss. 3, pp. 176–187. (In Russian)
7. Zaitsev I.V. Kyrk-Yer / Kyrkor (Chufut-Kale) and the early history of the Crimean Khanate. From Onon to the Thames. Genghisids and their western neighbors. To the 70th anniversary of Mark Grigorievich Kramarovskiy. Moscow, 2013, pp. 494–505. (In Russian)
8. Zaytsev I.V. Was Hadji Giray the Khan of Kazan? Attempts to explain the “Dastan about Hadji Giray” in the “Compendium of Chronicles” by Kadyr Ali-bek. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 335–348. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.335-348> (In Russian)
9. Karpov S.P. Crime and punishment in Venetian Tana. The case of the consul Ermolao Valaresso (1423). *Vizantiyskiy vremennik = Byzantine Time Book*. 2010, vol. 69 (94), pp. 32–43. (In Russian)
10. The genealogy of khans in Kazakh writings. Introduction, translated from Turkic-Chagatai language into modern characters, prepared facsimiles, indexes by M. Shafigi, S. Sattaruly, G.M. Abikova; editor-in-chief A.K. Muminov. Almaty, 2016. 310 p. (In Kazakh)
11. Lannoy G. Travels and embassies of Mr. Guilbert de Lannoy, Knight of the Golden Fleece, owner of Santa, Villerval, Tronchien, Beaumont, Vageny; in 1399–1450. Translation and notes by F. Brun. *Zapiski Odesskago Obschestva Istorii I Drevnostey = Notes of the Odessa Society of History and Antiquities*. 1853, vol. 3, pp. 433–465. (In Russian)
12. Lebedev V.P., Klokov V.B. Coins from the south-eastern outskirts of Sarai. *Tatarskaya arkheologiya = Tatar Archeology*. 2001, no. 1–2 (8–9), pp. 22–52. (In Russian)
13. Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries. (Extracts from Persian and Turkic writings). Alma-Ata, 1969. 548 p. (In Russian)
14. Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan. Vol. 1. 7th–15th centuries. Arabic and Persian sources. Edited by S.L. Volin, A.A. Romaskevich, A.Yu. Yakubovskiy. Moscow-Leningrad, 1939. 612 p. (In Russian)
15. Mirgaleev I.M. Political history of the Golden Horde during the reign of Tokhtamysh Khan. Kazan, 2003. 164 p. (In Russian)
16. Mirgaleev I.M., Pashaoglu D.D. Review of the work of Abdulgaffar Kyrymi “Umdet al-Akhbar”. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2014, no. 2 (4), pp. 35–60.

17. Mu'izz al-ansab. (Glorifying genealogy). History of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 3. Almaty, 2006. 672 p. (In Russian, in Persian)
18. Mukhamadiev A.G. Two treasures of Tatar coins of the 15th century. *Sovetskaya arkeologiya = Soviet Archeology*. 1966, no. 2, pp. 259–273. (In Russian)
19. Mukhamadiev A.G. Bulgaro-Tatar coin system of the 12th–15th centuries. Moscow, 1983. 188 p. (In Russian)
20. Mukhametshin D.G. Coins from the Toretsky settlement. On the issue of money circulation in the Bulgarian Ulus of the late 14 – early 15 centuries. *Numizmatika Zolotoy Ordyy = Golden Horde Numismatics*. 2011, Iss. 1, pp. 65–81. (In Russian)
21. Pallas P.S. Observations made during a trip to the southern governorates of the Russian state in 1793–1794. Moscow, 1999. 246 p. (In Russian)
22. Parunin A.V. The Political History of the Golden Horde in 1419–1427. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 3, pp. 434–460. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-3.434-460>
23. Pakhomov E.A. The struggle of feudal dynasties for Eastern Transcaucasia from the middle of the 14th century. until the beginning of the 15th century according to coin data. *Kratkie soobscheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii materialnoy kultury = Brief reports on reports and field research of the Institute of the History of Material Culture*. 1956, no. 66, pp. 47–50. (In Russian)
24. Ponomarev A.L. The first khans of Crimea: chronology of the turmoil of the 1420s in the accounts of the Genoese Treasury of Caffa. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)
25. Reva R.Yu. Sayyid Ahmad I and Giyas ad-Din I. (Historiography of the discovery, genealogy, newly discovered coin issues). *Numizmatika Zolotoy Ordyy = Golden Horde Numismatics*. 2014, no. 4, pp. 48–60, 201. (In Russian)
26. Reva R.Yu. Muhammad Barak and his time. Review of numismatic and written sources. *Numizmatika Zolotoy Ordyy = Golden Horde Numismatics*. 2015, no. 5, pp. 80–104, 153–155. (In Russian)
27. Reva R.Yu. The struggle for power in the first half of the 15th century. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii = Golden Horde in World History*. 2016, pp. 704–729. (In Russian)
28. Reva R.Yu. About Russian coins of the 1420s – 1430s. with imitation of an Arabic legend. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya = Numismatic readings of the State Historical Museum*. 2019, pp. 93–98. (In Russian)
29. Reva R.Yu. On recent finds of oriental coins in the Kurgan region. *Sibirskiy sbornik = Siberian collection*. Iss. 5, Tobolsk, 2020, pp. 166–186. (In Russian)
30. Reva R.Yu. Saray coins of Giyas ad-Din b. Shadibek (Preliminary message). *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya = Numismatic readings of the State Historical Museum*, 2020, pp. 104–111. (In Russian)
31. Reva R.Yu. New information about Sayyid Ahmad I. *Numizmaticheskie chteniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya = Numismatic readings of the State Historical Museum*. 2021, pp. 92–100. (In Russian)
32. Reva R.Yu., Kazarov A.A. Ulus of Jochi in AH 817–819. Reconstruction of events taking into account new numismatic data. *Vostochnaya numizmatika v Ukraine = Eastern numismatics in Ukraine*. Part 3, Kyiv, 2013, pp. 60–75. (In Russian)
33. Reva R.Yu., Kazarov A.A., Klokov V.B. New numismatic data for the reconstruction of the history of the Golden Horde in AH 817–819. *Pyatnadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya = 15th All-Russian Numismatic Conference*. Moscow, 2009, pp. 78–80. (In Russian)
34. Reva R.Yu., Leonov B.I. In search of the Mahmuds (The first 30 years of the 15th century). *Dvadtsataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya = 20th All-Russian Numismatic Conference*. Moscow, 2019, pp. 73–75. (In Russian)
35. Reva R.Yu., Nedayvoda A.V. Coins with the name of Emir Vaqqas and two reigns of Mahmud, Khan of the Big Horde. *Vestnik NGU = Bulletin of the Novosibirsk State Uni-*

versity. Series: History, philology. Vol. 16, no. 7: Archeology and ethnography. Novosibirsk, 2017, pp. 151–159. (In Russian)

36. Savosta R.Yu. Coins of Hadji-Tarkhan АН 813–831. Nikolaev, 2016. 160 p. (In Russian)

37. Savosta R.Yu. Catalog of silver coins of Hajji Tarkhan from АН 831. Nikolaev, 2020. 132 p. (In Russian)

38. Savosta R.Yu., Reva R.Yu., Leonov B.I. The last coins of Saray. *Zolotoordynskoe nasledie = Golden Horde Heritage*. Iss. 4, Kazan, 2021, pp. 250–261. (In Russian)

39. Sayyid Muhammad Riza. Seven planets in the news about the Tatar kings. Book 2. Translation from Ottoman by I.R. Gibadullin. Kazan, 2023. 528 p. (In Russian)

40. Smirnov V.D. Crimean Khanate under the rule of the Otoman Porte until the beginning of the 18th century. Vol. 1. Moscow, 2005, 540 p. (In Russian)

41. Utemish-hajji. Kara tawarich. Translation by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova. Kazan, 2017. 312 p. (In Russian, in Tatar)

42. Fasikh Khawafi. Mujmal-i Fasikhi (Fasikh vault). Tashkent, 1980, 348 p. (In Russian)

43. Florya B.N. Horde and states of Eastern Europe in the middle of the 15th century (1430–1460) *Slavyane i ikh sosedi = Slavs and their neighbors*. Iss. 10. Slavs and the nomadic world. Moscow, 2001, pp. 172–196. (In Russian)

44. Halim Giray Sultan. The rose bush of the khans, or the history of Crimea. Simferopol, 2008. 192 p. (In Russian)

45. Khromov K.K. On the chronology of the reign of Davlat Berdi Khan in the Crimean ulus according to numismatic data (the last Jochid silver coins of Crimea). *From Onon to Thames. Genghisids and their western neighbors. To the 70th anniversary of Mark Grigorievich Kramarovskiy*. Moscow, 2013, pp. 378–416. (In Russian)

46. Evliya Celebi. Travel book. Crimea and adjacent regions (Extracts from the writings of a Turkish traveler of the 17th century). Simferopol, 2008. 272 p. (In Russian)

47. Yakushechkin A.V. To the question of the circumstances of Hadji Giray's coming to power *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 3, pp. 580–601. (In Russian)

48. Retowski O. Die Münzen der Girei. Moskau, 1905. 306 s. + XXX taf. (In German)

49. Scriptorum Rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. Herausgegeben von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehle. Bd. 3. Leipzig, 1866. 730 s. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Юрьевич Рева – эксперт по категории «Нумизматические материалы Востока (III в. до н.э. – XX в. н.э.)», соучредитель Новосибирской городской общественной организации любителей старины (630015, ул. Электrozаводская, 2, Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: roman04reva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Reva – expert in the category “Numismatic materials of the East (3th century BC – 20th century AD)”, co-founder of the Novosibirsk city public organization of lovers for antiquities (2, Elektrozavodskaya Str., Novosibirsk 630015, Russian Federation). E-mail: roman04reva@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 16.01.2024

Поступила после рецензирования / Revised 13.05.2024

Принята к публикации / Accepted 29.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.599-606>
EDN: GBBARQ

УДК 930.272

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ ПОСТЗОЛОТООРДЫНСКИХ
ГОСУДАРСТВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Л.Ф. Байбулатова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
bayli77@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: выявление общих и отличительных признаков в постзолотоордынской историографии.

Материалы исследования: для анализа привлечены три произведения: «Таварих-и гузида Нусрат-наме» анонимного автора, «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека и «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми.

Результаты и научная новизна: постзолотоордынская историография развивалась учитывая традиции написания мусульманских исторических сочинений. Указанные выше произведения, созданные в разных государствах и в разные временные периоды, объединяет в первую очередь, стремление показать историю Чингиз-хана и его потомков, поскольку на вновь образованных территориях исторические произведения с их чингизидской родословной служили определенным доказательством легитимности правления. Общество также придает такие элементы как выбор автора, ведение канвы событий вокруг главного героя.

Ключевые слова: историческая хроника, Крымское ханство, Касимов, шейбаниды, татарские ханства

Для цитирования: Байбулатова Л.Ф. Исторические хроники постзолотоордынских государств: общее и особенное // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, №. 3. С. 599–606. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.599-606> EDN: GBBARQ

HISTORICAL CHRONICLES OF POST-GOLDEN HORDE STATES:
GENERAL AND SPECIFIC

L.F. Baybulatova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bayli77@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To identify common and distinctive features in post-Golden Horde historiography.

© Байбулатова Л.Ф., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Research materials: Three works were used for analysis: “Tavarikh-i guzida Nusrat name” by an anonymous author, “Jami at-tavarikh” by Kadir Ali-bek, and “Umdet al-akhbar” by Abdulghaffar Kyrymi.

Results and novelty of the research: Post-Golden Horde historiography developed by taking into account the traditions of writing Muslim historical works. The above-mentioned works, created in different states and in different time periods, are united, first of all, by the desire to illustrate the history of Genghis Khan and his descendants since, in the newly formed territories, historical works with their Genghisid genealogy served as a certain proof of the legitimacy of rule. Such elements as the choice of the author, keeping the canvas of events around the main character, also give commonality.

Keywords: historical chronicle, Crimean Khanate, Kasimov, Sheibanids, Tatar Khanates

For citation: Baybulatova L.F. Historical chronicles of post-Golden Horde states: general and specific. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 599–606. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.599-606> (In Russian)

После распада Золотой Орды, государства, появившиеся на ее территории, продолжили традицию создания исторических сочинений. С одной стороны, джучиды, были не удовлетворены существующими на тот момент чагатаидскими и тимуридскими сочинениями, в которых было мало уделено им внимания, с другой стороны, они хотели таким образом зафиксировать легитимность своей власти, которые до определенного времени не принадлежали потомкам Джучи в средней Азии [9, с. 13].

Однако ценность средневековых исторических сочинений заключается не только в их содержании, но в то же время они представляют собой «явление литературного, идеологического и историко-культурного порядка» [10, с. 7].

На сегодняшний день, несмотря на различные исследования средневековых мусульманских исторических источников, включающие в себя каталогизацию рукописей и описание рукописей, публикацию текстов и переводов некоторых произведений, издание сборников извлечений из восточных источников [10, с. 7], комплексное изучение работ мусульманских историков в плане их возникновения, использования находится на начальной стадии. Одной из таких работ можно назвать исследование Т.И. Султанова «Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв.», в которой автор рассматривает текст средневековых мусульманских исторических источников начиная с предпосылок создания и заканчивая их внедрением в читательскую среду [10].

В этом ключе интерес представляет собой сравнение исторических сочинений, написанных в разных государствах в разные периоды, поскольку это дает представление о сохранении общих традиций, и в то же время об их особенностях.

Для сравнения взяты следующие сочинения: «Таварих-и гузида Нусрат-наме» анонимного автора, «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека и «Умдет ала-хбар» Абдулгаффара Кырыми.

«Таварих-и гузида Нусрат-наме»¹ было написано в начале XVI века в Средней Азии по приказу Мухаммеда Шейбани и должно было освещать его

¹ В настоящее время транскрипция и полный перевод одного из списков сочинения представлен на турецком языке [15]. Также есть выборочный перевод на русский

военные подвиги. Как видно, главный герой здесь – хан, поэтому все сюжетные линии ведут к нему. Это – история чингизидов, его прямых предков, а также непосредственно его жизнедеятельность.

«Джами ат-таварих»² было написано в начале XVII века в Касимове, его автором считается Кадыр Али-бек. Сочинение посвящено назначению Ураз Мухаммеда на касимовский престол. При этом основных героев здесь два. Второй – это Борис Годунов, благодаря которому Ураз-Мухаммед стал ханом. Русскому царю отведено значительное хвалебное посвящение, которое по уровню эпитетов превосходит повествование о хане, несмотря на то, что здесь также освещена история Чингиз-хана и его потомков.

«Умдет ал-ахбар»³ создано в середине XVIII века в Крымском ханстве. В этом сочинении нет определенного главного героя, основное внимание автора нацелено на историю крымских ханов, при том что дается много сопутствующей информации о тюркских мусульманских государствах, чингизидах [1, с. 9].

Есть несколько факторов, объединяющих эти произведения, помимо того, что они написаны в постзолотоордынский период. Одно из них – сохранение структуры, присущее мусульманским средневековым историческим сочинениям. Каждое из них имеет определенное введение, в котором указана цель написания, часть о Чингиз-хане и его потомках, и основная часть, отражающая поставленную цель. Из указанных произведений в «Умдет ал-ахбар» первая и вторая часть объединены и цель раскрывается во время повествования о Чингиз-хане.

Немаловажный объединяющий элемент этих сочинений - это сохранение и формирование исторической памяти, в частности о Чингиз-хане и его потомках. Однако в этой общей черте кроется и различие. Одной из особенностей подобного формирования исторической памяти является избирательность в освещении или сокрытии каких-либо фактов или событий. В первую очередь, эта особенность связана с целью написания. Так, «Таварих-и гузида Нусрат-наме» посвящена жизни Мухаммеда Шейбани-хана, и чингизидская линия в его случае освещена та, которая имеет непосредственное отношение

язык, выполненный В.П.Юдиным [7] и критический текст А.М.Акромова [11]. В настоящее время готовится к печати перевод сочинения на русском языке, выполненный на основе двух основных списков – Лондонского и Санкт-Петербургского.

² Транскрипция и русский перевод «Джами ат-таварих» изданы в Казани в 2022 г. Перевод выполнен Р.Алимовым [6]. Учитывая значимость произведения журнал «Золотоордынское обозрение» посвятил один из номеров исследованиям, в которых отражены различные аспекты, связанные с сочинением, Кадыр Али-беком, политической и идеологической ситуацией вокруг назначения Ураз Мухаммед-хана на касимовский престол [5]. В частности, И.М. Миргалеев анализирует сведения из дастанов по истории Золотой Орды, оценивает их оригинальность, легендарность и изучает возможные аналоги в письменных источниках [8]. Одновременно с переводом «Джами ат-таварих» в Казани было издано исследование З. Хисамиевой о языке основной части сочинения [14].

³ Перевод основной части сочинения издан в Казани в 2018 г. Перевод с османского выполнен Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеевым [1]. В 2014 г. в журнале «Золотоордынское обозрение» была опубликована статья исследователей И.М. Миргалеева и Д.Д. Пашаоглу, в которой был представлен краткий обзор политических событий, описанных в «Умдет ал-ахбар» [9].

к нему. Сочинение Кадыр Али-бека посвящено правителю Касимовского ханства Ураз Мухаммеду и поэтому здесь преобладает его линия. В «Умдет ал-ахбар» речь идет о крымских ханах, но также освещается история Чингиз-хана, так как крымские правители имеют к нему непосредственное отношение, как пишет автор [1, с. 12]. В целом, чингизидская линия была выстроена и для того, чтобы показать легитимность правления данных ханов. Выделяя в родословной определенную линию, связанную с главной героиней, представляя историю Золотой Орды и своего ханства, авторы таким образом показывали непрерывность власти от Чингиз-хана.

Следующая общая черта этих произведений – это авторы произведений. Все три автора являются представителями высшего сословия. В «Таварих-и гузида» авторство до сих пор не определено окончательно. Если это Мухаммад Салих, то он выходец из служилой аристократии, автор поэм на персидском и тюркском языках, в том числе и исторических, авторство которых не подлежит сомнению. Если же это Мухаммед Шейбани-хан, то он также известен своей ученостью и как поэт. Эти два претендента на авторство, конечно, не равны в плане происхождения, однако не являются и простыми народными поэтами. Тем не менее автор этого сочинения показал себя, с одной стороны, образованным и эрудированным хроникером-историком, который знает работы предыдущих мусульманских историографов.

Автор «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бек был выходцем из семьи, приближенной к родителям Ураз-Мухаммеда-хана, сам он также был очень близок к хану. Со слов самого Кадыр Али-бека мы знаем, что он был не из простой семьи, его предки служили еще родителям Ураз Мухаммед-хана [2, с. 268]. Однако кроме «Джами ат-таварих» не известно о его других сочинениях, ни исторических, ни поэтических. Подробное исследование личности Кадыр Али-бека представлено М.А. Усмановым. Рассматривая его деятельность в связке с Ураз Мухаммедом, он назвал его чиновником с богатым жизненным опытом в высшей точке практицизма [12, с. 51]. В современное время некоторые выводы М.А. Усманова относительно Кадыр Али-бека пересмотрены исследователем А.В. Беляковым [4].

Так же как и предыдущий автор, Абдулгаффар Кырыми, создатель «Умдет ал-ахбар», являлся чиновником, одно время служил судьей и был приближенным лицом калги Селим Гирай-хана. По мнению немецкой исследовательницы Барбары Келлнер-Хайнкеле, он сам писал стихи и она идентифицирует его с поэтом Гафури Эфэнде [1, с. 10].

В целом, всех трех авторов отличает образованность, мастерство написания хроник, владение источниками и историографией, поскольку явно прослеживается выборочное использование сочинений для конструирования исторической памяти в необходимой канве, визуализирование образов прошлого и настоящих событий в нужном русле. Все три автора были непосредственными участниками событий, которые они описывали в последней части своих сочинений.

Различие этих трех авторов, отразившееся на общей риторике сочинений, заключается в том, что авторы «Таварих-и гузида» и «Джами ат-таварих» были приглашены для написания этих хроник и эти сочинения были созданы

по приказу. В «Таварих-и гузида» открыто говорится о том, что это было повеление хана Мухаммеда Шейбани [3, с. 602]. Во втором случае, конечно, не все так определено. Тем не менее исходя из содержания «Джами ат-таварих», можно говорить о влиянии сверху. Здесь даже можно предположить, что это сделано по рекомендации Бориса Годунова, поскольку Касимовское царство было необходимо Московскому царству для того, чтобы показать Османскому государству, что в центре русских земель спокойно и благополучно проживают мусульмане, более того имеют своего хана из рода Чингизидов. Также и посвящение Борису Годунову по объему превышает часть, в которой описывается Ураз Мухаммед-хан. По содержанию оно также превосходит по количеству и качеству эпитетов, по сравнению с тем, как показан татарский хан [2, с. 269].

Что же касается «Умдет ал-ахбар», то Абдулгаффар Кырыми написал это сочинение будучи в изгнании и поэтому с большей долей вероятности говорить о его ангажированности трудно. Более того, в его сочинении нет определенного главного героя, вокруг которого происходили бы события, определяющие его роль. В этом сочинении повествование идет о плеяде крымских ханов на фоне всеобщей мусульманской истории.

Также необходимо отметить общность предпосылок создания этих сочинений. В большей степени это относится к «Таварих-и гузида» и «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека, которые были написаны по приказу правителей. Подобного типа сочинения, т.е. написанные по заказу и где главным героем является правящее лицо, появлялись в период восхождения на престол либо путем завоевания, либо назначения. В любом случае они должны были показать законность их правящего статуса. Что в свою очередь наводит на вопрос – а действительно ли этот статус был законным или желанным для подданных.

В первом случае необходимо было подтвердить, как уже говорилось, легитимность власти Мухаммеда Шейбани после завоевания земель, принадлежащих Тимуридам. Надо отметить, что в период с 1502 по 1510 г. было написано не менее 6 сочинений, посвященных Шейбани-хану. Все они были инициированы самим ханом и основное содержание было связано с его победным шествием. Из шести сочинений 4 было написано на персидском языке («Фатх-наме» Шади; «Шейбани-наме» Бенаи; «Михман-наме-йи Бухара» Исфакхани; «Футухат-хани» Бинаи), 3 из них были написаны в стихотворной форме («Фатх-наме»; «Шейбани-наме» Салиха; «Футухат-хани»). Таким образом можно говорить, что со стороны Шейбани-хана явно прослеживается намерение как можно более убедительно заявить о своем праве на завоеванные земли посредством исторических и стихотворных хроник, которые были рассчитаны на широкое распространение и возможно не только внутри своего государства.

В случае с «Джами ат-таварих» нужно было показать благосклонность русского царя к неизвестному для поволжских татар Ураз Мухаммеду, которого посадили на ханский престол. Кроме того, это сочинение служило и завуалированным, но очень неумело, обоснованием превосходства Бориса Годунова над касимовским ханом, а также другими татарскими ханами-чингизидами. В связи с этим возникает мысль, что главным лицом этого сочинения является

Борис Годунов, так как автор сравнивает его с горой, называет завоевателем султанов, которые переходят к нему в услужение [2, с. 269].

Таким образом, все три сочинения, несмотря на то, что написаны в разных регионах и разные временные отрезки, тем не менее сохраняют в себе общие традиционные черты, например, освещение истории Чингиз-хана и его потомков, что было необходимо, в первую очередь, для их легитимности. В тоже время их основной задачей являлось формирование исторической памяти в необходимом им политическом русле. Таким образом, авторы этих произведений создавали собственные версии истории Золотой Орды и постзолотоордынских ханств. Помимо того, что в этих сочинениях содержится много аутентичной информации о событиях, свидетелями которых были авторы, они ценны еще и тем, что в них отражается то, как они представляли историю Золотой Орды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулгaffар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Байбулатова Л.Ф. «Джами ат-таварих» Кадыр Али-бека: постановка вопроса об авторстве // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 266–273. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.266-273> EDN: CKRPAD
3. Байбулатова Л.Ф. Отражение роли ислама в «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 601–611. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.601-611> EDN: BUQHYN
4. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с.
5. Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. №2. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2>
6. Кадыр Али-бек. Джамии ат-таварих. Факсимиле рукописи / авт. издания текста, исследования, критического текста, перевода с тюрки, словаря Р.Алимов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 544 с.
7. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Издательство «Наука», 1969. С. 9–43.
8. Миргалеев И.М. Сведения касимовского автора Кадыр Али-бека о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 303–316. DOI: [10.22378/2313-6197.2023-11-2.303-316](https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.303-316) EDN: GRQJFE
9. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгaffара Кырыми // Золотоордынское обозрение. Казань. 2014, no. 2(4). С. 35–60.
10. Султанов Т.И. Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 304 с.
11. Таварих-и гузида – Нусрат-наме. Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений кандидата филологических наук А.М.Акромова. Ташкент, 1967. 128+ ϵ v \circ
12. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII веков. Казань: Издательство КГУ, 1972. 223 с.
13. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

14. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Али-бека. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 244 с.

15. Tevârih-î Güzide – Nusret-nâme: metin, aktarım, dizin/hazırlayan Harun Kaya. Ankara, 2022. 469 s.

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-akhbar. Book 2: Translation. Series “Yazma Miras. Pismennoe Nasledie. Textual Heritage”. Iss. 5. Trans. from Ottoman Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)

2. Baybulatova L.F. “Jami al-tawarikh” by Kadyr Ali-bek: raising the question of authorship. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 266–273. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.266-273> (In Russian)

3. Baybulatova L.F. Reflections of the role of Islam in the “Tawarikh-i guzida – Nusrat-name”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 601–611. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.601-611> (In Russian)

4. Belyakov A.V. Uraz-Muhammad ibn Ondan and Isiney Karamyshev son of Musaites. The experience of a joint biography. Almaty: ABDI Company JSC, 2019. 208 p. (In Russian)

5. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2>

6. Kadyr Ali-bek. Jami al-tawarikh. Facsimile of the manuscript / critical edition, research, translation from Turkic and glossary by R. Alimov; under scientific supervision by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 544 p. (In Russian)

7. Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries. Extracts from Persian and Turkic writings. Alma-Ata: Nauka, 1969. 651 p. (In Russian)

8. Mirgaleev I.M. The Kasimov author Kadyr Ali-bek’s information about the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 303–316. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.303-316> (In Russian)

9. Mirgaleev I.M., Derya Derin Paşaoğlu. An overview of «Umdet ul-ahbar» by Abdulgaffar Qirimi. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 2 (4), pp. 35–60. (In Russian)

10. Sultanov T.I. Mirror of past centuries. Historical book in the culture of Central Asia in the 15th–19th centuries. St. Petersburg: Saint-Petersburg University, 2006. 304 p. (In Russian)

11. Tavarih-i guzida – Nusrat-name. Research, critical text, annotated table of contents and table of summary tables of contents of the candidate of philological sciences A.M. Akromov. Tashkent, 1967. 128+^ε∅ (In Russian)

12. Usmanov M.A. Tatar historical sources of the 17th–18th centuries. Kazan: Kazan University Publ., 1972. 223 p. (In Russian)

13. Utemish-haji. Kara tawarich. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

14. Khisamieva Z.A. The language of Kadyr Ali-bek’s dastans. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 244 p. (In Russian)

15. Tevârih-î Güzide – Nusret-nâme: metin, aktarım, dizin/hazırlayan Harun Kaya. Ankara, 2022. 469 s. (in Turkish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лилия Фаритовна Байбулатова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усмано-ва, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); Scopus AuthorID: 57219316533; ORCID: 0000-0002-6444-0721. E-mail: bayli77@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya F. Baybulatova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Scopus AuthorID: 57219316533; ORCID: 0000-0002-6444-0721. E-mail: bayli77@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 1.07.2024

Поступила после рецензирования / Revised 30.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.607-618>
EDN: GVHGWQ

УДК 94

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОЧИНЕНИЕ УТЕМИША-ХАДЖИ
ПРОШИБАНИДСКИМ?****А.В. Парунин**

*Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация
therion12399@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: рассмотреть конкретные примеры обоснования прошибанидской направленности сочинения Утемиша-хаджи, сформировавшиеся в исследовательской литературе. Провести анализ этих примеров в сравнительно-историческом ключе с использованием широкого круга письменных источников, и на этом основании отметить некоторые стилистические особенности письменного наследия хивинского историка. В заключительной части дается краткий анализ работ тех средневековых авторов, основной акцент в которых действительно идет вокруг династии Шибанидов.

Материалы исследования: основным источников для настоящей статьи выступили две опубликованные на русский язык рукописи сочинения Утемиша-хаджи – «Чингиз-наме» и «Кара таварих». Также использованы синхронные арабские и персидские историки XV–XVII вв., материалы русских летописей.

Результаты исследования. Определено, что представленные в историографии аргументы прошибанидской позиции автора не совсем корректны, что демонстрируется соответствующими отрывками из работы Утемиша-хаджи. В обеих рукописях сочинения династия Шибанидов действительно занимает немаловажное значение, но в политическом плане она не выделяется на фоне остальных потомков Джучи. Исключением становится лишь основатель династии Шибан, военные подвиги которого выделяются автором. Помимо этого отмечается слабое знание Утемишем-хаджи генеалогии правящей династии, что косвенно свидетельствует о том, что цели и задачи выполняемой им работы были направлены на выстраивание собственной версии истории Золотой Орды. Отчасти такой подход был вызван источниками получаемой информации. Сюжет сочинения сильно контрастирует с работами, которые можно причислить к шибанидской историографии. Характерным примером здесь может служить сочинение Масуда Кухистани, строившего свой труд вокруг личности Абул-Хайра. Отдельно стоит отметить ряд эпизодов, рассмотренных в статье (правление и смерть Хызра, прекращение династии Батуидов), информация о которых могла быть почерпнута из письменных источников. Все вышесказанное поднимает актуальные вопросы исследования целей и задач, поставленных перед хронистом, а также выяснение конкретной идеологической направленности труда.

Ключевые слова: Шибаниды, Шибан, Утемиш-хаджи, историография, Золотая Орда, Хызр, Тайдула, Чингиз-наме, Кара таварих

© Парунин А.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Парунин А.В. Является ли сочинение Утемиша-хаджи прошибанидским? // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 607–618. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.607-618> EDN: GVHGWQ

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

IS THE WORK OF UTEMISH-HAJJI PRO-SHIBANID?

A.V. Parunin

*South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
therion12399@gmail.com*

Abstract. Purpose of the study: To consider specific examples to substantiate the pro-Shibanid orientation of the work of Utemish-hajji, formed in the research literature. To analyze these examples in a comparative historical vein using a wide range of written sources, and on this basis note some stylistic features of the written heritage of the Khiva historian. The final part provides a brief analysis of the works of those medieval authors whose main focus is indeed on the Shibanid dynasty.

Research materials: The main sources for this article were two manuscripts of the works of Utemish-hajji published in Russian – “Chingiz-name” and “Kara tawarikh”. Also used are synchronous Arab and Persian historians of the 15th–17th centuries, and materials from Russian chronicles.

Research results. It has been determined that the arguments for the author’s pro-Shibanid position presented in historiography are not entirely correct, as demonstrated by relevant passages from the work of Utemish-hajji. In both manuscripts of the work, the Shibanid dynasty indeed occupies an important role, but politically it does not stand out from the rest of the descendants of Jochi. The only exception is the founder of the Shibanid dynasty whose military exploits are highlighted by the author. In addition, Utemish-hajji’s poor knowledge of the genealogy of the ruling dynasty is noted, which indirectly indicates that the goals and objectives of the work he performed were aimed at building one’s own version of the history of the Golden Horde. This approach was partly due to the sources of the information received. The plot of the work contrasts strongly with works that can be classified as Shibanid historiography. A typical example here is the work of Masud Kukhistani, who built his work around the personality of Abu l-Khair. Separately, it is worth noting a number of episodes discussed in the article (the reign and death of Khizr, the end of the Batuid dynasty), information about which could be gleaned from written sources. All of the above raises pressing questions of research into the goals and objectives set for the chronicler, as well as clarification of the specific ideological orientation of the work.

Keywords: Shibanids, Shiban, Utemish-hajji, historiography, Golden Horde, Khizr, Taidula, Chingiz-name, Kara tawarikh

For citation: Parunin A.V. Is the work of Utemish-hajji pro-Shibanid? *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 607–618. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.607-618> (In Russian)

Financial Support: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Аргументы прошибанидской позиции сочинения Утемиша-хаджи в исследовательской литературе приводились достаточно часто [4, с. 167–169; 25, с. 121–122, 123, прим. 20; 31, р.148; 2, с. 1190; 17, с. 63], базируясь на конкретных отрывках его труда. Самое подробное наблюдение этого вопроса было представлено В.В. Бартольдом, который свел его в 3 эпизода: 1) Сюжет с установкой юрт во время визита сыновей Джучи к Чингиз-хану; 2) Шибаниды не подчинились «черному человеку» Баджиру Ток-Буге, узурпировавшему трон после смерти Токты-хана; 3) Призвание на престол Тайдулой Шибанида Хызра после смерти Бердибека [4, с. 167–169].

Первый пункт касается популярного в историографии эпизода с демонстрацией иерархии сыновей Джучи перед основателем Монгольской империи. Этот факт отмечает В.П. Юдин, тесно увязав ранжирование позиций внуков с семантикой цветообозначения их юрт [29, с. 123–124]. Представленный исследователем перевод из «Чингиз-наме» фразы об установке юрты Шибану («болат босаглы боз орда» по-тюркски – прим.) подвергся критике Ю.А. Зуевым, Исследователь реконструировал из фразы «болат босаглы» племя булатов, подчинявшихся Шибану; установку же серой юрты счел ошибочной, поскольку в более ранней (XIII в.) «Тайной истории монголов» аналогичного цвета юрту установили над убитым врагом Чингиз-хана Теб-Тенгри по приказу самого хана [12, с. 178; 7, с. 95]. Рассматриваемый эпизод был также поддержан К.З. Ускенбаем [25, с. 370]. Впоследствии гипотеза подверглась резонной критике И.А. Мустакимовым [20, с. 137], заметившим, что такое племя не фигурирует в известных ему источниках [26, с. 92, 95; 27, с. 29, 32].

Сам факт установки юрт также подвергся критике Ю.А. Зуевым, сравнившим его со схожим моментом в «Тайной истории монголов», где Чингиз-хан выделяет уделы своим братьям, сыновьям и матери [12, с. 175–176; 7, с. 95]. Здесь нужно остановиться подробнее. Схожее описание визита предоставляет Рашид ад-Дин, сообщая, что на великий курултай, собравшийся для проведения интронизации каана Угэдея, прибыли Орда, Бату и Шибан, а также другие сыновья Джучи [23, с. 18–19], причем царевичи упомянуты в той же последовательности, что и у Утемиша-хаджи. В схожем составе они присутствовали на курултае 1236 г., а также при избрании Гуюк-каана, но уже без участия Бату [23, с. 18–19, 37, 118; 5, с. 172].

Таким образом, мы имеем формальное сходство событий, видоизменившихся спустя время; кроме того, сам порядок упоминаний детей Джучи явно отражает внутреннюю иерархию, что наглядно демонстрируется хивинским историком. В сочинении большое внимание уделяется именно этому моменту: к примеру, диалог Бату и Орда-ичена выстроен на желании выдвинуть друг друга на ханский трон. Нежелание каждого становиться ханом приводит к необходимости апеллировать к высшей юридической инстанции, а именно к деду Чингиз-хану. Очевидно, что проведенный «корунуш» закрепил юридический статус каждого из сыновей Джучи, дав ему свое место среди прочих. Тем самым, на наш взгляд, создается причина для выстраивания сюжета истории Золотой Орды вплоть до ее символической гибели после смерти Хызра, во многом связанной именно с фактом нарушения той системы, которая была оформлена Чингиз-ханом.

Здесь логично формулируется проблема прошибанидской направленности, связанная с вопросом кризиса власти в Золотой Орде после смерти Токты.

Стоит обратить внимание на известный факт гордости и хвалы Шибанидов своим статусом перед Тукай-Тимуридами. Интересно, что сам монолог подается как ретроспективная история узловых событий государства, на которых и формируется сюжет части сочинения. К этому же относится эпизод с насмешкой, вызванной отсутствием у Тукай-Тимура юрты. Вероятно, это связано с его статусом, показанным в более ранних источниках. Царевич был тринадцатым сыном Джучи, участвовал в курултае 1229 г., где среди прочих сыновей был упомянут последним. Впоследствии он появляется в качестве представителя Бату во время восшествия Гуюк-каана. По нашему мнению, параллель «корунуша» Утемиша-хаджи можно провести именно с курултаем 1229 г.

Небезынтересно отметить, что вопрос иерархии Шибанидов и Тукай-Тимуридов нашел свое отражение и в иных средневековых трудах. Махмуд бен Вали (середина XVII в.), писавший свою работу при Аштарханиде Надир-Мухаммед-хане, бывшем потомком Тукай-Тимура, прямо указывает, что Бахадур-хан, сын Шибана после того как «избрал для зимовки и летовки Ак-Орду» «считал своим обязательным и неременным долгом подчинение и повиновение потомкам Тукай-Тимур-хана, которые были известны под именем «Хан оглы», и в течение всей жизни не убирал ногу из того круга повиновения» [11, с. 192]. Конечно, речь в этом эпизоде может свидетельствовать о некоей тенденциозности автора. Согласно Б.А. Ахмедову, также работавшему с неопубликованной частью рукописи «Бахр ал-асрар», Абу-л-Хайр-ханом была объявлена независимость своего государства от потомков Тукай-Тимура [3, с. 48]. Для нас важно понимать, что проблема соподчинения двух династий, очевидно, была актуальной для интеллектуальной элиты государств-наследников Золотой Орды и находила свое отражение в ряде поздних исторических трудов, предлагавших свои варианты решения проблемы.

Дальнейший эпизод, демонстрирующий нам взаимоотношения Токтамышша с Шибанидами Арабшахом и Каганбеком, вопросы иерархии подает в несколько ином ключе. Кратко говоря, оглан Токтамыш, желая избавиться от узурпировавшего власть «черного человека» Мамай, отправляется к Каганбеку, но тот, отказываясь проявлять уважение, «дал ему место в низовьях». Помимо этого, Каганбек отказывает Токтамышу в походе против Мамай; последний, разуверившись в хане, заключает союз с его братом, став в конце концов «великим государем» [27, с. 57–59]. Отметим здесь, что сам вопрос статуса между царевичами не выстраивается, а Токтамыш поднимает актуальную проблему узурпации власти нечингизидским лицом. Вполне вероятно, что это связано с другим авторством этой части повествования. Этот рассказ, согласно Утемишу-хаджи, он записал со слов некоего Хытая Баба-Али-бия, бывшего беком при астраханском хане Абд ал-Кариме (1533–1537; 1539–1543?¹).

У нас нет информации о вероятных редактированиях автором записанных им рассказов, поэтому скорее всего они представлены в тексте в исходном виде, что создает вопрос о склейке различных частей в единый сюжет, хотя и здесь, конечно же, есть свои нюансы. Но в тексте самого сочинения есть намек на единство большей части повествования: в главе об Узбекхане Утемиш-хаджи приводит отрывок о военных доблестях Шибана, указывая, что об этом он ранее уже упоминал [26, с. 105]. Здесь же уместно вспом-

¹ Годы правления представлены в работе И.В. Зайцева [6, с. 249].

нить окончание рассказа о Токтамыше в «Кара-таварих»: «Мы бедный, презренный, пожелали этот экземпляр создавать дважды, второй раз начинаем снова» [27, с. 59–60]. Резонно встает вопрос: принадлежит ли эта фраза самому автору рукописи, или же его переписчику [27, с. 6]? Следующим параграфом в сочинении идет краткое описание биографий Шибанидов, содержащее немаловажную фразу о том, что «жизнь Шейбан-хана была описана выше» [27, с. 60]. Она во многом совпадает уже с вышеупомянутой, и в связи с этим можно предположить, что блок о Шибанидах в рукописи мог быть разбит на части в контексте хронологии повествования.

Эпизод с наказанием царевичей за их подчинение Баджиру Ток-Буге (вопреки мнению В.В. Бартольда – прим.) выделяет Шибанидов на основании достижений их предка Шибана, о чем прямо сообщает Утемиш-хаджи: «Когда [Узбек-] хан в гневе на этих огланов отдал [их] в кошун Исатаю, то и Исатай воздал огланам Шайбан-хана уважение за отца их, передал [им] буйрак и карлык, кои суть двусоставный эль, и предоставил их самим себе». Таким образом, согласно воле Узбека, Шибаниды также попадают в опалу за подчинение узурпатору, но по милости бека наделяются уделом в самостоятельное пользование. Этот факт их возвышает относительно Тука-Тимуридов, но за счет военных достижений Шибана, в результате чего его «почитали и уважали по той причине все люди сыновей его и внуков» [26, с. 105]. В таком контексте сложно говорить именно о прошибанидской направленности автора в этом сюжете. Шибаниды, как и другие, в демонстрируемой автором реальности, предстают виновными, но за счет уважения к своему предку оказываются вне опалы.

Последним пунктом, позволяющим нам интерпретировать сюжет как прошибанидский, является эпизод с выдвижением Шибанида Хызра на золотоордынский престол. Здесь стоит обратить внимание на слова бека Хызра Кутлуг-Буги из рода найман. Желая убедить хана отказаться от женитьбы на Тайдуле, он говорит: «Она – человек, который был подвластен Узбеку и Джанибеку. Ты [же] вырос человеком противостоящего [им рода]. Проучи ее. Не женись!» [26, с. 112]. В «Кара таварих» эпизод переводчиком представлен в ином ключе («ты же вырос по-другому»), в результате чего фраза выглядит более нейтральной [27, с. 51–52].

Перед нами демонстрация некоего скрытого конфликта, вероятно, связанного с упоминавшимся выше вопросом о наказании царевичей. Тем самым, брачный союз нового хана с Тайдулой не состоялся. Установленная «в качестве свадебной юрты» золотая юрта приводит к символическому кризису: «...Но здание, построенное прежними добрыми [людьми], [все-таки] пусть не разрушают!» [26, с. 112]. Хызр, не послушав слов Тайдулы, разломал юрту, а золото поделил «между своими казаками», тем самым создав причину для внутренней смуты. Провалившаяся возможность создания прочного династического союза привела к частной смене ханов, закономерный итог которой представлен Утемишем-хаджи достаточно красочно: «После того случилась смута. Всяк повсюду поднял голову. Город Сарай порушился» [26, с. 113]. Здесь же стоит отметить, что в шибанидской историографии момент со сменой династии также отождествлялся с кризисом. Абу-л-Гази красочно проиллюстрировал этот эпизод пословицей: «в Бирдибеке ссечен ствол гранатового дерева» [1, с. 156]. В более ранней историографии начало смуты

также отождествлялось с династическим кризисом. Арабский историк Ибн Халдун связывает смерть Бердибека с отсутствием центральной власти: в итоге прочие царевичи из числа Тукай-Тимуридов и Шибанидов стали править самостоятельно [9, с. 276]. Муин ад-дин Натанзи, рассуждая о смерти хана, прямо говорит: «...никого из рода султанов Кок Орды не осталось в живых» [10, с. 255], и эмирам пришлось возводить «на трон царства неизвестного человека». Более поздний персидский автор Гаффари (середина XVI в.), рассуждая в параграфе «о царях Кок Орды», также сообщает, что ветвь правителей прекратилась на Бердибеке [10, с. 403]. Очевидно, что начало династического кризиса 60–70-х гг. XIV в. в Золотой Орде связывалось с прекращением законно правящей династии, а гибель легитимного хана приводила к удельному сепаратизму. Об этом свидетельствовали как младшие современники событий, так и авторы XVI–XVII вв.

Можно заключить, что продемонстрированный в ярких красках кризис государства отчасти вызван действиями шибанидских династов. Хызр отказался создавать династический брак с Тайдулой и тем самым продлить политическое единство страны. В том числе это связано с прерыванием успешно функционировавшего правящего рода Бату, чье нахождение у власти лишь однажды ознаменовалось смутным временем.

Последующая затем быстрая смена ханов, выдвигаемая то Тайдулой, то частью эмиров, приводит к совершенно иной политической форме правления, отличающейся от повествуемой ранее. В итоге это создает закономерный государственный хаос, в рамках которого смена ханов приводит к неизбежному политическому кризису. Не зря в новом цикле рассказов, повествующих о деяниях Токтамыш-хана, сообщается, что он «выступил в путь и пришел к реке Идил. В городе Сарае не было ни хана, ни султана. Пришел, взял Сарай и, воспользовавшись случаем, прочитал в пятничной мечети хутбу [на свое имя и] стал ханом» [26, с. 118]. Кризис привел к закономерному поиску нового хана. Если повествование о Хызре, Тайдуле, Кельдибеке, Базарчи и прочих лицах Утемиш-хаджи привел со слов Шибанида Ильбарс-хана [27, с. 49], то обстоятельства биографии и прихода к власти Токтамыш-хана хивинским историком составлены уже со слов вышеупомянутого бека Хытая Баба-Алибия [26, с. 114]. Отсюда и небольшое противоречие о городе Сарае: в конце рассказа о Хызре он разрушен, тогда как при приходе Токтамыша просто функционирует без легитимного правителя.

Представленная Утемишем-хаджи хронология правления ханов в целом не противоречит другим, более ранним источникам. Выглядит следующим образом: Хызр – Кельдибек – Базарчи – Хызр – Бургут. В «Тарих-и арба улус»: Кельдибек – Науруз – Черкес – Хызр – Марду – Базарчи [8, с. 101–103]. Ханы в таком же порядке представлены у Шами и Йазди с обоснованием имени сына Хызра как Муруд [10, с. 209, 289], что сближает его с версией Утемиша-хаджи.

Немаловажные детали представляют русские летописи. Рогожский летописец прямо сообщает, что приход к власти Хызра ознаменовался убийством Навруса и Тайдулы. Впоследствии Хызр погиб от рук «от своего си брата от Мурута и седе на царство Мурут». Смерть Мурута в летописи не отражена, но затем идет в целом неясное сообщение о том, что «царя Хедыря и его сына убили, и бысть во Орде замятня велика, а на царстве посадили Хедырева сы-

на болшаго и пребыл на царстве 2 недели и они его убили» [22, стб. 69–71]. Здесь можно сравнить время пребывания Бурута и неназванного сына Хызра: отметим, что такие, казалось бы, незначительные детали в целом совпадают.

Более поздняя Никоновская летопись показывает иную картину. После смерти Навруса Хызр становится ханом, но спустя год гибнет вместе с младшим своим сыном Кутлуем от рук старшего Темира-Ходжи и после смерти последнего ханом становится Келдибек. В летописи отсутствует сообщение о двухнедельном правлении, также отмечена невиновность Хызра в смерти Навруса; сам же он представлен как «тихий, и кроткий и смиренный» [21, с. 232–233].

В целом стоит отметить, что параграф с Хызром в сочинении имеет большое сходство с более ранними источниками, исключая разве что Никоновскую летопись. Все это может говорить о том, что представленный устный рассказ мог иметь в своей основе данные письменного источника, либо же брался напрямую из него. Однако идеологическая основа, о которой мы уже упоминали выше, могла быть творческой переработкой самого Утемиша-хаджи, поскольку она совпадает с тем, что было изложено в более ранних параграфах, посвященных потомкам «Саин-хана». Подчеркнем еще раз: перед нами разительный контраст бесконфликтного правления ранних золотоордынских ханов и резко сменившийся тон повествования после смерти Бердибека. Автор знал о кризисе 60–70-х гг. XIV в., но изложил ее в свойственной ему манере.

Таким образом, вышеперечисленные пункты не позволяют согласиться с версией о прошибанидской направленности. Хвалебных отзывов был удостоен лишь родоначальник династии. Даже Абу-л-Хайр-хан, значительное внимание которому уделялось в персоязычной историографии, получает в сочинении скромную роль. Причем он оценивается критически, отказав мангытам Мусе и Ямгурчи в мести за их убитого старшего брата Ваккаса. В результате мангыты «возвысили Ядыгер хана» [27, с. 62]. Интерес именно к этому Шибаниду объясняется служением Утемиша-хаджи у потомков Йадгара. Вполне можно допустить, что источником сведений о Шибанидах здесь являются устные рассказы, поскольку приводимые им родословные противоречат другим источникам. В частности, Утемиш-хаджи сообщает о трех сыновьях Йадгара – Ильбарсе, Султан-хаджи и Аймен-хане. В «Таварих-и гузида» и «Родословном древе тюрков» Абул-Гази сыновей у хана четыре: Берке, Абак, Илак, Имнак [12, с. 36; 1, с. 164]. Ильбарс является старшим сыном Берке и, соответственно, внуком Йадгара [1, с. 171]. Генеалогия царевичей также воспроизведена в рукописи продолжателя Утемиша-хаджи, опубликованной И.М. Миргалевым. Здесь она представляется еще более краткой, чем в «Кара таварих». Например, у Шибана упомянуто всего лишь три сына – Шагбан, Шеввал и Бахадир [16, с. 65]. Однако представляется интересным, что генеалогическое древо Шибанида Кучум-хана практически совпадает с аналогичным отрывком из труда Абу-л Гази [1, с. 156]. Несмотря на все вышесказанное можно подчеркнуть что, несмотря на цель хивинского историка выяснить «положение и обстоятельства огланов..., и кто после кого по порядку становился из них ханом», оправдан вывод, что Утемиш-хаджи не вполне справился с поставленной ему задачей.

В заключение стоит обратить внимание на ряд источников, которые действительно можно считать прошибанидскими. В качестве примера можно привести «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» неизвестного автора (начало XVI в.),

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда Кухистани (середина XVI в.), «Шараф-нама-йи шахи» Хафиз-и Таныша (вторая половина XVI в.), «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази (середина XVII в.). Два последних сочинения опубликованы полностью, у «Таварих...» имеется частичный перевод на русский язык, однако в нашем распоряжении есть краткий пересказ рукописи, представленный в издании 1967 г. [24, с. 76–127]. «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» представляет из себя всемирную историю; оригинальные же отрывки, согласно В.П. Юдину, содержат биографические сведения об Абу-л-Хайре [13, с. 136].

Определенное формальное сходство с Утемишем-хаджи имеется у Масуда Кухистани. Последний также служил при Шибанидах: был секретарем Суйунч-Ходжа-хана, сына Абу-л-Хайра, и включал полученную от него информацию в свой труд [13, с. 152]. Время составления рукописей также схожи. Однако на этом сходства заканчиваются. Масудом Кухистани составлен апологетический труд, центром которого была деятельность Абу-л-Хайра. Характерной особенностью сочинения было изображение хана как единственного легитимизирующего лица: «Махмуд-хан и Ахмад-хан, которые были из падишахов потомства Джучи, не пошли ногою повиновения и послушания... подняв знамя мятежа и бунта...» [13, с. 153]. Таким образом, даже выступающие против хана лица джучидского происхождения объявлялись мятежниками.

«Таварих...» структурно выстроено по образцу сочинения Рашид ад-Дина. Особое внимание в сочинении также уделяется Абу-л-Хайру и его потомкам [24, с. 117–127]. Правление хана достаточно подробно раскрыто, деятельность которого стало «временем... благословенного для народа» [19, с. 233]. По схожему принципу построена «Шараф-нама-йи шахи». Хафиз-и Таныш также уделил внимание личности Абу-л-Хайра, подробно рассмотрев его потомков, включая его внука Шейбани-хана [28, с. 78–83]. Стилистические особенности автора хорошо заметны: он постоянно привлекает для описания различные эпитеты, метафоры и др. Так, для Шибанидов применяются положительные эпитеты (великий, славный) [28, с. 13, 78], в то время как их противники награждаются уничижительными характеристиками. Например, противник Шейбани-хана шах Исмаил значится как «путеводитель всех презренных людей» [28, с. 83]. Прошибанидская направленность бухарского историка прослеживается отчетливо.

Абу-л-Гази, будучи сам представителем династии Шибанидов, потомком Арабшаха, свой труд построил по схожему принципу с «Таварих...». Здесь также видно влияние Рашид-ад-Дина. Отдельной главой рассмотрены золотоордынские ханы из рода Бату [1, с. 148–156]. Наибольшее внимание уделено династии Шибанидов, причем подробно рассмотрена личность Шибана и выделение ему улуса [1, с. 159–160]. Соответствующее внимание в сочинении в дальнейшем получили потомки Арабшаха. Положительно историк отзывается об Абу-л-Хайре, сообщая при этом, что он сам стал причиной раздора в своей семье [1, с. 168–169]. В целом, сочинение отличает пристальный интерес к династии: подробное описание деятельности царевичей перемежается с повседневными событиями, в частности, приводятся цитаты Ильбарс-хана к своим бекам и т.д. [1, с. 176]. Информированность историка объяснялась им самим, утверждавшим, что у него под рукой 18 свитков, «в которых

закljučаются исторические рассказы о потомках Чингиз-хановых, властвовавших в Иране и Туране» [1, с. 1–2].

Во многом эти источники объединяет использование более ранних сочинений, в частности, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина. Этим объясняется структурная схожесть повествования. Помимо этого, источники шибанидского круга влияли друг на друга [30, с. 36–37]. Подобной тенденции избежал Утемиш-хаджи, чье сочинение по каким-то причинам не стало популярным в Средней Азии. Как известно, сюжет рукописи отразился лишь на «Умдет алахбар» Абдулгаффара Кырыми (середина XVIII в.), писавшем в Крыму. Было оно также известно и в Поволжье, в частности, в Касимовском ханстве [18, с. 147]. Вероятно, рукопись попала в этот регион в результате интеллектуального обмена [14, с. 18; 15 с. 77; 17, с. 63] или же связана с пребыванием историка в Поволжье и Крыму, но при этом остается неясным, почему она не стала популярной в своем регионе. Сыграла ли здесь свою роль направленность сочинения или же имели место другие факторы? Можно сказать определенно, что в работе Утемиша-хаджи действительно положительную характеристику получает лишь Шибан, интерес к личности которого встраивает работу хрониста в ряд с другими средневековыми авторами. Вероятной причиной здесь выступают воинские доблести хана, переданные в устных и письменных источниках. Рассказы о других династах не выделяются на фоне общего сюжета. Безусловно, есть уникальные моменты. В частности, эпизод с обращением Токтамышша за помощью к Каганбеку и Арабшаху и последующий союз. Но он не дополняет мысль о преобладании Шибанидов над Тукай-Тимуридами. Возможно, здесь сыграли свою роль разные источники получаемой информации. В настоящий момент по-прежнему в качестве актуального стоит вопрос об источниках и общей идеологической направленности сочинения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абулгази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. 240 с.
2. Антонов И.В. К вопросу о статусе улуса Шибана (историографический обзор) // Научный альманах. 2015. №7 (9). С. 1185–1195.
3. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 196 с.
4. Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан // Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 119–210.
5. Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
6. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 304 с.
7. Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековье). Алматы, 1998. С. 49–100.
8. Из «Та'рих-и арба' улус» Мирза Улугбека // История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Алматы: Дайк Пресс, 2007. С. 88–112.
9. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.

10. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.

11. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: «Рауан», 1992. 378 с

12. Козин С.А. Сокровенное Сказание. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.

13. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата. Наука. 1969. 655 с.

14. Миргалеев И.М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань, 2011. С. 14–19.

15. Миргалеев И.М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи как источник по истории тюрко-татарских государств // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространстве (XV–XVI вв.): Тезисы. Симферополь, 2013. С. 75–78.

16. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

17. Миргалеев И.М. «Кара таварих» Утемиша-хаджи как источник по истории тюрко-татарских государств // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. №2. С. 58–72.

18. Миргалеев И.М. Архивная история рукописи из коллекции Ризаэтдина Фахретдина «Кара таварих» Утемиша-хаджи // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 146–148.

19. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература», 2011. С. 228–248.

20. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о цветообозначениях Орд в улусе Джучи (термин Боз-Орда в источниках XVI–XIX вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. №2. С. 129–149.

21. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. СПб., 1885. 244 с.

22. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1922. 215 с.

23. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.: Л.: Издательство АН СССР, 1960. 253 с.

24. Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Ташкент. Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1967. 127 с

25. Ускенбай К.З. Улусы первых Джучидов. Проблема терминов Ак-Орда и Кок-Орда // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 355–382.

26. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

27. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

28. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Ч. 1. М.: Наука, 1983. 535 с.

29. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 106–165.

30. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII вв. глазами востоковеда. Алматы. Дайк-Пресс, 2001. 384 с

31. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.

REFERENCES

1. Abulgazi. Family tree of the Turks. Kazan, 1906. 240 p. (In Russian)
2. Antonov I.V. On the issue of the status of the Shiban ulus (historiographical review). *Scientific almanac*. 2015, no. 7 (9), pp. 1185–1195. (In Russian)
3. Akhmedov B.A. State of nomadic Uzbeks. Moscow: Nauka, 1966. 196 p. (In Russian)
4. Bartold V.V. Report on a business trip to Turkestan. *Works*. Vol. 8. Moscow: Nauka, 1973, pp. 119–210. (In Russian)
5. Juvaini. Genghis Khan. The story of a world conqueror. Moscow: Magistr-Press, 2004. 690 p. (In Russian)
6. Zaitsev I.V. Astrakhan Khanate. Moscow: Eastern literature, 2004. 304 p. (In Russian)
7. Zuev Yu.A. On the forms of ethnosocial organization of the nomadic peoples of Central Asia in antiquity and the Middle Ages: Motley Horde, Hundred (comparative typological study). *Military art of the nomads of Central Asia and Kazakhstan (ancient times and the Middle Ages)*. Almaty, 1998, pp. 49–100. (In Russian)
8. From “Ta’rikh-i arba’ ulus” by Mirza Ulugbek. History of Kazakhstan in Persian sources. T.V. Extracts from the works of the 13th–19th centuries. Almaty: Dyke-Press, 2007, pp. 88–112. (In Russian)
9. History of Kazakhstan in Arabic sources. Vol. 1. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Arabic works collected by V.G. Tiesenhäusen. Almaty: Dyke-Press, 2005, 711 p. (In Russian)
10. History of Kazakhstan in Persian sources. Vol. 4. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Persian works collected by V.G. Tiesenhäusen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Almaty: Dyke-Press, 2006. 620 p. (In Russian)
11. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. Kazakhstan: a chronicle of three millennia. Almaty: Rauan, 1992. 378 p. (In Russian)
12. Kozin S.A. The Secret Story. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 620 p. (In Russian)
13. Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries (Extracts from Persian and Turkic works). Alma-Ata: Nauka, 1969. 655 p. (In Russian)
14. Mirgaleev I.M. “Chingiz-name” by Utemish-hajji: prospects for studying. *Golden Horde civilization*. 2011, vol. 4, pp. 14–19. (In Russian)
15. Mirgaleev I.M. “Chingiz-name” by Utemish-hajji as a source on the history of the Turkic-Tatar states. *V International Bulgarian Forum “Political and ethnocultural interaction of states and peoples in the post-Golden Horde space (XV–XVI centuries): Abstracts*. Simferopol, 2013, pp. 75–78. (In Russian)
16. Mirgaleev I.M. Message from the successor of “Chingiz-name” Utemish-hajji about the late Shibanids. *History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia*. Kurgan, 2014, pp. 64–66. (In Russian)
17. Mirgaleev I.M. “Kara tawarikh” by Utemish-hajji as a source on the history of the Turkic-Tatar states. *Turkological studies*. 2018, vol. 1, no. 2, pp. 58–72. (In Russian)
18. Mirgaleev I.M. Archival history of the manuscript from the collection of Rizaetdin Fakhretdin “Kara tawarikh” by Utemish-hajji. *History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia*. Kurgan: Kurgan State University, 2020, pp. 146–148. (In Russian)
19. Mustakimov I.A. Information “Tawarikh-i Guzida – Nusrat-name” about the possessions of some Jochids. *Turkological collection 2009–2010: Turkic peoples of Eurasia in*

ancient times and the Middle Ages. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011, pp. 228–248. (In Russian)

20. Mustakimov I.A. Once again to the question of the color designations of the Hordes in the Jochi ulus (the term Boz-Orda in sources of the 16th–19th centuries). *Golden Horde Review*. 2015, no. 2, pp. 129–149. (In Russian)

21. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 10. Chronicle collection, called the Patriarchal, or Nikon Chronicle. St. Petersburg, 1886. 244 p. (In Russian)

22. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 15. Iss. 1. Rogozhsky chronicler. Petrograd, 1922. 215 p. (In Russian)

23. Rashid ad-Din. Collection of chronicles. Vol. 2. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 253 p. (In Russian)

24. Tawarikh-i guzida-Nusrat-name. Tashkent: Fan, 1967. 127 p. (In Russian)

25. Uskenbai K.Z. Uluses of the first Jochids. The problem of the terms Ak-Orda and Kok-Orda.. *Turkological collection. 2005: Turkic peoples of Russia and the Great Steppe*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. pp. 355–382. (In Russian)

26. Utemish-hajji. Genghis-name. Almaty: Gylym, 1992. 296 p. (In Russian)

27. Utemish-hajji. Kara tawarich. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

28. Hafiz-i Tanish ibn Mir Muhammad Bukhari. Sharaf-nama-yi Shahi (Book of the Shah's Glory). Part 1. Moscow: Science, 1983. 535 p. (In Russian)

29. Yudin V.P. Hordes: White, Blue, Gray, Gold.... *Kazakhstan, Central and Central Asia in the 16th–18th centuries*. Almaty, 1983, pp. 106–165. (In Russian)

30. Yudin V.P. Central Asia in the 14th–18th centuries through the eyes of an orientalist. Almaty. Dyke Press, 2001. 384 p. (In Russian)

31. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Парунин – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (454080, пр. Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация). E-mail: therion12399@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Parunin – Cand. Sci. (History), Research Fellow of the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies, South Ural State University (76, Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russian Federation). E-mail: therion12399@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 21.05.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.07.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643>
EDN: ILYLNF

УДК 94(574) +94(57)

СИБИРСКОЕ И БУХАРСКОЕ ХАНСТВА В МАТЕРИАЛАХ КАЗАХСКО-РУССКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1595 ГОДА

Н.С. Лапин

*Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан
lapin.79@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: на основе документальных материалов казахско-русских посольств 1590-х годов, рассмотреть какое место в двусторонних отношениях занимали вопросы, связанные с Сибирским и Бухарским ханствами.

Материалы исследования: в исследовании привлечены архивные и опубликованные материалы взаимных казахских и русских посольств, которые отложились в РГАДА в фонде № 122 «Киргиз-кайсацкие дела». Как показывает история изучения казахско-русских связей в конце XVI столетия в историографии большинство оценок, мнений и выводов были сделаны на основе опубликованного еще в 1961 году сборника документов, в котором были представлены некоторые материалы посольств 1594-1595 годов. Документы из данного сборника в части связанной с казахско-русскими посольствами довольно часто переиздавались, при этом не учитывалось что публикация 1961 года содержала некоторые неточности и ошибки.

Результаты и научная новизна исследования: документальные материалы взаимных посольств Казахского ханства и Русского государства позволяют ясно понять внешнеполитические приоритеты каждого из них и объясняют, роль и место в двусторонних отношениях, которое занимали Сибирское государство во главе с ханом Кучумом и Бухарское ханство во главе с Абдаллахом II. Для казахского хана Таваккула который инициировал посольские контакты с Русским царством главной целью стало получение военной помощи царя для борьбы с Бухарой. При этом вопрос об «освобождении» ханского племянника Ураз-Мухаммеда был не основным как это часто считается в историографии. Для русского правительства актуальным вопросом в восточном направлении внешней политики оставалось противостояние Кучуму, в связи с чем Москва увязывала помощь Казахскому ханству против Бухары с ответной помощью казахов против сибирского правителя.

Ключевые слова: Сибирское ханство, Бухарское ханство, Казахское ханство, Русское царство, Шибаниды, посольство, переговоры, Ураз-Мухаммед, внешняя политика

Для цитирования: Лапин Н.С. Сибирское и Бухарское ханства в материалах казахско-русских переговоров 1595 года // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 619–643. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643> EDN: ILYLNF

© Лапин Н.С., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR21882223; грант № AP09258941).

**SIBERIAN AND BUKHARA KHANATES
IN THE MATERIALS OF THE KAZAKH-RUSSIAN
NEGOTIATIONS OF 1595**

N.S. Lapin

*Research Institute for Jochi Ullus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan
lapin.79@mail.ru*

Abstract. Research objectives: To consider, on the basis of documentary materials of the Kazakh-Russian embassies in the 1590s, what place in bilateral relations took the issues related to Siberian and Bukhara khanate.

Research materials: Materials of research: Archival and published materials of mutual Kazakh and Russian embassies, which were deposited in the Russian State Archive of the Russian Federation in the fund № 122, "Kirghiz-Kaisat affairs", were used for the study.

Results and novelty of the research: The study of the content of the documents of the Kazakh-Russian embassies quite clearly shows the priorities of each party and explains what place in the bilateral relations occupied the Bukhara Khanate headed by Abdallah II and the Siberian state headed by Kuchum. For the Kazakh khan, Tavakkul, who initiated ambassadorial contacts with the Russian kingdom, the main goal was to obtain military assistance from the tsar to fight against Bukhara. At the same time, the issue of "liberation" of the khan's nephew, Uraz-Muhammed, was not the main one as it is often considered in historiography. For the Russian government, the pressing issue in the eastern direction of foreign policy remained the opposition to Kuchum, in which connection Moscow linked assistance to the Kazakh khanate against Bukhara with reciprocal assistance by the Kazakhs against the Siberian ruler.

Keywords: Kazakh Khanate, Russian Tsardom, Bukhara Khanate, Siberian Khanate, Shibaniids, embassy, negotiations, Uraz-Muhammad, foreign policy

For citation: Lapin N.S. Siberian and Bukhara khanates in the materials of the Kazakh-Russian negotiations of 1595. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 619–643. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.619-643> (In Russian)

Financial Support: This research was funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR21882223; Grant No. AP09258941).

Последнее десятилетие XVI столетия насыщенный событиями этап в истории Казахского ханства, включающий ряд событий, связанных с активизацией внешней политики, затронувшей отношения с соседними государствами. Укрепившийся в это время на казахском престоле хан Таваккул (ок. 1594–1598) стал проводить более активную политику в первую очередь в отношении Бухарского ханства. Это было по-видимому наиболее актуальное направление, однако далеко не единственное. Именно в годы правления Таваккул-хана актуализируются

дипломатические контакты Казахского ханства с Русскими государством. Хотя отдельные связи двух государств фиксируются и в более ранний период, однако состояние источниковой базы не позволяет детально их изучать. Однако, как раз посольские связи по времени охватывающие середину 1590-х годов более обеспечены источниками. Изучение документов этих посольств, их целей, содержания и хода переговоров позволяют кроме собственно казахско-русских отношений хотя бы отчасти прояснить детали, связанные с некоторыми другими государствами. В частности, можно показать место Сибирского ханства, которое оно занимал в двусторонних переговорах и более четко понять характер отношений Казахского ханства с Бухарой.

Здесь следует сказать об особенностях, которая объединяла эти государства, а именно факт принадлежности их правителей к одной родственной династии – Шибанидов, хотя и к разным ее ветвям. Общность происхождения создавала условия для их более тесных связей, что потенциально затрагивало интересы Казахского ханства, находившегося в условном окружении между Бухарским ханством и владениями Кучума. Непростые отношения Таваккул-хана с Бухарой, которые достигли острого противостояния в конце 1590-х гг. заставляли его учитывать и этот фактор.

Это особенность которая потенциально создавала условия для «шибанидского альянса»¹, требовала от Таваккул-хана усилий по поиску возможных союзников с целью противостояния этому возможному объединению. Посольские документы явно показывают, что для казахского хана таким союзником могло стать Русское государство, чьи внешнеполитические интересы в то время распространялись в восточном направлении в Сибири.

В статье на основе материалов казахско-русских посольств середины 90-х гг. XVI века, анализируются сведения о Сибирском и Бухарском ханствах. Непосредственно будет показано какое место занимали эти государства в ходе двусторонних контактов Казахского ханства и Русского государства.

Материалы казахско-русских посольств конца XVI века известны исследователям и привлекались ими, например, для рассмотрения некоторых аспектов истории Казахского ханства и конечно в связи с историей казахско-русских отношений. Вместе с тем стоит все же подчеркнуть, что использование этих документов в историографии носит в целом ограниченный характер. При этом есть все основания полагать, что эти материалы как исторические источники гораздо более информативны и позволяют рассматривать более широкий круг вопросов.

При обращении к материалам посольств внимание исследователей чаще всего привлекали сведения, сообщенные казахским послом Кул-Мухаммеда относительно внешнеполитической ситуации в котором находилось Казахское ханство, его отношениям с соседями. Казахский посол достаточно ярко, хотя и кратко охарактеризовал отношения с бухарским правителем и ногаями – «з бухарским царем тепере в миру на время, да и с Ногаи со Шти Браты в миру, а с Тенехматовыми детьми да с Урусовыми ни так, ни сяк»². Этот весьма «популярный», фрагмент довольно часто цитировался в разных работах [46, с. 468, 578; 4, с. 228; 5, с. 100; 15, с. 403, 435].

В историографии использовались и некоторые другие данные из посольских документов, при этом стоит обратить внимание, что гораздо чаще уделялось

¹ Собственно, бухарско-сибирские отношения, как раз в то время, рассмотрены в интересной работе А.В. Белякова и Д.Н. Маслюженко [см.: 9].

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 8.

внимание отношениям Казахского ханства с Русским государством, а также с правителями ногаев. Однако для освещения вопросов, связанных с Сибирским или Бухарским ханствами этот массив источников, привлекался заметно реже. Стоит отметить лишь работы Е.А. Рябиной, где привлекались материалы казахско-русских переговоров для описания характера взаимоотношений Такаккулл-хана с бухарским ханом Абдаллахом II (1583–1598) [34, с. 93; 35, с. 267]. Однако в целом можно констатировать что на роль, место и значение Сибирского или Бухарского ханств в ходе казахско-русских переговоров в середине 1590-х годов фактически мало обращалось внимания.

Это актуализирует внимание к сохранившимся материалам взаимных посольств Казахского ханства и Русского государства в конце XVI века, как источнику, содержащему различные исторические факты, связанные не только непосредственно с казахско-русскими отношениями. Эти материалы позволяют точнее представить и понять некоторые аспекты внешней политики, показать роль сибирского и бухарского факторов в двусторонних отношениях Казахского ханства и Русского государства.

Материалы. Важным условием исследования вопроса является факт сохранности части посольских документов (запись бесед, царские грамоты, челобитная и др.) что создает базу и позволяет решать хотя бы отчасти поставленные вопросы. Это особенно контрастирует с ситуацией по наличию и сохранности документов по истории казахско-русских взаимоотношений для более раннего и последующего времени.

Стоит упомянуть что отдельные материалы казахско-русских посольств стали упоминаться в исторической литературе в начале XIX века [21].

Собрание источников по истории казахско-русских посольских связей в самом конце XVI столетия, в которых имеются сведения так или иначе связанные с Сибирским и Бухарским ханствами и их места в событиях в Средней Азии и Западной Сибири хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Весь массив используемых материалов посольств отложился в фонде № 122 «Киргиз-кайсацкие дела» РГАДА и составляют часть фондов бывших Посольского приказа и Посольской канцелярии³. Отметим что ряд копий этих документов (выписки, микрофильмы) имеются в двух казахстанских архивах. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан в фонде № 2300 «Коллекции копий документов по истории Казахстана, поступивших из зарубежных архивов» хранятся микрофильмированные копии, сделанные, судя по всему, в начале 2000-х годов⁴. Кроме того, в Научном архиве «Ғылым ордасы» (бывший Архив АН Каз ССР) в фонде № 11 «Институт истории и этнологии» хранятся выписки, из документов посольства, сделанные в 1950-е гг. сотрудником Института истории и этнографии АН КазССР Наталией Геннадиевной Аполловой⁵.

Чаще всего в работах в которых обращалось внимание на казахско-русские посольства или использовались их материалы исследователи обращались к документальным публикациям сделанным в разные годы. К сегодняшнему дню известно около десяти различного рода публикаций (отдельных документов или фрагментов) материалов, связанных с посольствами [27, с. 291–296; 18, с. 3–14;

³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2; РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1.

⁴ Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 2300. Оп. 10. Д. 72, 73, 75.

⁵ Научный архив «Ғылым ордасы» (НА ГО). Ф. 11. Оп. 4. Д. 156. Л. 1–17.

48, с. 733–735; 33, с. 354–361; 16, с. 77–78; 17, с. 191–211; 2, с. 132–141; 3, с. 174–181; 14, с. 213–231].

Однако из всего этого количества публикаций наиболее значимыми следует признать их первые издания, особенно 1932 и 1961 годов [27, с. 291–296; 18, с. 3–14; 48, с. 733–735]. Все же остальные, в том числе публикуемые в последние годы являются их полной, либо частичной перепечаткой, чаще всего из сборника 1961 года.

Как показал обзор этих изданий, даже в тех случаях, когда издатели не указывали на то, что документы были опубликованы ранее и ссылались на архивохранилище, по целому ряду признаков, бесспорно видно, что документы были только перепечатаны из ранних сборников и не сверялись с архивными материалами.

В данной работе был использован сохранившийся массив архивных источников, хранящийся в РГАДА, копии из ЦГА РК и выписки из НА ГО и их публикации. Сравнение источников по истории посольств показало, что в ходе их публикации издателями были допущены некоторые неточности и даже ошибки, которые в отдельных местах имели не только текстовое, но и смысловое искажение. Это в свою очередь привело к тому что в некоторых случаях авторы, обращавшиеся к этим материалам, допускали неточности, например, в датировках или при описании отдельных аспектов. Тем не менее стоит подчеркнуть и важность именно опубликованных в прошлом веке материалов, благодаря которым сохранились некоторые фрагменты документов ныне сейчас утерянные или практически нечитаемые.

Известные на сегодняшний день документы позволяют в целом довольно четко очертить контуры казахско-русских посольств середины 1590-х годов, и обозначить то место, которое занимали в ходе состоявшихся переговоров Сибирское ханство Кучума и Бухарское ханство Абдаллаха II.

Казахско-русские посольства 1594–1595 гг.

Середина 1590-х гг. стала временем оживления официальных двусторонних контактов Казахского ханства и Русского государства. В это время известно сразу о нескольких посольских сюжетах. Известно о двух казахских посольства в Москву, во главе с Кул-Мухаммедом. Также данные сохранились о русском посольстве Вильямина Степанова в ставку Таваккул-хана и есть краткое упоминание о миссии Исенчюры Байкешева также направленной к казахскому хану. Больше всего данных сохранилось о событиях, связанных с первым посольством Кул-Мухаммеда и миссией Степанова. Хотя данные посольства охватили небольшой промежуток времени, в основном указанные события состоялись в 1594–1595 годах, тем не менее их факт свидетельствует о важном этапе в истории казахско-русских отношений в ранний период.

Факт казахско-русских посольств конца XVI столетия в историографии известен довольно давно, первые упоминания о них есть еще у М.Н. Карамзина и А.И. Левшина [см.: 21]. Позднее предпринимались попытки изучать эти события, однако до сих пор фактически это не удалось и все еще нет работы, в которой бы события того времени были систематизированы и осмыслены на основе всего массива источников. Поэтому остаются неясными или спорными многие аспекты посольств, начиная от датировок и заканчивая собственно содержанием и результатами переговоров, целей сторон и ряд других вопросов. По этой причине ниже обозначим хотя бы основные моменты, связанные с этими посольствами.

Одним из спорных моментов в историографии остается вопрос о времени прибытия первого казахского посольства. Довольно часто в исторической лите-

ратуре это событие датируют уже январем 1594 года, когда якобы произошла встреча прибывшего в Москву казахского посла Кул-Мухаммеда и царевича Ураз-Мухаммеда [2, с. 132–136; 3, с. 111–112; 29, с. 12; 13, с. 36; 44, с. 400; 5, 100]. Судя по ссылкам и цитатам эта датировка основана на материалах посольства опубликованных в сборнике «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» в 1961 году или более поздних перепечатках из него. Однако следует отметить что издатели сборника допустили неточность уверено датировав эту встречу началом 1594 года. Эта неточность вероятнее всего была основана на ошибочной датировке челобитной Ураз-Мухаммеда составление которой издатели не совсем обосновано отнесли к более раннему времени [см.: 18, с. 3]. В общем, исследователи, которые обращались к материалам посольств, опубликованных в 1961 году либо к поздним переизданиям из этого сборника, были таким образом дезинформированы и приводили заведомо не верную дату начала казахской миссии.

Между тем архивные документы позволяют относительно точно представить хронологические рамки первого казахского посольства в Россию во главе с Кул-Мухаммедом. Мы знаем что уже в январе 1595 года⁶ состоялось несколько встреч казахского посла с царевичем Ураз-Мухаммедом исходя из чего можно заключить что казахское посольство прибыло в Москву в конце 1594 или в самом начале следующего года.

Завершение же казахской посольской миссии должно быть отнесено к весне 1595 года (не позднее апреля), когда казахские послы вместе с русским посольством во главе с Вельямином Степановым, по царскому повелению покинули русскую столицу⁷.

Главой казахской миссии, прибывшей в Москву, был Кул-Мухаммед. Стоит обратить внимание на то что, не смотря на в целом уже продолжительную историю двусторонних отношений Казахского ханства и Русского государства чье начало следует отнести к самым первым десятилетиям XVI века, тем не менее именно Кул-Мухаммед является первым известным по имени казахским послом, побывавшим в России. К сожалению, какие-либо данные уточняющие его личный статус или положение в Казахском ханстве или иные данные в источниках не отражены. Изредка в историографии, когда обращается внимание на историю казахского посольства Кул-Мухаммед, в прочем без какого-либо основания называется беком или даже султаном [2, с. 81; 24, с. 175; 26, с. 240]. Посольская практика Казахского ханства вполне допускала чтобы послами направлялись султаны, чему есть свидетельства из источников [49, с. 209]. Однако то что касается непосредственно посла Кул-Мухаммеда то вся информация о нем имеющаяся в источниках связана только с посольствами в Россию в 1590-е годы, в которых он называется только как посол. Например, он называется «казацкие орды посол», или «казацкого царя посол» и т.п.⁸. При этом какое-либо упоминание его в ином статусе или обладателем им титула отсутствует. Состояние источников не позволяет более предметно сказать о составе и численности казахского посольства. Кроме самого Кул-Мухаммеда из состава казахского посольства по имени известен еще некто Тогонаш, который был направлен к персидскому шаху Аббасу⁹, о чем скажем позднее. Кроме того можно предположить что в составе по-

⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6–13.

⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 27.

⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 1; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 14, 79, 83.

⁹ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 78.

сольства возможно был брат самого Кул-Мухаммеда, который согласно источникам был в составе его второго посольства¹⁰.

Во время нахождения казахского посольства в России состоялось несколько встреч Кул-Мухаммеда с царевичем Ураз-Мухаммедом являвшимся племянником казахского хана Таваккула и родным внуком предыдущего казахского хана Шигая (1580–1582). Находящийся уже несколько лет в России, занимавший в силу своего происхождения заметное место при дворе Федора Ивановича и позднее Бориса Годунова, будущий касимовский хан был, привлечен¹¹ для контактов с казахским посольством. Собственно, встречи и беседы царевича Ураз-Мухаммеда и посла Кул-Мухаммеда в ходе которых были озвучены задачи казахского посольства и обозначены цели и позиция русской стороны фактически стали центральным событием казахско-русских переговоров.

Следует отметить что в исторической литературе все еще сохраняется путаница относительно общего количества и порядка встреч казахского посла с царевичем [см.: 29, с. 12; 7, с. 34; 8, с. 77, 117; 44, с. 177, 248, 332, 349; 13, с. 36; 10, с. 41–43; 5, 160]. Вместе с тем, доступные источники все-таки позволяют и вполне определенно говорить не менее чем о трех состоявшихся встречах, а также о их времени и очередности.

Первая встреча Кул-Мухаммеда и Ураз-Мухаммедом произошла в Москве на подворье царевича во второй декаде января 1595 года¹². Источники ничего не сообщают о характере этой встрече, но вполне можно допустить что в ходе данной встречи состоялось представление казахского посольства и могли быть озвучены официальные задачи поставлены перед ним ханом Таваккулом.

О второй встрече известно больше всего. Она состоялась формально по просьбе Ураз-Мухаммеда который хотел встретиться с казахским послом что бы осведомиться о своих родственниках («роспросит про братью свою») при этом встреча должна была пройти «наодине»¹³. В день обращения в Посольский приказ 20 января того года, было получено дозволение («по государеву указу слуга и конюшей боярин Борис Федорович освободил») и состоялась сама встреча («и того дни посол у царевича был»)¹⁴.

В ходе встречи, ожидаемо царевич Ураз-Мухаммед расспрашивал не только «про братию», но были озвучены вопросы о состоянии Казахского ханства, особенно его отношениях с соседями и некоторое другие.

Целью этой второй встречи «наодине» судя по ее содержанию было в неформальной обстановке в ходе беседы и расспросов «про братию» уточнить реальные цели казахского посольства и обозначить позицию русской стороны.

Обратим внимание на характер встречи, о чем просил Ураз-Мухаммед что бы встреча прошла – «наодине» то есть наедине, один на один, без свидетелей. В литературе встречается объяснение что якобы Ураз-Мухаммед и казахский посол Кул-Мухаммед должны были встретиться без участников с русской стороны [44, с. 177, 248, 332, 349; 10, с. 41–43; 12, с. 56]. Однако в данном случае речь скорее

¹⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82.

¹¹ С учетом роли Ураз-Мухаммеда в казахско-русских переговорах в 1595 году небезынтересен тезис Д.М. Исхакова и З.А. Тычинских относительно важности его персоны для русской восточной внешней политики и непосредственно в отношении Казахского ханства, что нашло отражение как они считают в будущем назначении казахского царевича касимовским ханом [см.: 21, с. 397–410].

¹² РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6–7.

¹³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6.

¹⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 7.

шла наоборот о том что бы это казахский посол явился на встречу с Ураз-Мухаммедом один, без сопровождающих, тогда как собственно с русской стороны кроме царевича были еще представители Посольского приказа¹⁵.

Из источников известно еще об одной, третьей встрече, о чем явно свидетельствует два источника. Первый это – запись событий от 28 января 1595 года в которой сообщается что в этот день Ураз-Мухаммед в беседе с Василием Щелкаловым дьяком Посольского приказа еще раз обратился с просьбой о новой встрече с казахским послом. В этот раз встреча должна была состояться позднее в поместье самого царевича «казатцкому послу быть у его царевичевы матери и у сестры у его царевиче поместье»¹⁶. Тогда же дозволение было получено и Ураз-Мухаммеду было велено чтобы он «ехал к себе в поместье, а ждал посла в те б поры подготовился, чтоб у него в поместье было людно и нарядно при после»¹⁷.

Наиболее вероятным временем, когда произошла их третья встреча, следует отнести к февралю или началу марта того года. Явным доказательством того то царевич и посол встретились третий раз является челобитная самого Ураз-Мухаммеда¹⁸. В ней, он информировал о том что его поместье¹⁹ посетил казахский посол Кул-Мухаммед в сопровождении государева дворянина Петра Новосильцова и толмача Посольского приказа Булгака Алексеева которые пробыли у царевича два дня²⁰.

Стоит обратить внимание на то что челобитная Ураз-Мухаммеда не датирована, однако ее издатели без каких-либо видимых оснований и при этом весьма категорично отнесли ее ко времени «не позднее 1594 г.» [см.: 18, с. 5]. Вероятно, это было сделано на основании архивной описи, составленной не ранее конца XVIII века в которой документ, кстати был более корректно датирован – «около 1594 года». В свою очередь, как уже было сказано, необоснованная датировка челобитной привела к ошибке в определении времени первой встречи посла с царевичем.

К марту 1595 года относиться завершение казахской посольской миссии когда согласно царской грамоте адресованной Таваккул-хану «людем вашим свои царские очи вскоре видети дали есмя, и, пожаловав их своим царским жалованьем, к вам отпустили не издержав»²¹.

Формальным результатом первого казахского посольства можно считать вопрос о принятии Таваккул-хана «под царскую руку» в свидетельстве чего в царской грамоте было обозначено условие о присылке в аманаты («в заклад») кого-либо из ближайших родственников хана («из брати и из детей») ²². Говоря о принятии «под царскую руку» следует понимать, что вопрос о статусе отношений (наличия или уровня подданства) на тот момент решить сложно. Кратковременность контактов и отсутствие данных о дальнейшем характере отношений не позволяет говорить о том, что какая-либо форма зависимости Казахского ханства

¹⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 7.

¹⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 14.

¹⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 16.

¹⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 1.

¹⁹ А.В. Беляков ранее допускал, что в это время поместье Ураз-Мухаммеда могло находиться в Койской волости Угличского уезда, однако позднее поместье царевича, которое посетил казахский посол им было локализовано в Бежецком Верху [7, с. 35; 10, с. 43; 12, с. 59].

²⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1. Л. 1.

²¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3.

²² РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–3.

была установлена. Отсутствие четких и объективных критериев подданства, их «размытость» [43, с. 135] для рассматриваемого времени, затрудняет определение характера отношений, которые выстраивались между государствами. Однако и факт аманатства²³, также нельзя игнорировать. Выдвижение условия прислать аманата и в последующем согласие с этим казахского хана демонстрируют что Таваккул-хан в тот момент признал определенную степень зависимость о русского царя. Впрочем, следует исходить из того что отношение или восприятие аманатства для русской и казахской стороны могло отличаться. В.В. Трепавлов по этому вопросу отмечал что в двусторонних отношениях аманатство для русских воспринималось как «знак безусловного и исключительного подчинения Москве», а для другой стороны как «неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве» [43, с. 139–140]. Такое же восприятие было и относительно других инструментов в двусторонних отношениях Русского государства с «восточными» соседями [11, с. 52].

Более важным, практическим, результатом посольства Кул-Мухаммеда следует признать установление взаимных отношений между государствами, их взаимную заинтересованность в поддержании контактов друг с другом. Это выразилось в ответном русском посольстве в Казахское ханство, которое возглавил переводчик Посольского приказа, сын боярский Вельямин Степанов²⁴.

Информации о русском посольстве содержится в бумагах самого Вельямина Степанова. В отписке составленной русским послом содержатся данные о маршруте посольства, а также фрагментарное описание приема в ставке Таваккул-хана и некоторые другие данные²⁵.

Из источников известно что русское посольство вместе с казахской миссией уже в мае 1595 года достигли Казахского ханства²⁶. Отмеченный Степановым радушный прием и содержание прибывшего посольства²⁷ могут свидетельствовать в пользу того что Таваккул-хан был заинтересован в продолжении контактов. Кроме того мы знаем что условия выдвинутые русской стороной были приняты казахским ханом, так как вместе со Степановым и новым казахским посольством в Россию в качестве аманата был направлен один из ханских сыновей – Мурат-султан²⁸.

К сожалению, в отличие от первого казахского посольства Кул-Мухаммеда, о втором посольстве, прибывшем осенью 1595 года в Россию известно крайне мало, также в основном из материалов Вельямина Степанова. По большому счету известен только маршрут следования и время прибытия, однако, как сложились обстоятельства и чем оно завершилось неизвестно. В конце июля 1595 г. Кул-Мухаммед, вместе со Степановым претерпев серьезные лишения осенью того года достигли русских пределов²⁹. Как сообщал посол Степанов в начале октября он вместе с казахским посольством прибыл в Тетюши – русское укрепление на Волге³⁰. Одна-

²³ Типологически, по А.Ф. Озовой под аманатством в данном случае следует понимать неэквивалентный, односторонний тип дипломатического заложничества, как институт сюзеренно-вассальных отношений [см. 30, с. 40].

²⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 8.

²⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81–84, 91–94.

²⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81.

²⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82.

²⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82.

²⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 82–84.

³⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 83–84.

ко, что далее происходило с посольством, обстоятельства его пребывания в России остаются неизвестными. Также неизвестно как сложилась судьба султана Мурата сына Таваккул-хана [см.: 8, с. 77; 39, с. 1164]. Последнее что мы знаем об этом посольстве это что в Москву было доставлено две грамоты от Таваккул-хана, одна адресованная царю Федору Ивановичу, а вторая к Борису Годунову [31, с. 94.].

К концу XVI века относится еще один эпизод посольской пересылки между государствами. В 1595 или 1596 году из России в ставку казахского правителя с миссией был направлен служилый татарин Исенчюра Байкешев «с товарищи», однако какие-либо подробности этого события неизвестны [31, с. 136; 32, с. 282]. С этого времени и практически до конца XVII века, какие-либо надежные данные о посольских контактах между Казахским ханством и Русским государством отсутствуют.

Для того чтобы ответить на вопрос какое место в казахско-русских связях в конце XVI века занимали Сибирское и Бухарское ханства необходимо понять причины активизации посольских связей между Казахским ханством и Русским царством и те цели которые преследовали каждое из этих государств.

«Бухарский фактор» в казахско-русских переговорах 1595 г.

Согласно историографической традиции, существующей почти два века главным мотивом казахского хана Таваккула, который инициировал отправление посольства в Россию почти всегда указывается освобождение его племянника царевича Ураз-Мухаммеда. Впервые это объяснение дали в свое время Н.М. Карамзин и А.И. Левшин [19, с. 198; 23, с. 50]. Гораздо позднее, уже ближе к середине XX века, после начала публикации некоторых источников постепенно начинается осмысление причин подтолкнувших казахского хана к началу переговоров.

Кратко отметим исследователей, которые в своих работах начали первыми, с опорой на источники ставить под сомнение тезис о том, что основная причина интенсификации казахско-русских посольств в конце XVI века заключалась в так называемом освобождении Ураз-Мухаммеда.

В первую очередь это ленинградский историк, работавший в 1920-х – 1930-х годах – А.П. Чулошников. Именно А.П. Чулошников первый назвал освобождение Ураз-Мухаммеда только лишь предлогом для соглашения Казахской орды с Русским государством³¹. Основную причину он видел в поиске казахским ханом военного союзника против бухарского правителя Абдаллаха II³². Однако рукопись его работы, в которой он фактически самый первый обратил внимание на эти обстоятельства осталась не опубликованной и храниться в личном фонде историка в одном из архивов Санкт-Петербурга.

Спустя продолжительное время эти тезисы стал развивать В.Я. Басин, который с опорой на документы посольств, изданных в начале 1960-х годов, также назвал освобождение Ураз-Мухаммеда только предлогом для заключения казахско-русского соглашения [6, с. 91–92]. Главная же причина, заключалась в стремлении Таваккул-хана «добиться того, чтобы русский царь дал казахскому хану "огненного бою"» для противостояния с его основным соперником ханом Бухары [6, с. 91-92].

На современном этапе исследователи среди основных вопросов кроме «освобождения» Ураз-Мухаммеда, также отмечают получение русской военной

³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 262. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.

³² Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПбИИ РАН). Ф. 262. Оп. 1. Д. 62. Л. 18–19.

помощи и принятие Таваккул-хана в «под царскую руку» и некоторые другие аспекты [28, с. 240; 29, с. 11, 14; 13, с. 36; 42 с. 251; 4, с. 228-229; 1, с. 371; 5, с. 159; 37, с. 389]. При этом тезис собственно об «освобождении» продолжает встречаться во многих современных исследованиях являясь нередко основным.

Однако содержание посольских документов позволяет достаточно ясно определить цели каждой из сторон, в том числе те причины, которые заставили казахского хана отправить свое первое посольство. Именно определение этих причин поможет определить какое место в двусторонних переговорах занимали государства во главе с Кучумом и Абдаллахом II.

Относительно позиции казахского хана и причин, заставивших его обратиться к поиску союзника в лице Русского государства наиболее информативными являются два источника. Первым из них является запись событий или более известный как запись «беседы» Кул-Мухаммеда и Ураз-Мухаммеда датируемая январем 1595 года³³. Вторым информативным документом является царская грамоты адресованная казахскому хану и его влиятельным родственникам³⁴. Первый источник содержит сведения сообщенные казахским послом Кул-Мухаммедом, а во втором частично раскрывается содержание грамот самого казахского правителя, а также султанов Шах-Мухаммеда и Кучука³⁵.

Эти документы довольно надежно показывают, что мотивы Таваккул-хана следует искать не в его родственных чувствах к племяннику, а в той непростой внешнеполитической ситуации в которой находилось Казахское ханство в то время. Еще раз вспомним яркое описание которое дал Кул-Мухаммед отношениям Казахского ханства со своими соседями – с некоторыми соседями «в миру», а с некоторыми «ни так, ни сяк»³⁶. Однако это только фрагмент описания. Основное внимание казахский посол уделил одному государству, это Бухарское ханство. Кул-Мухаммед отдельно подчеркнул что Таваккул-хан «з бухарским царем тепере в миру на время»³⁷. Этим самым он давал понять, что сохранявшийся мир с Бухарой носит непрочный и временный характер. Отметим один казус который изредка встречается в исторической литературе. Характеризуя отношения казахов с Бухарой якобы Кул-Мухамед указал что Казахское ханство признавало в то время свою зависимость от Абдаллаха II («с бухарским царем тепере в ссылке и под его царскою рукою») [34, с. 93; 35, с. 267]. Однако это предположение основывается на ошибке допущенной при издании сборника документов 1961 года [см.: 18, с. 3] которая и ввела исследователя в заблуждение. При издании документа были серьезно перепутаны слова и целые строки, что и привело к искажению смысла, тогда как в архивном варианте утверждение о том, что казахи зависят от бухарского правителя («под его царскою рукою») отсутствует.

³³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 6–16.

³⁴ В царских грамотах, адресованных султанам Шах-Мухаммеду и Кучуку выдвигались те же тезисы, и положения, часто повторяемые дословно, что и в грамоте Таваккул-хану [РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–8; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 37–40].

³⁵ Составители сборника «Казахско-русские отношения» 1961 года ошибочно назвали Шах-Мухаммеда и Кучука сыновьями Таваккул-хана [18, с. 10] однако, эти султаны являются не сыновьями, а родными братьями хана [41, с. 191–193], либо по другой версии Шах-Мухаммед брат, а Кучук сын Ондана, то есть родной брат Ураз-Мухаммеда и соответственно племянник Таваккул-хана [38, с. 93–94].

³⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 8.

³⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 8.

В ходе беседы с царевичем казахский посол старался акцентировать его внимание и соответственно русской стороны на политике Абдаллаха II. Казахский посол сообщил что «бухарской царь ныне ургенсково Азима царя со юрта согнал, Юргенч взял под себя, а ныне с Ногаи соединясь, хочет поставить в Сарайчике город; а как в Сарайчике город поставит, толды будет и Астороханью примышлять»³⁸. Позже казахский посол в ходе беседы еще раз обратил внимание на то что бы русский царь «Сарайчиком бы не оплашивался» [27, с. 292]³⁹.

Это явный намек на те угрозы, которые Абдаллах II может создать не только собственно для казахов, но и для Русского государства. А казахский посол прямо «пугал» русскую сторону возможным появлением бухарских войск в северном Прикаспии, непосредственно на русских рубежах. Для чего это было сделано, с какой целью такое внимание казахским послом было обращено на Бухарское ханство?

Именно во время сообщения о Бухарском ханстве посол хана Таваккула озвучил конкретные цели, которые были поставлены перед его миссией из чего станут понятны и собственно причины которые заставили казахского хана обратиться к русскому правителю. Всего послом Кул-Мухаммедом были озвучены две просьбы казахского хана. Первая просьба заключалась в том что «только государь пожалует, примет царя [Таваккула] и царевичей [Шах-Мухаммеда и Кучука] под свою царскую руку, и похочет только пожаловать тебя [Ураз-Мухаммеда] отпустит, и яз то истинно говорю, что Тевкель царь пришлет в заклад царевича»⁴⁰. Вторая сводилось к следующему: «пожалует государь только даст царю [Таваккулу] и царевичем [Шах-Мухаммеду и Кучуку] огненного бою⁴¹, и царь Тевкель и царевичи однолично станут воевать бухарсково царя, и самому то тебе ведомо что Тевкель царь и царевичи блиско живут бухарсково, плохо им бухарсково воевать» [27, с. 292]⁴².

Таким образом, были озвучены две вроде бы сопоставимые между собой цели, которые преследовало казахское посольство – освобождение Ураз-Мухаммеда при условии прислать в обмен за него другого казахского султана и получение военной помощи для борьбы с бухарским ханом.

Можем предположить, что так как вопрос о замене Ураз-Мухаммеда был озвучен первым, то это могло стать одной из причин того почему многие исследователи как раньше, так и сейчас продолжают считать основной целью посольства именно «освобождение» ханского племянника.

Однако если обратимся и к самой беседе, и к царской грамоте адресованной Таваккул-хану станет понятно, что цель была фактически одна и освобождение Ураз-Мухаммеда имело подчиненное значение. Для казахского хана было важно получить военную помощь, а «освобождение» являлось на самом деле заменой одного аманата на другого еще более статусного – ханского племянника от сводного брата на родного ханского сына. Это вполне очевидно, было условием русской стороны.

³⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9.

³⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9–10.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9.

⁴¹ Нередко исследователи понимают это как просьбу о предоставлении казахам огнестрельного оружия, однако речь идет и это четко фиксируется в посольских документах о вооруженной этим оружием русской рати. Я.Г. Солодкин первый обратил на это внимание [40, с. 148].

⁴² РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 9.

Кстати Ураз-Мухаммед во время беседы, сразу после слов казахского посла прямо ответил что если будет прислан «в заклад» другой казахский султан то «государь их во всем пожалует и некоторому недругу их не подаст, а на которого недруга понадобится им рать огненная, на бухарсково или на ногаи, и государь од-нолично пожалует рать даст»⁴³. Тоже было и в ответном письме царя к казахскому хану «а только ваша к нам прямая правда и служба будет и Усеина-царевича [старшего сына Таваккула] к нам пришлешь, и мы брата вашего Урузмагмета-царевича... к вам отпустити велим и с ним вместе многую рать свою с огненным боем в Сомару послати велим. И вы с тою нашею ратью учнете над бухарским и надо всеми своими недруги... промышляти»⁴⁴.

Теперь становиться понятным почему столько внимания в ходе беседы Кул-Мухаммед уделил Бухарскому ханству, о чем писалось выше. Все что казахский посол говорил об опасности политики Абдаллаха II в регионе и даже возможном продвижении его к русским границам все это явно было сделано с целью побудить Москву предоставить военную помощи казахам именно против Бухарского ханства.

Таким образом, есть все основания предположить, что для Таваккул-хана именно бухарский фактор был основным. Поиск союзников в противостоянии с Абдаллахом II и был главной причиной и целью казахской миссии. Очевидно, что этот фактор был настолько серьезен в тот момент, что Таваккул согласился на формальное признание своей зависимости от русского царя, что вероятно было условием Москвы. Согласие признать зависимость следует из того простого факта что Таваккул-хан, как мы помним в ходе второго посольства Кул-Мухаммеда, направил к русскому двору «в заклад» одного из своих сыновей.

Имеется еще одно обстоятельство которое убедительно свидетельствует в пользу важности для казахской стороны именно бухарского фактора. Во время своей первой миссии в Москву Кул-Мухаммед смог добиться, при посредничестве Ураз-Мухаммеда, встречи с находившимся тогда же в России персидским (кызылбашским) послом Гадибеком (Адибеком) и не просто встретиться с ним, а получить разрешения от русского правительства и убедить персидского посла чтобы «кызылбашской посол послал человека своего... к Тевкелю-царю, и к царевичем, а... посол Кулмагмет послал своего товарища с кызылбашским послом х кызылбашскому Аббас-шаху»⁴⁵. Для чего это было нужно казахскому послу он сам четко объяснил – потому что «кызылбашскому [правителю] бухарской [правитель] недруг, чтоб нам с кызылбашским сослатца и стоять бы [вместе] с кызылбашским на бухарсково»⁴⁶. То есть опять же исходя из важности поиска союзников в борьбе против Бухарского ханства, Кул-Мухаммед и тут нужно отдать ему должное, смог организовать взаимный казахско-персидский обмен представителями⁴⁷ для ведения переговоров о возможном антибухарском союзе.

⁴³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 11.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 5–6.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 12–16, Л. 27; РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 7.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 12.

⁴⁷ Имя казахского представителя, направленного к шаху Аббасу уже, называлось (Тогонаш), и имя персидского представителя направленного ко двору Таваккул-хана также известно – это некто Дервиш-Маметь. При этом встречающиеся в литературе утверждения о том, что к Таваккул-хану отправился сам персидский посол (Адибек) не соответствует действительности [см.: 4, с. 229].

Подводя промежуточный итог в вопросе о месте Бухарского ханства в казахско-русских переговорах можно уверенно говорить о том, что бухарский фактор был основным для казахской стороны. Именно поиск возможных союзников в военном противостоянии с Абдаллахом II побудил казахского хана Таваккула направить посольство, вести переговоры и принять ряд условий русского правительства.

Таким образом, вполне можно согласиться с объяснением, данным в свое время А.П. Чулошниковым и затем повторенным вслед за ним В.Я. Басиным, а также высказываемым некоторыми современными исследователями. То есть главной целью казахского посольства было именно получение русской военной помощи для грядущего противостояния с Бухарой. При этом так называемое освобождение Ураз-Мухаммеда было все-таки больше поводом либо даже скорее всего одним из условий договоренностей.

«Сибирский фактор» в казахско-русских переговорах 1595 г.⁴⁸

Теперь следует рассмотреть какое место в двухсторонних переговорах занимало тюрко-татарское ханство во главе с Кучумом. Для того чтобы ответить на это вопрос нужно будет разобраться, и понять цели уже русской стороны.

Даже из краткого историографического обзора заметно, что в большинстве случаев авторов интересовали позиции казахской стороны. Это было вполне понятно и объяснимо так как именно казахский хан инициировал посольские связи. Вместе с тем именно при изучении русских целей становится понятным место и роль Сибирского ханства в двусторонних переговорах.

Пару слов следует сказать о небольшой заочной дискуссии, которая сложилась в историографии. В свое время В.Я. Басиным было прямо отмечена важность для русской стороны «сибирского фактора». Он небезосновательно считал, что в ходе переговоров конца XVI века Русское царство было заинтересовано в союзнике для борьбы с сибирским ханом Кучумом. Как полагал В.Я. Басин таким возможным союзником при определенных условиях и взаимной заинтересованности вполне могло Казахское ханство [6, с. 9, 89].

Спустя время Я.Г. Солодкин возразил против выводов В.Я. Басина считая их не совсем обоснованными. Свое возражение он объяснял следующим образом – «к середине последнего десятилетия XVI в. Сибирское ханство фактически уже было разгромлено, борьбу продолжали отдельные отряды, сохранявшие верность Кучуму» [40, с. 147]. На основе этого он прямо выступил против объяснения В.Я. Басина считая, что его «вывод об особой заинтересованности московского правительства в союзе с казахским ханом против Сибирского «юрта» кажется неоправданным» [40 с. 147].

Эта небольшая, но интересная дискуссия добавляет актуальности в разрешение нашего вопроса о том, какое же место занимало Сибирское ханство в казахско-русских переговорах.

Пожалуй самым информативным источником, для того что бы понять позицию русского правительства в двусторонних контактах, понять цели которые преследовала Москва и главное для нас какое место при этом занимало Сибирское ханство, являются уже упоминавшиеся выше грамоты русского царя направленные казахскому хану и его близким⁴⁹. Кроме того значение имеет «наказ»

⁴⁸ Некоторые аспекты этого вопроса были рассмотрены нами ранее [см.: 22].

⁴⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–8; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 37–40.

послу Вельямину Степанову который содержит некоторые моменты связанные с государством Кучума⁵⁰.

Эти источники кроме ряда других вопросов, представлявших интерес для Русского государства указывают еще на один важный фактор, имеющий несомненное значение для восточного направления его внешней политики – Сибирское ханство Кучума.

В посольских документах в частности в грамоте царя Федора Ивановича, адресованной казахскому хану, имя сибирского правителя упоминалось несколько раз. Царь в грамоте указывал «нам бы, великому государю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии самодержцу, тебя [Таваккула] пожаловати приняти под свою царскую руку с обеими вашими ордами с Казатцкою и с Колматцкою. А вы из нашего царского повеленья не выступите, как нам изменил Кучюм, Царь сибирской»⁵¹. То есть фактически, условием принятия казахов «под свою царскую руку» было то что бы они «не изменяли» русскому царю, так как это сделал Кучум.

Для русской стороны «измена» Кучума являлась весьма значимым вопросом, так как в грамоте царь подчеркивал что, разрыв прежних отношений с Москвой, на которую пошел сибирский правитель имела для него самого негативные последствия – «его с юрта наши люди согнали»⁵².

Еще более наглядным при объяснении целей и позиций России в ходе переговоров могут являться другие прямые указания на Кучума сделанные в царской грамоте.

В грамоте царя указано было что после того как Таваккул признает свою зависимость и в качестве доказательства пришлет в аманаты своего сына то после этого «по нашему царскому повеленью, будете воевати бухарского царя и изменника нашего Кучюма царя сибирского, изымав, к нашему царского величества порогу пришлете»⁵³. Как видим кроме Абдаллаха II против которого и просил помощи Таваккул-хан, в царской грамоте прямо указывается еще одна сторона с которой должны будут воевать казахи – сибирский хан Кучум.

Следует подчеркнуть, согласно источникам, Таваккул-хан просил военной помощи исключительно только против Бухарского ханства, а Сибирское ханство его посол вообще не упоминал. Таким образом, требование царя «воевати» еще и Кучума может свидетельствовать только о том, что Сибирское ханство волновало именно русскую сторону.

Царь Федор Иванович в своей грамоте еще несколько раз указывает на необходимость о выступлении казахов против Кучума⁵⁴. Мало того для русского владыки именно способность казахского хана пойти войной против сибирского хана и непосредственно содействовать его поимке являлось своего рода маркером искренности намерений казахского хана в отношении России. И с этим увязывалась уже реализация царских обещаний казахскому хану. Царь писал чтобы хан и его братья «Кучюма-царя, изымав, к нашего царского величества порогу прислали, тем бы есте правде своей и службе нам знамя показали», и далее, «а наше царское усмотренье и защищенье ото всех ваших недругов и жалованье наше... вперед будет смотря по вашей правде» [18, с. 9]⁵⁵. То есть для русской стороны

⁵⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 27–35.

⁵¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1.

⁵² РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1.

⁵³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 2.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3, 6.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3–4.

именно Сибирское ханство и его правитель имело в отношениях с Казахским ханством особенное значение выступая неким показателем серьезности отношений между странами.

И наконец, есть еще одно, наверное, самое характерное упоминание хана Кучума которое четко демонстрирует важность Сибирского и Бухарского ханств для русской и казахской сторон соответственно. В своей грамоте царь обещает направить свое войско для совместных с казахами действий против недругов Таваккул-хана⁵⁶ и при этом весьма четко разграничивает этих самых недругов: «и вы с тою нашею ратью учнете *над бухарским и надо всеми своими недруги* (курсив – Н.Л.) и над нашим непослушником *над Кучумом-царем нашим делом промышляти* (курсив – Н.Л.)»⁵⁷. Таким образом мы видим, что бухарский хан – это «недруг» и приоритет для Казахского ханства, а сибирский хан – это «непослушник» и приоритет для Русского царства. И каждая из сторон решает свои задачи одновременно помогая союзнику в его противостоянии с врагами.

К вопросу о «непослушниках». В царской грамоте Абдаллах II («бухарский царь») упоминаться три раза, а Кучум пять раз и при этом почти всегда сибирский хан называется «изменником» или «непослушником» русского царя⁵⁸. Подчеркнем что Абдаллах II в царских грамотах также иногда называется «непослушником»⁵⁹. Как полагает Е.А. Рябина обозначая в грамотах бухарского правителя как «непослушника» русского царя Москва таким образом «стремилась повысить свое положение в глазах Казахского ханства» [34, с. 93; 35, с. 267]. В связи с этим стоит отметить что в источниках бухарский хан называется русским царем «непослушником» всего пару раз и только в тех случаях, когда Абдаллах II упоминается в связке с Кучумом⁶⁰.

Кратко подытоживая, отметим что следует все-таки согласиться с тезисом В.Я. Басина что для Русского государства важное место в переговорах с казахской стороной в 1590-е годы занимал именно сибирский фактор, то есть нерешенность вопроса с Кучумом обуславливала заинтересованность Москвы в поддержании связей с Таваккул-ханом.

Некоторое представление о серьезности сибирского вопроса для русского правительства именно в связи с казахскими посольствами демонстрирует и такой практический момент как маршрут передвижения посольства. Из источников видно, что это был достаточно важный вопрос, нашедший отражение в царском «наказе» русскому послу. Вельямин Степанов вместе с казахским посольством должен был ехать через Казань на Уфу и там расспросить «тутошних татар и казаков, которые в Сибирь хаживали»⁶¹. Согласно наказу послу рекомендовалось идти либо на Тюмень либо на Тобольск или если будет необходимость прямо на Тару, в общем «смотря по тамошнему делу, на которой государев город сибирской итти чем безстрашнее, на тот город и итти»⁶². Во все эти сибирские города уже были направлены царские грамоты местным воеводам на случай прибытия посольства. Главная причина, по которой послу предписывалось тщательно выбирать маршрут следования к сибирским городам крылась как-раз в той опасности, которую представлял для русских властей сибирский Шибанид хан Кучум и,

⁵⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 4–6.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 6.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 1–3, 6.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 39.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1595 г. Д. 1. Л. 3; РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 39.

⁶¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 27–28.

⁶² РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 28.

по-видимому, союзные ему ногаи. Царь так и указывал «итти Вельямину в Казатцкую орду, выпрося вожей на которые места лутче, и от Кучюма царя и от нагаи пройти безстрашно»⁶³. В наказе еще несколько раз упоминается имя сибирского хана в контексте безопасного следования посольской миссии и постоянно предписывалось выбирать маршрут и передвигаться «от Кучюма-царя бережнее»⁶⁴.

Опасность от сибирского правителя обуславливалась, конечно, сложными русско-сибирскими отношениями, которые складывались конкретно в тот момент. Однако нельзя исключать и того что мог учитываться трагический опыт отправления русского посольства, в Казахское ханство которые не дошло до адресата именно из-за действий сибирской стороны. Речь идет о русском посольстве 1573 года во главе с Третьяком Чебуковым, которое было уничтожено племянником Кучума султаном Маметкулом [см.: 36].

Судя по всему, в Москве слабо были информированы о том, где в то время мог находиться Кучум, и где следовало его опасаться, так как ни одно из предполагаемых направлений оказалось не подходящим. Дойдя до Казани посол Вельямин Степанов выяснил от местных стрельцов что они, в этом году возвращаясь из Тары, подверглись нападению сибирского правителя, поэтому начинать путь в Казахское ханство через Сибирские города «от Кучюма пристрашно» [27, с. 293]⁶⁵. В связи с чем было принято решение идти через верховья Яика (Урала), потом на Ирғиз и далее в сторону казахских владений. Кстати этот путь как наиболее безопасный судя по документам, подсказал казахский посол Кул-Мухаммед, который им и прошел в Россию⁶⁶.

Как позднее сообщал царю Вельямин Степанов «шел, государь, я от Казани до Пегих гор⁶⁷ девять недель», как поясняет сам Степанов именно в «Пегих горах» кочевал в то время Таваккул-хан [27, с. 294]⁶⁸. Таким образом, отправной точкой маршрута стала Казань, а всего путь до Казахского ханства составил более двух месяцев.

Понимая важность сибирского вопроса для русского правительства в 1590-е годы, в то время, когда шел обмен посольствами с Казахским ханством, и место этого ханства, его вероятную помощь в противостоянии с Кучумом вместе с тем встает вопрос о том, а какое место имело и имело ли вообще Сибирское государство собственно для казахского хана в тот период. В историографии проблема казахско-сибирских отношений в тот период остается еще слабо изученной. Это обусловлено особенностью источниковой базы, а именно крайней малочисленностью письменных источников, что не позволяет надежно проследить всю динамику этих отношений, и в том числе понять какое значение сибирские правители имели для казахов в конце XVI века.

Имеющиеся источники позволяют предполагать, что отношения Кучума с казахами уже в ранний период его деятельности носили непростой характер [см.: 47, с. 84]. В историографии в целом подчеркивается сложность связей Сибирского государства и Казахского ханства. Например, Д.Н. Маслюженко и С.Ф. Татауров характеризуют взаимоотношения сибирских ханов Ахмад-Гирея и Кучума с

⁶³ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 30.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 28, 30, 35.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 77–78.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 79.

⁶⁷ М.Х. Абусейтова полагает что «Пегие горы», где в то время кочевал Таваккул-хан – это горы Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань) [4, с. 228].

⁶⁸ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81.

казахскими правителями Хак-Назаром и затем Шигаем как «запутанный клубок противоречий» [25, с. 103]. Не более ясным остается вопрос о том, как складывались отношения в период правления собственно Таваккул-хана. Например, в недавней монографии казахстанских авторов отмечается активность этого правителя на сибирском направлении и даже предполагается что именно по его инициативе на короткое время во второй половине 1580-х годов, Сибирь подчинилась Казахскому ханству, а ханский племянник Ураз-Мухаммед был направлен самим Таваккулом в качестве кандидата на сибирский престол [20, с. 192]. При этом стоит отметить, что вопрос нахождения в Сибири Ураз-Мухаммеда, обстоятельства его пребывания и причины, по которым он там оказался остается нерешенным.

Интересно что иногда в исторической литературе можно встретить утверждение, что наряду с другими именно сибирский фактор побудил Таваккул-хана инициировать свое посольство в Москву. Например, Н.А. Атыгаев прямо утверждает что казахский хан, направляя своего посла в Россию «был заинтересован в заключении военно-политического союза с Москвой для совместной борьбы с Кучум-ханом и его союзником Абдаллах-ханом» [5, с. 159]. Однако, как было показано ранее посольские документы не показывают позицию казахской стороны по отношению к Кучуму и связям с Сибирским ханством. Это совершенно не исключает что какие-то противоречия в отношениях Казахского ханства с Сибирским ханством могли быть в тот момент, однако источников, которые бы надежно их подтверждали или хоть какие-то данные, которые позволяли оценить место Сибири во внешней политике Казахского ханства, конкретно в середине 1590-х годов, мы пока не находим.

Вместе с тем в документах взаимных посольств все же имеется определенный момент, который позволяет хотя и весьма косвенно, но предположить, что казахский хан Таваккул мог иметь непростые отношения с Кучумом. В своем сообщении о пребывании в ставке («цареве орде») Таваккул-хана посол Вельямин Степанов отмечает, что казахский хан при получении царской грамоты выказал предельную осторожность, опасаясь, что бы содержание послания не попало к его противникам. Это место в источниках не очень хорошо сохранилось, но некоторые фрагменты позволяют определить их. Так, в одном месте Вельямин Степанов приводит такие слова самого хана «людем де своим честь [т.е. читать] дать не верю, потому что у меня молла мой бухарец и которое де будет тайное слово и то де будет у Абдулы царя в ушех»⁶⁹. Тут мы видим прямое указание на бухарского хана как той стороны, которой опасался Таваккул, однако была еще одна сторона. В том же документе но в другом сохранившемся фрагменте русский посол пишет что хан видимо определился с тем кто будет читать царскую грамоту так как «велел честь, которому своему верному человеку, чтоб бухарские и шибанские люди того не ведали»⁷⁰. Бухарские люди это вполне очевидно подданные Абдаллаха II, однако кто подразумевался под «шибанскими людьми», которых видимо опасался Таваккул-хан?

В историографии под «шибанскими людьми» понимаются разные тюрко-татарские этнополитические группы, связанные с династией сибирских или бухарских Шибанидов [см.: 45]. Русские источники того времени также весьма неоднозначны. Это демонстрируют и используемые документы. Тот же Вельямин Степанов например описывая путь к казахам в одном месте указывал что он

⁶⁹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 91.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 92.

шел кроме прочего «мимо шибанскую землю бухарского царя города»⁷¹. Это указание в источнике показывает, что русский посол в этом случае связывает Бухарское владение с «шибанской землей», однако в том месте где речь шла о бдительности Таваккул-хана Вельямин Степанов явно отделяет «бухарских» людей от «шибанских».

Учитывая фон и содержание переговоров, тех проблем, которые поднимались и главное тех факторов (бухарский и сибирский), которые были ведущими для каждой из сторон, кажется логичным предположить, что конкретно в этом случае в документе под шибанскими людьми подразумевались группы сибирских татар или татарской знати остававшихся верными Шибаниду Кучуму. Таким образом, казахский хан в передаче этого эпизода русским послом проявлял осторожность, что бы детали казахско-русских переговоров не стали известны бухарской и сибирской стороне. Если это предположение верно, то можно допустить что отношения Таваккул-хана с сибирским правителем были непростыми в это время.

Кроме того, оценивая значение Сибирского ханства для Таваккул-хана стоит обратить внимание на то, что посольские документы хотя и не содержат прямых упоминаний о нем с казахской стороны, но при этом в них нет и никаких возражений против условий русского правительства относительно помощи в противостоянии с Кучумом. Учитывая, что казахский хан выполнил условие Москвы, отправив одного из своих сыновей «в заклад», можно предположить, что и условие по борьбе с сибирским ханом также было им принято. Это в свою очередь может свидетельствовать в пользу того что казахско-сибирские отношения в середине 1590-х годов небыли дружественными.

Важное место во внешней политике Казахского ханства и Русского государства в 1590-е гг. продолжали занимать сибирские владения хана Кучума и Бухарское ханство во главе с Абдаллахом II. При этом сохранившиеся источники – материалы казахско-русских посольств того времени, позволяют достаточно точно обозначить внешнеполитические приоритеты для каждого из государств.

Инициатива в начале посольской пересылки, как это показывают документы, исходила от казахской стороны. Для хана Таваккула важным было найти союзника для противостояния со своим основным соперником в регионе – Бухарским ханством. Именно поэтому казахским правителем было направлено посольство Кул-Мухаммеда целью которого стало убедить русское правительство в необходимости совместных действий, в получении военной помощи против Абдаллаха II. Материалы переговоров, в частности запись беседы казахского посла с Ураз-Мухаммедом, содержат характеристику политики бухарского хана в регионе. Посол пытался в ходе переговоров убедить русскую сторону в опасности Абдаллаха II и для Москвы.

С другой стороны, в середине 1590-х гг. для восточных владений Русского царства, актуальным оставалось закрепить свои позиции в Сибири, для чего важным было успешно завершить борьбу с ханом Кучумом. В связи с этим, русское правительство в ходе переговоров актуализирует «сибирский фактор». В ответ на просьбу казахского хана о помощи в борьбе с бухарским ханом, выдвигается встречное условие о выступлении казахов против сибирского правителя. С точки зрения России Казахское ханство было той силой которая могла оказать реальную помощь в борьбе с Кучумом. Исходя из этого военная помощь Таваккул-хану против Бухары увязывалась с его ответным участием в борьбе против сибирского хана.

⁷¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1595 г. Д. 2. Л. 81.

Таким образом, вопрос о политике в отношении государств сибирских и бухарских Шибанидов был основным в ходе посольских контактов в 1595 году. Так как деятельность Абдаллаха II представляла угрозу для Казахского ханства, а Кучума для Русского государства казахско-русское взаимодействие было направленно на возможное создание военного союза или коалиции в рамках которой возможно было бы совместно решать актуальные для каждой из сторон вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдиров М.Ж. Казахский хан в Русском государстве. Алматы: [б.и.], 2021. 542 с.
2. Абуев К., Мухаммадеева И. Султан Ураз-Мухаммед: Жизнь и необычная судьба. Астана: Елорда, 2007. 144 с.
3. Абуев К.К. Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений. Кокшетау: «Әрекет», 2016. 200 с.
4. Абусейтова М.К. Казахское ханство. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2020. 344 с.
5. Атыгаев Н. Казахское ханство: очерки внешнеполитической истории XV–XVII веков. Алматы: Евразийский научно-исследовательский институт МКТУ им. Х.А. Ясави, 2023. 225 с.
6. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 276 с.
7. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 29–60.
8. Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. 512 с.
9. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
10. Беляков А.В. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с.
11. Беляков А.В. О традиции использования вислых металлических печатей в канцеляриях Золотой Орды и постордынских государств // *Золотоордынское обозрение*. 2024. Т. 12, № 1. С. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> EDN: HZSJOR
12. Беляков А. В. Касимовский царь и сибирский мирза на рубеже XVI–XVII веков: Опыт параллельной биографии. М.: Квадрига, 2024. 296 с.
13. Васильев Д.В. Касимовское ханство и первые дипломатические контакты России и Казахстана // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57). Ч. II. С. 35–38.
14. Жаппасов Ж.Е. XVI–XVIII ғғ. қазақ-орыс қарым-қатынастарының тарихнамасы: монография. Алматы: «Қазақ университеті», 2019. 233 б.
15. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. Алматы: «Атамұра», 2010. 624 с.
16. История вхождения казахского народа в подданство Российской империи в документах // *Держава*. №1 (4), 1996. С. 77–78.
17. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. I: Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Алматы: Дайк Пресс, 2005. 704 с.
18. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961. 743 с.

19. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. X. СПб.: В типографии Н. Греча, 1824. 292+168 с.
20. Кузембайулы А., Абиль Е., Алибек Т. Сибирский улус и казахи: проблемы этнической приемственности и исторической памяти. Костанай: Региональный университет имени А. Байтурсынова, 2022. 256 с.
21. Лапин Н. С. Историография первого Казахского посольства в Русское государство в 1594–1595 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 1 (75) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.jes.su/s207987840002572-8-1> (дата доступа: 05.03.2024).
22. Лапин Н.С. «Сибирский фактор» в казахско-русских переговорах 1594–1595 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган, 30–31 октября 2020 г.) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 69–73.
23. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или, киргиз-казачьих орд и степей. Ч. 2. СПб.: В типографии Карла Крайя, 1832. 334 с.
24. Исаков Д.М., Тычинских З.А. Политико-идеологические предпосылки интронизации казахского султана Ураз Мухаммеда в Касимовском ханстве // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 397–410.
25. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Сибирь и государства Средней Азии и Казахстана в XV–XVI вв. // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 98–106.
26. Мажиденова Д.М. Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики (с древнейших времен до Венского регламента). Социологическая и политологическая литература. Астана: Издательство «Күлтегін», 2003 (2005). 240 с.
27. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1932 (1933). 504 с.
28. Мухамадеева И.А. «Казачьей орды султан» Ураз-Мухаммед – хан подмосковного Касимова // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. 2007. №3 (47). С. 238–242.
29. Мухамадеева И.А. Становление дипломатических связей Казахстана и России в конце XVI века // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. 2008. №2 (50). С. 10–15.
30. Озова Ф.А. Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. СПб.: Нестор-История, 2020. 632 с.
31. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 195 с.
32. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Вып. 1. Ч. 1. / Под ред. С.О. Шмидта. Москва: [б. и.], 1977. 416 с.
33. Под стягом России: Сборник архивных документов. М.: Русская книга, 1992. 432 с.
34. Рябинина Е.А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 90–95.
35. Рябинина Е.А. Поход Ермака и судьба Сибирского ханства // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 256–270.
36. Рябинина Е.А., Маслюженко Д.Н. Казус Третьяка Чебукова: убийство русского посла в Сибири в 1573 году // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 57–71. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-57-71>

37. Рябинина Е.А., Маслоуженко Д.Н. Сейдяк и Ураз-Мухаммед в сибирской истории // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 2. С. 380–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.380-396> EDN: KXARTX
38. Сабитов Ж.М. Генеалогия «Торе». Астана: [б.и.], 2008. 324 с.
39. Сабитов Ж.М. К вопросу об обстоятельствах появления Ураз-Мухаммеда и Кадырала Жалаири в Сибири // История «Молодой учёный». 2015. № 11 (91). С. 1163–1165.
40. Солодкин Я.Г. О начальном этапе русско-казахских отношений (спорные проблемы) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады Второй международной научно-практической конференции 11–14 августа 1997 г. Кн. 1. М.-Иркутск-Гэгэу, 1997. С. 141–150.
41. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошке. Хань казахских степей. Астана: ТОО «Астана Даму-21», 2006. 256 с.
42. Султанов Т.И. Казахи. Судьба народа и судьба страны в Средние века. Алматы: «Дайк-Пресс», 2020. 344 с.
43. Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост.лит, 2007. 255 с.
44. Трепавлов В.В., Беляков А. В. Сибирские царицы в истории России. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. 496 с.
45. Трепавлов В.В. Шибаны: несостоявшийся этноним // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 351–371. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371>
46. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
47. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
48. Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. М., Соцэргиз, 1962. 751 с.
49. Шах-Махмуд Чурас Хроника. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 496 с.

REFERENCES

1. Abdirov M.J. Kazakh Khan in the Russian State. Almaty, 2021. 542 p. (In Russian)
2. Abuev K., Mukhamadeeva I. Sultan Uraz-Muhammed: Life and unusual fate. Astana: Elorda, 2007. 144 p. (In Russian)
3. Abuev K.K. Siberian khanate in the context of Kazakh-Russian relations. Kokshetau: Areket, 2016. 200 p. (In Russian)
4. Abuseitova M.K. Kazakh khanate. Almaty: Shygys pen Batys, 2020, 344 p. (In Russian)
5. Atygaev N. Kazakh khanate: sketches of foreign political history of 15th–17th centuries. Almaty: Akhmet Yassawi University, 2023. 225 p. (In Russian)
6. Basin V.Ya. Russia and Kazakh khanates in the 16th–18th centuries: Kazakhstan in the system of foreign policy of the Russian Empire. Alma-Ata: Nauka, 1971. 276 p. (In Russian)
7. Belyakov A.V. Uraz-Muhammed ibn Ondan. Minin Readings. Proceedings of the scientific conference. Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachev. (October 20–21, 2006). Nizhny Novgorod, 2007, pp. 29–60. (In Russian)
8. Belyakov A.V. Chinggids in Russia 15th–17th centuries: prosopographical research. Ryazan: Ryazan. Mir, 2011. 512 p.

9. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. Siberian-Bukhara-Nogai relations in the light of the correspondence of Bukhara Khan Abdallah with the Siberian Khan Kuchum. *Stratum plus*. 2016, no. 6, pp. 229–243. (In Russian)

10. Belyakov A.V. Uraz-Muhammed ibn Ondan and Isinei Karamyshev son Musaitov. Experience of joint biography. Almaty: ABDI Company JSC, 2019. 208 p. (In Russian)

11. Belyakov A.V. On the tradition of using hanging metal seals in the offices of the Golden Horde and Post-Horde States. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 48–62. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.48-62> (In Russian)

12. Belyakov A.V. Kasimov tsar and Siberian Mirza at the turn of the 16th–17th centuries: Experience of parallel biography. Moscow: Kvadriga, 2024. 296 p. (In Russian)

13. Vasiliev D.V. Kasimov Khanate and the first diplomatic contacts between Russia and Kazakhstan. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice*. Part. 2, no. 7, Tambov: Gramota, 2015, pp. 35–38. (In Russian)

14. Zhappasov J.E. 16th–18th centuries. historiography of Kazakh-Russian relations: a monograph. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University, 2019. 233 p. (In Kazakh)

15. History of Kazakhstan (from ancient times to the present day). In five volumes. Vol. 2. Almaty: Atamura, 2010, 624 p. (In Russian)

16. History of the Kazakh people's entry into the subjection of the Russian Empire in documents. *Derzhava*. 1996, no. 1 (4), pp. 77–78. (In Russian)

17. History of Kazakhstan in Russian sources of 16th–20th centuries. Vol. 1: Embassy Materials of the Russian State (15th–17th centuries). Almaty: Dyke Press, 2005, 704 p. (In Russian)

18. Kazakh-Russian relations in 16th–18th centuries (collection of documents and materials). Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences Publ., 1961. 743 p. (In Russian)

19. Karamzin N.M. History of the Russian State. Vol. 10. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha, 1824, 292+168 p. (In Russian)

20. Kuzembayuly A., Abil E., Alibek T. Siberian ulus and Kazakhs: problems of ethnic continuity and historical memory. Kostanay: Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, 2022. 256 p. (In Russian)

21. Lapin N. S. Historiography of the first Kazakh embassy to the Russian state in 1594–1595. *ISTORIYA*. 2019, Vol. 10, Iss. 1 (75). Access mode: <http://history.jes.su/s207987840002572-8-1> (access date: 05.03.2024). (In Russian)

22. Lapin N.S. “Siberian factor” in the Kazakh-Russian negotiations in 1594–1595. History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: materials of the IV All-Russian (national) scientific conference (Kurgan, October 30–31, 2020). Ed. by D.N. Maslyuzhenko, S.F. Tataurov. Kurgan: Kurgan State University, 2020, pp. 69–73. (In Russian)

23. Levshin A.I. Description of the Kirghiz-Kaisak or, Kirghiz-Kazach hordes and steppes. Part. 2. St. Petersburg: Tipografiya Karla Kraya, 1832. 334 p.

24. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. Political and ideological prerequisites for the enthronement of the Kazakh sultan Uraz-Muhammad in the Kasimov Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 397–410. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.397-410> (In Russian).

25. Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Siberia and the states of Central Asia and Kazakhstan in the 15th–16th centuries. *Tyumen and Siberian khanates*. Kazan: Kazan Federal University Publ., 2018, pp. 98–106. (In Russian)

26. Mazhidenova D.M. Diplomatic service in the context of the evolution of world politics (from ancient times to the Vienna Regulations). Sociological and political science literature. Astana: Kultegin, 2003 (2005), 240 p. (In Russian)

27. Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Part 1: Trade with the Moscow State and the International Position of Central Asia in the 16th–17th centuries. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1932 (1933), 504 p. (In Russian)
28. Mukhamadeeva I.A. "Cossack Horde Sultan" Uraz-Muhammed – khan of Kasimov near Moscow. *Bulletin of Karaganda University*. Series: History. Philosophy. Law. 2007, no. 3 (47), p. 238–242. (In Russian)
29. Mukhamadeeva I.A. Formation of diplomatic ties between Kazakhstan and Russia in the late 16th century. *Bulletin of Karaganda University*. Series: History. Philosophy. Law. 2008, no. 2(50), pp. 10–15. (In Russian)
30. Ozova F.A. Institute of Amanatstvo in Circassian-Russian relations: 1552–1829. St. Petersburg: Nestor-History, 2020, 632 p. (In Russian)
31. Inventories of the Tsar's archive of the 16th century and the archive of the Embassy Order in 1614. Edited by S.O. Schmidt. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1960, 195 p. (In Russian)
32. Inventory of the archive of the Embassy Order in 1626. Vol. 1, Iss. 1. Edited by S.O. Schmidt. Moscow, 1977. 416 p. (In Russian)
33. Under the banner of Russia: Collection of archival documents. Moscow: Russkaya kniga, 1992. 432 p. (In Russian)
34. Ryabinina E.A. Foreign policy of Kuchum-khan in 1582–1598. History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: Proceedings of the International Conference (Kurgan, April 21–22, 2011). Kurgan: Kurgan State University Publ., 2011, pp. 90–95. (In Russian)
35. Ryabinina E.A. Ermak's campaign and the fate of the Siberian Khanate. *Tyumen and Siberian khanates*. Kazan: Kazan Federal University Publ., 2018, pp. 256–270. (In Russian)
36. Ryabinina E.A., Maslyuzhenko D.N. Casus Tretiak Chebukov: the murder of the Russian ambassador to Siberia in 1573. *The New Past*, 2022, no. 1, pp. 57–71. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-1-57-71> (In Russian)
37. Ryabinina E.A., Maslyuzhenko D.N. Seidyak and Uraz-Muhammad in siberian history. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 380–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-2.380-396> (In Russian)
38. Sabitov J.M. Genealogy "Tore". Astana, 2008. 324 p. (In Russian)
39. Sabitov J.M. On the circumstances of the appearance of Uraz-Muhammed and Kadyrali Jalairi in Siberia. *Young Scientist*. 2015, no. 11 (91), pp. 1163–1165. (In Russian)
40. Solodkin Y.G. About the initial stage of Russian-Kazakh relations (controversial problems). Mutual relations of the peoples of Russia, Siberia and Eastern countries: history and modernity. Reports of the Second International Scientific and Practical Conference August 11–14, 1997, Book. 1. Moscow-Irkutsk-Gegu, 1997, pp. 141–150. (In Russian)
41. Sultanov T. I. Raised on a white kosm. Khans of the Kazakh steppes. Astana: Astana Damu-21 LLP, 2006. 256 p. (In Russian)
42. Sultanov T.I. Kazakhs. Fate of the people and fate of the country in the Middle Ages. Almaty: Dyke-Press, 2020. 344 p. (In Russian)
43. Trepavlov V.V. "White Tsar": the image of the monarch and notions of subjection among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2007. 255 p. (In Russian)
44. Trepavlov V.V., Belyakov A. V. *Siberian tsarevichi in the history of Russia*. St. Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko, 2018. 496 p. (In Russian)
45. Trepavlov V.V. Shibany: Failed ethnonym. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 351–371. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371> (In Russian)
46. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Quadriga, 2020. 1040 p. (In Russian)

47. Utemish-hajji. Kara tavarikh. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova, Z.T. Hafizov; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova; general and scientific editing by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

48. Textbook on the history of the USSR 16th–17th centuries. Moscow: Sotsekgiz, 1962, 751 p. (In Russian)

49. Shah-Mahmud Churas Chronicle. St. Petersburg: The Linguistic Society of St. Petersburg, 2010. 496 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Сергеевич Лапин – кандидат исторических наук, доцент, руководитель программы, Научный институт изучения Улуса Джучи Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (01000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0001-6459-7676. E-mail: lapin.79@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay S. Lapin – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Scientific program Director, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Pushkin Str., 15B, Astana 01000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-6459-7676. E-mail: lapin.79@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 30.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 22.07.2024

Принята к публикации / Accepted 29.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.644-653>
EDN: LQJHZT

УДК 94(3)

**РАССКАЗ РЕМЕЗОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ
«О ДРЕВНЕМ ПРОРОЧЕСТВЕ» В КОНТЕКСТЕ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ РУССКИХ КНИЖНИКОВ**

Д.А. Ляпин

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
lyapin-denis@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: показать историческое обоснование присоединения Сибири к России в рассказе Ремезовской летописи «О древнем пророчестве», связанном как с традиционным мотивом отмщения за нарушение границ татарами, так и с принципиально новыми рассуждениями, отвечающими исторической ситуации конца XVII в.

Материалы исследования: сибирские летописи: Есиповская летопись, Строгановская летопись, Ремезовская летопись. Главное место занимает рассказ Ремезовской летописи о «Древнем пророчестве».

Результаты и научная новизна: Завоевание Россией Сибири в XVII в. имело, прежде всего, экономические основания, но русские летописцы искали иные, более возвышенные причины происходящего. Первые сибирские хроники полагали, что причинами русских успехов было Божественное провидение, а вторжение Ермака оправдывали необходимостью распространения православия. Эти средневековые схемы плохо объясняли причины новых завоеваний обширных сибирских территорий, и книжники со временем стали избегать данной тематики. Только Ремезовская летопись содержала новый взгляд на русское покорение Сибирского ханства и находящихся за ним территорий. Наряду с отсылками к идее Божественного провидения и традиционного для древнерусской литературы мотива отмщения татарам, автор летописи выдвинул оригинальную идею необходимости завоевания Сибири для предотвращения очередного вторжения кочевых племен на Русь.

Ключевые слова: сибирское летописание, Ремезовская летопись, Сибирь, Ермак, Кучум, монголо-татарское нашествие

Для цитирования: Ляпин Д.А. Рассказ Ремезовской летописи «О древнем пророчестве» в контексте идеологических построений русских книжников // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 644–653. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.644-653> EDN: LQJHZT

© Ляпин Д.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE REMEZOV CHRONICLE'S STORY
“ON THE ANCIENT PROPHECY” IN THE CONTEXT
OF THE IDEOLOGICAL CONSTRUCTIONS OF RUSSIAN SCRIBES

D.A. Lyapin

Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
lyapin-denis@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study: To demonstrate the ideological justification for the annexation of Siberia to Russia in the story of the Remezov Chronicle, “On the Ancient Prophecy”, associated both with the traditional motive of revenge for violation of borders by the Tatars, and with fundamentally new reasoning that corresponds to the historical situation of the late 17th century.

Research materials: Siberian chronicles of the 17th century: Esipov Chronicle, Stroganov Chronicle, Remezov Chronicle. The main place is occupied by the story found in the Remezov Chronicle about the “Ancient prophecy”.

Results and novelty of the research: Russia's advance into Siberia in the 17th century had pragmatic economic grounds, but the Siberian chronicles were obliged to have shown other, more sublime reasons. The first Siberian chronicles believed that the reasons for Russian successes were Divine Providence, and the invasion of military detachments was associated with the need to conduct missionary work. But only the Remezov Chronicle of the late 17th century first offered the reader logical reasons for the need to conquer the vast, rich lands of Siberia. Without denying the factor of Divine agency, there was a traditional motive of revenge on the Tatars for violating sacred borders during the invasion of the 13th century. The Russians took revenge for the Tatar yoke. This idea of sacred boundaries is very early for Russian literature. The destruction of the Siberian kingdom of Kuchum by the Cossacks was a logical aim in Moscow's fight against the Horde. The original idea was mainly framed as the need to conquer Siberia to prevent a new Mongol-Tatar invasion.

Keywords: Siberian chronicle, Remezov chronicle, Siberia, Ermak, Kuchum, Mongol-Tatar invasion

For citation: Lyapin D.A. The Remezov chronicle's story “On the ancient prophecy” in the context of the ideological constructions of Russian scribes. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 644–653. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.644-653> (In Russian)

Тема нарушения особых сакральных пределов проживания каждого народа достаточно устойчиво прослеживается в древнерусской литературе. Смысловое значение этого мотива сводится к идее Божественного установления географических границ для каждого народа, нарушение которых неизбежно, рано или поздно, приведет к Божественной каре. Эта тема могла быть, отчасти, навеяна русским книжникам библейскими аллюзиями, в том числе и апокрифическими. Впервые она встречается на страницах Повести временных лет в описании междоусобной войны потомков Ярослава Мудрого [14, с. 78–79]. Мотив нарушения сакральных границ, установленных якобы разделившими всю землю по жребию сыновьями Ноя, получил распространение в литературных памятниках XIV–XV вв. [10; 11]. К примеру, в «Задонщине» победа на Куликовом поле демонстрировалась как отмщение по-

томков Иафета (русских) потомкам Сима (татарам) за вторжение 1223 г. и последующее за этим завоевание Руси [11]. Неожиданно «пограничная тема» вновь встречается в рассказе Ремезовской летописи конца XVII в. «О древнем пророчестве», где к данному сюжету добавляется новый мотив, связанный с рассуждениями на тему «сибирского взятия».

Идеологическое обоснование Москвой присоединения Сибири изучается в широком контексте внешней и внутренней политики, включая традиции управления и государственные институты допетровской России [1; 6; 23; 24; 25]. Значимым обобщающим исследованием, близким к нашей теме, является книга В. Кивельсон, посвященная первым русским географическим картам сибирских земель [8, с. 206–228]. В ней показаны рассуждения летописцев о важности распространения православия в ходе восточной экспансии и вытекающая из этого идея провиденциализма. Особое место исследовательница уделила выдающемуся ученому С.У. Ремезову (1642–1721) и его религиозно-политическим идеям. Важнейшие аспекты политико-идеологического и дипломатического обоснования присоединения новых территорий за Уралом рассмотрены в коллективной монографии «Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в.» [14]. Авторы затронули много важных вопросов, среди которых – идеологическая политика Москвы в Сибири, политико-правовое оформление русской власти на новых землях, ее дипломатическое обоснование, роль православной церкви, а также отношения с местной элитой. Данная статья, в свою очередь, не претендует на рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с политико-идеологическим обоснованием «сибирского взятия», она посвящена исследованию рассказа «О древнем пророчестве», содержащегося в Ремезовской летописи, в общем контексте русских книжных традиций.

Известно, что продвижение России за Урал было длительным процессом. В 1586 г. русским удалось относительно прочно закрепиться в Западной Сибири и основать свою первую крепость – Тюмень. Считается, что история Сибирского ханства закончилась в 1598 г. после битвы с царским войском под руководством А.М. Воейкова [16, с. 13]. Были окончательно подчинены не признавшие власть Москвы сибирские татары, а затем разгрому подверглась «Пегая Орда» — объединение коренных жителей бассейна Оби и Томи, восточный союзник бывшего Сибирского ханства. В Москве прекрасно понимали значение Сибири как источника богатства: сразу «по взятии Сибирския земли» «храбрством и мужеством» русские атаманы и воеводы от царского имени велели местным жителям платить ясак [20, с. 77]. В книге о России, изданной в 1591 г., ее автор англичанин Дж. Флетчер отметил, что русский *«царь ежегодно получает... на значительную сумму из Сибири, Печоры, Перми и иных мест меха... которые продаются или вымениваются за границу»*. Рассуждая о доходности этой торговли, он оценил *«объем царской подати в Сибири... в 466 сороках соболях, пяти сороках куниц и 180 чернобурых лисиц, не считая других произведений»* [22, с. 67].

Богатства Сибирской земли имели для России, опустошенной Смутным временем, огромное экономическое значение. В 1637 г. на волне начавшейся новой экспансии был образован Сибирский приказ, контролировавший сбор с местных народов мехового ясака [13, с. 64]. Показательно, что дела нового приказа рассматривались вместе с вопросами, касающимися работы приказа

Большого Дворца, который ведал так называемые «царские дворы» (Кормовой, Хлебный и другие) [13, с. 108]. С основанием Сибирского приказа и последовавшим затем учреждением Якутского воеводства (1638) последовала целая серия новых восточных экспедиций. В 1639 г. русский военный отряд вышел к Охотскому морю, в 1643 г. первопроходец В. Колесников достиг Байкала, а М. Стадухин – Колымы. В 1643 г. В. Поярков ступил на землю Приамурья. Через год, в 1644 г., военный отряд казаков совершил успешный поход против бурят с берегов Ангары [12, с. 53].

Экспансия России на восток сопровождалась развитием особого сибирского летописания. Оно зародилось, вероятно, еще в начале XVII в. после первых устных рассказов о подвигах дружины Ермака во время войны с ханом Кучумом [19, с. 108]. К середине столетия летописание, объединенное сибирской темой, получило самое широкое распространение, сюда входили и казачьи летописцы («устные летописи»), местное и официальное московское летописание, а также фамильная история семьи промышленников Строгановых. Самыми значительными произведениями этого направления считаются Строгановская, Есиповская, Рemezовская летописи, а также иллюстрированная Кунгурская летопись. На их страницах рассказывалось о походе Ермака и казаков, об основании первых крепостей, о местных народах и природных богатствах Сибири.

Сибирские летописи всегда подчеркивали важность завоевания обширных земель, в особенности, «Сибирского царства» Кучума. Именно разгром этого наследника Золотой Орды привел к завоеванию русскими просторов от Уральских гор до «великого моря акияна» [4, с. 311]. Покорение Сибири приравнивалось к присоединению Казани и Астрахани: не случайно в летописях употреблялся термин «сибирское взятие», отсылающий к хорошо закрепившемуся в историографии «взятию Казани». Постепенно сибирская эпопея получала свое политическое обоснование в летописном материале.

Первая заметная попытка объяснить случившееся была сделана в Есиповской летописи (1636). Из повествования на ее страницах читатель узнает, что «одоление» русскими Сибирского ханства произошло «Божиим соизволением... от руского воинства в наследие российского скипетродержательства» [3, с. 105]. Правители России направляли свои войска на Восток, где жили татары или подвластные им народы, воюя с татарами также, как и их предки – московские князья. Сибирское вторжение дружины Ермака, таким образом, было логичным продолжением старой борьбы Москвы с Ордой.

Еще один, ранний, идейный мотив сибирского летописания был связан с религиозным фактором вторжения в Сибирь. Он обрел свою значимость в описании русско-татарских столкновений еще в литературе XV в. и теперь повторился в новых исторических реалиях. Именно в распространении православия летописцы видели оправдание вторжения Ермака и последующих русских военных экспедиций. Ярким примером здесь может быть пассаж Есиповской летописи под заглавием «Благодарение Богу», полностью посвященный рассуждениям на тему того, как «солнце евангельское» осияло «землю Сибирскую» [4, с. 161].

Русские продвигались в Сибирь все дальше и дальше, и со временем религиозными мотивами и традиционным противостоянием с татарами трудно было оправдать это упорное движение «встречь солнцу». Тогда летописцы

стали избегать данной темы и ссылаться на промысел Божий. Провиденциализм играл все большую роль в объяснении событий. По данным Строгановской летописи (1668–1673), татары и подвластные им сибирские народы сами осознали, что Бог «покорил их под высокую царскую руку», оставив бесполезное сопротивление русским воинам [19, с. 91]. Но подобные мифологемы не отвечали требованиям эпохи.

В конце XVII в. в Ремезовской летописи появилось новое объяснение истории «сибирского взятия». По всей вероятности, автором ее был сибирский ученый С.У. Ремезов [3; 6; 8, с. 205]. Однако существует мнение, согласно которому вторая часть этого произведения была только включена им в книгу, но имела другого автора [1, с. 250–259]. Так или иначе, согласно этому летописному тексту успешное завоевание Сибири имело несколько причин. Прежде всего (и вполне традиционно), все произошло согласно Божественному плану, по которому русские должны были принести в эти языческие земли православную веру [17, с. 312]. Поэтому Бог наполнил казаков храбростью и внушил им мысль начать покорение очередного татарского ханства, а богатства Сибири стали своеобразным даром Бога за исполнение Его воли. Но главные причины успехов русского оружия в победе над Кучумом были более сложны. О них говорится в находящемся во второй части летописи специальном рассказе «О древнем пророчестве», отсылающем читателя к Книге пророка Исайи:

«О семь Кучюмъ збытся пророчество Исаино, и христианскимъ воиномъ Ермакомъ со единомушною дружиною в Сибири исполнися глаголъ: им же образомъ рѣкохъ, тако будетъ, и еже совѣща, тако уставися; не веселитесь, вси иноплеменницы, сокруши бо ся яремъ веселящаго васъ, отъ семени бо змиина изыдутъ внучата аспидомъ, і внучата ихъ изыдутъ змия летящая, и упасутся нищии Господемъ, и убозии человекъцы в мире починуть; потребитъ Господь гладомъ семя твое, аспиде, и останокъ твой, възрыдають врата градовъ, і возмутъ гради тверди иноплеменскихъ всехъ, яко дымъ отъ севера грядеть, и несть пребывати в числехъ его. И се завѣщание скончается на Туркахъ в совершенство» [17, с. 354].

Ниже мы предлагаем изложение данного текста:

«На Кучуме сбылось пророчество Исайи, и христианского воина Ермака с единомушной дружиной исполнися глагол: им же образно говорилось, так будет, так завещано и таков закон; не веселятся все иноплеменники, сокрушено будет основание веселящее вас, от семени змеиноного рождаются внучата аспидов, и внучата их превратятся в змея летящего и спасутся нищие Духом, и убогие люди в мире пребудут; напустит Господь голод на семя твое, аспид, и на потомков твоих, възрыдают врата городов и возьмут все крепкие грады иноплеменников, как дым от севера грядет, и нет окончания ему. И это пророчество сбудется до конца на турках».

Хотя текст довольно сбивчив, современникам была вполне понятна его суть, поскольку он отсылает читателя к истории войны филистимлян и евреев, содержащейся в Книге пророка Исайи (Ис. 14:29–31). Данный библейский сюжет исходит из того, что Бог определил каждому из этих народов земли для постоянного проживания. Но гордые филистимляне захватили страну своих соседей. Прошло время, и евреи отомстили обидчикам, одолев их на поле боя. В этой отсылке мы видим традиционный для русской литературы

мотив возмездия за нарушение установленных Богом границ. Однако данный библейский сюжет послужил основой и для новой идеи. Победив филистимлян, евреи решили, что следует подчинить своей власти все их территории, «ибо из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон» (Ис. 14:29) [17, с. 354]. Иными словами, если бы евреи не покорили земли филистимлян, то те снова и снова нападали бы на Израильское царство. Божественный закон расселения народов в однажды установленных пределах не был нарушен, ведь сам Бог устами пророка Исая повелел занимать владения враждебных соседей, нарушителей границ, не дожидаясь новой опасности. Следовательно, точно по такому же принципу Россия завоевала сибирские земли, стремясь не допустить второго монгольского нашествия, дабы на этих просторах не зародился очередной «змей летящий».

В своих рассуждениях автор рассказа «О древнем пророчестве» находился в традициях русской литературы, и его новое видение событий «сибирского взятия» не выходило за рамки исторического провиденциализма, столь характерного для памятников средневековой книжности, хотя и являлось более оригинальным. Русское покорение сибирских народов, в его понимании, проходило в рамках установленного Богом закона, связанного с неизбежным завоеванием русским воинством той земли, откуда исходила постоянная угроза православному царству. Об этом законе поведал библейский пророк Исая.

Интересно, что от покорения Сибирского ханства летописец обращает свой взор на Юг – к Османской империи, видя также и в этом государстве наследника древних кочевых орд. Продолжая развивать пророческую тематику (Ис. 14:30–31), автор уверяет, что именно о расширении границ России предсказано пророком: с севера «яко дым» придет народ и «возмутъ гради тверди иноплеменские» и «се завѣщание скончается на Туркахъ». *«Не веселитесь, вси иноплеменницы, сокруши бо ся яремь веселящаго васъ»* (не веселятся все иноплеменники, сокрушено будет основание, веселящее вас), – заявляет автор, перефразируя текст Книги пророка Исая [17, с. 354]. Идея объединения всех народов Востока в одну общую группу была характерна для русской литературы. Еще в Повести временных лет все восточные народы отнесены к потомкам старшего сына Ноя Сима. Татары и турки представлены как один народ в известной книге А.И. Лызлова «Скифская история» (1692) [9]. Автор использует это обстоятельство как политический аргумент в пользу оправдания войны России с Османской империей. Под его пером противостояние с турками выглядит на историческом фоне логичным продолжением борьбы Московского княжества с Золотой Ордой и ее наследниками – Казанским и Астраханским ханствами. Однако покорение Сибири создатель «Скифской истории» вовсе не считал частью этой общей борьбы.

Возвращаясь к идеям летописного рассказа «О древнем пророчестве», обратим внимание на содержащуюся в его тексте отсылку к истории вторжения Ермака в Сибирь (*«и христианского война Ермака с единомушной дружиной исполнился глагол»*). Получается, что легендарный атаман предвидел успех русского оружия и будущую Божественную поддержку России в покорении враждебных «иноплеменников». В обращении автора рассказа к истории Ермака можно увидеть прочно сложившуюся к концу XVII в. особую «сибирскую идентичность»: для местных книжников Сибирь была главней-

шей частью мировой истории, и вторжение казаков в эти земли получало прямо-таки вселенское значение и масштаб. Эта мистическая христианская сибирская идентичность особенно наглядно проявилась в представлениях С.У. Ремезова [18, с. 7–23].

Таким образом, рассказ «О древнем пророчестве» Ремезовской летописи содержал оригинальные рассуждения на тему покорения Сибири. Используя текст из 14 главы Книги Пророка Исаяи (Ис. 14:29–31), автор обращался к идее неизбежного отмщения татарам за давнее нарушение границ Руси. Развивая эту мысль, он оправдывал завоевание тем, что необходимо было предотвратить новое монгольское нашествие, подобно тому, как это сделали евреи, покорившие земли филистимлян. Конечно, важное место в его построениях занимал Божественный промысел, связанный с необходимостью распространения православия в сибирской земле, «идоложертвием омраченной» [17, с. 355].

К сожалению, мы не имеем конкретных сведений о степени распространенности Ремезовской летописи и содержащихся в ней идей среди русских книжников своего времени. Тем не менее, следует учитывать общую популярность сибирского летописания, содержащего увлекательные военные сюжеты, описания природных богатств и коренных народов обширной Сибири. Так или иначе, выдающееся историко-литературное произведение XVII в., связанное с именем С.У. Ремезова, было частью древнерусского литературного пространства с общими идейно-содержательными традициями и религиозными аллюзиями. Именно поэтому идеи, зародившиеся в XII в. на берегах Днепра, получившие развитие на московской почве в междуречье Оки и Волги в XIV–XV вв., неожиданно проявились вместе с развитием Российского государства на широких сибирских просторах Тобола и Иртыша. Здесь к старым рассуждениям на тему отмщения кочевникам за нарушение границ Русской земли, установленных Божественным законом, добавилась новая мысль о необходимости раз и навсегда перевернуть страницу истории противостояния Руси и Степи, предотвратив появление нового «змея летящего» завоеванием всех восточных земель.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М., Л.: Академия наук СССР, 1960. 280 с.
2. Васильев В.Е. Запад и Восток в евразийской политике России XVI–XVIII веках: к проблеме присоединения Ленского края // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2013. № 1 (6). С. 9–13.
3. Дергачева-Скоп Е.И. С.У. Ремезов – сибирский просветитель конца XVII в. // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. / Ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. С. 95–106.
4. Есиповская летопись по Головинскому списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 307–311.
5. Есиповская летопись по Сычовскому списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 105–170.
6. Зиборов В. К. Ремезов Семен Ульянович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. С. 195–196.

7. Зуев А.С. Присоединение Сибири Россией: ордынское наследие и исторические реалии // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 92–104;
8. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
9. Лызлов А.И. Скифская история. Ответственный редактор Е.В. Чистякова; подготовка текста. Комментарии и аннотированный список имен А.П. Богданов. М.: Наука, 1990. 518 с.
10. Ляпин Д.А. Мотив нарушения границ в «Житии благоверного и великого князя Александра» // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия) / Институт российской истории РАН, Институт археологии РАН. Отв. ред. Е.Л. Коняевская, Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2021. С. 340–345.
11. Ляпин Д.А. Потомки Иафета: сакральное пограничье и мотив отмщения в «Задонщине» // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 74–84.
12. Никитин Н.И. Освоение Сибири в XVII веке. М.: Просвещение, 1990. 143 с.
13. Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV – XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2005. 137 с.
14. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-ое. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
15. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. / А.С. Зуев, П.С. Игнаткин, В.А. Слугина. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.
16. Пчелов Е.В. Символы Сибирского царства // Известия Уральского Государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 13–22.
17. Рemezovская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 312–366.
18. Смит-Питер С. С.У. Рemezov и сибирская идентичность в конце XVII – начале XVIII в. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 7–23
19. Солодкин Я.Г. Зарождение сибирского летописания: источниковедческие очерки. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского педагогического института, 2005. 108 с.
20. Строгановская летопись в сокращении по Афанасьевскому списку // Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 97–105.
21. Строгановская летопись по Толстовскому списку Сибирские летописи. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1907. С. 47–96.
22. Флетчер Дж. О государстве Русском. М.: Захаров, 2002. 168 с.
23. Чернышев С.А. Тюркские политические традиции в системе организации власти Русского государства и Сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. // Идеи и Идеалы. 2018. № 4 (28). Т. 2. С. 139–159.
24. Чернышов С.А. Эволюция дискурсов о покорении Сибири в локальной исторической памяти // Золотоордынское обозрение. 2023. № 11 (1). С. 167–180. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180>
25. Шерстова Л.И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. №. 365. С. 93–98.

REFERENCES

1. Andreev A.I. *Essays on source studies of Siberia*. Iss. 1. 17th century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 280 p.

2. Vasiliev V.E. West and East in the Eurasian politics of Russia in the 16th–18th centuries: to the problem of annexing the Lena region. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. No. 1 (6), 2013, pp. 9–13. (In Russian)
3. Dergacheva-Skop E.I. S.U. Remezov - Siberian educator of the late 17th century. *Ocherki russkoy literatury Sibiri*. Vol. 1. Ed. A.P. Okladnikov. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1982, pp. 95–106. (In Russian)
4. Esipov Chronicle according to the Golovinsky list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 307–311. (In Russian)
5. Esipov Chronicle according to the Sychovo list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 105–170. (In Russian)
6. Ziborov V.K. Remezov Semyon Ulyanovich. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Vol. 3 (17th century), Part 3. St. Petersburg: Izdatel'stvo Dmitry Bulanin, 1998, pp. 195–196. (In Russian)
7. Zuev A.S. Annexation of Siberia by Russia: Horde heritage and historical realities. *Territory Development*. No. 1, 2015, pp. 92–104. (In Russian)
8. Kivelson V. Cartography of the kingdom: Earth and its significance in Russia in the 17th century. Moscow: New Literary Observer, 2012. 360 p. (In Russian)
9. Lyzlov A.I. Scythian history. Executive editor E.V. Chistyakova; text preparation. Comments and annotated list of names of A.P. Bogdanov. Moscow: Nauka, 1990. 518 p. (In Russian)
10. Lyapin D.A. The motive for violating boundaries in “The Life of the Blessed and Grand Duke Alexander”. *Alexander Nevsky: personality, era, historical memory. To the 800th anniversary of his birth. Proceedings of the international conference (May 25–27, 2021, Moscow, Russia)*. By Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Rep. ed. E.L. Konyavskaya, L.A. Belyaev. Moscow: Indrik, 2021, pp. 340–345. (In Russian)
11. Lyapin D.A. Descendants of Japheth: sacred borderland and the motive of revenge in “Zadonschchina”. *Paleorossia. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideiyakh*. No. 1 (11), 2019, pp. 74–84. (In Russian)
12. Nikitin N.I. Development of Siberia in the 17th century. Moscow: Prosvescheniye, 1990. 143 p. (In Russian)
13. Petrov K.V. *Order management system in Russia at the end of the 15th – 17th centuries*. Moscow-St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2006. 137 p. (In Russian)
14. The Tale of Bygone Years according to the Laurentian Chronicle of 1377. Prep. text, translation, articles and comments by D.S. Likhacheva. Ed. V.P. Adrianova-Peretz. Ed. 2. St. Petersburg: Nauka, 1996. 668 p. (In Russian)
15. Under the Shadow of the Double-Headed Eagle: Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State in the Late 16th – Early 18th Centuries. By A.S. Zuev, P.S. Ignatkin, V.A. Slugina. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2017. 444 p. (In Russian)
16. Pchelov E.V. Symbols of the Siberian Kingdom. *News of the Ural State University*. Series 2. Humanities. No. 4 (66), 2009, pp. 13–22. (In Russian)
17. Remezov Chronicle according to Mirovich's list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 312–366. (In Russian)
18. Smith-Peter S.S. U. Remezov and Siberian identity in the late 17th – early 18th centuries. *Siberian historical studies*. No. 3, 2014, pp. 7–23. (In Russian)
19. Solodkin Ya.G. The origins of Siberian chronicles: source studies essays. Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovsk State University, 2006. 108 p. (In Russian)
20. The Stroganov Chronicle, abbreviated according to the Afanasyevsky list. *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 97–105. (In Russian)
21. Stroganov Chronicle according to Tolstoy's list *Siberian Chronicles*. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907, pp. 47–96. (In Russian)

22. Flechter J. About the Russian State. Moscow: Zakharov, 2002. 168 p. (In Russian)
23. Chernyshev S.A. Turkic political traditions in the system of organizing power of the Russian state and the Siberian Khanate as a factor in their successful integration in the 16th-17th centuries. *Ideas and Ideals*. 2018, vol. 2, no. 4 (28), pp. 139–159. (In Russian)
24. Chernyshov S.A. The evolution of discourses about the conquest of Siberia in local historical memory. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 167–180. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-1.167-180> (In Russian)
25. Sherstova L.I. Aboriginal politics of the Muscovite kingdom in Siberia: the problem of synthesis of socio-political institutions in the 17th century. *Bulletin of Tomsk State University*. 2012, no. 365, pp. 93–98. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Александрович Ляпин – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории исторической антропологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis A. Lyapin – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Leading Research Fellow, Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation); Leading Research Fellow of the Research Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod State National Research University (85, Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: lyapindenis@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 26.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 20.08.2024

Принята к публикации / Accepted 3.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.654-667>
EDN: NHBLYE

УДК 902.01

СЛУЖИЛЫЕ ТАРХАНЫ ЗАПАДНОГО ПРИУРАЛЬЯ В XVI–XVII ВВ.

Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
ishakovist@gmail.com*

Резюме. Цель исследования: проанализировать эволюцию статуса института служилых тархан Западного Приуралья в период вхождения данной территории в состав Московского государства (вторая половина XVI–XVII в.).

Материалы исследования: эмпирической базой исследования стали неопубликованные документы XVII в. из фонда «Уфимская приказная изба» Российского государственного архива древних актов, введенный в научный оборот акты материалы периода Казанского ханства, а также труды ученых затрагивавших в своих работах проблему функционирования института служилых тархан в тюрко-татарских государствах и Московском царстве.

Результаты и научная новизна: были исследованы и обобщены данные раскрывающие правовой статус служилых тархан в восточных улусах Казанского ханства, а также показана эволюция положения представителей данной страты служилых людей Московского государства на территории Уфимского уезда в XVII в. На основе изученных материалов был сделан вывод о том, что тарханы являлись составной частью татарского служилого сословия, имевшие значительные вотчинные владения в приграничных районах Казанского ханства. После вхождения Приуралья в состав Московского царства русская администрация сохранила прежние права тархан, в том числе в области землевладения. Значительные изменения в статусе тархан отмечаются во второй половине XVII в., когда начинается формироваться группа «новых» тарханов из числа ясачного населения (башкирцев), не обладавших налоговым иммунитетом, что способствовало сближению тархан с представителями башкирского сословия.

Ключевые слова: служилые тарханы, Казанское ханство, башкирцы, вотчины, Уфимский уезд

Для цитирования: Исхаков Р.Р. Служилые тарханы Западного Приуралья в XVI–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 654–667. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.654-667> EDN: NHBLYE

© Исхаков Р.Р., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

SERVING TARKHANS OF THE WESTERN CIS-URALS IN THE 16th–17th CENTURIES

R.R. Iskhakov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ishakovist@gmail.com*

Abstract. Research objectives: To analyze the evolution of the status of the institution of serving tarkhans of the Western Cis-Urals during the period of this territory's entry into the Moscow state (second half of the 16th–17th centuries).

Research materials: The empirical basis of the study is unpublished documents of the 17th century from the "Ufa Prikaznaya Izba" collection of the Russian State Archive of Ancient Acts, act materials from the Kazan Khanate period introduced into scientific circulation, as well as the works of scientists who touched upon the problem of the functioning of the institution of serving tarkhans in the Turkic-Tatar states and the Moscow principality in their works.

Results and scientific novelty: The data revealing the legal status of the serving tarkhans in the eastern uluses of the Kazan Khanate were studied and summarized, and the evolution of the position of representatives of this stratum of service people of the Moscow state on the territory of the Ufa district in the 17th century was shown. Based on the studied materials, it was concluded that the tarkhans were an integral part of the Tatar service class who had significant patrimonial estates in the border regions of the Kazan Khanate. After the Urals became part of the Muscovite kingdom, the Russian administration maintained the previous rights of the tarkhans, including in the area of land ownership. Significant changes in the status of the tarkhans were noted in the second half of the 17th century, when a group of "new" tarkhans began to form from among the yasak population (Bashkirs) who did not have tax immunity, which contributed to the rapprochement of the tarkhans with representatives of the Bashkir class.

Keywords: serving tarkhans, Kazan Khanate, Bashkirs, estates, Ufa district

For citation: Iskhakov R.R. Serving tarkhans of the Western Cis-Urals in the 16th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 654–667. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.654-667> (In Russian)

В составе служилых людей Уфимского уезда в XVII в. фиксируются две социальные страты тюрко-татарского происхождения – служилые татары и тарханы. Несмотря на то, что обе эти группы были представителями одного сословия и являлись наследниками золотордынской военно-политической системы, их правовое положение, а также формы землевладения имели существенные отличия. Если служилые татары, владели землей на правах поместного жалования, то владения тархан были включены в состав вотчин ясачных волостей, но при этом они не облагались натуральным налогом.

Чтобы оценить особенности правового статуса тархан в пределах Уфимского уезда необходимо обратиться к более ранним материалам, проливающим свет на формирование института тарханства в тюрко-татарских государствах средневековья. В кочевых тюркских и монгольских сообществах «тарханами» назывались лица, отличившиеся в бою и жалованных правителями за свою доблесть правом налогового и судебного иммунитета. Тарханами могли стать рядовые общинни-

ки, которые в дальнейшем пополняли собой слой феодальной аристократии. В зависимости от степени военных и иных заслуг привилегии тарханов могли сильно различаться [15, с. 89, 126–127].

В период формирования Монгольской империи происходит расширение применения тарханного иммунитета. Тарханскими правами по усмотрению хана могли наделяться как отдельные лица, так группы людей, а также конфессиональные институты. В частности золотоордынскими правителями выдавались тарханные ярлыки православным монастырям, а также иерархам церкви.

Схожие права у тарханов были в Казанском ханстве. Сохранившиеся тарханные ярлыки ханов Ибрагима (1467–1479 гг.) и Сахиб-Гирея (1523) свидетельствуют о наличии в составе феодального класса ханства привилегированной группы наделенной налоговым и судебным иммунитетом, а также освобождавшейся от натуральных повинностей. Тарханский статус мог быть наследственным или приобретённым (пожалованным ханом), при этом особые права не были безусловными. При продаже или передаче земель, эти владения переставали считаться тарханскими, то есть освобожденными от ясака. В тарханных ярлыках выданных казанскими ханами отсутствуют территориальная локализация – особые права распространялись на все земли в пределах государства, которые принадлежали тарханам и вплоть до того времени пока они ими владели¹. Таким образом, в Казанском ханстве не было особой формы тарханного землевладения.

После «казанского взятия» тарханы практически перестают фиксироваться как отдельная социальная категория в пределах Казанского уезда. В писцовых и переписных книгах данное обозначение практически не встречается. Р.Н. Степанов, специально занимавшийся этим вопросом, нашел лишь отдельные упоминания казанских служилых тархан в перечневых росписях Разрядного приказа за 1637–1654 г. [15, с. 36]. Все это может говорить о том, что в центральных районах бывшего Казанского ханства представителей данной социальной группы было не так много и они были тесно инкорпорированы с состав татарского военно-служилого сословия. Несколько иная ситуация имела место на окраинах казанского государства – на Горной стороне и в Приуралье.

В XVI – начале XVII в. в Волжско-Сурском междуречье отмечаются тарханы, занимавшие привилегированное положение в местном обществе и освобожденные от ясака [20, с. 137–138]. В Западном Приуралье в период его вхождения в состав Московского государства также фиксируются прослойка служилых тархан, владевших вотчинами и поместьями, не облагавшимися натуральными налогами. Оба дошедших до нашего времени тарханных ярлыка казанских ханов хранились у татар-вотчинников (ясачных татар, владельцев оброчных вотчин) данного региона.

С чем же было связано такое положение? Почему именно на окраинах Казанского ханства были сконцентрированы представители данной группы служилого сословия? Это можно объяснить теми функциями, которые они выполняли в приграничных районах государства. Известна практика, когда тарханные грамоты выдавались татарскими ханами за поселение в стратегически важных, но ма-

¹ В сохранившемся ярлыке хана Сахиб-Гирея присутствует географическая привязка к р. Ик. Но как показал текстологический анализ, проведенный И.А. Мустахимовым, слово «Ик» (اق) было вписано над строкой и графически отличается от основного текста ярлыка (написано другими чернилами и другим почерком). Это может говорить о том, что данное слово было дописано в текст позднее, возможно для обоснования прав ясачных татар на вотчинные владения в данном регионе [17, с. 36].

лозаселенных регионах. В 1459 г. крымским ханом Хаджи-Гиреем был выдан тарханный ярлык, согласно которому налоговый иммунитет предоставлялся всем тем, кто хотел поселиться в районе Нижнего Кырк-Ере [26, с. 307]. Можно предположить, что данным мотивом руководствовались и казанские ханы, предоставляя тарханный иммунитет лицам, заселявшим восточные пределы государства, получая вотчины в беспокойном регионе приуральской лесостепи. Тарханы, получая более широкие права и привилегии в тоже время должны были нести дополнительные обязанности перед государством, такие как защита приграничных районов, контроль торговых путей и проч.

Татарские тарханы фигурируют как участники военных действий по защите восточных улусов Казанского ханства. Как повествует летописец в военном сражении московских и казанских войск в 1468 г. на р. Белой русскими был взят в плен «князева сын тарханский» Тулазей [23, с. 77]. По всей видимости, служилые тарханы в Казанском ханстве выполняли и некоторые важные административные функции, связанные с контролем местного ясачного населения, а также сбора с них натурального налога. По мнению И.Д. Кузнецова чувашскими волостями руководили тарханы и сотники, а в деревнях выбирались старосты и десятники [14, с. 61].

В качестве аналогии можно привести положение арских князей в Вятском крае. Поселившись в бассейне р. Чепцы и основав здесь погост Карино (Нократ) в XV в. арские князья образовали здесь обособленное владение (княжество). В результате похода 64-тысячного войска Ивана III в августе 1489 г. Вятская земля вошла в состав Московского государства [11, с. 76]. Арские князья также были вынуждены признать свое московское подданство, сохранив в пределах своих владений широкие права, коими они обладали в предшествующее время. Московские власти, нуждавшиеся в военной поддержке арских князей и их помощи в подчинении местного нерусского населения, признали их особый правовой статус. В жалованных грамотах московских государей было подтверждено право арских князей собирать ясак (шкурками белок) с подвластного населения (удмуртов, татар и бесермен), часть которого передавалось в государеву казну, а также вести среди них судопроизводство. Сами арские князья могли быть судимы лишь хлыновским наместником в присутствии других татарских феодалов. Арские князья имели право «призывать» и привозить в свои владения ясачных людей из пределов Казанского ханства². Земли татарских владетелей, в том числе их промысловые угодья (вотчины) на р. Чепце считались «отчиной» государя³.

Можно предположить, что схожими правами и обязанностями обладали татарские феодалы, жалованные тарханными ярлыками в восточных улусах казанского государства. Здесь они получали в вотчинное владение земли в районах, где требовалось усиление военного присутствия и административного контроля. В 1784 г. у жителей Гайнинской поземельной волости (совр. Бардымский район Пермской области) был записан рассказ, согласно которому их предки были тарханами, переселившимися сюда «из города области Булгарской, называемой на их языке Шагер Булгар, который переименован уже и назван Казанью» [3, с. 7]. С чем же было связан переезд служилых людей в такой отдаленный от митрополии край? Дело в том, что данная область играла заметную роль в организации пушной торговли с Сибирью, здесь находились крупные промысловые владения

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.861. Л.11–24.

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т.1. СПб., 1836. С. 240.

тюркского и угорского населения, приносившие существенный доход [13, с. 13–15]. Другой пример. Башкирцы⁴ Минской поземельной волости сохраняли память о служилом статусе их предков, утверждая царским чиновникам, что они происходят «от княжества и тарханства татарского и в разных местах бывшей Казанской... были пожалованы землями и другими угодыями»⁵. Их земли находились в важном в военно-стратегическом отношении районе Бельско-Уфимского междуречья. Именно здесь находилась крупный военно-административный центр Ногайской Орды (Чертово городище) и была возведена уфимская крепость [22]. Отметим также, что минцы в длительном московско-кучумовском противостоянии, были главной опорой татарских царевичей в центральном Приуралье, считая себя «туменцами» шибанидов [6, с. 42].

По мнению А.Н. Усманова тарханы Приуралья в отличие от представителей общинной верхушки ясачных башкирцев (*биев*) активно выступали против признания московского подданства. Этот факт, исследователь объясняет тем, что в период казанского и ногайского господства тарханы были сборщиками ясака, получали от татарских правителей значительные земельные пожалования, поэтому небыли заинтересованы в кардинальной смене властной вертикали [24, с. 104]. Соглашаясь с мнением данного автора, отметим, что наряду с материальными факторами не мене важное значение имели идеологические и политические предпочтения представителей этой социальной группы. Являясь представителями татарского военно-служилого сословия они продолжали признавать верховную власть своих сюзеренов из рода Чингизидов. Другое важное уточнение. На сегодняшний день не выявлены примеры функционирования института тарханства в Ногайской Орде и Сибирском ханстве, что может говорить о том, что тарханы в Приуралье получили свои права от правителей правого крыла Улуса Джучи и казанских ханов. Другим тюрко-татарским государством, ханы которого практиковали пожалование тарханных прав было Крымское ханство. Таким образом, институт тарханства получил распространение на территориях бывшей Золотой Орды с преимущественно оседлым населением [16, с. 77–81].

Итак, для усиления своей власти в Приуралье казанские правители жаловали служилым тарханам вотчинные земли. Татарские феодальные кланы, получая вотчины в Закамье и Приуралье, также сохраняли свои военно-ленные владения (суюргалы) в Предкамье. Если поместные земли в центральных районах Казанского ханства использовались для хлебопашества, то вотчины в малозаселенных районах лесостепного пограничья как промысловые угодыя – для добычи ценного меха и дикого меда. В частности, такая форма землевладения сохранялась в начале XVII в. у татар проживавших в Заказанье. Так, служилый татарин д. *Менгер* Алатской дороги Казанского уезда (совр. Атнинский р-н РТ) Алмячка (Альмухаммад) Янбахтин «с товарищи» на основании купчей составленной в 935 г. по лунной хиджре (не ранее 16 сентября 1528 г.) владел землей в Восточном Закамье «з деревнями и с медом и с плужною с полянною землею и с санными покосы с лугами и с рыбными ловлями с озера и в лесах з зверьми и со всеми угодыи». Границы его угодий доходили на севере до Камы, на востоке совпадали с руслом реки Сусары до ее устья, на юге спускались до вершины реки Кугурчи и доходили до большой дороги, на западе шли по реке Зай до ее устья [18, с. 235].

⁴ В состав «башкирцев» Уфимского уезда входили разные по происхождению группы ясачного населения, обложенные особым окладным ясаком платившимся «на Уфу».

⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф.364. Картон 7. Д.3. Л.3.

В 1613 г. служилому татарину д. *Кугарчин* (современный Рыбно-Слободской р-н РТ) Ногайской дороги Казанского уезда Булату Монашеву были жалованы «бобровые гоны» на огромном участке по р. Кинель с устья до вершины (совр. Оренбургская и Самарская обл.). В 1618 г. его брат Килей Монашев получил «тарханную грамоту» на «бобровые ловли, что за Камою рекою по Кинель речке». В этом же году «служилые тотаровя» Ишей Хозяшев и Килей Монашев получили поместную землю по Зюрейской дороге Казанского уезда, «что бывало исстари городище Чаллинское». Известно, что к 1690-х гг. у служившего «по Казани» сына Сулеймана Монашева Юсупа поместье находилось в д. *Челны* Зюрейской дороги. Оброчная вотчина же его располагалась «за Камою рекою по Кинеле реке по обе стороны до вершины, да по Кинельчике реке по обе ж стороны до вершины да по двум рекам Саврушам да по третьей речке Аманаке, что промеж ими течет да по Зичайке речке». В 1690/1691 г. на эти же земли по р.Кинель была дана грамота служилому татарину Ишейке Тохтарову, чей дед являлся двоюродным братом Килея Монашева [8, с. 31]. Представители рода Монашевых контролировали также вотчинные угодья на р. Ик. Вотчинные права Монашевых были подтверждены оберегательными и тарханскими грамотами московских царей, они признавались по праву «старинны» и местным ясачным населением.

По грамоте 1628 г. служилому татарину Москову Хозяшеву перешла во владение «старинная вотчина», «бортные ухोजья», которые располагались по всей территории Закамья. Ранее эти угодья были жалованы его отцу – Хозяшу Сяндюкову. Между реками Большой и Малый Черемшан находилась вотчина – «бортный ухожей с текучим зверем», принадлежавшая «исстари» татарским князьям Яушевым [19, с. 63]. Роду Яушевых на правах поместья и вотчины принадлежали также промысловые угодья на р.Иж.

Не вызывает сомнения, что часть вотчин закрепленных за служилыми татарами в период вхождения Волго-Уралья в состав Московского государства принадлежали их предкам еще со времен Казанского ханства. Об этом свидетельствуют часто встречающиеся в источниках формулировки о прежнем статусе земель – принадлежавшие «исстари», «отцам и дедам» просителей и проч., а также сохранившиеся акты ханского периода и многочисленные документы спорных дел. Пожалование этих вотчин можно рассматривать как форму правовой легитимизации московскими государями, наследственных прав на земли, закрепленных еще при казанских ханах. Воеводскими канцеляриями признавалась юридическая сила актов выданных правителями Казанского ханства, при спорах за землю, предъявление таких документов было весомым аргументом для закрепления прав собственности на оброчные вотчины. Таким образом, наблюдавшаяся в начальный период московского господства ситуация при которой служилые татары жившие в Заказанье владели вотчинами в Приуралье была наследием ханского периода. Именно такая диверсифицированная система землепользования позволяла татарским феодалам содержать крупные конные отряды являвшиеся основой военной мощи казанцев.

После «казанского взятия» и кардинального изменения военно-политической ситуации в Волго-Уральском регионе часть военно-служилого сословия, принимавшего участие в сопротивлении, лишилось своего прежнего статуса. Служилые тарханы не были исключением. В ходе судебного процесса в 1680 г. ясачные татары д. *Мушуга* Казанской дороги обосновали свои права на вотчинные земли на р.Ик, предоставив тарханский ярлык хана Сахиб-Гирея. В ходе разбирательства дела мушугинцами было доказано, что они владеют этими вотчинами «по

крепостям 929-го (тарханный ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г. – *Р.И.*) и 785-го (дата соответствует периоду с 1 сентября 1576 г. по 31 августа 1577 г. – *Р.И.*)⁶. Ясачные татары утверждали, что их вотчина была «написана в Казани в прежних ясачных книгах по сию Казанского взятия в первых годах, а у него же Акешки Доскеева с товарищи на ту вотчину до Казанского взятия, как в Казани был татарский царь и тогда вотчину дал владеть деду его Доскену Белякову и дал жалованную грамоту и та де грамота татарская у него Акешки» [12, с.15]. Указом от 20 мая 1680 г. данной вотчинной «было велено владеть им Акешку с товарищи по прежнему... на Уфе, в ясачных книгах та вотчина написана за ними и в сыску обыскные люди сказали, что та вотчина их Акешкова с товарищи, а не башкирская, а уфинские башкирцом Каракузку Аканаеву с товарищи в той вотчине отказать, для того, что они на ту вотчину крепостей никаких не положили»⁷.

По мнению известного археографа М.И. Ахметзянова предки мушугинцев, держателей ярлыка Сахиб-Гирея были жителями Заказанья, переселившиеся после 1552 г. в бассейн р. Ик. В качестве доказательства своей гипотезы им приводится запись на надгробии Аюба б. Мухаммеда, умершего в 1472 г. и захороненного возле д. *Большие Ныры* Тюлячинского района РТ [4, с. 53]. В пользу мнения М.И. Ахметзянова говорит и купчая от 15 марта 1627 г. согласно которой вотчинной по р.Ик владел житель д. *Нысы* Иткиня Янчюрин⁸, а также факт географической близости этой деревни к месту обнаружения ярлыка в начале XX в.⁹ – д. *Мамалаево* Тюлячинского района РТ. Здесь уместно привести и мнение ясачных людей Иректинской волости, споривших с ясачными татарами о данной вотчине. Они утверждали, что родовые земли мушугинцев располагались «по Зюрейской дороге деревни Малые Суни ... да деревня Балтачева а Тойма тож ... да деревни Ныс»¹⁰.

Ясачными татарами (бобылями) считались жители д. *Тынламас* Казанской дороги, владевшие тарханным ярлыком хана Ибрагима. В 1685 г. с челобитной к уфимскому воеводе И.П. Кондыреву обратился житель этой деревни Кутлуметко Кутлугушев. Он ходатайствовал о записи его на Уфе в служилый тарханский список. Свою просьбу он обосновывал тем, что «в прошлых годах давних служили дед и отец мой, в служилых тарханех и есть о том у меня казанских босурманских царей грамота татарским писмом писана»¹¹. К. Кулушевым была предьявлен ярлык казанского хана Ибрагима, переведенный в уфимской приказной избе абызом Артыком Иманаевым. Слова просителя, который утверждал, что фигурировавшие в грамоте лица, были его прямыми предками, были подтверждены «служилым мурзой» Асаном Кулунчаковым. Представленный ярлык и доводы К. Кутлугушева были признаны достаточным основанием для удовлетворения его просьбы. 19 января 1685 г. думный дворянин и воевода И.П. Кондырев «слушав сеи выписки велел Кутлумбетка Кутлугушева (Кулушева) написать в список в служилые татара и о том дать оберегалную память»¹². В мае 1702 г. К. Кулушев добился у уфимского воеводы Е.П. Зыбиным записи в тарханы. Вместе с ним в тарханы были переведены его родственники, служилые татары дере-

⁶ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.769. Л.2.

⁷ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.769. Л.2–3.

⁸ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.302. Л.2–3.

⁹ Ярлык был обнаружен и введен в научный оборот татарским историком и археографом С.Г. Вахидовым.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 766. Л. 2 об; Д. 769. Л. 7.

¹¹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.196. Л.5.

¹² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.196. Л.5.

вень *Базы* и *Янгаз Нарат* Казанской дороги Уразайка и Алийка Ишметева, Абдрахман Каминкин. Им была выдана оберегательная память, в которой предписывалось «с служилыми татаром на караулы и во всякие посылки их Кутлуметка с товарищи не спрашивать» [7, с. 44].

23 февраля 1690 г. указной грамотой из Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе И.А. Толстову было предписано написать в тарханскую службу по Уфе татарина Казанского уезда Ураза Байбарина, «а ясак его велел наложить на иных уездных людей» [7, с. 45]. Данное решение аргументировалось тем, что «исстари де родственники ево служат нам, Великим Государем, по Уфе в тарханех, и дано сродникам ево бусурманское татарское письмо» [7, с. 45].

К числу ясачных татар были причислены потомки татарских тархан из рода Хусаина и Хасана Асылгузиных получивших тарханские ярлыки от казанских ханов Мухаммед-Амина (1516 г.) и Сафа-Гирея (1526 г.)¹³ проживавших в д. *Менгер* Казанского уезда. К 1678 г. часть представителей этого рода поселились в д. *Адаево* Арской дороги (совр. Кукморский р-н РТ), а затем в д. *Верхние Чупты* Казанской дороги Уфимского уезда. Из этой ветви происходил основатель Надыровской волости Уфимского уезда Надыр Уразметов, которому благодаря хранившимся у него ханским ярлыкам удалось выйти из тяглого состояния [2, с. 71–73].

Тарханские права жаловались казанскими ханами и выходцам из других татарских юртов. Несмотря на распад Золотой Орды среди представителей тюркской военной аристократии сохранялись тесные вертикальные связи, связанные с общей клановой структурой и единым военно-политическим наследием. Внутри постзолотоордынских государств продолжала существовать татарская служилая корпорация, которая, несмотря на распад империи признавала верховную власть дома Чингизидов. Военная аристократия в случае осложнения отношений с правящей элитой имела возможность переехать в другой татарский юрт и безболезненно интегрироваться в состав местного служилого сословия. Это весьма образно описано в татарском дастане «Чура-батыр», в основе которого лежит история реальной исторической личности – казанского карачибека, представителя клана аргын Чуры Нарыкова [11].

По родословной жителей д. *Старое Уртаево* (совр. Дюртилинский р-н РБ) «Тарагай би, сын Буркат бия, прадеда рода Шамшады (Шамшадинской волости Казанской дороги), [и] зачинателя аула, прибыл из Крыма. Он шел по долине Агидели и поселился в устье реки Жалчы в местечке Акъяташ. Спустя некоторое время, когда русские заняли Казань, он стал платить ясак русскому царю» [25, с. 52]. Появление в Западном Приуралье татарских феодалов из Крыма может быть связано с закреплением в начале XVI в. на казанском троне представителей династии крымских ханов Гиреев. Переход под державную руку казанских правителей профессиональных воинов из степных просторов бывшей Золотой Орды усиливается в период междоусобиц. С длительным военным противостоянием в Ногайской Орде и Сибирском ханстве первой половины XVI в. по всей видимости, связано появление в Западном Приуралье «ицких волостей» (улусов в верховьях р.Ик.), которые фиксируются в документах XVII в. В состав этого объединения входили группы, переселившиеся сюда из Восточного Приуралья, Зауралья и Сибири (табынцы, сынрянцы, иректинцы), признавшие подданство казанских ханов и несших службу на восточных границах государства.

¹³ Эти грамоты сохранились в русском переводе среди других делопроизводственных документов, связанных с пожалованием Надыра Уразметова в тарханы [2, с. 71].

Таким образом, тарханы Западного Приуралья являлись частью военно-служилого сословия Казанского ханства. Они пользовались широкой автономией в пределах своих владений, имели налоговый и судебный иммунитет, за что несли военную службу и выполняли некоторые административные обязанности. С образованием Уфимского уезда тарханы были интегрированы в состав московского служилого сословия, сохранив ряд своих привилегий. В отличие от служилых татар тарханы Уфимского уезда не получали за свою службу поместного и денежного жалования. Военскую повинность они несли «с вотчин», то есть военная экипировка, боевые лошади и провиант должны была приобретаться за счет средств получаемых с их промысловых угодий, не облагавшихся ясаком.

Главной привилегией тарханов, которая была признана московской администрацией, был налоговый иммунитет. Их вотчины не облагались ясаком, за что они должны были нести службу. При этом, как и в предыдущий период безьясачный статус вотчин сохранялся только на время владения ими тарханом. В частности в 1599/1600 г. бобровые гоны по реке Ик и его притокам, ранее числившимися «тарханскими вотчинами» стали ясачными владениями. Это произошло вследствие решения первого уфимского воеводы Михаила Александровича Нагова, по инициативе которого была составлена отступная запись, по которой тархан Катик Кулчурин отказывался от данной вотчины и она перешла во владение ясачного татарина д. *Кугурчин* Ногайские дороги Казанского уезда Уразлычки Скинчеева (в других документах он фигурирует как Уразгильдейко Кичеев)¹⁴.

В результате унификации форм вотчинного землевладения поместья и вотчины тарханов Западного Приуралья были включены в состав поземельных волостей. Общая форма землевладения и административно-территориального объединения способствовала сближению служилых тархан с ясачными людьми (башкирцами). Следы этого процесса можно обнаружить в документах начала XVII в. В 1606/1607 г. служилый татарин (тархан) Авдуак Санбаев была пожалован земельным поместьем: пашнями, санными покосами и лесами за Камою, на реках Буюн, Еловая, Узяр, вошедшие впоследствии в состав вотчинных владений Уранской волости Осинской дороги (совр. Янаульский и Калтансинские р-ны РБ)¹⁵. Фигура служилого человека Аудуак-бея фигурирует в шеджере, обнаруженного в Янаульском районе РБ, в которой он указан в качестве одного из родоначальников уранцев [1, с. 220]. В 1615/1616 г. за помощь в поимки лидера антимосковского восстания народов Волго-Уралья, служилого татарина Арской дороги Казанского уезда Еналейки (Джан-Али) Емаметева, и сдачи его в Казань, служилым людям «на житье» на р. Танып и Ньюлюзе была пожалована «Скилянское (Ички Иланское) поместье» и урочища, вошедшее в состав Иланской волости Казанской дороги¹⁶.

Несмотря на то, что тарханное звание было наследственным, после вхождения Приуралья в состав Московского царства для получения официального статуса требовалась запись в тарханские списки, то есть подача челобитной и проведение «сыска», подтверждавшее благородное происхождение просителя. Но и это не гарантировало признание тарханских прав. В связи с ограниченным штатом служилых людей Уфимского уезда запись осуществлялась при наличии «убылых» мест. Поэтому некоторые тарханы для передачи своего звания наслед-

¹⁴ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.93. Л.3).

¹⁵ А.Б. Азнабаев неверно датировал время пожалования А. Санбаеву земельных владений, определив его периодом правления Ивана IV [5, с. 56].

¹⁶ ОР РГБ. Ф.364. Картон 6. Д.1. Л.18.

нику заблаговременно подавали челобитные, в которых ссылаясь на старость и «немочь» просили поверстать на свое место сына или иного родственника¹⁷. В результате многие младшие дети из тарханских родов не получая искомого звания, были вынуждены записываться в ясак, то есть становиться башкирцами. Этим лицам в дальнейшем было довольно сложно снова войти в сословие служилых людей, так как условием получения тарханного звания было отсутствие у лица обязательств по выплате ясака. Тем не менее, такие прецеденты существовали и фиксируются в документах. Так, башкирец Кипчакской волости Кусикей Кучуков, после смерти своего отца служившего в тарханах 19 мая 1622 г. добился пожалования ему тарханной памяти. Получить тарханский статус ему удалось вследствие переписывания своего ясака на родного брата Карамыша¹⁸.

Данная ситуация кардинально меняется во второй половине XVII в. В результате многолетнего военного противостояния кучумовичей и Москвы в Приуралье, а также так называемых «башкирских восстаний» 1660–1680-х гг., прослойка служилых тархан Западного Приуралья значительно сократилась. Являясь профессиональными воинами, тарханы принимали активное участие в военных действиях на стороне обоих противостоящих лагерей, а также защищали пределы Уфимского уезда от вторжения калмыков. В результате многие представители «старой» военной аристократии погибли на полях многочисленных сражений, оказывались в качестве аманатов в русских крепостях или выезжали за пределы Уфимского уезда.

Для восполнения штата тархан русская администрация пошла путем верстанья в служилое сословие ясачных башкирцев и бобылей. Главным фактором при пожаловании в тарханы было участие ясачных людей в подавлении антимосковских выступлений. Такая мотивировка при пожаловании в тарханы отмечается в резолюции уфимского воеводы П.Т. Кондырева в отношении ясачного башкирца Казанской дороги Рыски Турачева от 8 июня 1668 г.: «в измене де он Рыско не был, служил великому государю в посылках с изменники билса и на бою ранен и лошадь под ним убита, да сына де ево на бою изменники ранили и подказни великого государя и под воевод подводы давал и провожал»¹⁹. 9 июля 1668 г. был пожалован в тарханы ясачный башкирец Киргизкой волости Казанской дороги из трухменцев Явгилда Мурзагилдеев, так как «подводы под бояр и воевод и под ратных людей до Уфы давал и на боех взял в языцех башкирцов да калмыков четырех человек да изменника брата своего поймав отдал в Мензелинской и в Мензелинску ево пытали»²⁰.

Итак, со времени начала экспансии калмыков (конец 1620–1640-е гг.), а также «первой башкирской шатости» (крупнейшего антимосковского выступления народов Приуралья и Южного Урала 1662–1664 гг.) уфимскими властями начинается создаваться группа «новых» тарханов, которые не имели тесных связей со «старой» военной аристократией и были полностью лояльны московским государям. В данном случае уфимские воеводы пошли по проторенному пути, который ранее активно использовался в Среднем Поволжье. По данным В.Д. Димитриева, на Горной стороне в первой половине XVII в. в тарханы верстались «черемиса» и «ясачная чуваша» (в обоих случаях речь идет о чувашах), которые имели перед правительством заслуги в подавлении антимосковских выступлений [9, с. 43].

¹⁷ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.12.

¹⁸ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.6, 8.

¹⁹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.575. Л.2.

²⁰ РГАДА. Ф.1773. Оп.1. Д.577. Л.3.

Численность тарханов поверстанных из числа ясачных людей довольно сильно разнилась по отдельным дорогам Уфимского уезда. Если на территории Ногайской и Сибирской дорог, граничивших с беспокойными степными районами Нижнего Поволжья и Южного Урала, отмечается быстрое увеличение представителей данной социальной группы, то по Осинской и Казанской дорогам их количество оставалось относительно небольшим. Причины этого явления вполне объяснимы и связаны с постоянной военной угрозой, исходившей из юго-восточной окраины. Для защиты от номадов требовались отряды легкой кавалерии, которые могли нести «станичную» службу и отражать военные набеги. Поэтому для приграничных районов увеличение численности служилых групп населения за счет ясачных людей было весьма актуальным. Данная тенденция сохранилась и в начале XVIII в. В 1730-х гг. в тарханы было записано по Ногайской дороге 80 ясачных башкирцев, 7 «калмыцкой природы башкир», по Сибирской дороге 41 башкирцев, в том числе 16 тезиков, выходцев из Средней Азии [7].

Тарханы должны были нести пограничную службу и находиться «во всяких посылках» (то есть исполнять административные и военно-дипломатические поручения уфимского руководства), с них снимались обременительные натуральные повинности. Но в отличие от тарханов «по отчеству» на поверстанных на службу ясачных людей не была распространена их наиболее важная привилегия – налоговый иммунитет. В обоих вышеприведенных случаях при пожаловании в тарханы ясачных башкирцев Р. Турачева и Я. Мурзагилдеева, в выданных им оберегательных памятях особо оговаривалось «а ясак им платить по прежнему»²¹. Такая же формулировка отмечается при записи в тарханы башкирцев Казанской дороги Чюры Беккулова и Балтача Рысаева²². Аналогичная ситуация имела место при записи в тарханы ясачных башкирцев по другим дорогам Уфимского уезда [7, с. 37]²³. Здесь уфимские столоначальники руководствовались фискальными интересами государства – сохранением прежнего размера сбора оклада с ясачных вотчин²⁴. Данная политика увеличения численности служилых людей за счет ясачного населения с сохранением сбора с них натурального налога, способствовала размыванию социальных границ между башкирцами и тарханами. Окончательно этот процесс завершился во второй половине XVIII в., когда башкирцы были переведены из тяглого состояния в служилое сословие.

Подводя итог, отметим, что институт служилых тарханов Уфимского уезда являлся реликтом сословной стратификации Казанского ханства. Тарханы Западного Приуралья были тесно интегрированы в татарское служилое сословие и обладали рядом привилегий, главной из которых был налоговый иммунитет. Тарханы могли иметь земельные владения на правах поместий и вотчин, при этом отсутствовало особая форма тарханного землевладения. Несмотря на декларируемый московским руководством курс по признанию прежних прав татарского служилого сословия положение тарханов после вхождения Приуралья в состав Русского государства постепенно меняется. Их вотчинные владения интегрируются в состав поземельных волостей, усиливается процесс инкорпорации в их

²¹ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.575. Л.3.

²² РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.575. Л.2–3.

²³ РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.277, 609.

²⁴ В особых случаях, при значимых заслугах перед государством (за «полное терпение», участие в дипломатических миссиях, воинскую отвагу) бывшие ясачные люди при переходе в тарханы, наделялись налоговым иммунитетом. Но такие случаи были скорее исключением из общего правила.

состав ясачных людей продолжавших нести тягло, что способствовало размыванию сословных границ между тарханами и башкирцами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
2. Амирханов Р.Х., Габдуллин И.Р. Нефтепромышленник Надыр Уразметов и нефть Татарстана. Казань: Рухият, 2000. 348 с.
3. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 360 с.
4. Ахметзянов М.И. Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань: Тат. кн. из-во, 1991. 120 с.
5. Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы: сборник документов / составители: Азнабаев Б.А., Буляков И.И. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 204 с.
6. Валиди-Тоган А. История башкир / пер. с турец. А.М. Юлдашбаев. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
7. Вельямин-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства жалованного башкирам русскими государями. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1864. 48 с.
8. Габдуллин И.Р. К вопросу об этносословной структуре тюркского населения Уфимского уезда и губернии в XVII–XIX вв. // Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир-вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань: Изд-во «ЯЗ», 2010. С 11–34.
9. Дмитриев В.Д. Документ о землевладении чувашских тарханов в первой половине XVII века // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Вып. 1. Чебоксары, 1979. С. 36–48.
10. Исхаков Д.М. Чура Нарыков – Чура батыр «большой князь», «волостель», «воевода» (исторические основания определений «Казанской истории») // Новое прошлое. 2022. №1. С. 43–56.
11. Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань: Фэн, 2000. 224 с.
12. Каримов Т.Т. Татарские поземельные волости. Т. 1. Булярская волость / науч. ред. Р.Р. Салихов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. 280 с.
13. Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. Этноним тархан у башкир, чувашей, венгров и болгар // Ономастика Поволжья. 1974. №4. С. 13–15.
14. Кузнецов И.Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Ч.1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1957. 343 с.
15. Макаров Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественные организации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 316 с.
16. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
17. Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 31–47.
18. Мустафина Д.А. Служилые татары через призму земельной тяжбы с монастырем // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. С. 232–265.
19. Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 240 с.
20. Нестеров В.А. Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков. // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 126–146.

21. Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ. Вторая научная конференции молодых ученых города Казани 27–28 марта 1965 г. Казань, 1966. С. 96–124.
22. Треповлов В.В. Ногаи в Башкирии XV–XVII в. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа: УНЦ РАН, 1997. 72 с.
23. Усманов А.Н. Добровольное присоединении Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. 336 с.
24. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1949. 136 с.
25. Хусаинов Г.Б. Археографическая экспедиция Башкирского филиала АН РТ в 1973 г. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 48–56.
26. Шапшал С.М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику Александру Горделевскому к его 75-летию. М., 1958. С. 304–316.

REFERENCES

1. Aznabaev B.A. Bashkir society in the 17th – first third of the 17th century: monograph. Ufa: Bashkir State University Publ., 2016. 370 p. (In Russian)
2. Amirkhanov R.Kh., Gabdullin I.R. Oil industrialist Nadyr Urazmetov and the oil of Tatarstan. Kazan: Rukhiyat, 2000, 348 p. (In Russian)
3. Asfandiyyarov A.Z. Bashkir Tarkhans. Ufa: Kitap, 2006. 360 p. (In Russian)
4. Akhmetzyanov M.I. Tatar shedzhere (Research of Tatar shedzhere in source studies and linguistic aspects based on lists of the 19th–20th centuries). Kazan, 1991. 120 p. (In Russian)
5. Bashkir society of the late 16th–17th centuries. according to the documents of the Ufa Prikaznaya hut: collection of documents. Compilers: Aznabaev B.A., Bulyakov I.I. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2016. 204 p. (In Russian)
6. Validi-Togan A. History of the Bashkirs. Trans. from Turkish A.M. Yuldashbaev. Ufa: Kitap, 2010, 352 p. (In Russian)
7. Velyamin-Zernov V.V. Sources for studying the Tarkhanate granted to the Bashkirs by Russian sovereigns. St. Petersburg, 1864. 48 p. (In Russian)
8. Gabdullin I.R. On the issue of the ethnic class structure of the Turkic population of the Ufa district and province in the 17th–19th centuries. *The Big Lie of Historians of Bashkortostan (On the Formation of the Estate of “Bashkir Patrimonial Owners” in the North-Western Urals)*. Kazan: YaZ, 2010, pp. 11–34. (In Russian)
9. Dimitriev V.D. Document on Land Ownership Chuvash Tarkhans in the first half of the 17th century. *Questions of the Chuvashia history during the period of feudalism and capitalism*, Iss. 1. Cheboksary, 1979, pp. 36–48. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. Chura Narykov – Chura batyr “grand prince”, “volost”, “voyevoda” (historical basis for the definitions of the “Kazan History”). *New Past*. 2022, no. 1, pp.43–56. (In Russian)
11. Iskhakov D.M. Arsky Princes and Nukrat Tatars. Kazan: Fan, 2000. 224 p. (In Russian)
12. Karimov T.T. Tatar land volosts. Vol. 1. Bulyarskaya volost. Scientific. ed. R.R. Salikhov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2023. 280 p. (In Russian)
13. Kuzeev R.G., Garipov T.M. Ethnonym Tarkhan among the Bashkirs, Chuvash, Hungarians and Bulgars. *Onomastika Povolzh'ya = Onomastics of the Volga Region*. No. 4, Saransk, 1974, pp. 13–15. (In Russian)
14. Kuznetsov I.D. Essays on the history of the Chuvash peasantry. Part 1. Cheboksary, 1957. 343 p. (In Russian)

15. Makarov G.E. Nomads of Asia. Economic structure and public organizations. Moscow, 1976. 316 p. (In Russian)
16. Mirgaleev I.M. Political history of the Golden Horde during the reign of Tokhtamysh Khan. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)
17. Mustakimov I.A. Once again about the Kazan label of Sahib-Girey. *Medieval Turkic-Tatar states. Collection of articles. Iss. 5. Issues of source study and historiography of the history of medieval Turkic-Tatar states.* Kazan, 2013, pp. 31–47. (In Russian)
18. Mustafina D.A. Service Tatars through the prism of a land dispute with a monastery. *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region.* 2016, pp. 232–265. (In Russian)
19. Nasyrov R.G. Rural settlement in Western Zakamye (second half of the 16th – beginning of the 18th centuries). Kazan, 2007. 240 p. (In Russian)
20. Nesterov V.A. Chuvashia as part of the Russian state in the second half of the 16th and early 17th centuries. *Materials on the history of the Chuvash ASSR.* Iss. 1. Cheboksary, 1958, pp. 126–146. (In Russian)
21. Stepanov R.N. On the issue of tarkhans and some forms of feudal land ownership. *Collection of scientific works. The second scientific conference of young scientists of the Kazan city, March 27–28, 1965.* Kazan, 1966, pp. 96–124. (In Russian)
22. Trepovlov V.V. Nogai in Bashkiria 15th–17th centuries. Princely families of Nogai descent. Ufa, 1997. 72 p. (In Russian)
23. Usmanov A.N. Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state. Ufa, 1982. 336 p. (In Russian)
24. Usmanov A.N. Annexation of Bashkiria to the Moscow State. Ufa, 1949. 136 p. (In Russian)
25. Khusainov G.B. Archaeographic expedition of the Bashkir branch of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in 1973. *South Ural Archaeographic Collection.* Iss. 2. Ufa, 1976, pp. 48–56. (In Russian)
26. Shapshal S.M. On the issue of tarkhan labels. To Academician Alexander Gordelevsky on his 75th birthday. Moscow, 1958, pp. 304–316. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радик Равильевич Исхаков – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X. E-mail: ishakovist@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Radik R. Iskhakov – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X. E-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 27.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 28.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.668-673>
EDN: RLSJPF

УДК 94(930.2)

ПИСЬМО ТАТАРСКОГО ВОИНА СВОЕЙ СУПРУГЕ

Э.Э. Абибуллаева

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
shems-annur@mail.ru*

Резюме. Цель исследования: выявление источников по повседневной жизни периода Крымского ханства. Попытка реконструкции отдельных эпизодов повседневности посредством изучения и обращения к материалам эпистолярного жанра.

Материалы исследования: В статье анализировано и переведено на русский язык письмо Сулеймана эфенди своей супруге, написанное предположительно в период Польско-Турецкой войны (1632–1634 гг.). Данное письмо было опубликовано в 1864 г. в сборнике В. Вельяминова-Зернова «Материалы для истории Крымского Ханства», но до сегодняшнего дня оставалось до конца не исследованным.

Результаты и научная новизна: Тема повседневной жизни периода Крымского ханства остается не изученной и не рассмотренной. Ввиду данного обстоятельства, актуальность поднимаемой в исследовании проблемы заключается в выявлении и рассмотрении источников содержащих описание отдельных аспектов повседневной жизни. В работе рассматривается письмо частного характера, в котором раскрываются сразу несколько аспектов из прошлого: частная жизнь и взаимоотношения людей в семье, этика ментального поведения в обществе, тактики и приемы применяемые противоборствующими сторонами в ходе военных кампаний, имена исторических личностей, язык того времени. На основании исследования и выявления источников эпистолярного жанра, автор приходит к выводу, что на сегодняшний день, письма частного характера периода Крымского ханства являются очень большой редкостью. Анализ содержания письма, наводит на мысль, что между Сулейманом эфенди и его супругой была переписка и данное письмо это ответ Сулеймана эфенди на направленное ранее его супругой письмо. Также, выясняется, что письма из военных походов, вероятно, доставлялись специальными конными гонцами.

Ключевые слова: Крымское ханство, татары, Османская империя, крепость Каменец, польско-турецкая война, повседневность

Для цитирования: Абибуллаева Э.Э. Письмо татарского воина своей супруге // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 668–673. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.668-673> EDN: RLSJPF

© Абибуллаева Э.Э., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

A LETTER FROM A TATAR WARRIOR TO HIS WIFE

E.E. Abibullaeva

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

shems-annur@mail.ru

Abstract. Purpose of the study: to identify sources on everyday life during the Crimean Khanate. An attempt to reconstruct individual episodes of everyday life through the study and reference to materials of the epistolary genre.

Research materials: The article analyzes and translates into Russian a letter from Suleiman Effendi to his wife, presumably written during the Polish-Turkish War (1632–1634). This letter was published in 1864 in the collection of V. Velyaminov-Zernov “Materials for the history of the Crimean Khanate”, but until today it remained completely unexplored.

Results and scientific novelty: The topic of everyday life during the Crimean Khanate period remains unstudied and unconsidered. In view of this circumstance, the relevance of the problem raised in the study lies in identifying and considering sources containing descriptions of individual aspects of everyday life. The work examines a letter of a private nature, which reveals several aspects from the past: the private life and relationships of people in the family, the ethics of mental behavior in society, the tactics and techniques used by the warring parties during military campaigns, the names of historical figures, the language of that time. Based on the research and identification of sources of the epistolary genre, the author comes to the conclusion that today the letters of a private nature from the period of the Crimean Khanate are very rare. An analysis of the contents of the letter suggests that there was correspondence between Suleiman Effendi and his wife, and this letter is Suleiman Effendi’s response to a letter sent earlier by his wife. It also turns out that letters from military campaigns were probably delivered by special mounted messengers.

Keywords: Crimean Khanate, Tatars, Ottoman Empire, Kamenets fortress, Polish-Turkish War, everyday life

For citation: Abibullaeva E.E. A Letter from a Tatar warrior to his wife. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 668–673. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.668-673> (In Russian)

В 1864 г. в Санкт-Петербурге В. Вельяминовым-Зерновым¹ был издан сборник документов – Материалы для истории Крымского ханства [2]. В этом издании было опубликовано 378 писем. Рукописные оригиналы этих писем хранятся в архиве Министерства иностранных дел.

Во введении этого сборника документов написано следующее: «Весной 1858 г. преподаватель татарского языка при Императорском С.Петербургском университете мулла Хусейн Фейз-ханов² отправлен был Императорскою Академией Наук в Москву для занятий в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел.

¹ Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830–1904) – известный русский историк-востоковед.

² Хусейн Фейзханов (1823–1866) – татарский теолог, общественный деятель, педагог, историк, востоковед-тюрколог, археограф, каллиграф. Сыграл значительную роль в развитии духовной культуры татарского общества 2-й половины XIX века.

Осенью 1858 г. мулла Хусейн возвратился в Петербург и привез с собою большое собрание переписанных им татарских документов, относящихся до истории сношений бывшего Крымского ханства с Россией и Польшею.

Историко-филологическое Отделение Императорской Академии наук, по представлению комиссии, состоявшей из академиков Дорна, Куника и меня в заседании 15-го октября 1858 г. постановило: документы, привезенные муллой Хусейном, издать отдельною книгою. Издание текстов поручено было мне. В помощь же мне предан был сам мулла Хусейн Фейз-ханов.

Ныне издание окончено и представляется на суд ученого мира, в особенности же ориенталистов, занимающихся отечественной историею и изучающих язык татарский. В предлагаемом сборнике они найдут богатый и разнообразный материал для исследования».

Следует упомянуть, что в 2009 г. сборник В.В. Вельяминова-Зернова был переиздан в Турции. Составители А. Мелек Озьеткин и Ильяс Камалов опубликовали все документы из сборника, снабдив введение и оглавление переводом на турецкий язык [4]. В 2017 г. документы из сборника «Материалы для истории Крымского ханства» были переизданы Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ. Работу по классификации, транслитерации всех документов выполнил Р. Абдужемилев [3].

Для подготовки данной работы был использован сборник, изданный в 2009 г. Из вышеуказанного сборника документов, наше внимание привлекло письмо Сулеймана эфенди своей супруге, написанное в 1043 /1633 г. По содержанию даты в конце письма, мы предполагаем, что оно написано в период второго правления Джанибека Герая³. Также, выясняется, что Сулейман эфенди, описывает войну между Османской империей и Речью Посполитою (Польско-турецкая война 1633 – 1634 гг.) [5, s. 18].

В частности, Сулейман эфенди в строках своего письма пишет о штурме укрепленного польского лагеря, о сильном огне со стороны польской артиллерии.

Письмо написано на арабской графике на языке обиходном в Крымском ханстве с присутствием арабских и персидских слов. Было ли доставлено письмо до адресата или оно было перехвачено, на сегодняшний день, пока, остается загадкой.

Ниже представлен перевод письма Сулеймана эфенди⁴.

«Мир Вашей светлости, дорогой моему сердцу, любимой спутнице жизни, дозволенной мне Аллахом, достопочтенной женщине. Если говорить о нашем состоянии Слава Всевышнему Аллаху мы во здравии. Сегодня двенадцатый день реби-уль-эввеля, у нас двухдневный привал на реке Турлы-Су⁵, где вел боевые действия покойный султан Осман. Со стороны противника⁶

³ Джанибек Герай (1568–1636) – крымский хан, внук Девлета Герая.

⁴ В 2016 г. в газете «Яньы дюнья» была опубликована неполная версия транслитерированного нами письма, в которой присутствуют незначительные разночтения отдельных слов [1, с. 3].

⁵ Турлу-Су – вероятно, речь идет о реке Смотрич в Хмельницкой области Украины, в исторической области Подолье, левый приток Днестра.

⁶ В оригинале текста в отношении противника использованы термины «küffar-i» (куффар-и) и «melâin-i» (меляин-и). Арабское слово «küffar-i» (куффар-и), обычно используется для обозначения немусульман. Арабское слово «melâin-i» (меляин-и)

Валажскому Беку и Молдавскому беку прибыл человек и держал речь: “Мы с Величественным падишахом в дружбе, почему же Вы вышли в поход против нас?”. Не дав ответа гонцам, Его светлость величественный везирь Абаза паша⁷ дал команду перейти реку Турлу-Су и дойти до крепости Каменец, которую противники хорошо укрепили со всех сторон и подготовились к обороне. Наши воины, разделившись на четыре колонны, положившись на волю Всевышнего, двинулись в сторону неприятеля, который обрушил на нас огонь из пушек и ружей. Второй раз мы, основательно подготовившись, двинулись в атаку после полудня. Противник нас встретил мощным дождем из пушечных ядер и картечью из ружей, но, несмотря на это, мы шли в укрепление с четырех сторон. Войдя вглубь, взяли немало пленных и завладели 40-50 знаменами. С наступлением вечера, поняв, что укрепление быстро взять, не получится, чтобы не было потерь среди наших воинов, Слава Всевышнему мы во здравии и безопасности вернулись к своему лагерю. На следующий день мы снова выдвигаемся в атаку на стан противника и это письмо написано в спешке, перед самым выходом, поэтому будьте милосердны, исправлять, не было времени. Прошу Вас, не оставлять нас без молитвы и, если Вы спрашиваете о Юсуф-Беке, он во здравии, сражается, мы видимся. Вместе с нами Бельче-Конар и сын Эмрали эфенди, они во здравии с ними тоже видимся. От нас передавайте приветы Шейх-Заде эфенди, Али-Ага, Омер-Ага и нашему Хусеину Челеби и Мустафе Челеби, нашему Ибрахиму и Бекиру. Передавайте приветы своим сестрам и их супругам, Салихе-Кадын и служжанкам, также теплый привет передавайте и нашему Халилчику, его отец [...] все во здравии. Приветы саадет-хане Вашего Феттах-Ага, дому дервишей Кутали, нашему Шейх-Заде [...] намереваются пойти, передают, что во здравии. Передавайте от нас Шейх-Заде эфенди, что мы скучаем, пусть в своих молитвах о нас не забывает. Нашему дорогому, уважаемому и почтенному шейху Сиврис Эфенди написаны письма, просим содействовать в их передаче. От нас передавайте приветы Махмуду-Ага, Баки-Челеби и всем соседям, пусть они не оставляют нас без молитвы.

19 Р год 1043. Сулейман эфенди

Передавайте привет от нас Шами Мехмеду Челеби; если будет решение идти в поход на другую сторону, возьмете недостающие (отложенные) деньги и относительно наших денег, которые у Эль-Хас Бека; нашего Мах-

используется в значении «достойный проклятий» / «достойные проклятий». Следует отметить, что по исламу проклинать человека нельзя.

⁷ Абаза паша – османский везирь, губернатор, государственный деятель. В 1633 г. Мурат IV приказал Абаза паше войти в Польшу, что не соответствовало условиям раннее заключенного договора. Встретившись в Видине с войсками из Крыма, Валахии и Молдавии, Абаза Мехмед-паша вошел в Польшу. После того как Абаза Мехмед-паша вернулся из Польши с большим количеством пленных и военных трофеев, польский посол Требзинский попросил мира. Мир был заключен на условиях, что поляки будут платить ежегодную уплату, и разрушат крепости на реке Днестр. Когда Польша снова не выполнила положения договора, IV. Мюрат лично возглавил свои войска и двинулся в Польшу. Абаза Мехмед-паша находился теперь в ближайшем окружении султана и находился в этом походе рядом. Хотя Мурат восхищался мужеством и героизмом Абаза Мехмет-паши, он всегда подозревал, что тот поднимет восстание. В 1634 г. Абаза Мехмет-паша был казнен по обвинению во взятках с армян. Похоронен в мавзолее Куюджу Мурат-паши.

муда кетхуду мы делали представителем (доверенным), пусть содействует для получения их. От нас им, также передавайте приветы; так как я верхом на коне писать большие писем не было возможности; если необходимое про- довольствие для дома будет доставлять наш Вели, Вы будете чувствовать себя защищённой и в безопасности.

Мазхар-и лютуф Илахи Сулейман (Достойный милости Аллаха Сулейман)» [4, s. 89].

Анализ содержания письма, наводит на мысль, что Сулейман эфенди уже получал от своей супруги письма. Соответственно эта женщина умела читать и писать. Прослеживающиеся из строк письма переживания Сулеймана эфенди вполне оправданы, так как, когда мужское боеспособное население уходило в военный поход, оставшееся население и в целом сама территория Крымского ханства находилась не в безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абибуллаева Э.Э. Дёрт асыр эвельси язылган мектюбининъ сырлары // Янғы дунья. 2016, № 27.
2. Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии наук из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел / Изд. В.В. Вельяминов-Зернов, д.чл. Имп. Акад. наук. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1864. XI, 941 с.
3. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р.Р. Абдуземилев; науч. ред. И.М. Миргалеев. Симферополь: ООО «Константа», 2017. 816 с.
4. Velyaminov-Zernov V.V. Kırım yurtuna ve ol taraflarga dair bolgan yarlıglar ve hatlar (St.Petersburg, 1864). Hazırlayanlar A.Melekozyetgin, İlyas Kamalov. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basimevi, 2009. 964 s.
5. Dariusz Kołodziejczyk: Stosunki dawnej Rzeczypospolitej z Turcją i Tatarami: Czy naprawdę byliśmy przedmurzem Europy? // Praktyka Teoretyczna. 2017, 4 (26). S. 16–36.

REFERENCES

1. Abibullaeva E.E. The Secret of a Letter Written Four Centuries Ago. *New World = Yangyi dunya*. 2016, № 27. (In Crimean Tatar)
2. Velyaminov-Zernov V.V. Materials for the history of the Crimean Khanate, extracted by order of the Imperial Academy of Sciences from the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs. Ed. by V.V. Velyaminov-Zernov. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1864, XI, 941 p. (In Russian)
3. Documents of the Crimean Khanate from the collection of Khuseyn Feyzkanov. Compiled and transliterated by R.R. Abduzhemilev; scientific ed. by I.M. Mirgaleev. Simferopol: LLC “Constanta, 2017. 816 p. (In Russian)
4. Velyaminov-Zernov V.V. Materials for the history of the Crimean homeland and its surroundings (St.Petersburg, 1864). Prepared by A.Melekozyetgin, İlyas Kamalov. Ankara: Turkish Historical Society Printing House, 2009. 964 p. (In Turkish)
5. Dariusz Kołodziejczyk: Relations of the former Polish-Lithuanian Commonwealth with Turkey and the Tatars: Were we really the bulwark of Europe? *Theoretical practice*. 2017, vol. 4 (26), pp. 16–36. (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эльмира Эбазеровна Абибуллаева – младший научный сотрудник Крымского научного центра, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-1952-6517. E-mail: shems-annur@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elmira E. Abibullaeva – Junior Research Fellow of the Crimean Scientific Center, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-1952-6517. E-mail: shems-annur@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 13.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 5.08.2024

Принята к публикации / Accepted 30.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.674-685>
EDN: SVLGLP

УДК 930.85

JĀME' AL-HEDĀYAT FĪ 'ELM AL-REMĀYAT:
A FORGOTTEN SOURCE FROM THE ILKHANID PERIOD

İbrahim Duman

Yalova University

Yalova, Türkiye

ibrahim.duman@yalova.edu.tr

Abstract. Research objectives: To emphasize the importance of Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat in terms of medieval Mongolian and Iranian cultural history and to contribute to the recognition of this important source in the world.

Research materials: The author of the article examines Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat, the source of the research, and the current literature on the subject.

Results and novelty of the research: Mongol history studies in the world are quite advanced in the light of resources and research. However, many issues waiting to be uncovered and many resources waiting to be discovered are waiting for researchers. Most studies focus on political history where sources tend to provide more information. Nevertheless, although few, cultural sources written during the Mongolian states have survived to the present day. One of these sources is Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat, written in Iran during the Ilkhanid period. It is an important treatise on archery history. The treatise was written in Persian. Although this source is a very rare source from the medieval Iranian period, it is not well known among researchers.

The novelty of this study is to introduce Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat, an important cultural source of Mongolian and Iranian history, to the scholarly world and to identify the studies on this source.

Keywords: Mongol, Ilkhanid period, medieval Iran, archery, Persian sources

For citation: Duman İ. Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat: a forgotten source from the Ilkhanid period. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 674–685. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.674-685>

Introduction

Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat, a source written in Persian from the Ilkhanid period (1256–1353), will be introduced in this article. The mentioned source is an archery work. It is also the oldest Persian source written on archery whose date can be determined and the most detailed archery treatise.

Archery treatises are a type of source that is mostly written anonymously. For this reason, it is complicated to determine the author and date of many Persian treatises. This resource type emerged to record and transfer an important culture accumulated on

© Duman İ., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

archery to future generations. Among the archery information, there is much information about the religious rituals, languages, and archery terms of the period and geography in which it was written. Although some of the Persian archery resources have been published, some of them are still waiting to be studied in libraries as manuscript copies. It is also possible that there are many undiscovered manuscripts in manuscript libraries of Iran, Turkiye, Turkestan, Arab countries, India, Caucasian countries, and Russia.

The story of Persian archery resources dates back to ancient Iran. Especially during the Sassanid period (226–651), there were archery resources written in the Middle Persian language Pahlavi [7, pp. 15]. With the conquest of Iran by the Islamic armies, Persian began to be written in Arabic letters. This language is called New Persian. Many sources were written in this new language in the Iranian geography over the centuries. Among these, there are also archery resources. To date, many studies have been conducted on Persian archery treatises. One of these sources is Fakhr-e Mudabbīr's *Ādāb al-Harb wa al-Shajā'a*. It was published by Ahmad Soheilī Khānsarī [1]. This work was written during the time of the Delhi Turkish Sultanate (1206–1526). Although it is not written directly on archery, there is a section on archery in it [2]. Kapur Chand's archery treatise, whose date is unknown and seems to have been written in the Indian subcontinent, is also important. It was published by Iraj Afshār [3, 4]. Another treatise on archery was written by Muhammad Zamān. It is a short treatise, whose date is unknown and was published by Iraj Afshār [5]. Again, Manouchehr M. Khorasani also wrote an article on this source [6]. The most comprehensive study on the history of archery in Iran belongs to Mehrān Afshārī and Farzād Murawwījī. They published ten hitherto unexplored archery resources in manuscript libraries in a book [7].

Manouchehr Moshtagh Khorasani wrote many articles introducing Persian archery sources in English literature. He introduced Tāher Māwarā al-Nahrī's *Izāh*, Abd al-Rājī Abu Turāb al-Musawī al-Qad Makāhī's untitled Persian archery manuscript, and *Risāle-ye Qaws-nāme* [8, 9, 10] and wrote about archery techniques in Persian archery manuals [11].

About the treatise

Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat is an archery source from the Ilkhanid period. It was written in Hijri Jumādā al-Akhir 718 / July-August 1318 during the reign of Abū Sa'īd Bahadur Khan (1317–1335) [12, pp. 272]. The author of the work is Shojā' al-Dīn Dorūd-bāshī-ye Bayhaqī, who lived in Ilkhanid Iran [12, pp. 233]. The source was copied by Husayn Nezām al-Qorashī-ye Sāvajī in Hijri Dhū al-Qa'dah 982 / February-March 1575 during the Safavid period (1501–1736) [12, pp. 276]. It was published by Muhammad Taqī Dāneshpajūh in the journal of *Farhang-e Irān-zamīn* in Iran [12].

This source is the oldest and the most detailed work in Persian written directly on archery. For this reason, it has a special place among medieval Iranian sources. The work has an introduction and seventeen chapters. In these sections, everything about archery is explained in detail.

About the author

The author of the work is Shojā' al-Dīn Dorūd-bāshī-ye Bayhaqī, who lived in Ilkhanid Iran [12, pp. 233]. We do not have detailed information about the author's family and life. However, he gives some clues about himself in the work. According to the information given by him, he was an arrow-maker [12, pp. 234, 272, 275]. It is

mentioned in the work that he wore a ring on a flight arrow [12, pp. 272] and made eleven types of arrow-nock [12, pp. 275].

According to his information, the author was also a flight archer. He refers to us that he shot a flight arrow from a distance of 150 gaz (almost 142 m.) in the Bāshṭīn town of Bayhaq during the visit of the prince [12, pp. 234].

It is obvious that he lived in Isfahān, an important Ilkhanid city. He mentions the city of Isfahān and people from Isfahān a lot in the work. It is mentioned that he learned his craft from a master in the city of Isfahān in the source [12, pp. 234]. In addition, he refers to the archery shooting styles of the people of Isfahān [12, pp. 237, 256, 274].

Content and sections of the treatise

The work has an introduction and seventeen chapters. The first chapter is about the emergence of the bow and arrow. The second chapter is about the characteristics of people who shoot arrows. The third chapter is about bow and arrow. The fourth chapter is about the pride of the bow and arrow over other weapons. The fifth chapter is about starting the chest, which was an archery step. The sixth chapter is about standing and sitting when shooting an arrow. The seventh chapter is about grip. The eighth chapter is about the arrow meeting the bowstring. The ninth chapter is about the placement of the thumb. The tenth chapter is about viewing. The eleventh chapter is about opening the thumb. The twelfth chapter is about string binding to the bow. The thirteenth chapter is about the arrangement of the human figure, which was an archery step. The fourteenth chapter is about understanding long-distance and close-range. The fifteenth chapter is about flicker. The sixteenth chapter is about flight archery. The seventeenth chapter is about arrow-shaving.

The author begins the introduction by explaining that learning science and art is necessary for human dignity. He focuses on the religious sources of man's learning of martial arts. Additionally, it is stated in the text that the use of weapons is in human nature. The advantages of using knives, swords, and spears are mentioned. However, it is said that the use of arrows is more advantageous than other weapons. Because it is emphasized that it is possible to defeat the enemy from a distance with this weapon. According to the introduction section, the use of arrows was a religious reference. There were archery schools and archery masters. The names of famous archery masters were Hāshim Abīwardī, Tāher-e Balkhī, Ustād-e Tabarī, Ishaq Qūfī, Nasihī and Qulbaq. The school name of Hāshim Abīwardī was *muharraḥ*. Again, arrow shooting under the master's control was called *zīr-e sarī*. These masters were Muslim. Apart from these masters, Bahrām-e Gūr (420–438), who was a former Sassanid ruler, was a good archer. The shooting style of Bahrām-e Gūr was different from others. After this section, the author continues about the importance of archery. He says his name, Shojā' al-Dīn Dorūd-bāshī-ye Bayhaqī, here. According to the source, his real name was Nezām al-Dīn Ahmad b. Muhammad b. Ahmad. Shojā' al-Dīn Dorūd-bāshī-ye Bayhaqī was his famous nickname. He remarks that the reason for writing the book was to learn archery and receive blessings. While introducing himself, the author explains that he learned archery under a master from Isfahān. According to him, the work consists of seventeen chapters. Each section has its own order. Hence, the name of the book is *Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat* [12, pp. 230–235].

The first chapter is about the emergence of the bow and arrow. According to this chapter, Adam, who was the ancestor of humanity, learned archery from the Angel Gabriel. The Angel Gabriel brought to him a bow and arrow. She taught him to grasp the bow, put an arrow in the bowstring, draw the bow, and shoot an arrow [12, pp. 235–236].

The second chapter is about the characteristics of people who shoot arrows. According to this chapter, first of all, the archer should have been well-behaved, beautiful-faced, and shapely. Archers had different heights, hand, and arm measurements. In this chapter, it is mentioned some grip styles as *changal-bāz* and *murabba'* [12, pp. 236–238].

The third chapter is about bow and arrow. According to this chapter, Jamshīd, one of the legendary heroes of Iran, introduced the bow and arrow after Adam. He made the bow from iron. The bow bent and remained crooked. Therewith, he made the bow from horn and wood. He strung the bow. Jamshīd's detection of the bow must have been a story of this instrument spread throughout Iran. The bow should have been strengthened by holding it over the fire. Each part of the bow had a name in the archers' language. There was no specific measure of the shortness or length of the arrow. Because each arm had a different size. To shoot an arrow, there should have been a circular target and a point at a distance of 500 gaz (almost 475 m). The master's goal was smaller. The target of beginners and children was more likely to be willing to archery. In this chapter, it is mentioned the names of the bow parts and the characteristics of the bowstring [12, pp. 239–245].

The fourth chapter is about the pride of the bow and arrow over other weapons. This chapter refers to the bow and arrow's religious references. Accordingly, Muhammad practiced archery and showed the arrow superior to other weapons. Arrow-shaving and bow and arrow-making were important professions. The bow and arrow had to harmonize with each other [12, pp. 245–248].

The fifth chapter is about starting the chest, which was an archery step. According to this chapter, archery had four steps. Before shooting arrows, only the bow was drawn without arrows for arms to get used to it. The first stage was shooting an arrow into a chest filled with cotton seeds. At this stage, the person would learn the details of archery by taking lessons from the master. The second step was *nishāna-jāy*. At this stage, all steps of archery are learned. The third stage was *ilgū*. The target distance is farther in the phase of *ilgū*. Masters determined the distance of *ilgū* as 300 gaz (almost 285 m). The fourth phase was flight archery. This step was the last stage of archery. The maximum range of flight archery was 1200 gaz (almost 1140 m). However, few people shot arrows to this distance [12, pp. 248–250].

The sixth chapter is about standing and sitting when shooting an arrow. According to this chapter, the archer would know the techniques of how to shoot arrows while sitting and standing [12, pp. 250–251].

The seventh chapter is about grip. In this chapter, it is mentioned topics like how the bow should be held and which finger should be where. According to this chapter, there were many grip-holding styles. The best grip-holding styles were *changal-bāz*, *handān-e Bahrāmī*, and *nazarī-ye Tāherī* [12, pp. 251–252].

The eighth chapter is about the arrow meeting the bowstring. In this chapter, it is told topics like how the arrow should meet the bowstring and the position of fingers [12, pp. 252–253].

The ninth chapter is about the placement of the thumb. This chapter refers to how the thumb should be closed over the bowstring when the arrow meets with the bowstring, and defects that occur when the fingers are not positioned properly [12, pp. 253–255].

The tenth chapter is about viewing. According to this chapter, there were many styles of looking at goals. One of these styles was *nazar-e dākhel* [12, pp. 255–257].

The eleventh chapter is about opening the thumb. This chapter refers to how to open the thumb and defects that occur while shooting arrows.

The twelfth chapter is about string-binding to the bow. According to this chapter, there were many string-binding styles and different techniques for holding the bow. The bowstring was called *chillah*. The hard bow might need a few bowstring. The size of the bowstring was important to prevent it from hitting the arm. The hitting of the bowstring to the arm was a defect [12, pp. 258–262].

The thirteenth chapter is about the arrangement of the human figure, which was an archery step. This chapter refers to how to shoot an arrow at a target that looks like a human figure and the techniques [12, pp. 262–264].

The fourteenth chapter is about understanding long-distance and close-range. This chapter refers to the importance of long and close-distance techniques in arrow shooting [12, pp. 264–265].

The fifteenth chapter is about flicker. In this chapter, it is mentioned the causes of arrow flicker and how to eliminate this defect [12, pp. 265–267].

The sixteenth chapter is about flight archery. It was the highest level of archery. This style of archery was a pastime of sending the arrow as far as possible. Flight archery was practiced by masters in the presence of rulers at feasts and entertainments. To do this work, it was necessary to know archery very well. Flight shooting had certain stages. The bows and arrows suitable for flight shooting were used. In this chapter, it is mentioned many types of arrows for flight archery, what bird feathers should be on the arrows, the features of flight bow and arrow, and the distance of flight shooting [12, pp. 267–274].

The seventeenth chapter is about arrow-shaving. This chapter refers to how the arrow is shaped and the details of arrow-shaving [12, pp. 274–276].

The importance of the treatise for Mongolian and Medieval Iranian history

Jāme' al-Hedāyat fi 'Elm al-Remāyat is an archery source from the period of the Ilkhanid in the XIV century. This source is the oldest and the most detailed work in Persian written directly on archery. There are many archery terms in the treatise that are not found in any other source. The meanings of these terms within the art of archery are included in the treatise. Thus, the source contributes to a better understanding of other sources where the terms are used. There are Persian, Turkish, and Arabic archery terms in the treatise. While the flight arrow was called *ūr-e partāb* in Iran, the Arabs called it *nushāb al-sabaq*. In addition, *ilgü*, one of the target nouns, and *qochaq*, a type of arrow used by Turks for entertainment purposes, were Turkish words [12, pp. 267–268]. Some words that cannot be interpreted in the treatise may come from Mongolian and Indian. The fact that the work includes Arabic and Turkish words as well as Persian terms is closely related to the historical process of Iran. Arab, Turkish, and Mongolian dominations established in Iran throughout history have enabled the use of Arabic, Turkish, and Mongolian words and terms in addition to Persian in this geography. When we think about the mission of archery in wars in the past, it is a very important resource.

The religious dimension of archery is also discussed in the source. Archery has always been important throughout Islamic history. It is a matter of pride in the treatises that archery was at the forefront, especially in the wars during the time of Prophet Muhammad. The importance of archery remained in Islamic countries after the Prophet Muhammad. During the Umayyad and Abbasid periods, archery masters, like Hāshim Abīwardī, Tāher-e Balkhī, Ustād-e Tabarī, Ishaq Qūfī, Nasihī, and Qulbaq, became famous and their schools were mentioned in treatises. According to the work, the beginning of archery begins with Gabriel bringing a bow and arrow to Adam. A story is told about this subject. 'Alī, Hamza, and Sa'd b. Abī Waqqas, who are respected figures in Islam and whose bravery in wars is cited in many sources, is also mentioned in the work. Islamic procedures would be observed during and after the flight shooting. [12, pp. 232, 235, 236, 245, 246, 267–274].

We understand from the source that ancient Iranian legends and culture survived during the time of the Ilkhanid. The author states that archery disappeared after Adam and that Jamshīd, one of the legendary heroes of Iranian culture, started archery again [12, pp. 239–240]. He also mentions *Shāh-nāma*, Iran's national epic, Rustam and Bahrām-e Gūr, two of the legendary figures of Iranian culture, in various parts of the work [12, pp. 233, 269].

Medieval Iranian currency, measurement, and weight units are also mentioned in the source. The author states currency like the *dirham*, *dinar*, and units of measurement and weight like the *gereh*, *gaz*, and *menn* [12, pp. 230, 231, 234].

Additionally, the author also mentions in the chapter on flight shooting Baghdād, Tabrīz, and Isfahān, which were important Ilkhanid cities [12, pp. 272].

In light of the above information, it is clear that the work is an important cultural treasure in terms of medieval Iranian and Mongolian history.

Studies about the treatise

This unique source was first published in the journal of *Farhang-e Irān-zamīn* in 1963 by Muhammad Taqī Dāneshpajūh, one of Iran's important researchers [12, pp. 229–280]. He published the treatise based on a single copy. This manuscript is registered at the Library of the Dekhoda Institute under number 288/7 [13, pp. 92]. Husayn Nezām al-Qorashī-ye Sāvajī copied the manuscript in Hijri Dhū al-Qa'dah 982 / February-March 1575 during the Safavid period (1501–1736). However, Muhammad Taqī Dāneshpajūh made a mistake by listing the copyist as the author in the explanations that he put at the back of the publication. [12, pp. 277; 13, pp. 93]. The author of the treatise is Shoja' al-Dīn Dorūd-bāshī-ye Bayhaqī, who lived in Ilkhanid Iran [12, pp. 233].

The second study on the source belongs to Bede Dwyer and Manouchehr Moshtagh Khorasani [14, pp. 45–60]. It was published in 2012. They also repeated Dāneshpajūh's mistake and cited the copyist as the author. In this study, the sections of the work are briefly introduced.

The third study on the treatise was done by us in 2019. This study was published in the *Journal of the Society of Archer-Antiquaries* in England under the name “The Terms of Persian Archery” [15, pp. 61–64]. In the article, the archery terms in the source are introduced separately to the scientific world. Unfortunately, we also repeated Dāneshpajūh's mistake and cited the work as a source from the Safavid period.

The fourth study on the source belongs to Husayn 'Alī-Qulīzāda and Hamīd Pūlādī [13, pp. 90–109]. It was published in Iran in 2023. This study is the most detailed work on the resource to date. The copies of the source in manuscript libraries, the religious, military, historical, and literary terms included in the content, clues about the author, and Arabic and Persian word groups are mentioned in the study. According to the article, there are 13 copies of the work identified inside and outside Iran. Copies in Iran: The Library of Dekhoda Institute, nr. 288/7; the Library of Tehran University, nr. 2094-f; the Library of Majlis-e Shūrā-ye Islāmī, nr. 8450/8; the Library of Golpāyagānī in Qom, nr. 35/4-6824/3; the Library of Tehran University, nr. 4296/1; National Library of Iran, nr. 17849.

Copies outside Iran: The Library of Sālār Jang in Hyderabad, nr. 4257; National Library of Tajikistan, nr. 1585/5; the Library of Panjab University in Lahore, nr. PH III 143/1638/1; the Library of Rampur, nr. 1520; National Library of Tajikistan, nr. 1585/3; the Library of Dargāh-e Pīr-Muhammad Shāh in Ahmadabad, nr. A/1835 [13, pp. 94].

The source has also been translated into foreign languages. Some parts of the copy in the Dekhoda Institute were translated into English by Manouchehr Moshtagh Khorasani [14, pp. 46]. We have translated the entire source into Turkish [16]. This translation was published in 2020. Unfortunately, we also repeated Dāneshpajūh's mis-

take and cited the work as a source from the Safavid period. This error will be corrected in the second edition of the translation.

Archery terms included in the treatise

amaj (أماج): an archery target

'arq (عرق) = **nuskha-ye tīr** (نسخه تیر): the place where the arrow passes along the belly of the bow, inside of the bow. As a result, the arrow impacting the belly and this is a fault in archery.

Bahrāmī (بهرامی): method of gripping the bow with the hand.

bonā-gūsh (بناگوش): a place where the recurve and the limb join.

baranjak (برنچک) = **kashf al-Riyāz** (کشف الرياض): a horn united to the bow [This may refer to a horn component of the black, or of the main part of the composite bow].

barūn (برون): a style of drawing the bow [It is not known whether it involves a thumb-lock or thumbing].

burūt-kash (بروت کش): a style of drawing the bow performed with the hand at the level of the moustache.

chahār-sū (چهارسو): a square arrow nock is called thus by archers.

chakāv-gāh (چکاو گاه): while bracing the recurved bow, the forefinger is positioned on the bow.

changal-bāz (چنگل باز): method of gripping the bow with the hand.

chilla (چله): the bowstring.

dafak (دفاک): name of two parts of the nock.

dam-e gorg (دم گرگ): the bowstring rubs the side of the forefinger; as a result of the flesh hardens with frequent pressure of the bowstring.

dīma (دیمه): name of the two sides of the bow handle; on the 'belly' and the 'back.'

dīma-ye posht-e qabẓa (دیمه پشت قبضه): obscure; a place where abreast with the back of the bow.

dūr-andāz (دورانداز): a flight archer.

dūr-andāzī (دوراندازی): flight shooting.

abrū-kash (ابرو کش): a style of drawing the bow, pulling in line with the eyebrow.

azhdahā-dom (ازدها دم): pulling the bowstring, with the forefinger above and thumb below.

a'rāz (اعراض): a place where archers shoot arrows at the form of a human figure.

fallāh-kash (فلاح کش): while pulling the bowstring, falling of archer's hands to the back [meaning obscure].

furja (فرجه): while bracing the bow, the place where the forefinger rests on the bow, and where three knots, on the bowstring, are located [meaning obscure].

garm-kamān (گرم کمان): shooting the arrow when the arrowhead is drawn in the normal manner adjacent to the 'back' of the bow.

girov (گرو): when the arrow is drawn to the fullest extent.

gīv (گیو): obscure; refers to the arrowhead or the movement of the arrow.

gonbad-gāh (گنبد گاه): arrow lower than, or higher than, where it should be when it is released.

gov (گو): a hollow place of the bow.

gūsh-kamān (گوش کمان): a recurve.

khāflā-mūshī (خافلاموشی): shooting the arrow from two different positions at the target.

khāna-ye kamān (خانه کمان): a limb.

khārij (خارج): looking at the target from behind the hand.

Hāshim Abīwardī (هاشم ابیوردی): a master of archery.

- hamsī** (حمصی): a round arrow nock which is so called by the archer.
- khandān** (خندان): method of gripping the bow with the hand.
- khandān-e Bahrāmī** (خندان بهرامی): method of gripping the bow with the hand.
- hirāba** (حرايه): a place on the bow near to the bow handle.
- khizāna** (خزانه): name of the two ends of the limb.
- hūt-e vasm** (حوت وسم): name of arrow nock so called by the Arabs.
- ibtidā-ye sandūq** (ابتدای صندوق): training by shooting the arrow at a box, which is the first step in archery.
- ilgu** (الگو): name of a target which is the third step in archery.
- ilgu-ye dast-e buland** (الگوی دست بلند): one of the *ilgu* target types.
- ilgu-ye partāb** (الگوی پرتاب): one of the *ilgu* target types.
- Ishaq Kūfi** (اسحق کوفی): a master of archery.
- qabza** (قبضه): the bow handle.
- qabza-ye mudawwar** (قبضه مدور): method of gripping the bow with the hand.
- qabza-ye rakh** (قبضه رخ): name given by the Arabs for the relaxation of the grip on the bow when the arrow is shot.
- qachi** (قچی): kind of vulture the feathers of which are used for fletching; a Turkish name.
- qaws al-Sabaq** (قوس السبق): flight bow; so called by the Arabs.
- qāzī** (قاضی): name of a kind of 'puta' (target) made of wood and located near target.
- kabk** (کبک): releasing the arrow late [this is an error in archery].
- kabūtar-e jān** (کبوتر جان): a method of bracing the bow [but how is not known].
- kafāf-e tīr** (کفاف تیر): while drawing the arrow, contact of the shaft to the bow handle.
- kamān** (کمان): a bow.
- kamān-dār** (کماندار): an archer.
- kamān-dārī** (کمانداری): archery.
- kamān-gar** (کمانگر): a bowyer.
- kamān-kash** (کمانکش): a person who draws the bow. In Persian archery, *kamān-kaš* was a person who was inexperienced in archery, but *kamān-dār* and *tīr-andāz* were expert in archery.
- kamān-e partāb** (کمان پرتاب): a flight bow.
- kashīdan-e miyāna** (کشیدن میانه): a style of drawing the bow.
- kilk** (کلك): a reed arrow.
- qochaq** (قوچاق): an arrow used for fun shooting by the Turks.
- qollāb** (قلاب): pulling the bowstring with forefinger, middle finger, and ring finger.
- korra-kash** (کره کش): sweating of archer due to strain of drawing the bow.
- korsī** (کرسی): when the archer pulls the bow, avoiding getting injured with little bits of wood between the little finger, ring finger, and middle finger?
- Qulbak** (قلبك): a master of archery.
- mārsar** (مارسر): name of a type of nock, but its nature is obscure, 'its head thin, and its entry low and thick; so called by archers.
- majrā** (مجری) = **pol** (پل): a type of arrow-guide in Persian archery.
- maidān** (میدان): middle of bowstring.
- mismār** (مسمار): a place where the little finger, ring finger and middle finger grip the bow handle.
- miyān-e khāna** (میان خانه): the middle of the limb.
- mizāja** (مزاجه): place where the forefinger, middle finger, and ring finger are located on the bow.

murabba' (مربع) = **gord-mosht** (گرد مشت): method of gripping the bow with the hand.

mufattah (مفتاح): while shooting the arrow, part of the arrow which rests against the bow.

muharraf (محرّف): school name of Hāšim Abīwardī.

narm-andāz (نرم انداز): a person who does archery with a solid bow and soft arrowhead. [meaning obscure].

Nasihī (نصیحی): a master of archery.

nazar-e dākhel (نظر داخل): looking at the target from inside of bowstring and bow with right eye.

nazarī-ye Tāherī (نظری طاهری): method of gripping the bow with the hand.

nīm-rūy (نیم روی): a style of shooting the arrow with back of the hand turned to the outside.

nishāna-jāy (نشانه جای): the second step in archery.

noqta-gāh (نقطه گاه): nocking the arrow and drawing the bowstring.

nushāb al-Sabaq (نشاب السبق): a flight arrow; so called by the Arabs.

par-e sāvar (پر ساور): partridge feather procured in Khwārazm and Dasht-i Qipchaq.

par-e tīr (پر تیر): a fletching.

partāb-andākhtan (پرتاب انداختن): flight shooting, the last step in archery.

partāb-andāz (پرتاب انداز): a flight archer.

paikān (پیکان): an arrowhead.

paikān-gar (پیکانگر): a maker of arrowheads.

paikān-e sipar (پیکان سپر): an arrowhead which used for piercing the shield of an enemy.

rūs-tīr (روس تیر): a name of an arrow from Sind (India).

sakhtar-andākhtan (سختر انداختن): a style of shooting the arrow.

sāram (سارم): aiming at the target.

sāy-dīm (سای دیم): one of the *ilgu* target types.

sāz-e Dimašqī (ساز دمشقی): a style of bow making.

sancaq (سنجاق): an arrow which is shot long distances by the Turks.

sar-khāna (سر خانه): place at the head of the limb.

sar-kamān (سر کمان): place where the arrow passes the bow handle.

saifah (سیفح): aiming to the target from place where fingers grip the bow.

sala (صله): part of a flight arrow.

sīna-kash (سینه کش): a style of bow drawing the bow performed from the chest.

sorma-kashī (سرمه کشی): a style of drawing the bow.

sūfār (سوفار) = **chūbcha-ye tīr** (چوبچه تیر) = **fāq** (فاق) = **gird** (گرد): an arrow nock.

sultānī (سلطانی): a type of nock.

sūrat (صورت): while aiming at the target, any movement of the body which spoils concentration and aim. This is a fault in archery.

sūrat-andāzī (صورت اندازی) = **pīsh-ravī** (پیش روی): a style of shooting the arrow.

shātīr (شاطر): a flight archer.

shast (شست): thumb; a thumb ring.

shatāra (شطاره): place where flight shooting is performed.

Tāher-e Balkhī (طاهر بلخی): a master of archery.

tas-khōra (طاس خوره): a kind of vulture, the feathers used for fletching; so called by the Turks.

tahlīl (تحلیل): at the beginning of shooting session, pulling of a light bow a couple of times to warm up.

- tīr** (تیر): an arrow.
tīr-andāz (تیرانداز): an archer.
tīr-andāzī (تیراندازی): archery.
tīr-andāzī-ye kand (تیراندازی کند): a style of shooting the arrow.
tīr-e amaj (تیر آماج): an arrow shot at the *amaj* target.
tīr-e ilgu (تیر الگو): an arrow shot at the *ilgu* target.
tīr-gar (تیرگر): a fletcher.
tīr-e gāv-dom (تیر گاو دم): an arrow type.
tīr-e qalam (تیر قلم): an arrow of reed.
tīr-e nāvak (تیر ناوک): an arrow of *nāvak*.
tīr-e partāb (تیر پرتاب): a flight arrow.
tīr-e sham'ī (تیر شمعی): an arrow type.
Ustād-e Tabarī (استاد طبری): a master of archery.
zih (زه): a bowstring.
zih-gīr (ز هگیر): a thumb ring.
zih-tāb (ز هتاب): maker of bowstrings.
zīr-e sarī (زیر سری) = **Qulbakī** (قلبکی): gathering of archers under control of a lodge [guild, society, or club].

Conclusion

Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat is an important source that has a unique place in Persian source writing. Its value is that it is the oldest and most detailed Persian archery work ever discovered. Although the treatise has a high value, very little work has been done on it so far. This may be because the work was written about archery and did not provide information about political events. However, it can easily be said that it is also almost unknown among experts working the Ilkhanid period. The main purpose of this study is to ensure that the source is better known in international literature.

It is a blessing for researchers studying archery history and weapon history due to the original information it contains. There is no need to say much on this subject.

As mentioned in the sections above, the treatise was written during the Ilkhanid period. It contains archery terms and rituals that existed in society at the time it was written. It can be thought that these terms and rituals continued throughout both Iranian and Islamic history over the centuries and were transferred to the Ilkhanid period. As can be seen above, in addition to Persian, Turkish, Arabic, and perhaps Mongolian terms are also among these terms. Undoubtedly, this situation is directly related to the political history of Iran. In this respect, the work is important in terms of both linguistics and literary history.

The treatise also mentions currencies used in medieval Iranian and Mongolian history as well as some weight and length measurements. For this reason, it is also important in terms of metrology studies of medieval Iran and Islam.

REFERENCES

1. Fakhr-e Mudabbīr. *Ādāb al-Harb wa al-Shajā'a*. Ahmad Soheilī Khānsarī (ed). Tehran: 1346/1967 (In Persian)
2. McEwen E. Persian Archery Texts: Chapter Eleven of Fakhr-i Mudabbir's *Ādāb al-Harb* (Early Thirteenth Century). *The Islamic Quarterly*, 1974, 18/3-4, pp. 76–99.
3. Kapur Chand. *Risāle-ye Kamān-dārī*. Iraj Afshār (ed). *Barrasīhā-ye Tārīkhī*. No. 14, 1347/1968, pp. 75–88 (In Persian)
4. Dwyer B.-Khorasani M. M. An Analysis of A Persian Archery Manuscript written by Kapur Chand. *Revista de Artes Marciales Asiáticas*. 2013, 8(1), pp. 1–12

5. Anonymous. Muntakhab al-Zamān dar-bayān-e tūr-andāzī. Iraj Afshār (ed). in *Risālehā-ye tūr-andāzī*. M. Afshārī – F. Murawwijī (eds). Tehran: 1398/2019, pp. 282–306 (In Persian)
6. Khorasani M.M.-Dwyer B. A Persian Archery Manual by Mohammad Zamān. *Revista de Artes Marciales Asiáticas*. 2016, 11(1), pp. 45–65.
7. *Risālehā-ye tūr-andāzī: Deh risāle dar-tūr-andāzī u kamān-dārī u jangāvarī*. M. Afshārī – F. Murawwijī (eds). Tehran: 1398/2019 (In Persian)
8. Khorasani M.M.- Dwyer B. The Persian Archery Manuscript Izāh (Revelation) by Tāher Māwarā al-Nahrī. *Gladius*. 2018, XXXVIII, pp. 125–158.
9. Khorasani M.M.- Dwyer B. An annotated translation and description of an untitled Persian archery manuscript written by al-Abdolrāji Abu Torāb al-Musavi al-Qad Makāhi on a day of Jumada al-Thani, the year 1114 (November 1702). *Istoricheskoe Orujievedenie*. No. 4, 2016, pp. 4–34.
10. Dwyer B.-Khorasani M. M. An Analysis of A Persian Archery Manuscript Titled Resāle-ye Qosnāme. *Quaderni Asiatici*. 2015, 112, pp. 93–116.
11. Khorasani M.M. An Interpretation of Archery techniques in Persian Archery Manuals: A Practical Application. *History of Antique Arms*. 2017, pp. 82–99 (In English).
12. Shojā' al-Dīn Dorūd-bāshī-ye Bayhaqī. *Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat*. Muhammad Taqī Dāneshpajūh (ed). *Farhang-e Irān-zamīn*. 1342/1963, XI, pp. 229–280 (In Persian)
13. Husayn 'Alī-Qulīzāda-Hamīd Pūlādī. Matn-shināsī-ye risāle-ye Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat. *Nashriya-ye 'Elmī-ye Pajūhashhā-ye Nuskha-shināsī u Tashīh-e Matūn*. 2023, vol. 3, Iss. 2, pp. 90–109 (In Persian)
14. Dwyer B.-Khorasani M. M. Jāme al-hadāyat fī elm al-romāyat [Complete Guide Concerning the Science of Archery]. *Quaderni Asiatici*. 2012, 97, pp. 45–60.
15. Duman Ī. The Terms of Persian Archery. *Journal of the Society of Archer-Antiquaries*. 2019, vol. 62, pp. 61–64.
16. Shojā' al-Dīn Dorūd-bāshī-ye Bayhaqī. *Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat*. İbrahim Duman (translate into Turkish). Istanbul, 2020 (In Turkish)

ДЖАМЕ АЛЬ-ХЕДАЯТ ФИ ЭЛЬМ АЛЬ-РЕМАЙЯТ: ЗАБЫТЫЙ ИСТОЧНИК ПЕРИОДА ИЛЬХАНИДОВ

Ибрагим Думан

Университет Ялова

Ялова, Турция

ibrahim.duman@yalova.edu.tr

Резюме. Цели исследования: Подчеркнуть важность «Джаме аль-Хедаят фи Эльм аль-Ремайят» с точки зрения истории средневековой монгольской и иранской культуры и внести свой вклад в признание этого важного источника в мире. Материалы исследования: Автор статьи рассматривает «Джаме аль-Хедаят фи Эльм аль-Ремайят», источник исследования, и современную литературу по этому вопросу. Результаты и новизна исследования: Исследования истории Монгольской империи в мире достаточно продвинуты с точки зрения источников и исследований. Однако многие проблемы, ожидающие своего раскрытия, и множество источников ждут исследователей. Большинство исследований сосредоточено на политической истории, где источники предоставляют больше информации. Тем не менее, хотя и немногочисленные, культурные источники, написанные во времена чингизидских государств, сохранились до наших дней. Одним из таких источников является «Джаме аль-

Хедаят фи Эльм аль-Ремайят», написанный в Иране в период Ильханидов. Это важный трактат по истории стрельбы из лука. Трактат был написан на персидском языке. Этот источник является очень редким и он малоизвестен среди исследователей. Новизна данного исследования заключается в том, чтобы представить научному миру «Джаме аль-Хедаят фи Эльм аль-Ремайят», важный культурный источник монгольской и иранской истории, и выявить исследования, посвященные этому источнику.

Ключевые слова: Монгол, период Ильханидов, средневековый Иран, стрельба из лука, персидские источники

Для цитирования: Duman İ. Jāme' al-Hedāyat fī 'Elm al-Remāyat: a forgotten source from the Ilkhanid period // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 674–685. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.674-685> EDN: SVLGLP

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибрагим Думан – доктор наук (Ph.D.) (история), ассистент профессор кафедры истории факультета гуманитарных и социальных наук, Университет Ялова (77200, Район Бахчелиэвлер, ул. Чинарджик Йолу, кампус, Ялова, Турция); ORCID: 0000-0002-1454-3052. E-mail: ibrahim.duman@yalova.edu.tr

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

İbrahim Duman – Ph.D. (History), Assistant Professor of the Department of History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Yalova University (Bahçelievler Quarter, Çınarcık Yolu Str., Campus, Yalova 77200, Türkiye); ORCID: 0000-0002-1454-3052. E-mail: ibrahim.duman@yalova.edu.tr

Поступила в редакцию / Received 13.05.2024

Поступила после рецензирования / Revised 31.07.2024

Принята к публикации / Accepted 28.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.686-698>
EDN: TFKFYE

УДК 94(575.1)

STATE AND LAW OF THE CHAGHADAI ULUS AND EARLY TIMURID STATE AS THEY WERE SEEN BY FOREIGN CONTEMPORARIES

R.Yu. Pochekaev

*HSE University
St. Petersburg, Russia
rpochekaev@hse.ru*

Abstract. Research objectives: An analysis of official documents and notes of foreign contemporaries to clarify some aspects of political and legal life of the Chaghadaid Ulus and early Timurid state in the 13th–beginning of 15th centuries.

Materials and methods of research: The basic materials are official documents (diplomatic correspondence), travelers' reports and notes, diaries and memoirs of travelers from different countries of Europe and Asia who visited the Chaghadaid Ulus with different missions in the analyzed period as well as some official documents (diplomatic correspondence) between foreign and Mongol rulers. The methods of research are formal and historical legal research of historical documents, comparative legal analysis as well as historical approach in general.

Scientific novelty: The state structure and legal relations in the Chaghadaid Ulus and early Timurid state still have not been objects of special research. The author proposes to use works of foreign contemporaries as a tool to clarify some questions of political and legal life in the Chaghadaid state, finding similarities with other Chinggisid states and specific features of the region, its traditions, etc.

Results of the research: The information of the analyzed historical documents, naturally, doesn't allow one to reconstruct all aspects of political structure of Chaghadaid Ulus and early Timurid state and their legal system in general, but adds valuable details to the information of other sources on history of this state – that is, historical chronicles (mainly of Timurid age) and legal monuments (khans' yarliks and other official documents of the ulus). At that, we cannot ignore the fact that the Chaghadaid Ulus before Timur was not considered as a full and authoritative member of international relations which is why contemporaries paid more attention to other Chinggisid states: The Golden Horde, Ilkhanate, Yuan Empire. However, the analysis of contemporaries' notes could stimulate scholars to study some specific aspects of the Chaghadaid Ulus' history which were not researched before.

Keywords: Chaghadaid Ulus, Mongol Empire, Timurid state, Turkic-Mongol states, travelers' notes, traditional state and law of Eurasian nomads

For citation: Pochekaev R.Yu. State and law of the Chaghadaid Ulus and early Timurid state as they were seen by foreign contemporaries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 686–698. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.686-698>

© Pochekaev R.Yu., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Financial Support: The study was supported by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00147 “Social and Political Organization of the Eurasian Area in the Middle Ages (by the example of the Golden Horde and Iran of the 13th–14th centuries)” (<https://rscf.ru/project/23-18-00147>), implemented at the Voronezh State University.

The history of the Chaghadaï Ulus¹, though well-known, was studied lesser than the history of other Chinggisid states including the Yuan Empire, the Golden Horde and the Ilkhanate. And while the political and cultural history of that state at the different stages was researched in details by such scholars as M. Biran [3], Ts. Enkhchimeg [9], O.K. Karayev [17], B.F. Manz [21], P.N. Petrov [27], M. Subtelny [29], etc., the problems of state structure² and especially legal life in the Chaghadaï states were not studied in details.

The possible reason of such situation is a lack of enough sources on the Chaghadaï state: in fact, the first fundamental sources on its history were written in the age of Timur (Tamerlane) and Timurids and even later, during the epoch of the Uzbek khanates. Their authors were not interested in study of details of the political and legal life of the Chaghadaï Ulus before the ruling of their patron dynasties. Nevertheless, some information on the state structure and legal relations during the reign of Chaghadaïds could be find in these sources, Indeed, last years specialist introduce rather wide circle of the official documents of the Chaghadaï Ulus of the 13th–14th centuries, such as khans’ yarliks [see e.g.: 22; 23; 24], another legal and economical documents [32; 35] which are of great value for the study of legal history of the ulus. To our mind, this scientific direction is waiting for specialists who could to examine them not only as historical or philological, but mainly as juridical sources.

At the same time we have a series of historical sources which could help us clarify some aspects of real political and legal life in the Chaghadaï state, find features inherited from the Mongole Mpire and some peculiarities which could be explained by the specific regional (Central Asian) influence on the state structure and legal system of Chaghadaïds and Timurids. These sources are evidences of foreign contemporaries who either were themselves in the Chaghadaï Ulus or wrote their works basing on the eye-witnesses’ information.

The historians of the Chaghadaï Ulus usually mention not so many travelers who visited this state in the analyzed period. As a rule, among them are John of Plano Carpini, William of Rubruck, Marco Polo, Ibn Battuta, Rui Gonsalez de Clavijo, Johann Schiltberger [3, p. 4; 8, p. 11–12; 9, p. 7; 17, p. 8, 15–16; 18]. Indeed, their notes contain valuable information on the Chaghadaï State, but these travelers are not the only visitors and contemporaries who was in this khanate in the 13th to 15th c.

¹ Although some scholars consider the epoch of Tamerlane as the new order in the Ulus [see e.g.: 28, p. 44], we use the name “Chaghadaï Ulus” towards the state of the 13th–beginning of the 15th centuries, including this period, as there were not fundamental changes in the political and legal system made by Timur. Moreover, he presented himself as a heir and continuator of Chinggis Khan’s imperial traditions, he enthroned Chinggisids as khans, used Mongol imperial law (the Great Yasa, etc.). B. Manz, one of the leading scholars who studies the age of Tamerlane. Substantial changes in the political structure and partially in the legal system of this state were made by the heirs of Timur, especially his son Shahrukh (as it will be demonstrated in our study bellow), used the term “Chaghadaï Ulus” towards his original state (in contrast of his further cconquests) [21].

² Recent review of historiography on the political structure of Chaghadaï Ulus [see: 2].

Alongside with such famous travelers we should mention a series of missionaries who visited Chinggisid Central Asia or the neighboring states (such as India or China). Thus, member of the Armenian ruling family, Smbat the Constable was in Samarqand in 1248. At the end of 1250s – beginning of 1260s there were two Chinese officials who visited the Chaghadaï Ulu: Ch'ang Te and Ye-lü Hi Liang. Missionary Pascal of Vittoria visited Almaliq, the capital of Chaghadaïds, in 1338. Chen Cheng, the ambassador of the Ming Empire visited Timurid state in 1414 and reflected his observations and opinion in official report, personal diary and 75 (!) poems [10, p. 799, 802, 805].

Besides eye-witnesses, it makes sense to use the works of other contemporaries who did not visited the Chaghadaïd state, but got information on that from the travelers for their reports and other official documents. That is why we use for our research letters of Popes John XXII and Benedict XII to Chaghataïd rulers of 1320s–1330s on their religious policy, works of Armenian prince Hayton (1307) and anonymous author of the “Book fo the Great Khan”, merchant manual of Francis Balducci Pegolotti (1330s), notes of Josafat Barbaro (1452), etc.

To our mind, the combination of the information from these documents could help to form an idea of some aspects of political and legal life in the Chaghadaïd state and to clarify some additional directions of further research of state structure and especially legal relations in the Chaghadaï Ulu using the works of contemporaries as well as other historical and legal sources on this state.

Firstly we would clarify the status of Chaghadaïds on the international arena as this characteristic could explain the lack of interest of contemporaries to the Central Asian Chinggisid state in comparison with other ones.

As we know from the other sources, the Chaghadaï Ulu became a field of war during the confrontation of the end of 1240s – beginning of 1250s and especially in the period of division of the Mongol Empire since 1260s and to the beginning of the 14th c. And Chinese official Ye-lü Hi Liang (grandson of the famous Ye-lü Ch'u Ts'ai) mentioned in his tale³ of visiting Central Asia about conflicts between regional rulers including descendants of khan Ogedei and ones of the founder of the state, Chaghadaï, who divided into factions to support two pretenders for the khan's throne: Ariq-Boge and Khubilai [5, p. 161–162].

Later Chaghataïd princes supported another pretender for the throne, Qaidu, grandson of Ogedei against Khubilai, and that caused further decline of the Chaghadaï Ulu which since 1270s was under suzerainty of the Ogedeid ruler. Marco Polo told in details on the confrontation of Qaidu and Khubilai [25, p. 445–456]. No wonder that in this situation the state of Chaghadaïds was not recognized an independent and authoritative participant of international relations: contemporaries considered it only as a transitional point on the way from the Golden Horde to the Yuan Empire [3, p. 4].

Permanent wars did not allow the rebuilding of previous extinction and demolitions. John of Plano Carpini mentioned ruinous cities in the Mawerannah, and only one city, Emil, was restored for the governor of khan [14, p. 103–105]. William of Rubruck also said about deserted cities which were not restored as the Chaghadaïd state during this time was under the control of Munke, Mongolian khan, and Batu, ruler of the Golden Horde who were not interested in its flourishing [16, p. 144–146]. Chinese official Ch'ang Te who passed the Central Asia in 1258, saw there the great number of Chinese as authorities were in need of the labor force [5, p. 124]. And even Moroccan traveler Ibn Battuta, who visited the Chaghadaï Ulu in 1334, mentioned that many cities still were in ruins [12, p. 553].

³ The tale was included into the biography of this statesman in the Yuan Shih.

After the death of Qaidu the situation changed, and already Duwa, descendant of Chaghadai and ruler of the ulus, controlled the policy of Chabar, son of Qaidu. Under his influence former enemies – Temur, the Mongolian khan and Yuan emperor, Toqta, khan of the Golden Horde, Chabar and Duwa himself – as prince Hayton stated, concluded the peace treaty with recognition of supreme power of Yuan emperor [13, p. 214]. Despite the fact of periodical worsening the relations between the Chaghadai Ulus and the Yuan Empire [see also: 17], the European contemporaries continued to consider the Central Asian khanate as a vassal state of the “Great Khan” – and the “Book of the great Khan” is an example of such position [38, p. 89]. The tradition of enthronement of Chinggis Khan’s descendants in the Chagadai Ulus was unchanged until the beginning to the 15th c. when Shahrukh after the unification of father’s domain under his power refused to enthrone next Chinggisid as his puppet and accepted the title of sultan [see e.g. 10, p. 820].

And the only interest in the Europe towards the Chaghadai Ulus was from the Popes who intended to baptize the population of the Mongol Empire. Although the Mongol Iran already accepted Islam as an official religion, Christian rulers still had a hope that Chaghadaid rulers would be well disposed to the Christianity. There was a series of letters from the Pope John XXII to Chaghadaid khan Eljigidey and from the Pope Benedict XII to khan Changshi as well as their courtiers and commanders: Popes expressed their pleasure that their addressees patronized the Christianity and Christians and negotiated on the organization of special eparchy in Almaliq [13, p. 383–384, 396, 482, 484]. And only in 1339 the positions of Christian church were substantially undermined when one more ruler, Ali Sultan (by the way, descendant of Ogedei, not Chaghadai!) ordered to put to death almost all representatives of the Catholic mission in Almaliq. Next year the attempt to restore the eparchy was made by John of Marignolli, but it never reached its previous influence again [8, p. XXXIV; 13, p. 536, 567, 594–505, 629–630, 638; 30, p. 119, 120].

It was a special feature of the Chaghadai Ulus in 1320s–1330s that protectors of Christianity and Islam changed one another. So, Ibn Battuta glorified khan Tarmashirin (Ala al-Din) who became Moslem and abolished many pagan traditions [13, p. 561]⁴. But Changshi who changed him in 1334 was, as we mentioned before a patron of Christians and addressee of Popes. It does not mean that this khan and his courtiers were Christians themselves: Hayton, Ibn Battuta and even Josafat Barbaro, who visited the Golden Horde and Iran in 1436 (and gathered information on the Chaghadai Ulus at the same time) mentioned that the predominant part of the population of this state were pagans [12, p. 556; 13, p. 210; 37, p. 269–270].

Of course, the real political reasons of such often changes of khans were not only in their religious policy: there was confrontation between adherents of steppe traditions of Turkic-Mongol peoples and customs of the settled population of the Central Asia. The notes of Ibn Battuta contain an unique narrative on dethroning the descendant of Chinggis Khan by kurultay (assembly of the nobility): khan Tarmashirin was deposed on the accusation of breaking the Great Yasa of Chinggis Khan as he preferred the settled mode of life and did not visited his subjects in the nomadic regions of the khanate [12, p. 560–561]. As later sources say, this confrontation in 1340s caused the parti-

⁴ At the same time the Moroccan traveler mentioned that Islam in the Chinggisid Central Asia had differences with customs in his own lands [26, p. 47].

tion of the Chaghadaï Ulus into two parts: settled Mawerannahr and nomadic Moghulistan⁵.

So, we can see the imperial tradition of using the Yasa as the supreme source of law (like in the other uluses of the Mongol Empire) was living in the Chaghadaï khanate in the first part of the 14th c. as well as an influence of representatives of the ruling family fro the state policy. It is interesting that one more rule of Yasa was actual even at the court of Shahrukh, son of Timur, in Herat: as mentioned Chinese ambassador Chen Cheng, ruler himself was entitled as a sultan (*suolatan*), and his son and supposed heir had title “mirza” (*mi'erzan*) and all courtiers and subordinates addressed to him only by name [10, p. 820–821]. That reminds one of “yاسas” of Chinggis Khan fixed by Juvaini [4, p. 26–27].

Another tradition, usual for the Mongolian rule, but not widespread in the world of Islam was the high status of women in the ruling family. One of the first regents in the history of the Chaghadaï Ulus was Orqina Khatun, and even William of Rubruck called her state as “Organum” [16, p. 148]. Marco Polo told about Khutulun (Aigiaruk, as traveler her called), a daughter of Qaidu who was a possessor of own ulus and own troops and had a right to chose husband by herself [25, p. 453–455]. Castilian ambassador Rui Gonzalez de Clavijo mentioned Khan-zade, Tamerlan’s daughter-in-law, who was held by him in high respect as a granddaughter of Uzbek, khan of the Golden Horde [7, p. 164].

The central authorities of the Chagadaï Ulus were not described by travelers in details. Only Chinese ambassador Chen Cheng mentioned that Shahrukh, ruler of Timurid state did not have many “bureaus”, and all administrative functions belonged to divan (*duaowan*) [10, p. 821]. The same author mentioned the absence of seals on the official documents: it was enough for ruler or high official to sign such act with his personal ring, and the document “becomes effective immediately” [10, p. 824–825]. It is interesting that such tendency also took place in other Turkic-Mongol states: for example, khans of the Crimean khanate by the end of the 16th c. finally refused of state steal (*tamgha*) on their edicts (*yarliks*) and used only ring-seal (*nishan*) [see e.g. 33, p. 140–143].

The regional system of authorities in the Chaghadaï Ulus is shortly mentioned by some contemporaries, and we can suppose that it combined two traditions of regional administrations. Thus, Ibn Battuta told about the governor of the city Nakhshab whom he called “emir” in accordance with the Islamic tradition [12, p. 555]. Clavijo, in his turn, mentioned the mayor (“correhidor”) of Tabriz whom he called “daroughah” [7, p. 155] which was a Mongol analogue of regional ruler. Chen Cheng mentioned that some cities in the Timurid state under Shahrukh power were granted to his sons – Ulugh Beg and Soyurgatmish [10], while others were under rule of appointed governors and local ruling families [10, p. 838, 839, 841].

Interesting information on customs and duties in the Chaghadaï ulus is also contained in the notes of travelers. The most frequent duties are connected with maintenance of postal stations (*jams*) and servicing of officials and ambassadors. William of Rubruck told about meeting envoys by local authorities: “On the Octave of All Saints [8 November] we entered a Saracen town called Kinchac, whose governor came out of the town to meet our guide, bringing ale and some goblets. For this is their practice, that outside all the towns they have conquered the envoys of Baatu and Mangu Chan are met with food and drink” [16, p. 143]. Chinese official Ch’ang Te

⁵ The analysis of travelers’ notes on Moghulistan is not a goal of this paper, as there a few mentions on this region during studied period, and contemporaries skeptically described its political and legal structure as a series of curios things [see e.g. 10, p. 849–850].

also told about “post-stations and inns having appearance of bathing-houses” [5, p. 130–131]. Rui Gonsalez de Clavijo gave even more detailed description of the postal network: “It is to be noted that from Tabriz all the distance to Samarqand Timur has established relays of horses kept ready at command so that his messengers may ride on his missions night and day without let or hindrance. The post-houses have been built at intervals of a day’s journey apart, or sometimes of half a day’s journey. In some post- houses a hundred horses will be found, in others only fifty, while in a few there may be as many as two hundred: and thus the high road all the way to Samarqand is served”. And later the Castilian ambassador more than once mentioned that he was met by local citizens and governors who offered him food and drink and changed his horses [7, p. 155, 182, 186].

He described in his diary also the everyday work of postal servants: “All along this route [as has been already noticed] Timur causes horses to be kept stationed ready for use at post-stages, in one place there may be a hundred in another two hundred horses, and this is the case right up to Samarqand. These are kept for the service of the special messengers or envoys sent to distant places by Timur, or for the use of such envoys as may be coming to him, and such as come and such as go may ride these horses day and night without halt. These government studs are stationed both in those desert or uninhabited regions along the route, and in places where there is a settled population, further for this service there have been built caravanserais at divers intervals, where there are stables for the horses with hostelrys: the same being supplied with needful provender provisioned from the towns and villages adjacent. These government horses are cared for by men appointed to see to them, who are as we say postillions, being known here under the name of Yamchis. When any envoy sent by Timur, or any messenger carrying despatches to him arrives at one of these post-houses forthwith they unsaddle the horses that have come in, and saddle fresh beasts of those they keep. Then forward with the envoy will ride a postillion or may be two of those Yamchis, aforesaid, who are in charge of their horses, and these on arrival at the next post-house return thence with the beasts that they have brought thus far. After this fashion the messenger will pass along continuously: but should ever the horse that envoy is riding tire on the road, and by chance should he meet with any other horse whatever in these parts,—for instance should he come on one riding a horseback for his pleasure or business, —the messenger will take that horse, making the rider give it up, the Yamchi in attendance being then held responsible for the animal thus taken on loan, in place of the government horse discarded” [7, p. 177–178].

This tradition was saved in the early Timurid state: Chen Cheng describes “earthen houses” for travelers situated in each 20 *li*. He called them *langg’er*, and translator of his diary considers that there were ribats or Moslem “alms-houses” [10, p. 831]. But their characteristics as sites where travelers could find night quarters, food, drinks, etc. gives us a reason to see in them above-mentioned *jams*.

Another duty was connected with the safety of trade-routes: military troops were met by travelers along their way through the Chaghadai state. Florentine merchant Francis Pegolotti in his manual of trade with the Orient wrote: “From Oltrarre⁶ to Armalec s forty-five days’ journey with pack-asses, and every day you find Moccolls” [38, p. 148], i.e. soldiers who guarded the routes.

To our mind, such attention to the road services additionally emphasized the above-mentioned image of the Chaghadai Ulus as a “transit region” on the way from the Golden Horde or the Mongol Itan to the Yuan Empire (China).

⁶ Otrar.

As for taxes, some travelers told about different kinds of them, but we have not a systematic information on this field of legal life in the Chaghadaï Uluş. Thus, Ch'ang Te said: "The people pay ten gold coins tax per head per annum as a maximum, but a different is made between the rich and the poor" [5, p. 131]. Francis Pegolotti mentioned that there was an own weight of "mina" (maund) in Armalec (Almalyq) equal 2 libras and 8 ounces of Genoa. This information was useful for merchants who had to pay special weighing tax "tartanaq" (cantar in the Europe) [38, p. 156; see also: 34]. Chen Cheng wrote that tax rate was "two in ten"; besides that he mentioned that not gifts but also tributes "are always grouped in nines" [10, p. 824, 836] – that was old Turkic-Mongol tradition of counting. Josafat Barbaro also mentioned special taxes from the foreign merchants in the Chaghadaï Uluş, but did not specify their rates and levying order [37, p. 270].

As the substantial part of travelers through the lands of the Chaghadaï Uluş were merchants, no wonder that some aspects of trade regulations also mentioned by contemporaries.

Ch'ang Te, who passed the Chaghadaïd state in 1258, mentioned the fair in "Bie-shi-lan" (presumably Tashkent) without information on its regulation by Mongol authorities [5, p. 130]. As we remember, this time the economic life in this uluş was in hands of Muslim merchant and statesman Masud-Beg, son of Mahmud Yalavach, and have a reason to suppose the regulation of trade activities was in accordance with regional Islamic laws and traditions. Later Chaghadaïd rulers began pay more attention to this field, especially Tamerlane.

Rui Gonzalez de Clavijo describes the holiday of this ruler near Samarqand when Tamerlane ordered local merchants and craftsmen to place their stores near his headquarter (*orda*). Moreover, he charged all store owners to organize shows and performances of their own account for spectators [7, p. 248].

The Castilian ambassador also described the policy of Tamerlane to support the acceptable level of prices for goods in his lands: "Then, when but just arrived back from his last campaign, he had ordered penalties to be laid on various shoemakers and those who sold sandals and other such like trade-folk, and that they should be mulcted of their illicit gains, seeing that they were over charging for their wares" [8, p. 250–251]. We do not have an information how the problem of rise the prices became known for Tamerlane, but could suppose that it was presented him by special market official – *mukhtasib* who in all Islamic states was in charge for order in trade activities etc.: he did not have a power to regulate prices himself but could report on this problem to the ruler [see e.g.: 11]. It's possible that such officials in the Timurid state were also mentioned by Chinese ambassador Chen Cheng who characterized them as "invasive people" who attended at bazaars [10, p. 829].

Chen Cheng mentioned that trade-tax (widely known as *tamgha*) was paid by buyers. He also wrote about special tax paid by workers of minting houses to the ruler of the region [10, p. 823–824].

A special regulation was used in the extraordinary circumstances: if the foreign merchant died, and his successor was not in the place of his death at this time. Francis Pegolotti wrote: "The road you travel from Tana to Cathay is perfectly safe, whether by day or by night, according to what the merchants say who have used it. Only if the merchant, in going or coming, should die upon the road, everything belonging to him will become the perquisite of the lord of the country in which he dies, and the officers of the lord will take possession of all... But if his brother be with him, or an intimate friend and comrade calling himself his brother, then to such an one they will surrender the property of the deceased, and so it will be rescued" [39, p. 152]. In fact, such in-

formation is rather contrary to one of Yargas of Chinggis Khan mentioned by Ala al-Din Juvaini: “They have a custom that if an official or a peasant die, they do not interfere with the estate he leaves, be it much or little, nor may anyone else tamper with it. And if he have no heir, it is given to his apprentice or his slave. On no account is the property of a dead man admitted to the treasury, for they regard such a procedure as inauspicious” [4, p. 34; see also: 36, p. 358]. More possible that the possessions of died merchants were saved by special official *bulaguji* who was in charge of search and saving of lost property and had right for reward from the owner for return of the loss [see details: 1]. Thus, when Venetian merchant Giovanni Loredano died near Ghazni, his possessions were taken by local authorities who later returned all goods to his brother and successor Paolo Loredano [20, p. 176].

Some lapidary information on the crimes and punishments in the Chaghadai Ulus also could be found in the notes of foreign contemporaries. It is significant that the status of criminals was not an extenuating circumstance. As we mentioned before, even khan Tarmashirin was accused and dethroned for his activities which were recognized a crime.

Ibn Battuta also told about the justice of Kebek Khan (d. 1326), elder brother of Tarmashirin: “Among the judgments of Kabak it is related that a woman laid a complaint before him against one of the amirs. She stated that she was a poor woman, with children to support, that she had some milk [for sale] with the price of which she could procure food for them, and that this amir had taken it from her by force, and drunk it. He said to her, 'I shall cut him in two; if | the milk comes out of his belly, he has gone to his fate, but if not I shall cut you in two after him'. The woman said, '[No.] I release him from the obligation, and will make no demand on him.' But Kabak gave the order, the man was cut in two, and the milk came out of his stomach” [12, p. 556–557]⁷.

Clavijo gave detailed description of court and execution of some statesmen by Tamerlane. One of them was a trustee of ruler and even was empowered to act for Tamerlane in Samarqand during his Near East campaign⁸. After return the ruler of the Chaghadai Ulus found that this official in agreement with one of his colleagues, Muhammad Jildah defalcated money assigned for the building of the Bibi-Khanym Mosque. Two criminals were found guilty and hanged despite the fact that Muhammad Jildah promised return all money and even more. Similarly another “great lord of the court” was sentenced by Tamerlane to death as he did not return 3 000 horses left him to care before the above-mentioned Near East campaign although the criminal promised return not 3 000, but 6 000 horses [7, p. 249–250]⁹.

Another foreigner who was familiar to Tamerlane, Bavarian Johan Schiltberger, told about the massacre made by Chaghadai ruler with citizens of Isfahan who at first submitted to him and accepted his garrison, but later rebelled and kill all Chaghadai soldiers [31, p. 27–28]¹⁰.

Administrators of Tamerlane severely punished their subordinates if they did not place at their disposal horses, food, drink, etc. Castilian ambassador wrote: “Wheresoever we might come and whensoever, no matter at what hour, if those of the settlement

⁷ However, already publisher of Ibn Battuta’s notes paid attention that similar story was told in different Islamic countries.

⁸ In fact, it was certain Khwaja Muhammad Dawud, the “chief of scribes”, i.e. head of one of divans (ministries).

⁹ The information of Clavijo differs in details from reports on this case by Timurid historians.

¹⁰ Such massacres were usual punishment for treachery by Mongol conquerors since the times of Chinggis Khan.

or township did not forthwith very quickly bring all that was required, they received merciless blows and beatings, suffering the same in a manner that we marveled to witness” [7, p. 187–188].

However, even Tamerlane who was presented in different sources as a just ruler and a fighter with criminality was not able to succeed in this activity entirely and had some failures. Rui Gonzalez de Clavijo wrote about regular abuse of power by officials and messengers (*elchis*) of Tamerlane who beat unmercifully commoners and even local leaders (*reises*) to extort money and goods. Now wonder that citizens at their approach closed their stores and workshops and tried to hide from elchis [7, p. 188–189]. And Clavijo did not mention that such practice was punished by Tamerlane!

Shiltberger also gave some examples of Tamerlane’s weakness in punishment of criminals. Thus, one of his emirs got tribute in Iran but in agreement with local governor defalcated it. Ruler of the Chaghadaï Ulus sent his army for criminals but they could hide in the woods. Similarly, when Tamerlane returned to Samarqand after one of his campaigns he was known that his younger wife “had been intimate with one of his vassals”. Ruler ordered to behead the wife, but her lover was able to escape [31, p. 26–27, 29].

Chen Cheng describes the criminal legal realities in the early Timurid state, and his information shows that already Timur’s heir, Shahrukh, turned to Islamic tradition of criminal law. According to the Chinese ambassador, “Criminal law is seldom applied in the country. Lawsuits are rare among the military and common people. If there is a case that involves the killing of a person, the punishment will not go beyond compensation for a certain amount of money. There is no death penalty. As for other lesser crimes, only light punishments or flogging would be carried out” [10, p. 825]. This description, as we can see, correlates with Moslem criminal and penal institutions – such as *diya* instead of revenge or death penalty of the murderer, etc.

At the same time Chen Cheng describes some prohibitive rules related to Islamic law. For instance, he mentions a prohibition for alcohol and beating offenders by whip [10, p. 826, 839].

Finally, Rui Gonzalez de Clavijo fixed interesting detail on the judicial proceeding in the Chaghadaï Ulus – at the description of above-mentioned punishment of his trustee Khwaja Muhammad Dawud. During the investigation rulers’ subordinates interrogated suspects, read witnesses, used different kinds of tortures, etc. [7, p. 249–251].

Contemporaries did not fixed detailed information on private legal relations. Only Chen Cheng’s diary contained several mentions on matrimonial customs of population in the early Timurid state. He wrote that man could marry or take as concubine widow of his elder or younger brother (a kind of levirate union) as well as marry his cousin on father’s line [10, p. 826].

As we can see, the contemporaries’ notes contain various information on the political and legal realities of the Chaghadaï Ulus. It seems that such materials are of great value as contain the evidences not on written, but on active law, which was used in the everyday life. Of course, analyzed information is not so detailed and systematized to reconstruct all fields of legal relations in the Chaghadaï and early Timurid state. However, part of this information gives an opportunity to compare evidences of foreigners with works of Central Asian historians of Chaghadaï and Timurid periods. And another part is a series of unique facts given by eye-witnesses who was involved in real legal relations in the Central Asian Chinggisid khanate.

At the same time, despite the brevity and facultative of researched sources, we have reason to state that basic political and legal institutions in the Chaghadaï Ulus were similar (and even same) to the analogous institutions in other Chinggisid states

which are better studied due to greater number of sources and longer traditions of scientific research.

So, we can continue the research of the political and legal realities of the Chaghadaï Uls in two ways. First one is comparison of foreign contemporaries' notes with the information of Central Asian narrative and legal sources. Another way is an extrapolation of our knowledge on specific political and legal institution of the Golden Horde, Mongol Iran and Yuan Empire on their analogues in the state of Chaghadaïds to compensate the lack of information.

REFERENCES

1. Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. (2023). K voprosu o sud'be uteryannogo imuschestva v srednevekovykh turko-mongol'skih gosudarstvakh [On the Fate of the Lost Property in the Medieval Turkic-Mongol States]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanitarian Sciences]. 2023, Vol. 25, no. 2, pp. 51–67. (In Russian)
2. Bekmuradov S. From the history of the study of the Chagatai ulus governance system. *History and Archeology, Archival Studies*. No. 133: Proceedings of the 3rd International Scientific and Practical Conference “Concepts for the Development of Society’s Scientific Potential”, 2022, pp. 227–236.
3. Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond: Curzon, 1997. 197 p.
4. Boyle J.A. (transl.) The History of the World-Conqueror by Ata-Malik Juvaini. Manchester: Manchester University Press, 1997. 67 + 763 p.
5. Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources*. Vol. 1. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1910, 334 p.
6. Chinzorig B. (ed.). Tsagadayn uls [Chaghadaï Uls]. Ulaanbaatar: Steppe Publishing, 2019. 266 p. (In Mongol)
7. Clavijo. Embassy to Tamerlane 1403-1406, transl. from Spanish by G. Le Strange. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1928. 375 p.
8. Dawson C. (ed.). The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. London; New York: Sheed and Ward, 1956. 39 + 246 p.
9. Enkhchimeg Ts.Ts. Chagatayskiy ulus (1221–1346): Avtoref. ... kand. ist. nauk [Chaghadaï Uls (1221–1346)]: Summary of the Dissertation of Candidate of Historical Sciences. Ulan-Ude: S.n., 2004. 23 p. (In Russian)
10. Fan C. The Timurid Regions and Moghulistan through the Eyes of a Ming Diplomat: An Annotated Translation of the Xiyu fanguo zhi and Selected Poems by Chen Cheng (1415). *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2023, vol. 66, pp. 795–884.
11. Floor W. The Office of Muhtasib in Iran. *Iranian Studies*. 1985, vol. 18, no. 1, pp. 53–74.
12. Gibb H.A.R. (transl.). The travels of Ibn Battuta. A.D. 1325–1354. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1971, pp. 539–771.
13. Hautala R. V zemliakh «Severnoi Tartarii»: Svedeniia latinskikh istochnikov o Zolotoi Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341) [In the Lands of the “Northern Tartaria”: Information of Latin Sources on the Golden Horde during the Reign of khan Uzbek (1313–1341)]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 976 p. (in Russian, Latin).
14. Hayton. La flor des estoires de la terres d’Orient. In: *Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens*. Vol. 2. Paris: Academie des inscriptions et belles-lettres, 1906, pp. 111–363.

15. Hildinger E (transl.). *The Story of the Mongols whom we call the Tartars*, by Friar Giovanni diPlano Carpini. Boston: Branden Publishers Co., 1996. 136 p.
16. Jackson P., Morgan D. *The Mission of Friar William of Rubruck*. London: The Hakluyt Society, 1990, 312 p.
17. Karaev O.K. *Chagatayskiy ulus. Gosudarstvo Khaydu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda [Chaghadaid Ulus. Qaidu's state. Moghulistan. Foundation of the Kyrgyz people]*. Bishkek: Kyrgyzstan Publ., 1996. 160 p.
18. Kehren L. *Temoignages d'Europeens sur Tamerlan revisites Clavijo et Schiltberger. Oriente Moderno*, New ser., 1996, vol. 15, no. 2: *La civilita Timuride come fenomeno internazionale*, vol. I (Storia – I Timuridi e l Occidente), pp. 325–339.
19. Liu Yingsheng. *War and Peace between the Yuan Dynasty and the Chaghadaid Khanate (1312–1323)*. In: Amiyai R., Biran M. (eds.). *Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leyden; Boston: Brill, 2005, pp. 339–358.
20. Lopez R.S. *European Merchants in the Medieval Indies: The Evidence of Commercial Documents. The Journal of Economic History*. 1943, vol. 3, no. 2, pp. 164–184.
21. Manz B. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999. 227 p.
22. Matsui D. *A Mongolian Decree from the Chaghataid Khanate Discovered at Dunhuang*. In: *Aspects of Research into Central Asian Buddhism: In Memoriam Kogi Kudara*. Turnhout: Brepols, 2008, pp. 159–178.
23. Matsui D. *An Uigur decree of tax exemption in the name of Duwa-Khan. Шинжэлэх Ухааны Академийн Мэдээ [Academy of Sciences Herald]*. No. 4, 2007, pp. 60–68.
24. Matsui D., Watabe R., Ono H. *A Turkic-Persian Decree of Timurid Miran Shah of 800 AH / 1398 CE. Orient*. 2015, Vol. 50, pp. 53–75.
25. Moule A.C., Pelliot P. *Marco Polo: The Description of the World*. Vol. 1. London: George Routledge & Sons, Ltd., 1938. 596 p.
26. Mueller Chr., M. Salonia M. (eds.). *Travel Writings on Asia: Curiosity, identities and knowledge across the East, c. 1200 to the present*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. 310 p.
27. Petrov P.N. *Numizmaticheskaya istoriya Chagataiskogo gosudarstva 668/1270–770/1369 gg. [Numismatic history of the Chaghadaid state 668/1270 – 770/1369] Cand. Sci. (History) Thesis*. Kazan: S.n., 2007. 379 p. (In Russian)
28. Phillips K.M. *Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245-1510*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 314 p.
29. Subtelny M.E. *Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran*. Leiden; Boston: Brill, 2007. 411 p.
30. Svet Ya.M. (transl.). *Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indiy [After Marco Polo. Travels of western foreigners to the country of three Indias]*. Moscow: Nauka Publ, 1968. 238 p. (In Russian)
31. Telfer J.B. (transl.). *The bondage and travels of Johann Schiltberger, a native of Bavaria, in Europe, Asia and Africa, 1396–1427*. London: The Hakluyt Society, 1879. 263 p.
32. Tugusheva L.Yu. (transl.). *Uygurskie delovye dokumenty X–XIV vv. iz Vostochnogo Turkestana [Uyghur practical documents of 10th–14th cc. from the Eastern Turkestan]*. Moscow: Nauka – Vostochnaya literature Publ., 2013. 326 p. (In Russian, Ancient Uyghur)
33. Usmanov M.A. *Zhalovannyye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv. [Granted Charters of the Ulus of Jochi of 14th–16th cc.]*. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p. (In Russian)
34. Vásáry I. *Notes on the term “tartanaq” in the Golden Horde*. In: Vásáry I. *Turks, Tartars and Russian in the 13th–16th centuries*. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2007, pp. 19.
35. Ver M. *Old Uyghur documents concerning the postal system of the Mongol Empire*. Turnhout: Brepols, 2019. 263 p.

36. Vernadsky G. The Scope and Contents of Chingis Khan's Yasa. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1938, Vol. 3, no. 3/4, pp. 337–360.

37. Yule H. (transl.). Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. Vol. 1. London: The Hakluyt Society, 1916. 319 p.

38. Yule H. (transl.) Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. Vol. 3. London: The Hakluyt Society, 1914. 270 p.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЧАГАТАЙСКОГО УЛУСА И РАННЕГО ТИМУРИДСКОГО ГОСУДАРСТВА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ СОВРЕМЕННИКОВ

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

rpochekaev@hse.ru

Резюме. Цель исследования: анализ официальных документов и свидетельств иностранных современников как источника по истории государственных и правовых отношений в Чагатайском улусе XIII–XV вв., выявление степени их объективности и полезности для дальнейшего исследования истории этого государства.

Материалы и методы исследования: основу исследования составляют официальные документы (включая дипломатическую корреспонденцию), а также отчеты и записки путешественников, дневники и мемуары иностранцев – выходцев из различных стран Европы и Азии, побывавшем в рассматриваемый период в Чагатайском улусе с различными целями. Основные методы исследования: историко-правовой и формально-юридический методы, сравнительно-правовой анализ, а также общесторический подход, сочетание которых позволяет проверить достоверность и объективность информации исследуемых исторических источников.

Научная новизна заключается в том, что впервые специально исследуется важный аспект истории Чагатайского улуса – его политические и правовые реалии в том виде, в каком их представляли иностранные современники, многие из которых лично побывали в этом государстве, а другие опирались на сведения, предоставленные такими путешественниками. При этом производится сравнение одних свидетельств современников с другими, а также с иными источниками, что позволяет выявить сходства и различия в политико-правовых реалиях Чагатайского улуса с Монгольской империей и другими чингизидскими государствами.

Результаты исследования: информация проанализированных исторических памятников, безусловно, не позволяет в полной мере реконструировать политическое устройство или правовую систему Чагатайского улуса. Однако она содержит важные и ценные детали, касающиеся различных сторон его политико-правовой жизни, что позволяет дополнить сохранившиеся до нашего времени основные источники по истории этого государства – исторические хроники и сочинения (преимущественно тимуридского и пост-тимуридского периодов) и правовые памятники (ханские ярлыки и иные юридические документы). Также следует принимать во внимание, что в течение достаточно длительного времени (вплоть до завоевательных походов Тамерлана) иностранные современники не рассматривали Чагатайский улус в качестве авторитетного участника международных отношений, поэтому интерес к нему был гораздо ниже, чем в отношении других чингизидских ханств – Золотой Орды, госу-

дарства Хулагуидов, империи Юань. Как бы то ни было, проанализированные сведения дают возможность обратиться к более подробному изучению тех аспектов истории Чагатайского улуса, которые до сих пор не были подробно изучены.

Ключевые слова: Чагатайский улус, Монгольская империя, тюрко-монгольские государства, записки путешественников, традиционное государство и право кочевников Евразии

Для цитирования: Pochekaev R.Yu. State and law of the Chaghadaï Ulus and early Timurid state as they were seen by foreign contemporaries // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 686–698. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.686-698> EDN: TFKFYE

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)» (<https://rscf.ru/project/23-18-00147>), реализуемого в Воронежском государственном университете.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Юлианович Почекаев – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (198095, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, HSE University (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198095, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4192-3528, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

Поступила в редакцию / Received 28.05.2024

Поступила после рецензирования / Revised 20.07.2024

Принята к публикации / Accepted 29.08.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.699-708>
EDN: UPJEW5

УДК 94(47).03

“TURKS, TATARS AND RUSSIANS IN THE 13TH–16TH CENTURIES”: EXPLORING THE INTERACTION ACROSS EURASIA

Suat Beylur

*Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
Turkestan, Republic of Kazakhstan
suatbeylur@gmail.com*

Abstract. Research objectives: This article, through the review of István Vásáry’s book, published in 2023 as part of the Variorum Collected Studies Series (digital) by Taylor & Francis, aims to explore the interactions among Turks, Tatars, and Russians within the Eurasian region, as well as their broader political, economic, and cultural influences.

Research results and scientific novelty: The book that forms the basis of this article consists of a total of 21 articles by the Hungarian author published in different years, including the revised and translated English version of two articles previously published in Russian. This work of Vásáry, a veteran researcher in the field of Turkic, Mongolian, and Tatar history, as well as Turcology, explores the interaction among societies spanning vast territories from the Steppes to the Balkans and further across Eastern Europe. It exposes with great skill the political, military, administrative, social, economic, diplomatic, religious, linguistic, literary and cultural aspects of the interaction in question through specific case studies and facts. This view is a challenge to the general one that ignores the contributions of the people in the mentioned territories to world civilization. From this aspect, this book beckons scholars to reevaluate historical documents not merely as repositories of the past, but also as critical lenses through which to discern and interpret contemporary realities.

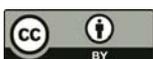
Keywords: Turks, Tatars, Russians, History, Historical sociology, Interaction, Cultural exchange

For citation: Beylur S. “Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th centuries”: exploring the interaction across Eurasia. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 699–708. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.699-708>

Financial Support: This article was produced within the scope of the project called “Historical Geography of the Central Asia” (BR21882416), supported by the Ministry of Science and Higher Education of Kazakhstan.

Turks, Tatars and Russians are the ancient and ascendant communities of the Eurasian geography. Therefore, there exists a good deal of studies in the literature on the history, language, and culture of these nations. However, since these studies are primarily based on Russian archival documents, they are subject to criticism in several respects [5]. Perhaps the most significant reason for this criticism is the knowledge and

© Beylur S., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

materials created in the fields of language, history, and literature, which were seen as a tool for the sustainability of Russian colonialism and later as an instrument of ideological propaganda for the USSR administration [7]. This naturally gave rise to a one-sided view in the existing literature.

On the other hand, there is another issue described as Eurocentrism in front of regional studies, which often prioritizes European perspectives, methodologies, and theoretical frameworks that may not be entirely applicable to the diverse contexts of Eurasia [3]. Eventually, while stating that two incompatible perspectives known as Russocentric or Eurocentric have various handicaps, it should be acknowledged that the literature based on Russian sources is more comprehensive and explicative in understanding the history and current dynamics of Eurasia.

However, it should be noted that there are also various studies dealing with the interaction in the regions extending from Asia to the Balkans and Eastern Europe, which Vásáry wishes to show in this book. Among these, "The Horde: How the Mongols Changed the World" by Marie Favereau delves into the history of the Golden Horde, or Qipchaqs, focusing on its political, social, and economic impacts. The book explores how the Horde, originating from the Mongol Empire, became a powerful and enduring regime that influenced the trajectories of Russia and Central Asia until the sixteenth century [1]. Further, the author emphasizes the Horde's dominance in Eurasian continental trade, its complex governance involving khans and begs, and the sophisticated social organization that allowed it to flourish independently from the Mongol center. "The Turkic Peoples in World History" by Jo Yup Lee, recently published also, considers the history of Turkic peoples as a whole process of fusion and integration rather than a chronological and geographical classification [6]. Another book worth mentioning is "The Turks in World History" by Carter V. Findley. Published by Oxford University Press, the author discusses the journey of the Turks, which started 2000 thousand years ago and extended to Eurasia and Europe, their interaction with the people there, and eventually the modern states they formed [2]. Finally, within the scope of this article, the encyclopedic work titled "Turks," published in 21 volumes under the editorship of Hasan Celal Guzel and Halil Inalcik also be mentioned. Published in 2002, this encyclopedic collection spans 21 volumes and covers various aspects of Turkic history and civilization from ancient times to the present day [4].

Vásáry's book, which will be examined in detail under the sections below, offers very detailed information as a result of his many years of accumulated knowledge. Furthermore, it reveals the place and importance of Tatars and Turks in Russian history, highlighting the political, economic, intellectual, and literary interactions and cultural exchanges among the peoples in the vast Eurasian space through some certain events and facts. More importantly, the author underlines the role of the Turks in preserving the multicultural structure of the region, as experienced during the Golden Horde period [8].

1- The Role of the Turkic Peoples in the Ethnic History of Eastern Europe

At the beginning of the book, Vásáry underlines the important differences between ethnicity and nationalism. He claims that nationalism is an ideological phenomenon created to respond to the political expectations of the modern age, aligning with the widely accepted view in the literature. In the historical context, The Turkic peoples, including Bulgars, Khazars, and later the Cumans and Tatars, played a pivotal role in shaping the ethnic and cultural landscape of Eastern Europe. In the chapter, where Bulgarians and Cumans are shown as two obvious examples, it is stated that these two Turkic peoples were primarily effective in the establishment of the First Bulgarian Empire in Eastern Europe and subsequently in the Bulgarians regaining their independence. On the other hand, The Magyars, who established Hungary, were significantly influenced by Turkic

tribes through intermarriages and cultural exchanges. Hungarian language and society integrated many Turkic elements, which are still evident today. The Turkic influence in Bulgaria and Hungary, including Romania, is seen in the ethnogenesis of their populations. However, modern nationalism often overlooks or minimizes these contributions in favor of narratives that emphasize Roman or Slavic heritage. By providing a detailed account of how Turkic groups influenced Eastern Europe this chapter not only highlights the significant role of Turkic peoples in European history but also challenges the often mono-ethnic focus of national histories in Eastern Europe.

2- Origins and Possible Cuman Affiliations of the Asen Dynasty

Chapter 2 discusses the contested origins of the Asen dynasty, which played a pivotal role in the medieval history of Bulgaria. The scholarly debate revolves around three main perspectives: whether the founders of the Asen dynasty, brothers Peter, Asen, and Kaloyan, were of Bulgarian, Vlakh (Romanian), or Cuman origin. Vászary critically examines each of these theories, offering a nuanced understanding of the ethnic and political complexities involved. Stating that Byzantinologist F. Uspenskii's approach to "Bulgarian" was replaced by other names, including "Vlakh," in historical records, and that the brothers Peter, Asen, and Kaloyan were Bulgarian in origin, has been refuted by other scholars, Vászary also considers F. Uspenskii's view to be largely inconsistent. Vászary points out that the second main theory, that the Asen brothers were of Vlakh origin and spoke the Roman language, is far from sufficient scientific evidence. According to him, the documents cited by this approach are bolstered by references in papal letters and other documents which hint at a Roman (or Vlakh) heritage. The author, who clearly shows his distance from the first two theories, draws attention to the interaction of the Asens with the Cumans, showing the Cuman origin of the name "Asen" and the political and military support that the Asen brothers received from the Cumans, as the most compelling argument. However, in the first chapter of the book, the author points to a synthesis that he essentially tries to do throughout the book, and says that it is difficult to draw definitive conclusions about the ethnic origins of the Asen dynasty based on the available evidence.

3- Cuman Warriors in the Fight of Byzantium with the Latins

This chapter, delves into the significant role of Cuman warriors in the geopolitical shifts in Byzantium during the early 13th century, focusing on their involvement in battles following the Fourth Crusade. The chapter meticulously examines the strategic implications of Cuman alliances and their profound influence on the outcomes of several key conflicts during this tumultuous period. One of the central events discussed is the Battle of Adrianople in 1205, where Kaloyan and his Cuman allies decisively defeated the Latin forces. This battle is particularly noted for the strategic use of typical nomadic tactics by the Cumans, including feigned retreats and sudden, fierce counterattacks, which overwhelmed the Latin knights. emphasizes the dual nature of the Cumans as both catalysts for change and agents of destruction in the medieval Balkans. Their role as mercenaries who shifted allegiances according to opportunity had long-lasting effects on the region's historical trajectory. The legacy of the Cumans, while marked by military prowess and significant victories, also includes the instability and devastation brought to the areas where they operated.

4- The Hungarians or Možars and the Meščers/Mižers of the Middle Volga Region

This chapter starts with the arrival of the Hungarians in the Carpathian Basin at the end of the 9th century from the east. A segment of these groups did not partake in the westward migratory waves and stayed closer to their original homeland. Notable is the

differentiation between the 'Eastern' and 'Western' Hungarians, who, despite geographical separations, maintained connections for a period. Over time, however, these connections weakened and eventually ceased. The document also contemplates the current implications of these historical dynamics, discussing how these past interactions have shaped modern national identities and ethnic compositions in the region. It calls for a nuanced understanding of these historical interactions to appreciate the complex ethnic and cultural heritage of the Middle Volga and its peoples. In summary, Vásáry's work provides a detailed examination of the historical and cultural interactions between the Hungarians and the peoples of the Middle Volga region, highlighting the complexities of migration, identity, and assimilation in shaping the historical narratives of Eastern Europe.

5- The Golden Horde Term *Daruga* and its Survival in Russia

Chapter 5 explores the profound impact of the Mongol invasion on Russian history, emphasizing the long-term influence of the Golden Horde's administrative practices on medieval Russia. Vásáry specifically focuses on the term "daruga", tracing its origins, functions, and how it integrated into Russian administrative language and practices. The term "daruga" originates from the Mongolian word 'daru-' meaning 'to press', similar to the Turkic term "basqaq" used to denote a similar administrative position within the Golden Horde. This term was widely adopted across the Mongol Empire and persisted in various forms across regions historically under Mongol control. Chapter concludes that the term "daruga", its functions, and its integration into Russian administration exemplify the profound and lasting influence of Mongol governance on Russia. The adaptation of this term signifies a broader integration of Mongol administrative practices into Russian state structures, which has been a subject of interest and study for both Russian and Western scholars. Overall, the text offers a detailed exploration of how a single Mongol term reflects broader historical processes and influences, contributing to our understanding of the Mongol legacy in Eastern European historical and administrative contexts.

6- The Institution of Foster-Brothers (*Emildas* and *Kokaldas*) in the Chingisid States

Chapter 6 examines the place and importance of the foster-brotherhood institution in the social structure and social relations in the Chinggisids and their successor states. Foster-brotherhood is a practice that existed in Turks and other societies before Chinggisids. However, this institution, known as "emildas" and "kökaldas", became a more formal institution with social and political roles in the Chingisids and their successor Turkic states. During the Ilkhanids, as well as the Crimean, Kazan and Nogay Khanates, this institution became more confined, and "emildas" or "kökeldas" became confidants and advisors of khans, sultans and their families, and furthermore, they rose to leadership positions in important military posts. Making evaluations on the etymology of "emildas" and "kökeldas", the author also provides a broad overview of the practices in the Golden Horde state, Crimea, Kazan, and Nogay Khanates compared to those in other communities.

7- The Role of *Basqaq* and *Daruga* in Mongol and Turkic Administrative Systems

After examining the foster-brotherhood's social role in Chapter 6, this chapter explores the functions of *basqaq* and *daruga* in Turkic and Mongolian administrative systems. *Basqaq* (Turkic) or *daruga* (Mongol) used in the Turkic and Mongolian administrative system has changed functionally over the period from the 13th century to the 16th century. *Baqaqs*, who are initially responsible for the complete and timely collection of taxes and partly have local administrative duties, have become an important

institution of the central administrative system over time. Similar to *emildas*, *basqaq* – first mentioned in Kutdgu Bilig and part of the Turkic administrative system – was adapted into the administrative systems of the Chinggisids and their successor states following Turkic-Mongolian interactions.

The roles of *basqaq* and *daruga* illustrate the complexity of governance in the Mongol and Turkic empires. These terms encompassed the authority and responsibilities assigned to officials within the expansive Mongol administration, reflecting the empire's approach to local governance and bureaucratic control. The evolution of these terms and their functions underscores the adaptability and pragmatism of Mongol imperial strategies, contributing to the administrative efficiency that supported their vast empire.

8- *Susun* and *Süsün* in the Middle Turkic Texts

In this chapter, the author traces the interaction between Mongols and Turks through the word *susun* or *süsün* written in Arabic letters in middle Turkic texts. Furthermore, the author deepens his research into "Husrav u SİRİN," and the words *susun* used in the yarliks of this period. The word *susun* can mean "thirst," "drink", "beverage," "wine," "wet," and even "buttermilk", "curdled milk", "fresh koumiss". He emphasizes that the prefix "*suw*" might be of Turkic origin, while the suffix "*-sun*" might be of Mongolian origin. In doing so, he highlights the significance of contextual analysis, linguistic comparisons, and historical documentation in unraveling the complexities of Middle Turkic texts.

9- Notes on the Term *Tartanaq* in the Golden Horde

Using the term *tartanaq* as a case study to illustrate the complexities of medieval Turkic administrative terminology, this chapter explores the term *tartanaq* within the context of the Golden Horde, highlighting its historical and linguistic significance. The text delves into how *tartanaq* was used in administrative records to denote specific types of duties or taxes associated with the weighing of goods. Vásáry explains that *tartanaq* likely referred to a fee or duty levied based on the weight of merchandise, which aligns with the administrative practices of the Mongol Empire and its successor states, where such fees were common. Overall, Vásáry's examination of *tartanaq* contributes significantly to our understanding of the Golden Horde's administrative terminology and the complexities involved in interpreting historical documents from this period.

10- Remarks on Uighur Literature in the Golden Horde and the Timurid Period

This chapter delves into the use of the Uighur script in the Golden Horde and among the Timurids, examining its role in cultural and administrative contexts during the 14th and 15th centuries. The chapter also discusses the historical significance of two important Uighur-scripted documents preserved in the Austrian National Library. Vásáry's exploration of the Uighur script in these historical contexts shows its significant impact on the administrative and cultural developments in the Golden Horde and Timurid empires. His work sheds light on the broader implications of script and language in the governance and cultural life of Central Asian empires, providing insights into how these tools were used to consolidate power and culture across diverse populations. This chapter also underscores the importance of script and language in historical governance and cultural transmission, contributing to our understanding of medieval Eurasian history.

11- Mongolian Impact on the Terminology of the Documents of the Golden Horde

Chapter 11 deals with the significant influence of Mongolian terminology and administrative practices on the documents of the Golden Horde, focusing on how Mongolian administrative and legal concepts were incorporated into the Eastern Turkic language and chancellery practices of the Horde during the 13th to 15th centuries. The

Golden Horde, a state formed from the western part of the Mongol Empire, utilized a chancellery system deeply influenced by Mongolian administrative practices. Unlike its counterpart in Persia (the Ilkhanids), which continued to use Mongolian in official documents, the Golden Horde adopted the Eastern Turkic literary language for its documentation, albeit heavily borrowing Mongolian vocabulary and phrases. In brief, this chapter provides a detailed exploration of the Mongolian impact on the terminology and administrative practices of the Golden Horde, offering insights into how conquerors and conquered peoples can exchange and integrate cultural and administrative elements, leading to a unique synthesis that characterizes an empire.

12- Immunity Charters of the Golden Horde Granted to the Italian Towns Caffa and Tana

In this chapter, Vásáry analyzes the immunity charters granted by the Golden Horde to the Italian towns of Caffa and Tana, focusing on the historical context, the significance of these documents, and the challenges faced by historians in studying these sources. The chapter outlines how, from the 13th to the 15th centuries, these towns were granted special charters by the khans of the Golden Horde. These charters provided various privileges, including fiscal immunities and trade concessions, which were crucial for the development and operation of these bustling mercantile hubs. Vásáry's work highlights the importance of these charters not only as tools of medieval diplomacy but also as vital sources for the study of the economic and political history of the Golden Horde.

13- Oriental Languages of the Codex Cumanicus: Persian and Cuman as Linguae Francae in the Black Sea Region (13th–14th Centuries)

This comprehensive chapter examines the linguistic intricacies and historical significance of the Codex Cumanicus, focusing on the use of Persian and Cuman languages during the 13th and 14th centuries in the Black Sea region under Mongol rule. Alongside Persian, Cuman, a Turkic language, was widely spoken across the Golden Horde and was included in the Codex for similar practical reasons. The inclusion of Cuman catered to the needs of the local populations and the Italian merchants who interacted with them, particularly in regions like Crimea and the lower Volga where Turkic languages were predominantly spoken. The use of these languages in the Codex highlights the Mongols' pragmatic approach to governance, emphasizing communication and administration over cultural assimilation. This policy fostered a diverse and multi-ethnic empire where linguistic skills were highly valued as political assets.

14- A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qırq-yer from 1478/79

Chapter 14 provides a detailed examination of a unique historical document – a contract between Crimean Khan Mängli Giräy and the inhabitants of Qırq-yer, dated 1478/79. This document is significant for its insights into the urban culture, political arrangements, and multicultural interactions within the Crimean Peninsula during the late 15th century. This particular contract not only reaffirmed the privileges of Qırq-yer's inhabitants but also secured their loyalty amidst the political upheaval following the Ottoman conquest of nearby Kaffa in 1475. Mängli Giräy's contract with the town's inhabitants illustrates the complexities of local governance and the khan's efforts to stabilize his rule by securing the support of key urban centers.

15- The Impact of Uralic Elements on Tatar Language and Culture

This chapter aims to show the significant influence of Uralic elements on the Tatar language and culture, focusing on historical interactions and linguistic integrations between the Tatar people and Uralic-speaking communities. The Uralic languages,

encompassing a diverse range of linguistic groups including Finnish, Hungarian, and various languages spoken by indigenous peoples across northern Eurasia, have historically been in contact with Turkic languages such as Tatar. Vászary traces these interactions back to ancient times, when these groups coexisted or neighbored each other, leading to significant cultural and linguistic exchanges. Beyond language, Vászary emphasizes the exchange of cultural practices between the Tatars and Uralic-speaking peoples. This includes shared myths, music styles, and even religious beliefs to some extent, reflecting a rich tapestry of interaction that has contributed to the ethnogenesis of the Tatar people. He highlights how these exchanges are manifested in traditional Tatar art, folklore, and societal norms.

16- Orthodox Christian Qumans and Tatars of the Crimea in the 13th–14th Centuries

In this chapter, Vászary examines the presence and influence of Orthodox Christianity among the Quman and Tatar populations in Crimea during the 13th and 14th centuries, shedding light on the complex interplay between religion, ethnicity, and political power in this pivotal region. The Byzantine Church's missionary efforts aimed at converting these nomadic peoples, who migrated frequently across the steppe regions of Crimea. This resulted in the establishment of several eparchies (ecclesiastical districts) dedicated to these groups, reflecting the church's strategic approach to integrating these communities within the Christian fold. The conversion of these Turkic groups to Orthodoxy also had significant political implications, particularly under Mongol-Tatar rule. Vászary discusses how these conversions may have facilitated smoother governance and enhanced the socio-political integration of diverse ethnic groups within the Crimean part of the Golden Horde.

17- History and Legend in Berke Khan's Conversion to Islam

Chapter 17 analyzes the historical and legendary accounts surrounding Berke Khan's conversion to Islam, emphasizing the intricate blend of factual and mythical narratives that have shaped our understanding of this significant event. Berke Khan, a pivotal figure in the Golden Horde, was the first Mongol ruler to officially embrace Islam, an act with profound religious, cultural, and political implications. Berke's adoption of Islam was not merely a personal transformation but also a strategic act that had significant political and cultural ramifications. It allowed for alliances with Muslim states and facilitated the integration of Islamic culture and religion into the governance and daily life of the Golden Horde. This move also distanced the Golden Horde from other parts of the Mongol Empire, particularly the Ilkhanate, with whom Berke's relations were often tense.

18- Trade and Diplomacy on the Volga: Russians and Crimean Tatars in the Late 16th Century

This chapter provides an in-depth analysis of the complex interactions between Russian and Crimean Tatar groups along the Volga River in the late 16th century, focusing on the nuanced dynamics of trade and diplomacy. This period marks a critical juncture in Russian expansion and Tatar resistance, shaped significantly by both confrontation and cooperation. Vászary concludes that the interactions along the Volga in the late 16th century highlight the complexity of Russian-Tatar relations, characterized by a continuous negotiation between conflict and cooperation. The period ultimately laid the groundwork for the further integration of the Volga region into the Russian state, significantly impacting the cultural, economic, and political development of the area. Overall, the text provides a nuanced understanding of how trade and diplomacy functioned as tools of statecraft and survival in a region marked by constant flux and competition. This contributes

to a deeper understanding of the intricate relationship between the Russians and Crimean Tatars during a pivotal era in the history of Eastern Europe.

19- Russian and Tatar Genealogical Sources on the Origin of the Iusupov Family

In the chapter, Vászary's extensive research delves into the complex genealogical history of the Iusupov family, a prominent Russian princely family of Tatar origin, illustrating the intertwining of Russian and Tatar historical narratives and the significance of genealogical studies in understanding broader historical contexts. The Iusupov family, notable in Russian history, is traced back to the Nogay princes Yüsuf and his brother Ismail's son, Urus. Their descent is emblematic of the integration of Tatar aristocracy into Russian nobility, particularly after the imperial decree of 1799, which officially recognized the Iusupovs as part of the Russian princely clan. This incorporation reflects a broader historical trend of merging diverse ethnic elites into the Russian aristocratic framework during and after the Mongol-Tatar period. The chapter concludes with a reflection on the importance of genealogical research in Russian history, particularly for understanding the integration of diverse ethnic groups such as the Tatars into the Russian aristocratic structure. Vászary's research not only sheds light on the historical significance of the Iusupov family but also on the broader implications of genealogy as a tool for historical analysis.

20- Clans of Tatar Descent in the Muscovite Elite of the 14th–16th Centuries

Examining the role of Tatar clans among the Muscovite elite from the 14th to the 16th centuries, this chapter offers an in-depth analysis of the integration and influence of these groups on the development of Russian autocracy and bureaucracy. This historical investigation illuminates how the descendants of Tatar princes and nobility became woven into the fabric of Muscovite society, affecting its political and social structures. The chapter discusses how the Tatar aristocracy, initially outsiders, increasingly became part of the Muscovite administration. Tatar customs, administrative techniques, and military tactics were absorbed into the Muscovite system, playing a crucial role in shaping the emerging Russian autocracy. This process involved both the assimilation of Tatar individuals who converted to Christianity and those who retained their Muslim identity but pledged loyalty to the Russian princes. The incorporation of Tatar clans into the Muscovite elite not only altered the social landscape but also had profound political implications. Vászary discusses how these Tatar elements within the elite could maneuver to achieve high ranks and substantial influence, illustrating the fluidity and permeability of social boundaries in Muscovite Russia.

21- Muscovite Diplomacy with the States of the Orient

The last chapter of the book discusses the diplomatic relations between Muscovite Russia and the states of the Orient from the late 15th to the late 17th century. It begins by contextualizing Kievan Rus' as a European state with Byzantine Christianity, but its feudal disintegration and subsequent Tatar invasion led to a halt in European trends and the emergence of Russian autocracy under Moscow's guidance. The Tatar Yoke period, spanning roughly from 1240 to 1480, ended symbolically in 1480, coinciding with the rise of the Muscovite autocracy. This chapter concludes by emphasizing the importance of publishing and researching the extensive archival material related to Muscovite diplomacy. It underscores the need for ongoing scholarly efforts to explore and make accessible this valuable historical data, which provides insights into Russia's diplomatic history and its interactions with neighboring states in the East.

In conclusion, it should be noted that the primary aim of all the articles collected in this book is to highlight the interactions among Turks, Tatars, and Russians across the regions extending from Asia to the Balkans and Eastern Europe, and to elucidate

their political, military, commercial, and cultural influences on the peoples of these regions. Secondly, the book in question can be regarded as a work of historical sociology, which demonstrates how societies across the vast Eurasian geography have changed or transformed through specific institutions and events, employing an approach that is rarely seen in historical studies. The final and perhaps most significant point concerning the book is that the author highlights the contributions of Turks, Tatars, including the Mongols, to world civilization. These contributions are frequently overlooked in Eurocentric research, yet the author substantiates them through the presentation of concrete historical documents and case studies. Apart from Vásáry's works, many studies, some of which are mentioned in this article, clearly reveal the contributions of Turks and Tatars to today's Eurasian geography and world civilization, utilizing a wide range of sources, including imperial orders, diplomatic letters, coins, and archaeological findings.

REFERENCES

1. Favereau M. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2021. 377 p.
2. Findley C.V. *The Turks in World History*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 300 p.
3. Gasser L. Towards Eurasia: remapping Europe as "upstart peripheral to an ongoing operation". *Postcolonial Studies*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 188–202.
4. Güzel H.C. (ed). *Türkler*. vol.1. Ankara: Yeni Türkiye Yayinlari, 2002. 921 p. (In Turkish)
5. Kemper M. Russian Orientalism. 2018. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.297>
6. Lee J. Y. *The Turkic Peoples in World History*. New York, London: Routledge, 2024. 205 p.
7. Morrison A.S. Applied Orientalism' in British India and Tsarist Turkestan. *Comparative Studies in Society & History*, 2009, vol. 51, no. 3, pp. 619–647.
8. Vasary I. Multilingualism and Cultural Interactions in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 56–73. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-1.56-73>
9. Vasary I. *Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries*. Variorum Collected Studies Series, Taylor & Francis, 2023. 352 p.

ТУРКИ, ТАТАРЫ И РУССКИЕ В XIII–XVI ВЕКАХ: ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЕВРАЗИИ

Суат Бейлур

*Международный казахско-турецкий
университет имени Ходжи Ахмеда Ясави
Туркестан, Республика Казахстан
suatbeylur@gmail.com*

Резюме. Цели исследования: Эта статья, основанная на обзоре книги Иштвана Вашари, опубликованной в 2023 году в рамках серии Variorum Collected Studies (цифровое издание) издательством Taylor & Francis, ставит целью исследовать взаимодействия

между турками, татарами и русскими в Евразийском регионе, а также их более широкое политическое, экономическое и культурное влияние.

Результаты и научная новизна: Книга включает в себя 21 статью автора, опубликованных в разные годы, в том числе две статьи, пересмотренные и переведенные на английский язык из оригинальных русских версий. Работа Вашари, опытного исследователя в области истории тюркских, монгольских и татарских народов, а также тюркологии, раскрывает взаимодействие обществ на пространствах от степей до Балкан и далее по всей Восточной Европе. Она мастерски раскрывает политические, военные, административные, социальные, экономические, дипломатические, религиозные, языковые, литературные и культурные аспекты данного взаимодействия через конкретные кейс-стади и факты. Это видение представляет собой вызов общепринятому мнению, игнорирующему вклад народов данных территорий в мировую цивилизацию. С этой точки зрения эта книга призывает ученых переоценить исторические документы не только как хранилища прошлого, но и как критические призмы, через которые можно распознавать и интерпретировать современные реалии.

Ключевые слова: тюрки, татары, русские, история, историческая социология, взаимодействие, культурный обмен

Для цитирования: Beylur S. “Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th centuries”: exploring the interaction across Eurasia // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 699–708. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.699-708> EDN: UPJEWS

Финансирование: Эта статья была подготовлена в рамках проекта под названием «Историческая география Центральной Азии» (BR21882416), поддерживаемого Министерством науки и высшего образования Казахстана.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suat Beylur – Associate Professor, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University (29, Bekzat Sattarkhanov Ave., Turkestan X41A4E4 (161200), Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-1508-8477; ResearcherID: HSF-7356-2023. E-mail: suatbeylur@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суат Бейлур – доцент, Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави (X41A4E4 (161200), проспект Бекзата Саттарханова, 29, Туркестан, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-1508-8477; ResearcherID: HSF-7356-2023. E-mail: suatbeylur@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 3.06.2024

Поступила после рецензирования / Revised 28.08.2024

Принята к публикации / Accepted 2.09.2024

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.709-724> УДК 94(57)+94(574)"15/16"
EDN: XLTFTP

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: КУЗЕМБАЙУЛЫ А., АБИЛЬ Е., АЛИБЕК Т. СИБИРСКИЙ УЛУС И КАЗАХИ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Д.Н. Маслюженко

*Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

Резюме. Результаты и научная новизна. Рецензируемая книга состоит из четырех глав. Первая из них посвящена истории изучения государственности Шибанидов и Тайбугидов на юге Западной Сибири, а также теоретико-методологическим подходам к вопросам реконструкции этнической истории в российской и казахстанской исторической науке. Во второй главе рассмотрена «Историческая память как источник по истории Сибирского улуса». В ней представлены артефакты памяти о т.н. Сибирском улусе в казахском эпосе, поэзии и исторических преданиях в «Материалах по киргизскому землепользованию». Представленные здесь источники фактически не известны российским исследователям и открывают новые возможности в изучении некоторых вопросов истории позднесредневековой сибирской государственности. В третьей главе поднимаются вопросы предистории Сибирского улуса, при этом особое внимание уделяется улусу Тайбуги. Четвертая глава посвящена собственно истории Сибирского улуса.

Рецензируемая монография является важным этапом в становлении современной казахстанской историографии по вопросам изучения позднесредневековой истории Западной Сибири. В ней показаны некоторые новые, неизвестные или плохо известные в российской исторической науке источники, имеются оригинальные мысли относительно этнических связей сибирского и казахского населения и происхождения сибирской княжеской династии Тайбугидов. Однако, игнорирование достижений новейшей российской историографии и ее выборочное цитирование, отказ от выстраивания точной хронологии и пропуск целых десятилетий в обобщающих выводах, выбор наименования «Сибирский улус», так и не раскрывшего свой потенциал, ставят вопрос о том насколько авторы действительно смогли создать качественное исследование по вопросам роли государственности Шибанидов в истории складывания казахского народа.

Ключевые слова: казахи, государственности, этнополитическая история, взаимоотношения Казахского ханства с Сибирским ханством, Шибаниды

Для цитирования: Маслюженко Д.Н. Рецензия на книгу: Кузембайулы А., Абель Е., Алибек Т. Сибирский улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 709–724. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.709-724> EDN: XLTFTP

© Маслюженко Д.Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках реализации программы ИРН BR21882223 «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика».

**REC. AD OP.: KUZEMBAYULY A., ABIL' E., ALIBEK T.
THE SIBERIAN ULUS AND KAZAKHS: PROBLEMS
OF ETHNIC CONTINUITY AND HISTORICAL MEMORY**

D.N. Maslyuzhenko

*Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

Abstract. Results and scientific novelty. The reviewed book consists of four chapters. The first one is devoted to the history of research of the Shaybanids and the Taibugid statehoods in the south of Western Siberia, as well as to the theoretical and methodological approaches to the issues of ethnic history reconstruction in the Russian and Kazakh historical fields. The second chapter deals with "Historical memory as the source of the history of the Siberian ulus". It presents memory artefacts of the so-called Siberian ulus in the Kazakh epos poetry and in historical legends on "The materials on Kyrgyz land use". The sources presented here are virtually unknown to Russian researchers and they open new opportunities for the study of some issues of the late medieval Siberian statehood history. The third chapter raises issues of the prehistory of the Siberian ulus, with special attention given to the ulus of Taibugi, the study of whose descendants has recently taken the lead in Kazakh medieval studies. The fourth chapter is devoted to the history of the Siberian ulus, divided into separate stages (13th–14th centuries, the period of the collapse of the Golden Horde, the Siberian Khanate).

The reviewed monograph is an important stage in the formation of modern Kazakh historiography on the issues of further study of the late medieval history of Western Siberia. It reveals some new sources, unknown or little known in earlier Russian historical science; there are interesting and original ideas on ethnic relations of the Siberian and Kazakh population and the origin of the Siberian princely dynasty of the Taibugids, which need further reflection. However, ignoring many achievements of the latest Russian historiography and its selective quoting, refusal to build an accurate chronology, skipping entire decades in the generalising conclusions, and the choice of the term "Siberian ulus", which has not revealed its full potential, raise the question as to what extent the authors were really able to create a quality study on the role of the Shibanid statehood in the history of the formation of the Kazakh people.

Keywords: Kazakhs, statehood, ethnopolitical history, relations of the Kazakh Khanate with the Siberian Khanate, Shibanids

For citation: Maslyuzhenko D.N. Rec. ad op.: Kuzembayuly A., Abil' E., Alibek T. The Siberian ulus and Kazakhs: Problems of ethnic continuity and historical memory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 3, pp. 709–724. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.709-724> (In Russian)

Financial Support: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the IRN BR21882223 program “The Kazakh Khanate in the second half of the 15th – first half of the 18th centuries: ethnopolitical history and foreign policy”.

В казахстанской историографии в последние 30 лет написано значительное число работ, посвященных истории шибанидской государственности Западной Сибири. При этом, несомненно, знаковой фигурой для этих работ является сибирский хан Кучум, которого С.У. Ремезов описал как пришедшего «от Казачьей орды» [22, с. 319], что и стало одной из причин внимания к нему [28, с. 549-550]. В последние годы интерес исследователей сместился к фигурам князей из династии Тайбугидов, для обсуждения истории которых 17 мая 2023 года в Астане была даже проведена научно-практическая конференция «Тайбуга и Тайбугиды в политической истории Евразии». К сожалению, следует признать, что разрозненность подобных работ и частая публикация только в бумажном формате без размещения в интернете не позволяет исследователям, особенно за пределами Казахстана, провести их полноценный историографический анализ, хотя он давно уже назрел.

В последние годы от отдельных статей казахстанские исследователи перешли к публикации обобщающих монографий по вопросам истории сибирской государственности. Несомненно, что знаковое место среди них занимает исследование трех историков А.Кузембайулы, Е.Абиля и Т.Алибек «Сибирский улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти», которое было выпущено в Костаное Региональным университетом имени А.Байтурсынова в 2022 году [10]. В отличие от истории Шибанидов в целом, вопрос роли населения Сибирского улуса в складывании казахов не только не изучался, но и фактически не ставился исследователями. Максимально близко к этому вопросу подходил Ж.М. Сабитов в своей статье «О взаимоотношениях Казахского ханства и Сибирских Шибанидов», которая была опубликована в сборнике первой конференции «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» в Кургане в 2011 году [20]. Отчасти вопрос затрагивался и в статье автора этой рецензии «Казахи на территории Среднего Притоболья в XVI–XIX вв., которая была опубликована в 2013 году [12], а также в одной из работ З.А.Тычинских 2011 года [27], у которой в 2024 году также вышла статья, являющаяся своеобразным отзывом на рецензируемую монографию [28]. Любопытно, что фактически все ранние работы вышли в одно время в 2011–2013 гг., что явно говорит о некоем имевшемся на тот момент социальном запросе на такие исследования.

Данная книга состоит из четырех глав. Первая из них «История изучения и теоретико-методологический подход» собственно состоит из двух разделов, содержание которых соответствует структурным частям названия главы. Во второй главе «Историческая память как источник по истории Сибирского улуса» в рамках первого раздела рассматривается вопрос памяти об этом улусе в казахском эпосе и поэзии, а второй посвящен историческим преданиям в «Материалах по киргизскому землепользованию». Заранее отметим, что предложенные здесь источники, по нашему мнению, фактически не известны российским исследователям. В третьей главе поднимаются вопросы преемственности Сибирского улуса с отдельным выделением раздела об улусе Тайбуги и собственно возникновении Сибирского Улуса. Наконец, в четвертой главе рассматривается уже история

этого улуса по отдельным этапам (XIII–XIV вв., период распада Золотой Орды, Сибирское ханство).

Подход авторов к историографии для обзора довольно традиционен, хотя и включает исчерпывающий список наиболее знаковых имен российских, зарубежных и казахстанских историков, начиная от Г.Ф. Миллера. Для российских исследователей наибольший интерес здесь представляет анализ складывания национальной историографии в конце XIX – начале XX века, в частности работ К.Халида и Ш.Кудайбердиулы, в которых, в том числе на основании фиксации исторической памяти казахов, были поставлены вопросы их этногенеза [10, с. 20–21]. Отметим, что и некоторые имена современных казахстанских историков по исследуемым проблемам, например Ф.М.Шамшитденовой, не очень известны в России. Жаль, что в дальнейшем на с. 43–45 авторы сужают общее поле национальной историографии в основном до дискуссии о происхождении Тайбугидов, что играет важную роль в формировании основных идей главы 3.

На с. 32 авторы останавливаются на противоречии в рамках советской историографии, когда столкнулись два взаимоисключающих подхода о появлении казахов в Западной Сибири только на рубеже XVII–XVIII вв. и о казахах как автохтонах и активных участниках событий в Сибирском ханстве. Причем первый из них в основном был характерен для историков, а второй – для этнографов, особенно омской школы под руководством Н.А.Томилова. Это противоречие не изжито в российской историографии до сих пор, причем, по мнению авторов монографии, первое направление особенно характерно для курганских исследователей, среди которых отдельно выделяют В.Д.Пузанова и некоторые проекты под редакцией автора рецензии [10, с. 32].

Выборочный анализ современной российской историографии, с концентрацией на некоторых взглядах, высказанных в коллективной монографии «Тюменское и Сибирское ханства» (Казань, 2018), в результате на с. 39 приводит авторов к спорному, на наш взгляд, выводу: «В тоже время наблюдается тенденция исключения участия казахов в истории региона, фрагментации политической истории Сибирского улуса. При этом практически не учитывается этническая преемственность тюркоязычного населения данного региона в период средневековья, а этнонимы понимаются в их современном значении, без учета многочисленных трансформационных процессов в этнической истории. Не вовлекаются в научный оборот казахские исторические предания о сибирском происхождении части казахского этноса...» [10, с. 39]. Поясним то, почему это представляется нам не бесспорным, хотя в целом мы согласны с тезисом о недооценке источниковедческого потенциала казахских исторических преданий в российских исследованиях.

Возможно, в казахстанской историографии термин «Сибирский улус» является принятым, однако, не уточнив во введении эту дефиницию и как термин, и с позиции хронологии и географии, авторы, к сожалению, могут запутать читателя. Так, В.В.Трепавлов в своей статье «Улус» для «Большой российской энциклопедии» верно, на наш взгляд, уловил множественность его смыслов «1) в Монголии 12–13 вв. население, зависимое от нойона и проживавшее в его владениях. 2) С образованием Монгольской империи название государства (Йеке Монгол улус) и составлявших его владений Чингизидов (У. Джучи, У. Чагатай, У. Хулагуидов). В Золотой Орде У. – название государства (Улуг Улус – «Великое государство»), а также пожалованное или наследств. владение царевича или бека, включавшее территорию кочевания (юрт) и контингент подданных (эль, иль). В разл. монгольских и тюркских языках понятие «У.» со временем стало также обозначать государство, страну (совр. монг. «улс»), кочевую общину, кочевое стойбище,

селение...» [26]. В таком случае, когда российских историков упрекают во фрагментации политической истории Сибирского Улуса, то не конструируют ли сами авторы монографии политическую сущность, которой на самом деле не было в некоем однозначно сложившемся виде, тем более, что нами не обнаружен анализ собственно источниковой базы по сибирской истории, которая бы подтверждала существование как термина, так и самого единого Сибирского улуса именно в рассматриваемых хронологических рамках. Кроме того, множественность значений данного термина дает возможность использовать его как для обозначения ханства, так и отдельного удела в его составе, что требует постоянных оговорок. Если же авторы считают, что улус должен использоваться только в первом смысле, то тогда было бы логично говорить о «Казахском улусе», но в этом отношении авторы остаются приверженцами сложившейся историографической традиции, то есть Казахского ханства.

К этому замечанию, как и к вопросу о выборе названия «Сибирский улус», авторы возвращаются на с. 106 во введении к главе 3. Здесь становится понятным, что под фрагментацией они понимают выделение в политической эволюции такого региона как Западная Сибирь и Северный Казахстан самостоятельных владений и государственных образований (Золотая Орда, Тюменское ханство, Сибирское ханство) [10, с. 106]. Откровенно говоря, не ясно причем здесь некая фрагментация, если речь идет о построении исторической периодизации местной государственности. Тем более, что не ясен вопрос о том, как и когда происходит подвижка Шибанидов из степной зоны в лесостепь и тайгу Западной Сибири, где в период расцвета Улуса Джучи их явно не было. Периодизация как раз и показывает формирование правящей династии Шибанидов и постепенную подвижку их владений в начале с юга на север до Чинги-туры, а потом с запада на восток до Искера. При этом никто не отрицает единство местной правящей династии не только до начала XVII века, но и по сути вплоть до попыток ее реставрации в 1660–1670-х гг. Представляется, что напротив отказ от такой периодизации и попытка выработать некую кажущуюся стабильной модель упростит реальную сложность и мобильность местной государственности как сложного политического механизма в рамках истории позднесредневековой кочевой цивилизации. Не согласны мы и с объяснением того, что же такое «Сибирский улус». Авторы отмечают, что это «удел, территория, выделенная чингизидам в управление», но само это определение, на наш взгляд, плохо применимо к изучаемым государствам Шибанидов, которые вряд ли были кем-то выделены в управление, особенно после окончательного разрыва с Тука-Тимуридами при хане Абу-л-Хайре. Кроме того, по мнению авторов монографии, «Тайбугидское владение и Сибирское ханство шибанидов – составные части данного политико-правового организма» [10, с. 106], и по этой причине к ним может быть применимо общее наименование «Сибирский улус», что в целом в предлагаемой схеме вновь отправляет нас к пониманию местной государственности советского времени, что вряд ли возможно в контексте всей накопленной массы информации по этим вопросам за последние 25 лет в российской историографии.

Несколько сложнее с выводом о сложившемся концепте этнической истории. Во-первых, если мы говорим, об этнической преемственности тюркоязычного населения Западной Сибири на протяжении всего периода средневековья, то это требует анализа значительного объема археологической литературы по домонгольскому периоду, а также выделения зон взаимодействия тюркского и угорского населения в северной степной и лесостепной зонах, концепция которых выходит далеко за пределы рассматриваемой монографии и круга ее вопросов. Если же мы

говорим о преемственности в пределах XIII и последующих веков, то как раз с ней никто из российских исследователей не спорит, но, конечно, только с учетом значительного притока тюркских и монгольских кочевников в период монгольского завоевания и формирования Улуса Джучи, который был вполне достоверно определен В.П.Костюковым [9, с. 129–131], а также не менее значительной мобильности сформировавшегося населения. Проблема здесь в том, что сами используемые сейчас российскими исследователями названия «Тюменское ханство» и/или «Сибирское ханство» ложно локализируют эти государства только на юге Западной Сибири. В действительности, в том числе в рамках меридиональных маршрутов кочевания, местные ханы, их орду-базары, значительные группы населения постоянно передвигались между Сырдарьей и Тоболо-Иртышьем и Иртышом и Уралом, то есть занимали значительные степные территории современного Казахстана. Понятно, что с учетом этого требуется выработка иного термина (возможно в рамках концепта «Шибанидское (Шибанское) государство»).

В работах специалистов по истории Тюменского и Сибирского ханства, особенно Д.М.Исхакова и автора этой рецензии, неоднократно поднимался и вопрос кланового (племенного) состава населения государств Шибанидов в Западной Сибири [например: 5; 13]. Необходимость более аккуратной работы с этнонимами хорошо проявилась, например, в ходе дискуссии о иштяках и некоторых других групп сибирского населения [6; 21]. Следует отметить, что на самом деле все озвученные казахстанскими коллегами проблемы хорошо известны специалистам по сибирской истории. Хотя еще раз подчеркнем, что роль казахского компонента в этих процессах действительно не обсуждается столь активно как раз в силу и сложности, если не невозможности, перехода от племенного к этническому анализу для XVI–XVII века (на эти противоречия обращают внимание и авторы монографии в разделе 1.2), и в силу источниковой базы. Кстати, в самой монографии на с. 104 содержится чрезвычайно важная оговорка, которая несколько по-иному трактует якобы имеющееся противоречие. Авторы в целом соглашались, что носители политонима «казак», входившие в состав Казахского ханства (кстати, все же не ясно почему в общей стилистике книги они не называют его «Казахский Улус»), действительно появились на территории современного Северного Казахстана только в последней четверти XVII века, «однако местное тюркоязычное население, входившее в состав других политических объединений и маркировавшееся источниками как «ногаи» и «татары» в основном осталось на прежних местах и вошло в состав казахов» [10, с. 104]. Представляется, что с такой трактовкой сложно не согласится, хотя она и противоречит ранее рассмотренной позиции [10, с. 39]. Другое дело, что сам процесс вхождения ногаев и сибирских татар в состав казахов пока также не до конца изучен, что и отражает явную новизну анализируемого исследования.

К сожалению, авторы по неясной причине не стали анализировать в историографии известную им по ссылке на с. 184 и чрезвычайно интересную в этом плане статью В.В.Трепавлова «Шибаны: несостоявшийся этноним», которая была опубликована в журнале «Золотоордынское обозрение» в 2019 году и как раз актуализировала изучение данного политонима, который мог бы стать этнонимом для всех подданных Шибанидов [25]. Скорее всего, именно под ним и скрывались какое-то время значительную группу населения Северного Казахстана и Западной Сибири, у которых таким образом был опыт проживания в рамках одной политики до занятия части этой территории собственно Казахским ханством уже в конце XVII века. Таким образом, если в целом анализ историографии не вызывает вопросов, то сделанные на его основе выводы относительно современной российской историогра-

фии не всегда корректны, построены на анализе лишь отдельных исследований, а, если сравнить их с другими разделами книги, то и отчасти противоречивы, что является частой проблемой коллективных монографий.

В главе 2 авторы подробно останавливаются как раз на вопросах исторической памяти казахов как источника по истории Сибирского улуса, на пробелы в исследовании которых они обращали внимание в разделе 1.1. При этом, поскольку большая часть таких текстов, особенно эпосы, опубликована в изданиях, которые либо в России неизвестны и не представлены в сети Интернет, либо опубликованы только на казахском языке, то в главе действительно содержится ряд важных наблюдений как по сибирской истории, так и по потенциалу поиска новых источников, столь актуальных для изучения позднесредневековой государственности Западной Сибири. При этом обратим внимание, что речь идет об источниках XVIII–XIX века, которые содержат именно элементы исторической памяти и не всегда четко могут быть соотнесены с историческими описаниями в синхронных текстах.

Авторы обращают внимание на упоминание Тайбугинского улуса во втором варианте (образце) эпоса «Кисса-и-Карабек» как одного из «журтов ногайлинского времени» [10, с. 60–62]. Так же обсуждается вопрос источниковедческого потенциала исторических поэм (дастанов) XVIII века, авторство которых приписывается Дастем-сала и Кожаберген-жырау. В них любопытен список «шести сибирских народов», которые могли входить в личный домен правителя Тюменского улуса (в данном случае также оставляем термин авторов, под которым, видимо, следует понимать Тюменское ханство российской историографии). К ним относятся искеры, барыны, бараба, курлаши, сункары и карабаши, которые живут в низовьях Ишима, Иртыша и Тобола [10, с. 68–69]. Если считать этот перечень историчным, то он дает еще один список местных племен к уже известным, при этом пересекаться с ними однозначно будет только бараба [7], а барыны известны среди племен из окружения хана Али б. Кучума [3, с. 45], хотя понятно, что под искерами, видимо, понимали группу населения вокруг соответствующего политического центра. В этой же песне Тюмень называется «астана журт», то есть столичный юрт. Кстати, обратим внимание, что, несмотря на этот источник, авторы все же предпочитают использовать «Сибирский улус». В этом же дастане описывается взаимодействие Едигера, Кучума и Сейдяка, который при этом считается везирем при Кучуме [10, с. 69–70]. Последний в качестве одного из противников Ермака также встречается в эпосе у казахских киреев, которые традиционно увязываются с более ранним этнонимом керейты [10, с. 75]. Указания на Кучума, Ермака и некоторые другие сюжеты явно говорят об «участии предков казахов в исторических событиях периода русского завоевания Сибирского ханства» [10, с. 75], что подчеркивает связь происхождения предков некоторых казахских родов именно с Западной Сибирью [10, с. 71]. Версия участия казахов в борьбе против Ермака недавно подверглась резонной критике З.А.Тычинских, которая верно указала на то, что напротив их активно использовали против Кучума [28, с. 551–553]. Это не отрицает того факта, что отдельные коллективы из Западной Сибири могли уже в процессах XVII века войти в состав казахов, что и стало основой для появления подобных эпосов и дастанов. Только проблема в том, что в период участия в событиях на территории Сибирского ханства казахами они еще не были.

Причем в шежере многих казахских племен, которые были записаны в основном в первой трети XX века, в качестве предка казахов и каракалпаков указан некий Сапиан / Сабиян /Сафиян, которого авторы монографии связывают с Сы-

баном, то есть Шибаном [10, с. 75–86]. С нашей точки зрения, любопытен не только сам этот момент, но и то, что в некоторых генеалогиях он заменяется Тюменом, а в качестве отца указывается Майкы-бий [10, с. 80]. Еще в одной генеалогии вместо Тюмена указан Уйсун [10, с. 84]. Все эти три личности, хотя и в ином порядке, встречаются только в генеалогии племени табын. Об их представителях в степях современного Казахстана в окружении потомков хана Кучума мне уже приходилось писать ранее [11], по этой причине не ясно почему авторы монографии не стали использовать эту очевидную связь между сибирским населением и казахами. В целом же приведенные источники, а также исторические предания из раздела 2.2., явно расширяют наши возможности по изучению истории государственности Шибанидов и требуют дальнейшего анализа.

Глава 3 полностью посвящена предистории Сибирского улуса, а значительная ее часть раскрывает вопросы и противоречия в изучении именно Улуса Тайбуги. При всей скудности источниковой базы по этому вопросу именно история Тайбугидов является одним из камней преткновения в истории сибирской государственности. Авторы монографии добавляют к богатству ее историографии по этой проблеме несколько интересных, хотя и не бесспорных, штрихов. Основная идея авторов в том, что Тайбугиды были реальными, а не мнимыми, потомками Ван-хана керейтского. Исходя из этого, сами они принадлежали именно к керейтам, что добавляет еще одну версию в вопрос кланового определения этой династии, которую ранее уже причисляли к найманам, айлы, кыпчакам, мангытам, салжиутам и наконец в последнее время буркутам. По мнению авторов, буркут (орел) был тотемом рода Ван-хана, что и привело к закреплению последнего названия за Тайбугидами [10, с. 115 и далее]. В свете этой концепции авторы также подробно останавливаются на возможных связях крымских и сибирских киреев / буркутов, считая, что их представители вернулись в Сибирь к XV веку [10, с. 125], о чем, пожалуй, ранее всех писала М.Иванич [4, с. 318]. Идея с керейтами понадобится авторам и в дальнейшем, поскольку на с. 190 в связи со вторым компонентом имени старшего брата Кучума Ахмад-Гирея будет высказана версия, что его аталыком был представитель киреев [10, с. 190] (интересно, что в связи с этим сам контекст враждебности Тайбугидов и Шибанидов авторы книги не пересматривают, хотя в таком случае и отношения Кучума и Сейдяка в указанном выше дастане выглядят по иному). К версии происхождения Тайбугидов от Ван-хана керейтского авторы будут обращаться неоднократно. Одно из последних таких упоминаний мы встретим на с. 199 уже в контексте описания событий первой четверти XVII века. Так, авторы пишут «Возможно, память об определенной связи между двумя линиями потомков Ван-хана – торгоутской и тайбугинской, существовала, что служило дополнительным аргументом в политике поддержки калмыками сибирских шибанидов» [10, с. 199]. Однако, во-первых, такую связь мы не видим нигде в источниках; во-вторых, авторы всю книгу доказывали классическую версию сибирских летописцев о враждебности Шибанидов и Тайбугидов, но в ее контексте совсем не ясно, зачем же тогда калмыкам поддерживать первых на протяжении почти всего XVII века.

В целом, трактовка Тайбугидов как киреев привела авторов к необходимости описания всего процесса политогенеза и этногенеза этой группы, что заняло большую часть рассматриваемой главы, но при этом не ответило на вопрос того, что же такое «Улус Тайбуги» в контексте сибирской истории, когда он был создан и какую территорию занимал. Само же возникновение Сибирского улуса в разделе 3.2. сведено к довольно краткому описанию политики Чингиз-хана и Джучи на этом направлении, которое в целом следует традиционным концептам

историографии. При этом оно никак не увязывается с разделом 3.1. о Улусе Тайбуги, а также не объясняет нам, что же такое Сибирский улус периода возникновения. В результате эта глава, несмотря на новый взгляд на происхождение Тайбугидов и довольно интересную аргументацию в этом направлении, оказалась несколько не выдержана в одном теоретическом концепте.

К большому сожалению, авторы еще и пошли на поводу довольно спорной концепции Я. Пилипчука о роли кыпчаков в подчинении Западной Сибири Монгольской империи, завершении покорения местных «иштяков» и их нахождении в составе отрядов Тайбуги [10, с. 158–159]. Ни один этот факт не подтверждается источниками, а сама концепция построена на довольно странном прочтении всего одного источника. По данным Абу-л-гази, «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил...попавших...в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» (Кононов, 1958, с. 44). Конечно, при наличии иных текстов было бы любопытно это соотнести с описанным в сибирских летописях походом Тайбуги по поручению Чингизхана для подчинения местных народов. Но в действительности никакого основания для такого сравнения нет.

Одна из самых больших глав монографии посвящена истории Сибирского улуса. Она также разделена на три раздела, где в 4.1. рассматривается история Сибирского улуса в XIII–XIV вв. Автор рецензии, не вдаваясь в уже бесконечный спор о Серой, Синей и Белой ордах и соответственно о крыльях и центре Улуса Джучи, вполне согласен с позицией о принадлежности сибирских территорий Орда-ичену и его потомкам, а следовательно позднем появлении здесь Шибанидов [10, с. 160–162]. В принципе при немногочисленности источников по ранним представителям этой династии можно согласиться и с позицией о вхождении Северного Казахстана, Приуралья и Урала во владения Шибанидов только при Минг-Тимуре б. Бадакуле (скорее всего, первая половина или середина XIV века). Верна и позиция о том, что «политическая история Тайбугидского владения в 13–14 веках практически не реконструируется» [10, с. 165], хотя ранее на с. 163 авторы не исключают факта правления Тайбуги и его потомков в Чимги-Туре и его округе с 1220-х гг. [10, с. 163]. Понятно, что такая трактовка выстраивается только на основании хорошо известных различных редакциях сибирских летописей XVII века.

Более любопытно, что, описывая возможное улусное деление в Западной Сибири и Северном Казахстане, они следуют концепции Ю.В.Селезнева, который выделял здесь улусы Тюмень, Ишим, Сингкума, неназванный между Иртышом и Обью к северу от Тары, размещая улус Шибана в долине Иргиза и Торгая до Северного Приаралья [10, с. 166–168]. Во-первых, источники для выделения такой улусной системы автору рецензии остаются неизвестными, это скорее творческое конструирование возможной системы. Во-вторых, абсолютно не ясно не замечают ли сами авторы монографии одного интересного противоречия – среди этих улусов, как и вообще в этом разделе, ни разу не упомянут собственно Сибирский улус, если, конечно, они не считают, что все эти улусы в свою очередь формировали Сибирский улус, который был частью некоего Левого крыла Улуг Улуса (этот термин казахстанской историографии, особенно его применение на с. 164 к периоду правления Абу-л-Хайра [10, с. 164], требует отдельного анализа со стороны российских исследователей). Представляется, что, выбрав именно Сибирский улус как базовую единицу анализа, авторы сами загнали себя в тупиковую ситуацию в попытке обосновать единый концепт развития и функциони-

рования того, что, видимо, а является лишь исследовательским конструктом, не подтвержденным источниковой базой.

Раздел 4.2. посвящен Сибирскому улусу в период распада Золотой Орды. Интересно, что по тексту, вопреки названию, очень часто он вновь заменяется левым крылом Улуг Улуса. Проблема в том, что в целом здесь мы находим вполне традиционный для историографии последних десятилетий набор основных сюжетов, связанных с ролью Шибанидов в Великой Замятне и их многообразных контактов с Тукайтимуридами, особенно при Токтамыше, а также борьбе шибанских ханов в первой трети XV в. которая привела в конечном итоге к возведению Абу-л-Хайра и последующим событиям вплоть до прихода к власти Ибака (Ибрахима). В отношении последнего уже неоднократно была показана ошибочность его трактовки как сына Хаджи-Мухаммада, к которой вновь возвращаются авторы на с. 183, поскольку по большинству генеалогий в источниках он был внуком, что, кстати, следует и из описания его предков на с. 185 [10, с. 183, 185]. Не мог быть Хаджи-Мухаммад и основателем Сибирского ханства [10, с. 178], хотя бы в силу того, что само это название лишь конструкт, основанный при этом на источниках 1570-х гг. Мы уже подробно рассматривали этот вопрос, но еще раз обратим внимание на то, что в позднее средневековье на юге Западной Сибири явно было две земли (юрта, вилайета) – Тюмень или Тура и Сибирь. Подчинение последней Шибанидам произошло не ранее середины 1490-х гг., а перенос столицы не ранее 1563 года. Возникает резонный вопрос: не является ли в таком случае использование понятия «Сибирское ханство» лишь модернизацией или данью историографической традиции. Распространение же понятия «Сибирь» на все колоссальные пространства за Уралом происходит уже по мере формирования здесь русской власти в новое время [15].

В этом контексте авторы обращаются и к знаменитой легенде «О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири». По их мнению, исламизация была «формальным поводом к установлению полного контроля над населением лесостепной части Сибири после передачи этих земель во владение Шибанидам» (судя по контексту, может быть было бы более верно говорить не о передаче, а о переходе контроля) [10, с. 176]. Авторы при этом делают вновь интересную оговорку: в начале они пишут о исламизации кочевого населения Тюменского владения, а потом согласно легенде только о народах на берегах Иртыша. Во-первых, в историографии уже высказывались вполне обоснованные сомнения в историчности этой легенды, которая была сформирована в среде сибирских бухарцев XVII–XVIII в. [2, с. 39]. Во-вторых, не ясно на каком основании авторы продляют границы Тюмени в это время до Иртыша, хотя даже в 1480-е гг. они не выходили за пределы р.Тавды, к северу от которой и начиналась Сибирская земля [16, с. 121]. При этом татары Тюменского вилайета были тесно связаны с Приуральем и Поволжьем и явно были исламизированы ранее, а вот группы расположенные на восточной периферии Золотой Орды в Сибири (в понимании того времени) действительно могли оказаться за пределами процессов исламизации, что и потребовало значительных усилий уже в 1570-х гг. со стороны хана Кучума и строительства именно в этих местах значительного числа астана как зримого символа новой веры [14, с. 146].

Представляется, что авторы монографии, недооценивая современную российскую историографию (особенно последних 25 лет), в результате упускают некоторое число важных для их исследования работ. Проблема здесь в том, что количество работ по истории государственности Западной Сибири позднего средневековья в эти годы уже численно превысило все написанное в XX веке.

Открытие или новое прочтение источников, совместная работа историков, археологов, этнографов, а в последнее время еще и генетиков, а также дискуссии между ними привели к тому, что мы можем говорить о серьезном историографическом повороте и пересмотре многих традиционных точек зрения. Выборочное «выхватывание» отдельных статей очевидно не позволило авторам разобраться в богатстве точек зрения, особенно на Тюменское ханство. Более всего в этом разделе удивляет то, что в конечном итоге сам базовый термин «Сибирский улус» в тексте раздела так и не был ни разу использован, что в очередной раз ставит вопрос о том, зачем же он был нужен авторам.

Раздел 4.3 посвящен истории Сибирского ханства (и вновь возникает риторический вопрос: в чем же была причина и необходимость введения в книгу понятия «Сибирский улус»). В самом начале на с. 185 нас ждет открытие, поскольку по мысли авторов после окончательного оформления этого ханства при Саййид-Ибрахиме (двойное имя основано на единственном источнике, описку в котором комментировали уже неоднократно): «господствующей силой стали представители клана Тайбугидов – потомки Он-хана керейтского» [10, с. 185]. Однако, во-первых, сам факт свадьбы хана на дочери главы «тайбугинского клана» Умара не был чем-то исключительным, поскольку буркуты также скрепили ранее союз и с Абу-л-Хайром [18, с. 104]. Источники по истории государства последнего позволяют реконструировать племенной и клановый состав окружения хана, а вот для Тюменского ханства при Ибаке и его наследниках это сделать почти невозможно, что и ставит известие об этом браке в особые условия. Во-вторых, вскоре после этого Умар был ханом убит, а весь его клан поставлен под контроль Ибака, после чего на реальное господствующее место выходят представители правящего рода Ногайской Орды. Авторы монографии, к сожалению, все это опускают и сразу же переходят к т.н. «восстанию», реальность которого обоснована только рассказами сибирских летописей, то есть отстоят минимум на 125 лет от событий, а также ангажированы спецификой татарских информаторов в Тобольске, вокруг которого проживали группы искерских татар, близких к Тайбугидам. Опять же неоднократно в литературе как автором этой рецензии, так и А.В.Паруниным выдвигались иные объяснения события 1495 года и последующих лет [19, с. 149–166].

Далее без всяких ссылок на источники авторы утверждают, что при помощи «степный и лесостепных кланов найман, кыпчак, курлеут, конграт, чат, а также оседлых тюрков – туралы и бараба, тайбугинцы смогли подчинить своей власти племена ханты и манси» [10, с. 186]. Автор рецензии был бы рад, если бы мы реально могли реконструировать список сибирских племен первой половины XVI века, но, к большому сожалению, предложенные авторами перечень не может быть верифицирован источниковой базой. Без них же мы вечно будем продолжать говорить о том, как Тайбугиды изгнали Шибанидов из Сибири [10, с. 186], игнорируя реальные причины провала Тюменского ханства и специфику отношений этих династий до переговорной ситуации 1555–1563 гг., которая и сделала возможных их конфликт после 1557 года. В итоге авторы книги пытаются возвеличить историю династии князей Тайбугидов, не имея на это никаких новых источников и даже напротив игнорируя все открытия в этом направлении в российской историографии за последние 25 лет.

Отдельно обратим внимание на еще один сюжет: по мысли авторов уже в 1519 году все земли Северного Казахстана вошли во владения казахских ханов при сохранении местного населения и даже оставлении у власти местных правителей улусов [10, с. 187]. Ссылаются они при этом на с. 49 монографии М.Х.Абу-

сеитовой «Казахское ханство во второй половине XVI века» (Алма-Ата, 1985) [1]. Найти на этой или другой странице данной книги как дату 1519 год, так и саму такую идею нам не удалось. Причем, по их мнению, в результате деятельности ханов Касима и Тахира между 1519–1523 гг. сам Мангытский юрт оказался разделен на два владения. К восточному во главе с кековатом относились земли Центрального и Западного Казахстана, Башкирии и Юго-Западной Сибири. Ссылка на источники этой информации вновь не содержится, но сравнение некоторых фраз показывает, что, скорее всего, это довольно специфичный «переклад» идей В.В.Трепавлова [23, с. 194–197]. При этом упущены некоторые принципиальные моменты: все это произошло в 1530-е гг., когда в результате серии побед над казахами их земли напротив перешли под власть ногаев, они стали распоряжаться их ханским престолом, в результате чего размеры Ногайской Орды резко увеличились, что и потребовало введение традиционного крыльевого деления, а также создания собственной системы титулатуры, где кековат стал правителем левого крыла Ногайской Орды, то есть третьим лицом в ее иерархии, в функции которого входила охрана восточных границ Орды. Первым кековатом при этом стал могущественный родственник Шибанидов Шейх-Мамай, который вскоре станет новым бием. Кстати, В.В.Трепавлов вообще считал, что Башкирия оказалась вне этого деления Орды. Добавим к этому, что, по нашему мнению, контроль над указанными территориями подразумевал и власть над Северным Казахстаном. Представляется, что в текущих условиях наши знания по отдельным десятилетиям степной истории позволяют обсуждать изменения в политике уже даже не по годам, а по месяцам, в результате чего попытка краткого пересказа событий двух десятилетий приводит к искажению их сути.

На с. 189 авторы книги обращаются к знаковому образу хана Кучума (Кوشима), который якобы захватил Искер и провозгласил себя сибирским ханом [10, с. 189]. Этот образ опять же построен только и исключительно по сибирским летописям. Синхронные источники, в том числе московского и ногайского происхождения, показывают, что вместо захвата было приглашение на престол лучшими сибирскими людьми, причем не Кучума, а его старшего сына Ахмад-Гирея. Источники эти опубликованы, в том числе нами [17], а, следовательно, нет никакого смысла пытаться как возвращаться к идее захвата, так и искать некий улус последнего в среднем Притоболье и верховьях Урала. Кстати, интересно то, что, выстраивая связь Кучума с казахами, авторы как-то забывают об указании Утемиш-хаджи в «Кара таварих»: «Кучум хан совершил поход в Туркестан в сторону Отрара и со всей страной казаков бился» [29, с. 84].

Зато довольно любопытным, на наш взгляд, сюжетом является поиск следов «Тайбугинского жребия» во главе с мангытским мирзой Ураз-Мухмедом, получившим новый титул тайбуга. Авторы книги вполне аргументировано соотносят его с рядом названий и преданий, связанных с правобережьем реки Ишим [10, с. 191–192]. Эти рассуждения весьма интересно дополняют известную статью В.В.Трепавлова, в которой он пишет, что, скорее всего, откочевка этого «жребия» к ногаям связана с событиями 1582 года [24, с. 75]. По всей видимости, бежали из Сибири именно коллективы, поддерживавшие ранее Тайбугидов, а, следовательно, не желавшие принимать участие в борьбе Кучума против русских. Если их следы действительно сохранились среди казахов, то это, как и указанная выше история табын, еще одна очевидная связь между сибирским и казахским населением.

В целом, рецензируемая монография является во всех смыслах яркой страницей казахстанской историографии по вопросам позднесредневековой истории

Западной Сибири. В ней показаны и некоторые новые, неизвестные или плохо известные в российской исторической науке источники, имеются весьма интересные и оригинальные мысли относительно этнических связей сибирского и казахского населения, которые требуют своего осмысления. В тоже время игнорирование новейшей российской историографии или ее выборочное цитирование, отказ от выстраивания хронологии, пропуск целых десятилетий при обобщающих выводах, странный выбор наименования «Сибирский улус», так и не раскрывший свой потенциал, ставят вопрос о том насколько все же убедительной получилась предложенная авторами реконструкция роли шибанидского фактора в этногенеза ряда групп казахского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1985. 104 с.
2. Бустанов А.К. Манускрипты суфийских шайхов: туркестанская традиция на берегах Иртыша // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 11. Омск: Издательский дом «Наука», 2009. С. 195–229.
3. Валиди Тоган А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
4. Иванич М. «Дафтар-и Чингиз-наме» как источник по истории кочевых обществ // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Институт истории АН РТ, 2001. С. 314–328.
5. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
6. Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 215 с.
7. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 5. Тобольск, 1896. С. 1–13.
8. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 192 с.
9. Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2010. 200 с.
10. Кузембайулы А., Абиля Е., Алибек Т. Сибирский Улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти. Костанай: Региональный университет имени А.Байтурсынова, 2022. 256 с.
11. Маслюженко Д.Н. Представители племени табын в системе сибирской государственности Шибанидов // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири. Сборник научных трудов. Астана: Мастер-По, 2012. С. 197–204.
12. Маслюженко Д.Н. Казахи на территории Среднего Притоболья в XVI–XIX вв. // Вестник Курганского государственного университета. № 4 (31). Серия «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 9. С. 71–74.
13. Маслюженко Д.Н. Поименные списки соратников Абу-л-Хайра как источник по изучению политической истории Юго-Западной Сибири второй четверти XV в. // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2015. С. 44–60.
14. Маслюженко Д.Н. Процесс исламизации населения Западной Сибири в XIII–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 131–158. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158>
15. Маслюженко Д.Н. «Сибирское царство» как концепт русских летописей и посольских документов второй половины XVI в. // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 2. С. 374–394. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.374-394>

16. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г. и его место в истории русско-сибирских отношений // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 115–123.
17. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Шибаниды и Тайбугиды в 1563 года: значение в истории и историографии Сибирского ханства // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. М.: ООО «Издательский дом „Медина“», 2017. С. 457–468.
18. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 103–109.
19. Парунин А.В. Политическая история Тюменского ханства в 1430-1508 гг. Челябинск: Общественный фонд «Южный Урал», 2023. 247 с.
20. Сабитов Ж.М. О взаимоотношениях Казахского ханства и сибирских Шибанидов // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы международной конференции. Курган: Курганский государственный университет, 2011. С. 68–70.
21. Самигулов Г.Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения истории ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 138–141. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/29>
22. Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. СПб.: Типография И.Н.Скороходова, 1907. 464 с.
23. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
24. Трепавлов В.В. Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь» // Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. С. 71–78.
25. Трепавлов В.В. Шибаны: несостоявшийся этноним // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 351–371.
26. Трепавлов В.В. Улус // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4698343
27. Тычинских З.А. Об этнических контактах сибирских татар и казахов в период средневековья // Научное творчество Л.Н. Гумилева и история народов Евразии: современные подходы и перспективы. VIII Международный Евразийский научный форум, посвященный 20-летию независимости Республики Казахстан. Астана, 2011. С. 177–180.
28. Тычинских З.А. Взаимоотношения Сибирского и Казахского ханств в XV–XVI веках // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 2. С. 539–561. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-539-561>
29. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани 2017. 312 с.

REFERENCES

1. Abuseitova M.Kh. The Kazakh Khanate in the second half of the 16th century. Alma-Ata: Nauka, 1986. 104 p. (In Russian)
2. Bustanov A.K. Sufi Shaykh Manuscripts: Turkestan tradition on the banks of the Irtysh river. *Ethnographic-archeological complexes: problems of culture and society*. 2009, vol. 11, Omsk: Nauka, pp. 195–229. (In Russian)
3. Validi Togan A. History of Bashkirs. Ufa: Kitap, 2010. 352 p. (In Russian)

4. Ivanich M. "Daftar-i Chingiz-name" as a source on the history of nomadic societies. *Source studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223-1556*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 314–328. (In Russian)
5. Ishakov D.M. An introduction to the history of the Siberian khanate. Essays. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2006. 196 p. (In Russian)
6. Ishtyaki: the Ural-Siberian border. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 215 p. (In Russian)
7. Katanov N.F. Legends of the Tobolsk Tatars about Kuchum and Ermak. *Yezhegodnik Tobolskogo gubernskogo muzeiya*. Iss.5. Tobolsk, 1896, pp. 1–13. (In Russian)
8. Kononov A.N. The genealogy of the Turkmens. Composition of Abu-l Gazi Khan of Khiva. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1958. 192 p. (In Russian)
9. Kostyukov V.P. The Ulus of Shiban of the Golden Horde in the 13th–14th centuries. Kazan: Fan, 2010. 200 p. (In Russian)
10. Kuzembayuly A., Abil' E., Alibek T. Siberian Ulus and Kazakhs: problems of ethnic continuity and historical memory. Kostanay: Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, 2022. 256 p. (In Russian)
11. Maslyuzhenko D.N. Representatives of the Tabyn tribe in the system of Siberian statehood of the Shibanids. *Problems of ethnic history of the Turkic population of Western Siberia. Collection of scientific papers*. Astana: Master-Po, 2012, pp. 197–204. (In Russian)
12. Maslyuzhenko D.N. Kazakhs on the territory of the Middle Tributary in the 16th–19th centuries. *Bulletin of the Kurgan State University*. Iss. 9, no. 4 (31). The series "Humanities". 2013, pp. 71–74. (In Russian)
13. Maslyuzhenko D.N. Named lists of Abu'l-Khair's associates as a source for the study of the political history of Southwestern Siberia in the second quarter of the 15th century. *Siberian Collection*. Iss. 3, Kurgan: Kurgan State University Publ., 2015, pp. 44–60. (In Russian)
14. Maslyuzhenko D.N. The Islamization Process of the Population of the South of Western Siberia in the 13th –16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 131–158. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-1.131-158> (In Russian)
15. Maslyuzhenko D.N. The “Siberian Tsardom” as a Concept in Russian Chronicles and Ambassadorial Documents of the second half of the sixteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 374–394. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.374-394> (In Russian)
16. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The campaign of 1483 and its place in the history of Russian-Siberian relations. *Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography*. No. 1 (24), 2014, pp. 115–123. (In Russian)
17. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Shibanids and Taybugids in 1563: significance in the history and historiography of the Siberian Khanate. *XIII Faizkhanov Readings. The legacy of the Golden Horde in the statehood and cultural traditions of the peoples of Eurasia: materials of the international scientific and practical conference*. Moscow: Publishing House "Medina", 2017, pp. 457–468. (In Russian)
18. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The marriage policy of the rulers of the Tyumen and Siberian Khanate. *Medieval Turkic-Tatar states*. 2017, no. 9. pp. 103–109. (In Russian)
19. Parunin A.V. The political history of the Tyumen Khanate in 1430-1508. Chelyabinsk: South Ural Public Foundation, 2023. 247 p. (In Russian)
20. Sabitov J. M. On the relationship between the Kazakh Khanate and the Siberian Shibanids. *History, economics and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western*

Siberia: Materials of the international conference. Kurgan : Kurgan State University Publ., 2011, pp. 68–70. (In Russian)

21. Samigulov G.H. The use of ethnonyms as names of groups of the Yasach population and related problems of studying the history of Yasach volosts: Trans-Urals of the 17th century. *Bulletin of the Tomsk State University. History.* 2016, no. 5 (43), pp. 138–141. <https://doi.org/10.17223/19988613/43/29> (In Russian)

22. The Siberian Chronicles. The publication of the Imperial archaeographic Commission. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1907. 462 p. (In Russian)

23. Trepavlov V.V. The History Of The Nogai Horde. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002., 752 p. (In Russian)

24. Trepavlov V.V. Taybuga. "The third ruler on the Mangytsky yurt ". *Turkic peoples of medieval Eurasia. Selected works.* Kazan: Foliant LLC, 2011, pp. 71–78. (In Russian)

25. Trepavlov V.V. The Shibans: A Failed Ethnonym. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review.* 2019, vol. 7, no. 2, pp. 351–371. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371> (In Russian)

26. Trepavlov V.V. Ulus. The Great Russian Encyclopedia. Access mode: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4698343 (In Russian)

27. Tychinskikh Z.A. About the ethnic contacts of Siberian Tatars and Kazakhs in the Middle Ages. Scientific creative work of L.N.Gumilev and the history of the peoples of Eurasia: modern approaches and prospects. VIII International Eurasian Scientific Forum dedicated to the 20th anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan. Astana, 2011, pp. 177–180. (In Russian)

28. Tychinskikh, Z. A. Relations between Siberian and Kazakh Khanates in 15th–16th Centuries. *Nauchnyi dialog.* 2024, vol. 13, no. 2, pp. 539–561. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-539-561>. (In Russian)

29. Utemish-khadzhi. Kara tavarikh. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 30.04.2024

Поступила после рецензирования / Revised 1.07.2024

Принята к публикации / Accepted 5.08.2024

ХРОНИКА

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.725-731>

УДК 94(517):(47).031

EDN: YAIMRY

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИСТОРИИ ЧИНГИЗИДСКИХ ГОСУДАРСТВ

Т.А. Уалиев^{1,2}

¹ *Научный институт изучения Улуса Джучи
Астана, Республика Казахстан*

² *Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова
Кокшетау, Республика Казахстан
tarikhname10@gmail.com*

Резюме. 19 августа 2024 года в Астане состоялась международная конференция на тему «Актуальные вопросы по истории Казахского ханства со второй половины XV – первой половины XVIII века». 20–21 августа прошла другая международная конференция под названием «Этнополитическая история улусов Джучи, Чагатай, Хайду и Могулистана», приуроченная к 800-летию образования Улуса Джучи. Организатором мероприятия выступили Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан, Научный институт изучения Улуса Джучи. В работе обеих конференций суммарно приняли участие более 70 ведущих ученых, специалистов и исследователей по истории кочевых обществ и империй, в том числе истории Казахского ханства, Золотой Орды из Казахстана, России, Узбекистана, Китая, Канады, Японии, Австрии.

На конференциях обсуждались вопросы изучения Казахского ханства и этнополитической истории Улусов Джучи, Чагатай и Хайду, которые были образованы в ходе распада Монгольской империи. Обсуждались вопросы разработки четвертого тома «Истории Казахстана» и создания отдельной книги, посвященной истории Казахского ханства. В рамках 2-ой конференции, посвященной истории улусов Джучи, Чагатай и Хайду, а также Могулистана был организован закрытый показ документального фильма «Бату. Исторический детектив» от казахстанского режиссера Рашида Нугманова, в создание которого приняли участие историки и исследователи из Казахстана, России, Украины, Монголии, Франции и США.

Ключевые слова: Казахское ханство, постордынские государства, Золотая Орда, Улус Джучи, фильм «Бату», Чагатайский улус, улус Хайду, Могулистан

© Уалиев Т.А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Уалиев Т.А. Международные конференции, посвященные истории чингизидских государств // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 725–731. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.725-731> EDN: YAIMRY

INTERNATIONAL CONFERENCES DEDICATED TO THE HISTORY OF THE CHINGGISID STATES

T.A. Ualiyev^{1,2}

¹ *Research Institute for Jochi Ulus Studies
Astana, Republic of Kazakhstan*

² *Kokshetau University named after Sh.Ualikhanov
Kokshetau, Republic of Kazakhstan
tarikhname10@gmail.com*

Abstract. On August 19, 2024, Astana hosted an international conference on "Topical issues on the history of the Kazakh Khanate from the second half of the 15th – first half of the 18th century". On August 20–21, another international conference was held, entitled, "Ethnopolitical history of the Jochi, Chagatai, Haidu and Moghulistan uluses" and dedicated to the 800th anniversary of the formation of the Jochid Ulus. The event was organized by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, the Scientific Institute for the Study of the Jochid Ulus. More than 70 leading scientists, specialists and researchers researching the history of nomadic societies and empires, including the history of the Kazakh Khanate and the Golden Horde, from Kazakhstan, Russia, Uzbekistan, China, Canada, Japan, and Austria participated in the conferences.

The conferences discussed the issues of studying the Kazakh Khanate and the ethnopolitical history of the Jochi, Chagatai, and Haidu Uluses which were formed during the collapse of the Mongolian Empire. Moreover the participants discussed the issues of developing the fourth volume of the History of Kazakhstan and creating a separate book dedicated to the history of the Kazakh Khanate. Within the framework of the 2nd conference dedicated to the history of the Jochi, Chagatai, Haidu uluses, and Moghulistan, a private screening was organized for the documentary film "Batu: Historical Detective" created by Kazakh director Rashid Nugmanov. The was contributed to by historians and researchers from Kazakhstan, Russia, Ukraine, Mongolia, France, Canada and the USA.

Keywords: Kazakh Khanate, post-Horde states, Golden Horde, Jochi Ulus, the film "Batu", Chagatai ulus, Haidu ulus, Moghulistan

For citation: Ualiyev T.A. International conferences dedicated to the history of the Chinggisid states. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2024, vol. 12, no. 3, pp. 725–731. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-3.725-731> (In Russian)

19 августа 2024 года в Астане прошла международная конференция, посвященная теме «Актуальные вопросы по истории Казахского ханства со второй половины XV – первой половины XVIII века».

Работа конференции открылась приветственной речью депутата Мажилиса Парламента Республики Казахстан, доктора исторических наук, профессора Абиля Еркин Аманжоловича. Забегая вперед, следует отметить, что, все доклады полностью соответствовали тематике конференции. Выступление доцента, и.о. профессора кафедры востоковедения ЕНУ им.

Л.Н. Гумилева, С.А. Тулебаевой было посвящено арабоязычным источникам по истории Казахского ханства. Следующий доклад был представлен профессором кафедры «Регионоведение» ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, НИИ «Научный институт изучения Улуса Джучи», А.К. Кушкумбаевым и ведущим научным сотрудником Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова НАН РК, А.Ш. Нурмановой на тему «Предметы вооружения и военное искусство, описанные в работе Мухаммада Салиха «Шейбани-наме». Доклад старшего научного сотрудника Института Российской истории РАН, М.В. Моисеева, был посвящен информации о Казахском ханстве, содержащейся в русских посольских документах XVI – начала XVII века. Анализируя посольские документы, автор пришел к выводу, что начало русско-казахских отношений следует отнести к 1519–1521 годам, причем наиболее вероятной датой является 1519 год. Интерес представляет и гипотеза М.В. Моисеева, выдвинутая в конце доклада, согласно которой активизация дипломатических отношений между Русским царством и Казахским ханством при Тауекел-хане была обусловлена стремлением России защититься от растущей силы Османской империи. Россия строила союз со Священной Римской Империей и Персией для противостояния османам, в то время как Казахское ханство планировалось использовать в своих интересах против Шейбанидов, являвшихся главными союзниками османов в борьбе с Ираном. Тема доклада ассоциированного профессора, руководителя программы по Казахскому ханству Научного института изучения Улуса Джучи Н.С. Лапина была также посвящена русско-казахским отношениям, но рассматривались в ней сугубо историографические аспекты посольских связей между Казахским ханством и Русским государством. Доклад доцента кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета Р.А. Абдуманопова был посвящен мало исследованному направлению современной исторической науки – казахско-кыргызским отношениям XVI–XVII веков. В частности, в докладе рассматривался вопрос о вхождении представителей кыргызской знати, на примере кыргызского Кокум-бия, в состав управленческой элиты Казахского ханства.

Хироюки Нагаминэ, ассоциированный профессор кафедры общего образования Национального технологического института (Ояма колледж, Япония), в своем выступлении подробно рассмотрел японскую историографию изучения Левого крыла Улуса Джучи, события которого исторически привели к образованию Казахского ханства. Он предоставил обзор основных трудов японских исследователей по данной теме, отметив, что, несмотря на относительно невысокую активность исследований по истории Казахского ханства в прошлом, в последние годы наблюдается растущий интерес к этой теме среди японских ученых. В завершении доклада, ученый уведомил участников конференции о том, что в настоящее время в Японии планируется к изданию книга по истории Казахского ханства под редакцией японского ученого – Цунеаки Акасаки. Это книга не для специалистов, а для широкого круга читателей, но она будет написана ведущими японскими исследователями.

Профессор Евразийского научно-исследовательского института Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави Нурлан Кенжахмет в своем докладе под названием «Kazakh Khanate in the Chinese Sources in the 16th Century» («Казахское ханство в китайских источниках XVI

века») представил интересные факты и сведения о Казахском ханстве в источниках династии Мин. Согласно его исследованиям, в китайских источниках династии Мин Казахское ханство называлось Ejjibie-Naxin, что означает Узбек-Касым, по имени казахского хана Касыма, правившего ханством в начале 10-х и 20-х годов XVI века.

Также были заслушаны доклады: ассоциированного профессора, директор Казахского научно-исследовательского института тюркологии и монголистики Т.С. Жумаганбетова («Характер аграрной экономики Казахского ханства второй половины XV – первой половины XVIII вв.»), ведущего научного сотрудника Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова К.У. Торланбаевой («Некоторые вопросы престолонаследования в кочевых обществах»), профессора ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, М.А. Алпысбеса («Қазақ хандығы тарихын зерделеудегі шежіре деректерінің орны мен маңызы / Место и значение сведений источников шежире в осмыслении истории Казахского ханства»), директора Научного института изучения Улуса Джучи Ж.М. Сабитова («История Казахского ханства во 2 половине XV века»), и.о. профессора кафедры истории Казахстана Казахского национального университета им. Аль-Фараби М.С. Ногайбаевой («Жетісу аймағындағы жоңғарларға қарсы азаттық күрес тарихын зерттеу мәселелері»/ «Проблемы изучения истории освободительной борьбы с джунгарами в районе Жетысу»), Председателя правления ОО «Казахское историческое общество» Р.Д. Темиргалиева («Кобыланды-батыр: отражение исторических событий в героическом эпосе»), научного сотрудника Научного института изучения Улуса Джучи А. Болатхан («Programmatic issues and identity: the history of the Kazakh Khanate in school programs» / «Программные вопросы и идентичность: история Казахского ханства в школьных программах») и др.

В завершение конференции состоялась сессия вопросов и ответов, а также обсуждение представленных докладов, в том числе рассмотрели вопросы разработки четвертого тома «Истории Казахстана» и создания отдельной книги, посвященной истории Казахского ханства.

На следующий день, 20 августа, началась вторая конференция, инициированная Научным институтом изучения Улуса Джучи, посвященная этнополитической истории улусов Джучи, Чагатай, Хайду и Могулистана. Модератором конференции выступил профессор кафедры «Регионоведение» ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, НИИ «Научный институт изучения Улуса Джучи» А.К. Кушкumbaев. Участников международной конференции поздравил с приветственным словом руководитель Управления развития научных организаций Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан – Серик Сакенович Алғалиев.

Первым из участников конференции выступил депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан, профессор Е.А. Абиль, с докладом на тему «Место Чагатайского Улуса и Могулистана в истории казахского этноса». Весьма в солидном составе предстала делегация татарстанских коллег из Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова (далее ЦИЗОТХ) Института истории им. Ш. Марджани АН РТ: к.и.н., руководитель центра И.М.Миргалеев, д.и.н., в.н.с. И.Л. Измайлов, к.и.н., с.н.с. А.В. Аксанов, к.и.н., с.н.с. Э.Г. Сайфетдинова, к.и.н., с.н.с. Л.Ф. Байбулатова, м.н.с. Л.С. Гиниятуллина.

Выступление И.Л. Измайлова было посвящено вопросу о становлении татарской этносоциальной общности в Улусе Джучи XIII–XV веках. Решение данного сложного вопроса И.Л. Измайлов видит не только в комплексном анализе лингвистических, археологических и исторических данных, но и в методике исследования и концепции этнической истории. Иначе говоря, суть проблемы заключается в понимании этнических процессов как социальных процессов и практик формирования идентичности.

Руководитель ЦИЗОТХ ИИ АН РТ И.М. Миргалеев представил доклад на тему «Предания из круга «Идегей»: перспективы изучения», в котором дал обзор всех известных вариантов и результаты сравнительного анализа отдельных эпизодов и мотивов татарских преданий об Идегея. Выступление И.М. Миргалеева на столь интересную и актуальную тему, как эпос «Идегей», вызвало живой интерес среди участников конференции. В ходе дискуссии на вопрос одного из слушателей о том, когда и где был составлен этот эпос, И.М. Миргалеев выдвинул свою гипотезу, согласно которой первоначальные варианты эпоса «Идегей» сложились при дворе хана Улуг Мухаммада. Подводя итоги своего выступления, И.М. Миргалеев поделился планами начатого исследования, а именно публикацией в ближайшей перспективе всех известных вариантов татарской версии дастана «Идегей», а затем приступить к аналогичной работе уже с казахскими вариантами вместе казахстанскими исследователями.

Независимый исследователь из Магнитогорска А.А. Порсин посвятил свое выступление роли Катванского и Таласского курултаев в военно-политическом противостоянии Кайду и Борака во второй половине 60-х годов XII века. А.А. Порсин уже в начале выступления отметил несостоятельность утвердившегося представления о том, что Таласский курултай 1269 года стал событием, оформившим окончательный распад Монгольской империи на отдельные самостоятельные улусы. Выделяя противоречия в описаниях этого события в трудах Рашид ад-Дина и Вассафа, автор ставит резонный вопрос: сколько курултаев было, один или два? Эти противоречия по мнению А.А. Порсина может решить еще одно описание событий у Рашид ад-Дина, содержащееся в рассказе о потомках Чагатая, в котором события описываются строго в последовательности разделяя две встречи (два курултая).

В докладе ассоциированного профессора кафедры истории Фуданьского университета и научного сотрудника Центра изучения Ближнего Востока Фуданьского университета Цю Юхао (Qiu Yihao) рассматривается история Золотой Орды зрения историографии династии Юань. Согласно традиционным представлениям юаньской историографии, правители улуса Джучидов были в основном настроены враждебно и апатично по отношению ко двору Юань. Однако китайские источники представляют несколько иную картину и проливают новый свет на ряд вопросов, включая статус джучидских правителей в глазах юаньских историков, важность уделов Джучидов в Китае.

Оживленную дискуссию вызвало выступление лектора Университета Торонто – Джу Юп Ли (Lee, Joо-Yup), в котором ученый критически рассматривая природу монгольской и тюркской идентичности улусов (народов) джучидов и чагатайдов на основе тимуридских, могольских, шибанидских узбекских, крымскотатарских и казахских источников приходит к неожиданным

выводам. Согласно, гипотезе Джу Юп Ли, улусы джучидов и чагатаидов сохранили монголо-чингизидскую идентичность (несмотря на языковую тюркизацию монголоязычных элементов). Ученый настаивает на том, что при обсуждении групповой идентичности улусов джучидов и чагатаидов исследователи должны рассматривать их с точки зрения современников.

Особым событием конференции стал эксклюзивный показ документального фильма «Бату. Исторический детектив», созданного казахстанским режиссером Рашидом Нугмановым. В создании фильма принимали участие ведущие историки и исследователи, писатели из Казахстана, России, Украины, Монголии, Франции и США. Перед началом показа фильма со вступительным словом выступил сам режиссер и автор ленты Рашид Нугманов. Также на сцену вышли участники фильма, которые сыграли роль свидетелей в документальном детективе: Айболат Кушкумбаев, Жаксылык Сабитов и Радик Темиргалиев (Научный институт изучения Улуса Джучи) и независимый исследователь – Артем Порсин (Россия).

21 августа конференция продолжила свою работу. Здесь были представлены доклады директора Научного института изучения Улуса Джучи Ж.М. Сабитова («Чагатайский миф в истории Казахстана»), профессора, ведущего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН Д.С. Кидирниязова («Клан мангытов как сетевая организация в Золотой Орде и постордынских ханствах в 14–15 вв.»), директора кластера Монголии, Венского университета Франческа Фиачетти («The Ulus Jochi and East Asia in the 14th century: Geographies elites exchanges» /«Улус Джучи и Восточная Азия в XIV веке: географический обмен элитами»), доцента кафедры Истории Татарстана антропологии и этнографии Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета М.С. Гатина («О некоторых тюрко–монгольских терминах военно-служилых категорий из сборника «Дастур ал–каاتب» в немецкой исторической науке»), доцента Казанского кооперативного института (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации» Т.Ф. Хайдарова («Природно-климатический фактор в истории Золотой Орды и государств-наследников»), ассоциированного профессора, директора «Казахского научно-исследовательского института тюркологии и монголистики» Т.С. Жумаганбетова («Четыре фактора влияния династийных линий Чагатайского Улуса на возникновение Казахского ханства»), профессора кафедры «Регионоведение» ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, научного сотрудника НИИ «Научный институт изучения Улуса Джучи» А.К. Кушкумбаева («Чагатай: некоторые штрихи биографии»), старших научных сотрудников ЦИЗОТХ ИИ АН РТ Э.Г. Сайфетдиновой («Сведения о тюрках, татарах и Улусе Джучи в сочинении ал-Макризи «Дурар ал-‘укуд ал-фарида фи тараджум ал-‘айан ал-муфида»»), А.В. Аксанова («Казанское ханство в политике Крыма и Осман глазами Сейида Мухаммада Ризы») и Л.Ф. Байбулатовой («Постзолотоордынские тюркоязычные исторические сочинения: общее и особенное»), младшего научного сотрудника ЦИЗОТХ ИИ АН РТ Л.С. Гиниятуллиной («Продвижение исторического журнала «Золотоордынское обозрение» в научном сообществе»), доцента, и.о. профессора кафедры востоковедения ЕНУ им. Л.Н. Гумилева С.А. Тулеубаевой («Тюркизмы и казахизмы в труде эмира Рукн ад-Дина Байбарса аль-Мансури ад-

Дауадара «Зубдат аль-фикра»)), и.о. профессора кафедры истории Казахстана Казахского национального университета им. Аль-Фараби М.С. Ногайбаевой («Моғолстан тарихындағы әмір Хұдайдаттың тарихи рөлі»/ «Роль эмира Худайдата в истории Могулистана»), старшего научного сотрудника Каракалпакского научно-исследовательского института Академии наук Республики Узбекистан М.М. Давлетиярова («Кипчакский фактор в истории формирования каракалпакского народа»), старшего научного сотрудника Евразийского научно-исследовательского института Международного казахско-турецкого университета им. Ходжи Ахмеда Ясави О. Каная («Жошы Ұлысы мен Қазақ хандығының Осман империясымен қарым-қатынасы» / «Взаимоотношения Улуса Джучи и Казахского ханства с Османской империей»), научного сотрудника Научного института изучения Улуса Джучи А.А. Каратаева («Алчи-татары в эпосе «Манас») и др.

В конце мероприятия были подведены итоги научных обсуждений. Участники конференции призвали к дальнейшему исследованию истории и культуры улусов Джучи, Чагатая, Хайду и Могулистана с целью углубления и расширения научных знаний по спорным и недостаточно изученным вопросам, затронутым в докладах конференции. После завершения конференции для гостей и участников была организована экскурсия по достопримечательностям города Астаны, во время которой они смогли насладиться уникальной архитектурой и культурным наследием столицы Казахстана.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Талапкер Аскарлович Уалиев – научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); лектор кафедры истории Казахстана, Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова (020000, ул. Абая, 76, Кокшетау, Республика Казахстан); ORCID: 0000-0002-0738-7338. E-mail: tarikhname10@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Talapker A. Ualiyev – Research Fellow, Research Institute for Jochi Ulus Studies of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); Lecturer at the Department of History of Kazakhstan, Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov (76, Abay Str., Kokshetau 020000, Republic of Kazakhstan); ORCID: 0000-0002-0738-7338. E-mail: tarikhname10@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 23.08.2024

Поступила после рецензирования / Revised 30.08.2024

Принята к публикации / Accepted 4.09.2024

Академия наук Республики Татарстан является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights
of its publications. Any use of the material of this publication
(publishing online, reprinting, republishing, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Реконструкция мечети X в. на Билярском городище.
2024 г. Биляр, Республика Татарстан, Российская Федерация.
Фото Л.С. Гиниятуллиной

On the cover: Reconstruction of the 10th century mosque at the Bilyar settlement.
2024. Bilyar, Republic of Tatarstan, Russian Federation.
Photo by L.S. Giniyatullina

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
 («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2024. Т. 12, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2024, vol. 12, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in the Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 24.09.2024 г. Дата выхода в свет 08.10.2024 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 15,5 Тираж 200 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>